

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2022

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN: 0869-6063

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор
чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, проф. А. Буко (Польша),
докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

акад. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей,
д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Д.С. Коробов (зам. главного редактора),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов,
к.и.н. О.С. Румянцева (ответственный секретарь), д.и.н. А.В. Чернецов

Зав. редакцией
Д.В. Пушкина

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499) 124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИКЦ «АКАДЕМКНИГА»

© Российская академия наук, 2022
© Составление: Редакция журнала
“Российская археология”, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2022

Археологическая карта России в первые послевоенные десятилетия (1944–1964 гг.): основные тенденции пространственного распределения памятников археологии в национальном масштабе

О. В. Зеленцова, Д. С. Коробов, А. Н. Ворошилов 7

Новые данные по проблеме взаимодействия носителей кротовской и андроновской (федоровской) культур эпохи бронзы в Барабинской лесостепи

В. И. Молодин, Л. С. Кобелева 24

Новые открытия Донской экспедиции ИА РАН на Среднем Дону в 2021 г.

В. И. Гуляев, С. А. Володин, А. А. Шевченко 35

О происхождении форм поздней лепной керамики Северо-Запада России

Н. В. Лопатин 52

Двухсоставные застёжки в сроткинской культуре

А. А. Тишкин, В. В. Горбунов 66

Наковальни чжурчжэньских кузнецов (по материалам исследований городищ Приморья)

С. В. Макиевский 79

Золотая подвеска с эмалью из Новгорода: комплексное аналитическое исследование

П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников, И. Е. Зайцева, Е. С. Коваленко, М. М. Мурашев, К. М. Подурец, А. В. Мандрыкина, Е. С. Ващенко, А. Г. Куликов, В. М. Ретивов, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина 90

Эмалевый медальон золотой подвески из Великого Новгорода

С. И. Валиулина, О. С. Румянцева, Е. С. Ващенко, П. А. Волков, А. М. Исмагулов, А. Н. Мандрыкина, В. М. Ретивов, А. Г. Куликов, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина 107

Церковь Никиты Мученика на Швовой горке: история памятника по материалам реставрации 1950-х годов

А. Л. Баталов 122

ПУБЛИКАЦИИ

Стоянка финального палеолита в г. Смоленск

И. Н. Ершов, А. Л. Александровский, Н. А. Кренке, А. В. Панин, С. Н. Чаукин, В. А. Чаукина 136

Новые данные о Боровицком холме Москвы в железном веке (по керамическим материалам)

О. А. Лопатина, В. Ю. Коваль 152

Ранние погребальные комплексы Усть-Альминского некрополя (по материалам исследований 2019 г.)

А. А. Труфанов, Ю. П. Зайцев 168

Погребение эпохи Великого переселения народов из Северного Алтая со следами насильственной смерти

Н. Н. Серегин, М. А. Демин, С. С. Матренин, С. С. Тур 185

ХРОНИКА

К 80-летию Виталия Егоровича Медведева <i>А. П. Дервянко, В. И. Молодин</i>	197
К 75-летию Виктора Степановича Соловьева <i>Коллектив кафедры истории и историко-культурного наследия ЕГУ им. И.А. Бунина</i>	200
К 60-летию Д. О. Осипова <i>А. А. Завойкин, В. Ю. Коваль, Д. С. Коробов, А. Н. Медведь</i>	202
Валерий Иванович Гуляев (1938–2022) <i>С. А. Володин, Д. С. Коробов, А. А. Шевченко, Л. А. Беляев, Н. А. Макаров</i>	205

CONTENTS

Number 3, 2022

Archaeological map of Russia in the first post-war decades (1944–1964): Main trends in the spatial nationwide distribution of archaeological sites	
<i>O. V. Zelentsova, D. S. Korobov, A. N. Voroshilov</i>	7
New data on the interaction of the Krotovo and Andronovo (Fedorovo) Bronze Age cultures in the Baraba forest-steppe	
<i>V. I. Molodin, L. S. Kobeleva</i>	24
New discoveries of the Don expedition of the IA RAS on the Middle Don in 2021	
<i>V. I. Gulyaev, S. A. Volodin, A. A. Shevchenko</i>	35
On the origin of the later hand-made pottery forms of the Russian north-west	
<i>N. V. Lopatin</i>	52
Two-piece clasps in the Srostki culture	
<i>A. A. Tishkin, V. V. Gorbunov</i>	66
Anvils of Jurchen blacksmiths (based on materials from fortified settlements in Primorye)	
<i>S. V. Makievsky</i>	79
Gold pendant with enamel from Novgorod: Comprehensive analytical research	
<i>P. G. Gaidukov, O. M. Oleynikov, I. E. Zaytseva, E. S. Kovalenko, M. M. Murashev, K. M. Podurets, A. V. Mandrykina, E. S. Vaschenkova, A. G. Kulikov, V. M. Retivov, E. Yu. Tereschenko, E. B. Yatsishina</i>	90
Enameled medallion of the gold pendant from Veliky Navogorod	
<i>S. I. Valiulina, O. S. Rummyantseva, E. S. Vaschenkova, P. A. Volkov, A. M. Ismagulov, A. N. Mandrykina, V. M. Retivov, E. Yu. Tereschenko, A. G. Kulikov, E. B. Yatsishina</i>	107
Church of St. Nicetas the Martyr on Shvivaya Gorka: the history of the site based on restoration materials of the 1950s	
<i>A. L. Batalov</i>	122

PUBLICATIONS

The final Paleolithic site of Smolensk	
<i>I. N. Ershov, A. L. Aleksandrovskiy, N. A. Krenke, A. V. Panin, S. N. Chaukin, V. A. Chaukina</i>	136
New data on the Borovitsky Hill in the Moscow Kremlin in the Iron Age (pottery evidence)	
<i>O. A. Lopatina, V. Yu. Koval</i>	152
Early burial complexes of the Ust-Alma necropolis (based on the 2019 research)	
<i>A. A. Trufanov, Yu. P. Zaytsev</i>	168
Burial of the Migration Period with traces of violent death from Northern Altai	
<i>N. N. Seregin, M. A. Demin, S. S. Matrenin, S. S. Tur</i>	185

CHRONICLE

To the 80th anniversary of Vitaly Egorovich Medvedev

A. P. Derevyanko, V. I. Molodin

197

To the 75th anniversary of Viktor Stepanovich Solovyov

*The staff of the Department of History and Historical and Cultural Heritage
at Bunin Eleys State University*

200

To the 60th anniversary of D. O. Osipov

A. A. Zavoykin, V. Yu. Koval, D. S. Korobov, A. N. Medved

202

Valery Ivanovich Gulyaev (1938–2022)

S. A. Volodin, D. S. Korobov, A. A. Shevchenko, L. A. Belyaev, N. A. Makarov

205

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). Оформление: **1.5 интервала**, шрифт **Times New Roman**, кегль **14**.

К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии») должно быть приложено краткое **резюме на русском и английском языках**, а также **ключевые слова на русском и английском языках** (не более 10 слов).

На отдельной странице — **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикуемые в разделе «Хроника», не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2022 г. М. В. Андреева^{1,*}, М. А. Очир-Горяева^{2, 3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. Например:

монография: Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: Коваль В.Ю. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае, редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала «Российская археология» по адресу: http://www.ra.ian.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РОССИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1944–1964 гг.): ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ МАСШТАБЕ

© 2022 г. О. В. Зеленцова¹ *, Д. С. Коробов¹ **, А. Н. Ворошилов¹ ***

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru

**E-mail: dkorobov@mail.ru

***E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.11.2021 г.

После доработки 17.11.2021 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

В статье рассматриваются результаты археологического изучения территории России в послевоенное двадцатилетие — с 1944 по 1964 г., которые анализируются с использованием геоинформационной системы национального масштаба “Археологические памятники России”. В информационно-поисковую систему были внесены сведения о 14730 памятниках археологии на территории Российской Федерации, содержащиеся в 4356 отчетах о полевых исследованиях. Проведенное исследование пространственного распространения археологических памятников, попавших в орбиту полевых работ 1944–1964 гг., демонстрирует уже отмеченные нами общие закономерности, когда до 79% изучавшихся объектов находится на европейской территории России. Приоритетными территориями расселения, по-видимому, являлись открытые пространства степи и лесостепи, где обнаруживается подавляющее большинство археологических древностей как на европейской, так и на азиатской территории.

Ключевые слова: памятники археологии, геоинформационные системы, послевоенные десятилетия, система расселения.

DOI: 10.31857/S0869606322030205

Современным трендом развития научного знания являются обобщение и обработка больших массивов данных (*big data*). В этом смысле созданная Институтом археологии РАН при поддержке РНФ и РФФИ геоинформационная система национального масштаба “Археологические памятники России” (АПР), которая включает данные об объектах археологического наследия, исследованных в период 2008–2012 гг., и результаты археологических работ послевоенного двадцатилетия должна стать той платформой, которая позволит получить наиболее целостные срезы прошлого страны в целом и отдельных ее регионов. Создание электронной оболочки карты в виде автоматизированной системы обработки информации (АСОИ) “Терек” проходила в рамках гранта РНФ № 14-1803755 (Макаров и др., 2015а; б). В ходе реализации этого проекта в археологическую информационную систему вносились данные о памятниках археологии, исследованных в XXI в., и, в связи с этим, имевших точные географические координаты. Результаты этой работы пока-

зали перспективность и высокий уровень актуальности дальнейшего развития базы данных, в том числе и в направлении ее наполнения архивной информацией о памятниках археологии, изученных в XX столетии, в том числе сразу после Великой Отечественной войны. Именно в эти годы развитие археологической науки в СССР переходит на качественно новый уровень. Между тем работу с археологическими отчетами послевоенных лет в сфере проецирования информации из них на современную карту ощутимо затрудняет излишняя лаконичность сведений о местонахождении археологических объектов. Ситуация еще более усугубляется исчезновением на местности многих ориентиров, использованных в описаниях для привязки археологических реалий. Эти особенности архивных материалов сильно затрудняют работу современных археологов по локализации археологических памятников на карте и существенно ограничивают возможности компьютерного картографирования.

Перечисленные объективные трудности удалось преодолеть в процессе реализации проекта ИА РАН, поддержанного РФФИ (№ 18-09-40053/20). Для максимально эффективной работы с источником информации, а именно с архивными делами отчетов о полевых археологических исследованиях за 1945–1964 гг. из научно-отраслевого архива ИА РАН, удалось найти оптимальный путь для реконструкции местоположения памятника археологии на современной карте. В основе его лежит алгоритм обязательного и последовательного анализа всех доступных источников информации о возможном расположении памятника – от текста отчета и его иллюстраций (схемы, планы, карты, фотографии местности, зарисовки ландшафта и пр.) до публикаций (особенно издания МИА и другие работы тех лет) и современных открытых Интернет-ресурсов с картографической информацией (карты, космоснимки, аэрофотосъемка и т.п.). Залогом успешной реконструкции координат части памятников археологии из раскопок послевоенных лет стала фиксация информации о них на раннем этапе развития информационной системы ИА РАН из отчетов XXI в., где координаты фиксировались при помощи приборов глобального позиционирования. В первую очередь это, конечно, касается тех памятников, изучение которых, начавшись после войны, продолжается до сих пор, или памятников, которые попадали в зону научного интереса современных археологов в XXI в. Не вызывает сомнений, что со временем, при методичном внесении в электронную археологическую карту России информации о современных исследованиях, местоположение многих послевоенных объектов будет уточняться, и реконструированные координаты уступят место данным точных приборов позиционирования.

Для изучения эффективности используемого алгоритма реконструкции координат памятников в рамках проекта проводилась верификация введенных данных. Для этого были организованы выборочные поиски памятников на местности и фиксация их координат при помощи современного оборудования. Проведенный мониторинг показал, что при сравнении реконструированного местоположения и точных координат, взятых при помощи прибора, погрешность составляет от 100 до 500 м (в зависимости от качества архивных данных и сохранности ландшафта), что в масштабах территории огромной страны (макроуровень) не является критичной ситуацией и позволяет адекватно отразить археологическую локацию на современной карте Российской Федерации.

В результате подготовки источниковой базы исследования были обработаны и внесены в информационно-поисковую систему сведения из 4356 отчетов о полевых исследованиях. Всего по

отчетам послевоенного двадцатилетия в базу внесены данные о 17 122 памятниках археологии.

Интересную картину о развитии темпов “археологического освоения” страны в послевоенные десятилетия дает количественный анализ этого массива документов из 4356 научных отчетов.

Разбивка по пятилеткам позволяет выявить магистральную тенденцию, проявляющуюся в интенсивном наращивании темпа и масштаба полевых работ:

1944¹ – 1949 гг. – 424 отчета;
1950 – 1954 гг. – 773 отчета;
1955 – 1959 гг. – 1502 отчета;
1960 – 1964 гг. – 1657 отчетов.

Приведенные данные свидетельствуют о высоком темпе возрождения полевой археологической деятельности в стране. На протяжении первых 15 лет, от пятилетки к пятилетке количество работающих экспедиций, судя по числу сданных в Академию наук отчетов, увеличивается почти вдвое. В последние пять лет послевоенного двадцатилетия происходит стабилизация количественных показателей полевых исследований, что, вероятно, свидетельствует о выходе археологического развития страны на определенное естественное плато.

Особенно стремительным был всплеск исследований в первые годы после войны: от 7 отчетов в 1944 г. и 41 в 1945 г. до 109 отчетов за 1949 г. Примечательно, что только в эту пятилетку наблюдается стабильный ежегодный рост числа отчетной документации, в последующие пятилетки все чаще присутствует некоторое понижение числа отчетов за определенный год, а рост чисел становится в целом менее взрывным.

Общие наблюдения

В результате компьютерной обработки массива данных о памятниках археологии, изучавшихся в первые послевоенные десятилетия (1944–1964 гг.), можно выявить ряд тенденций, связанных с процессом накопления информации в ходе полевых исследований этих лет.

Прежде всего, стоит отметить, что в рассматриваемые годы полевые работы велись не только на территории современной Российской Федера-

¹ В первую послевоенную пятилетку археологических исследований нами включены и отчеты о работах 1944 г. Несмотря на то что формально они представляют результаты работ, проведенных в военный год, их появление отражает возникновение реального вектора, направленного на возрождение “археологической жизни” страны после Великой Отечественной войны. Кроме того, отличие количества отчетов в военный 1944 г. (7 отчетов) и победный 1945 г. (41 отчет) почти в 6 раз ярко свидетельствует о высоком темпе послевоенного старта археологических исследований в СССР.

ции (РСФСР). В научно-отраслевой архив попадали отчеты, подготовленные археологами из российских учреждений по результатам полевых исследований, проведенных за пределами России, причем как на территории СССР, так и в странах зарубежья. Из 17 122 объектов археологического наследия (ОАН), на которых проводились исследования в 1944–1964 гг. (рис. 1, А), 2392 объекта находятся вне границ РСФСР (порядка 14%). Поскольку обязательной практики сдачи на хранение в научно-отраслевой архив ИА АН СССР полевого отчета с результатами работ, производившимися за пределами Российской Федерации, в те годы не было, данная информация не отражает в полной мере степень археологического изучения внероссийского пространства археологами из российских научных учреждений и в настоящем исследовании рассматриваться не будет. Сведения же об объектах археологического наследия, изучавшихся непосредственно на территории РСФСР, гораздо более полны и объективны.

В настоящий момент в АСОИ “Терек” содержатся данные о 14730 археологических памятниках, охваченных полевыми работами на территории Российской Федерации в первые послевоенные десятилетия (1944–1964 гг.) (рис. 2, А). Прослеживается неуклонный рост количества археологических работ и, соответственно, обследованных ОАН, во времени (рис. 3, А). Так, на первые послевоенные годы (1944–1949 гг.) приходится 1265 ОАН (9%), далее с каждым пятилетним интервалом их число удваивается: 2631 (18%) в 1950–1954 гг., 5309 (36%) в 1955–1959 гг. Начиная с 1960 г. происходит более плавное увеличение количества обследованных памятников, причем в некоторые отдельные годы (например, в 1962 и 1963 г.) намечается небольшое сокращение количества ОАН, подвергавшихся полевому обследованию. Тем не менее в 1960–1964 гг. в совокупности изучено 6543 археологических памятника, что составляет 44% от рассматриваемого массива данных.

Распределение в пространстве

Как уже отмечалось в нашем предыдущем исследовании, посвященном пространственному распространению археологических древностей, отраженных в полевых отчетах 2009–2012 гг. (Макаров и др., 2016а. С. 7–10; табл. 1; 2016б. С. 14–16; табл. 1; 2017. С. 624, 625; табл. 1), подавляющее большинство археологических полевых работ происходило на европейской части Российской Федерации. Применяя современное административное деление страны, можно проследить, что основные работы 1944–1964 гг. протекали на территории Приволжского (4830 ОАН, или 33%) и Центрального (3478 ОАН, или 24%) федеральных

округов (табл. 1; рис. 2, А). На огромные просторы Сибири приходится всего 1575 ОАН (11%), а на Дальнем Востоке – чуть более 500 ОАН (3%). Если применить весьма грубую статистическую оценку количества археологических памятников, исследованных в рассматриваемый период, на единицу площади в 1 тыс. км², то наибольшая концентрация их приходится на Центральный (5.35 ОАН на 1 тыс. км²) и Северо-Кавказский федеральный округ (5.1 ОАН), являющийся самым маленьким по площади (170 тыс. км²) (табл. 1). За счет этого относительно небольшое количество археологических памятников (867 ОАН, или 6%), исследованных на этой территории, расположено значительно компактнее, чем, скажем, на Дальнем Востоке, площадь которого имеет наибольшее значение (6953 тыс. км²), а степень концентрации археологических объектов наименьшая в исследуемой выборке (0.07 ОАН на 1 тыс. км²). Высокие значения относительной плотности памятников археологии демонстрируют также Приволжский (4.66 ОАН на 1 тыс. км²) и Южный федеральные округа (2.53 ОАН). На остальных территориях плотность памятников существенно меньше.

Накладывая пространственное распространение археологических древностей, изученных в 1944–1964 гг., на карту современного административного деления страны, мы видим, что наибольшее количество археологических памятников исследовалось в республиках Татарстан и Башкортостан (1434, или 9% и 1107, или 7% соответственно). Активная разведочная деятельность в Татарии вызвана работами над археологической картой республики, которая началась под руководством Н.Ф. Калинина еще в 1945 г., а затем в 1950-х годах работами Куйбышевской археологической экспедиции ИА АН СССР во главе с А.П. Смирновым (Старостин, 2001. С. 14, 15). В Башкирии уже в начале 1950-х годов выходит работа И.А. Талицкой “Материалы к археологической карте Прикамья” и активно работает несколько экспедиций, в том числе постоянная экспедиция Башкирского филиала АН СССР во главе с А.В. Збруевой, которая планомерно исследует бассейн р. Белой с ее притоками (Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 8). Республика Башкортостан и в настоящее время является наиболее развитым российским регионом в археологическом отношении (Макаров и др., 2016а. С. 8; 2016б. С. 18), тогда как количество исследований в Татарстане резко сократилось – там полевыми работами в 2009–2012 гг. было охвачено лишь чуть более 200 памятников археологии.

Полевые исследования не проводились в 1944–1949 гг. только в Ленинграде (Санкт-Петербург), во всех других регионах и областях были обследованы хотя бы единичные археологиче-

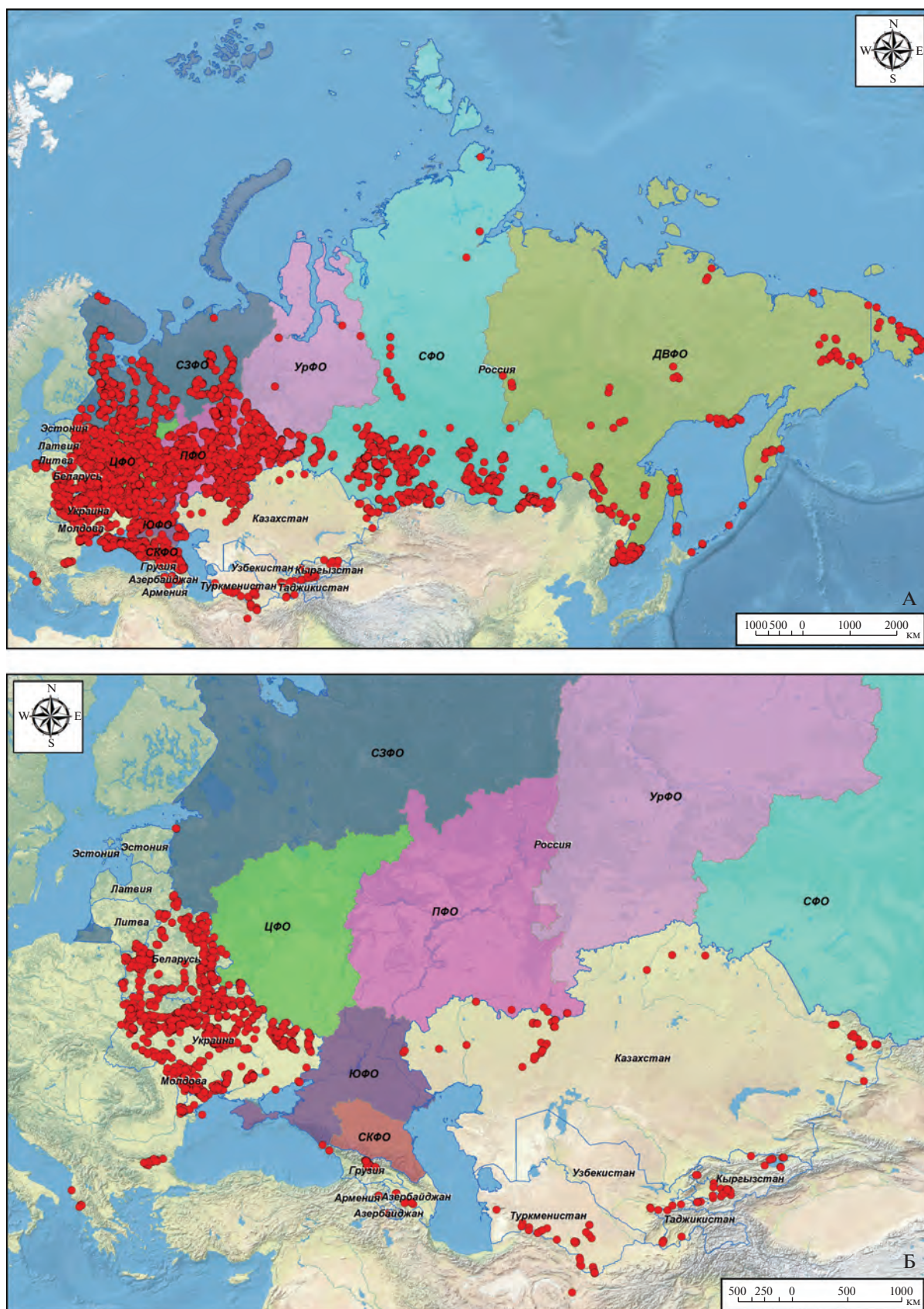

Рис. 1. Карта археологических памятников, исследовавшихся в 1944–1964 гг., на всей территории обследования (А) и за пределами Российской Федерации (Б).

Fig. 1. Map of archaeological sites studied in 1944–1964 throughout the survey area (A) and outside the Russian Federation (B)

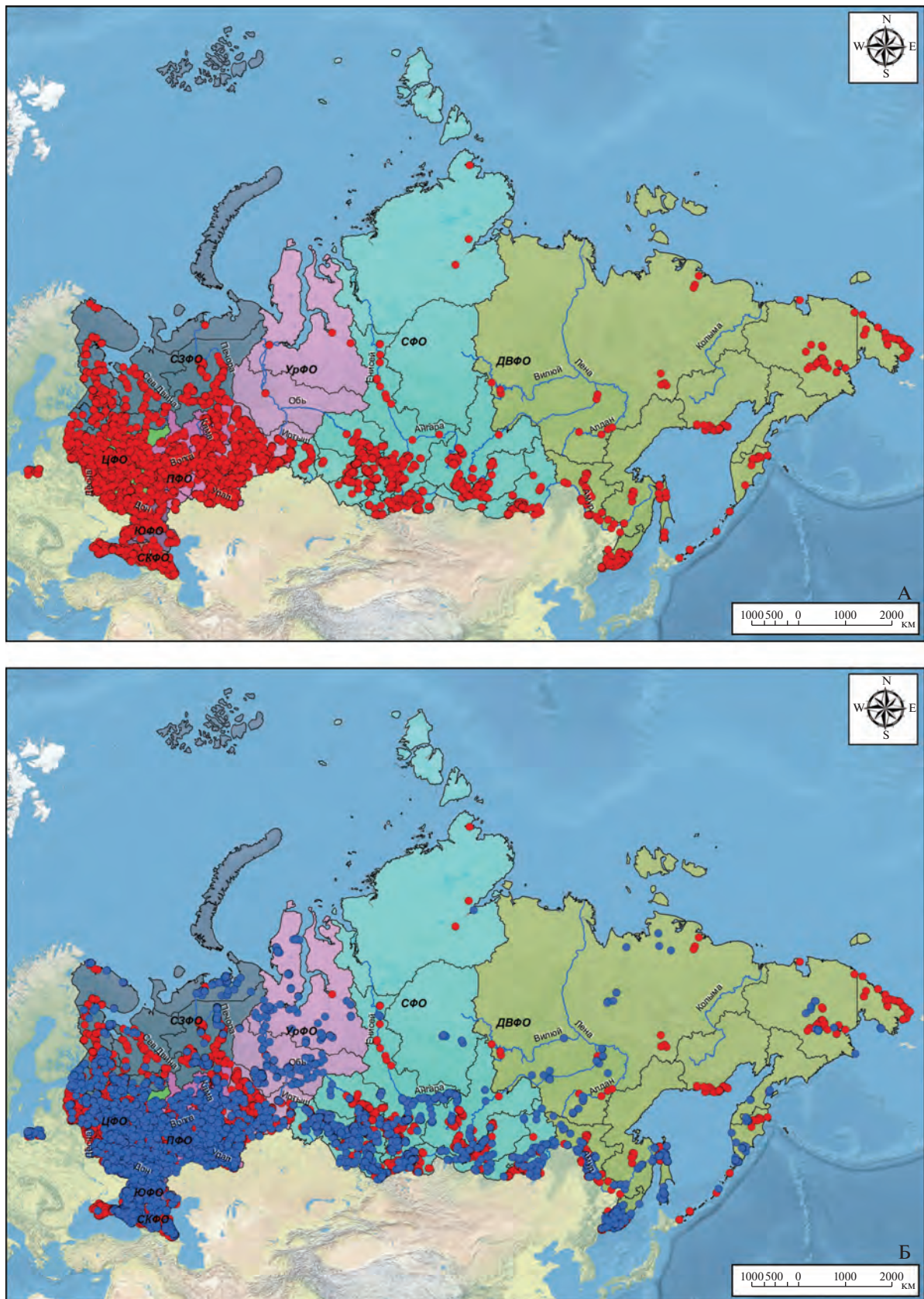

Рис. 2. Карта археологических памятников с границами федеральных округов Российской Федерации: А — исследованных в 1944–1964 гг.; Б — исследованных в 1944–1964 гг. (красный цвет) и в 2009–2012 гг. (синий цвет).
Fig. 2. Map of archaeological sites with the boundaries of the federal districts of the Russian Federation: А — studied in 1944–1964; Б — studied in 1944–1964 (marked in red) and in 2009–2012 (marked in blue)

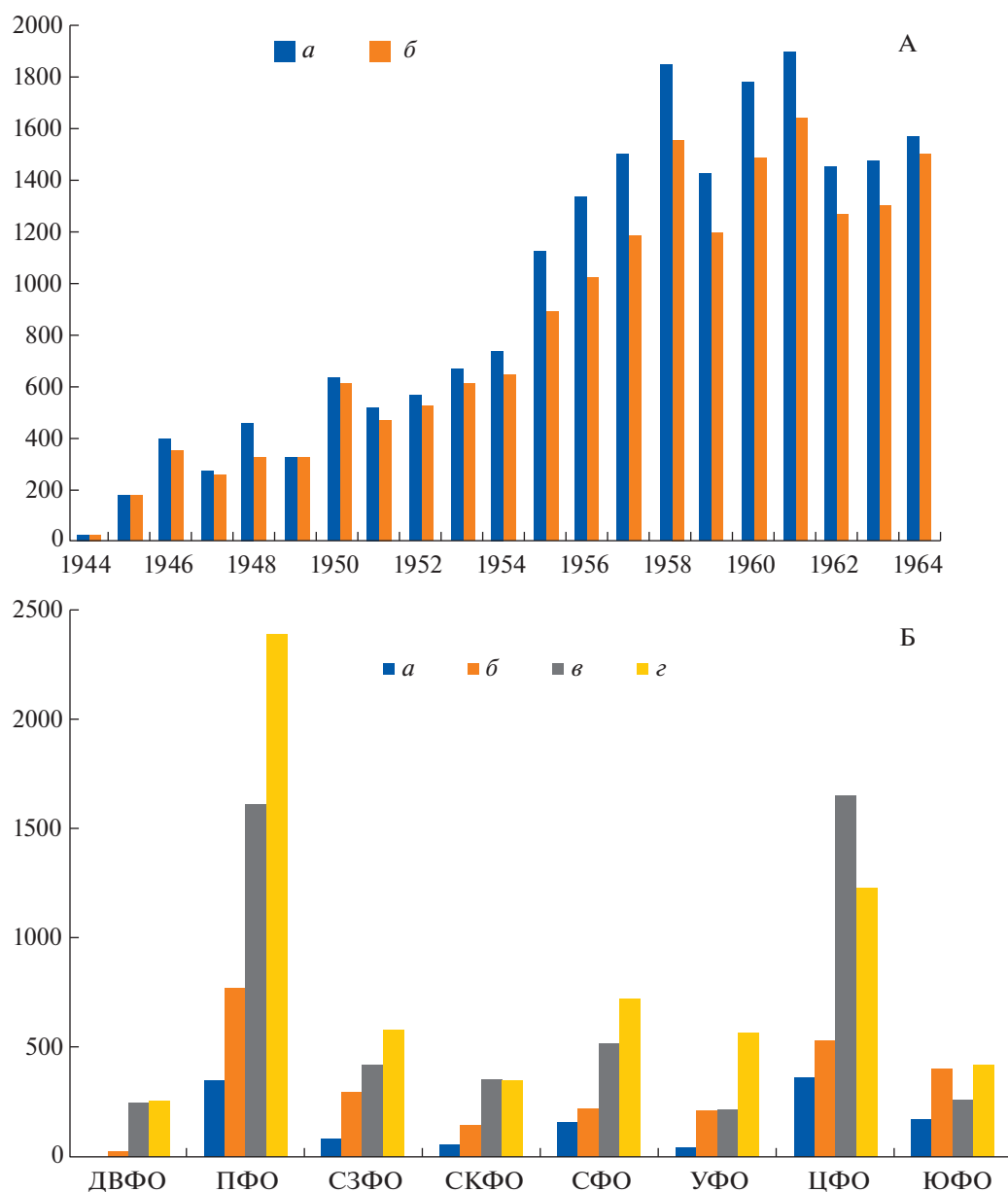

Рис. 3. Диаграмма распределения количества археологических памятников: А — по годам исследования: а — всего, б — в России; Б — по федеральным округам РФ и пятилетним интервалам: а — 1944–1949 гг., б — 1950–1954 гг., в — 1955–1959 гг., г — 1960–1964 гг.

Fig. 3. Diagram of the numeric distribution of archaeological sites: А — by years of research; Б — by federal districts of the Russian Federation and five-year intervals

ские объекты. Менее десятка ОАН были изучены в Еврейской автономной области, Ненецком, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, а также в Республике Калмыкия. Следует отметить, что в последнее время почти во всех этих регионах, за исключением Еврейской АО, археологическая активность существенно повысилась — здесь в 2009–2012 гг. исследовалось от 75 до 174 памятников, а в Ханты-Мансийском АО число включенных в отчеты ОАН достигло 472 (рис. 2, Б).

В 34 регионах количество памятников, изучавшихся в рассматриваемый период, не достигало сотни, еще в 40 оно находилось между 100 и 500 ОАН. В Брянской, Смоленской и Тверской областях число исследованных ОАН было от 503 до 538. Примечательно, что в первых двух регионах в последние десятилетия происходит резкое сокращение археологической активности: так, в 2009–2012 гг. в Брянской области исследованиям подвергалось 76 ОАН, а в Смоленской — 39. В некоторых регионах РФ, напротив, прослеживается

Таблица 1. Распределение археологических памятников, изучавшихся в 1944–1964 гг., по федеральным округам
Table 1. Distribution of archaeological sites studied in 1944–1964 by federal districts of the Russian Federation

Федеральный округ	Временные интервалы исследования, годы								Всего	Процент от общего количества	Площадь, тыс. км ²	Количество на 1 тыс. км ²
	1944—1949		1950—1954		1955—1959		1960—1964					
Дальневосточный	6	1%	17	3%	246	48%	265	52%	512	3	6953	0.1
Приволжский	353	7%	774	16%	1609	33%	2380	49%	4830	33	1037	4.7
Северо-Западный	96	7%	305	23%	425	32%	583	44%	1322	9	1687	0.8
Северо-Кавказский	57	7%	150	17%	362	42%	349	40%	867	6	170	5.1
Сибирский	163	10%	220	14%	527	33%	725	46%	1575	11	4362	0.4
Уральский	43	4%	217	21%	224	22%	575	57%	1014	7	1819	0.6
Центральный	374	11%	535	15%	1655	48%	1236	36%	3478	24	650	5.4
Южный	173	15%	413	36%	261	23%	430	38%	1132	8	448	2.5

значительный рост количества археологических работ. Так, в Белгородской, Новосибирской и Ростовской областях, а также в Краснодарском крае в последнее время было исследовано от 647 до 1164 памятников археологии, тогда как в послевоенные десятилетия полевыми исследованиями там было охвачено от 103 до 287 ОАН (рис. 2, Б).

Очевидная неравномерность археологического изучения огромного пространства страны в послевоенные десятилетия касается не только пространства, но и времени исследования. Так, планомерные археологические исследования Дальнего Востока начинаются, фактически, только с середины 1950-х годов, тогда как в предыдущее десятилетие полевыми работами было охвачено лишь 23 памятника из 512 (табл. 1; рис. 3, Б; 4). На остальных территориях виден постепенный рост археологической активности с начала 1950-х годов. Если в послевоенные годы (1944–1949 гг.) археологическими исследованиями было охвачено от 4% (Сибирь) до 15% (Южный федеральный округ) памятников по каждому крупному региону, то в 1960–1964 гг. полевые работы затрагивают от 38 до 57% памятников (табл. 1; рис. 3, Б; 4).

Типы памятников

Рассмотрим типы памятников, исследовавшихся в первые послевоенные десятилетия. Среди 14730 ОАН, включенных в АСОИ “Терек”, около половины (6782, или 46%) относится к поселениям открытого типа. Среди них исследователями выделяются стоянки (2634, или 18%), поселения (1671, или 11%) и селища (2477, или 17%). В определении памятника в качестве стоянки, поселения или селища присутствует хронологическая составляющая. Так, стоянками обычно

называются временные места обитания, относящиеся к каменному или бронзовому веку, поселениями — постоянные места проживания бронзового и раннего железного века, а селищами — долговременные неукрепленные поселения эпохи средневековья. Однако не стоит исключать и влияние традиции в обозначении памятников археологии, присутствующее у полевых исследователей разных археологических школ. Так, термин “селище” чаще употребляется на европейской территории РФ. 55% селищ, исследованных в 1944–1964 гг., располагается в пределах Поволжского федерального округа, 28% — в Центральном и 10% — в Уральском округе, тогда как на территории Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа и Юга России чаще используется термин “поселение” для неукрепленных мест обитания средневекового времени.

Значительно меньшее количество памятников относится к укрепленным поселениям (городищам) (2061, или 14%), курганным (2552, или 17%) и грунтовыми могильникам (1269, или 9%). Исследователи выделяют также местонахождения (1675, или 11%) — места присутствия археологического материала без признаков кратковременного или долговременного обитания. На остальные типы памятников, фиксируемые в рассматриваемых отчетах 1944–1964 гг., приходится не более 2% ОАН. К ним относится 44 городских поселения, 51 наскальное изображение, 8 кладов, 52 производственных комплекса и 98 культовых сооружений.

Пространственное распространение разных типов памятников следует общей закономерности, описанной выше. Так, на долю европейской части РФ приходится 70% ОАН, исследованных в первые послевоенные десятилетия, среди кото-

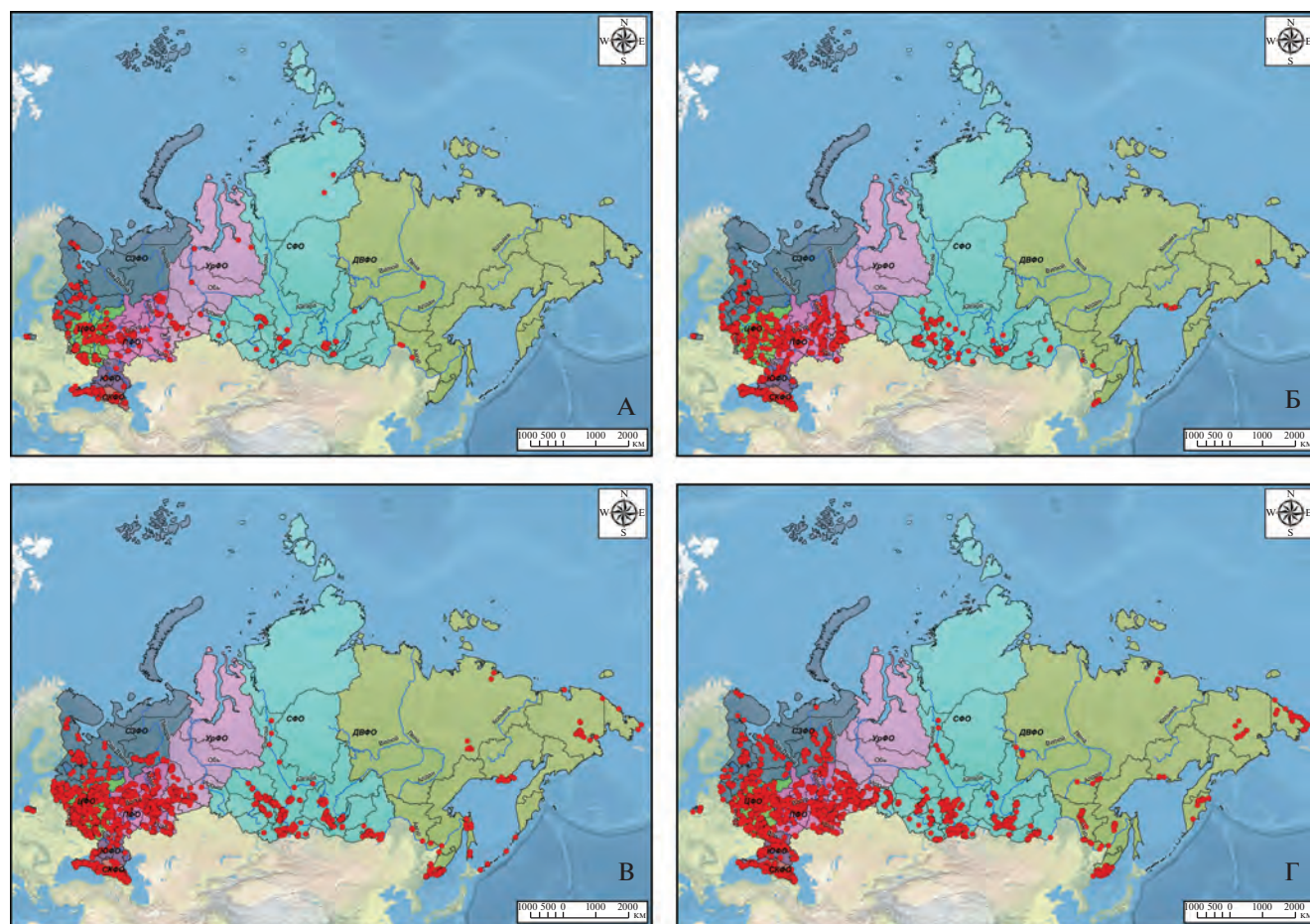

Рис. 4. Карта археологических памятников на территории РФ, исследовавшихся по пятилетним интервалам: А – 1944–1949 гг.; Б – 1950–1954 гг.; В – 1955–1959 гг.; Г – 1960–1964 гг.

Fig. 4. Map of archaeological sites on the territory of the Russian Federation, studied within five-year intervals: А – 1944–1949; Б – 1950–1954; В – 1955–1959; Г – 1960–1964

рых 86% городищ, 89% селищ, 88% местонахождений, от 70 до 75% курганных и грунтовых могильников, стоянок, городских и открытых поселений (рис. 5, А). Лишь наскальные изображения имеют существенный перевес в количестве за Уральским хребтом – 41 из 51 (80%). Прослеженная тенденция в пространственном распространении разных типов памятников сохраняется и в дальнейшем, за некоторыми исключениями. Так, в 2009–2012 гг. возросло количество местонахождений, стоянок и поселений, исследованных к востоку от Уральского хребта (от 29 до 40% против 12–28% памятников, исследованных в 1944–1964 гг.). Количество же полевых работ на городских поселениях на Дальнем Востоке, в Сибири и в Уральском регионе, наоборот, сократилось с 25 до 7%. Почти на 10% сократилась доля курганных могильников, изучавшихся в восточных регионах в 2000-е годы. Несколько увеличилась доля наскальных изображений, исследовавшихся на европейских территориях – с 20 до 23% (рис. 5, А).

Среди федеральных округов, расположенных к западу от Урала, по количеству исследованных памятников лидируют Поволжский и Центральный, о чем упоминалось выше. Здесь исследовалось 65% городищ, 83 селищ, 68 местонахождений, 61 городских поселений, 48 курганных и 43% грунтовых могильников. Любопытно отметить, что на долю южных регионов и Северного Кавказа приходится 15% курганных могильников, исследовавшихся в 1944–1964 гг., тогда как в 2009–2012 гг. на эти территории приходилось уже 34% обнаруженных и изученных курганных некрополей.

В восточных областях страны большинство изученных в 1944–1964 гг. памятников приходится на Сибирский федеральный округ. Здесь было затронуто полевыми исследованиями 59% от всех наскальных изображений, 20% курганных и 23% грунтовых могильников. Доля памятников разных типов, изучавшихся на Дальнем Востоке и на Урале, как правило, составляет не более 10% от

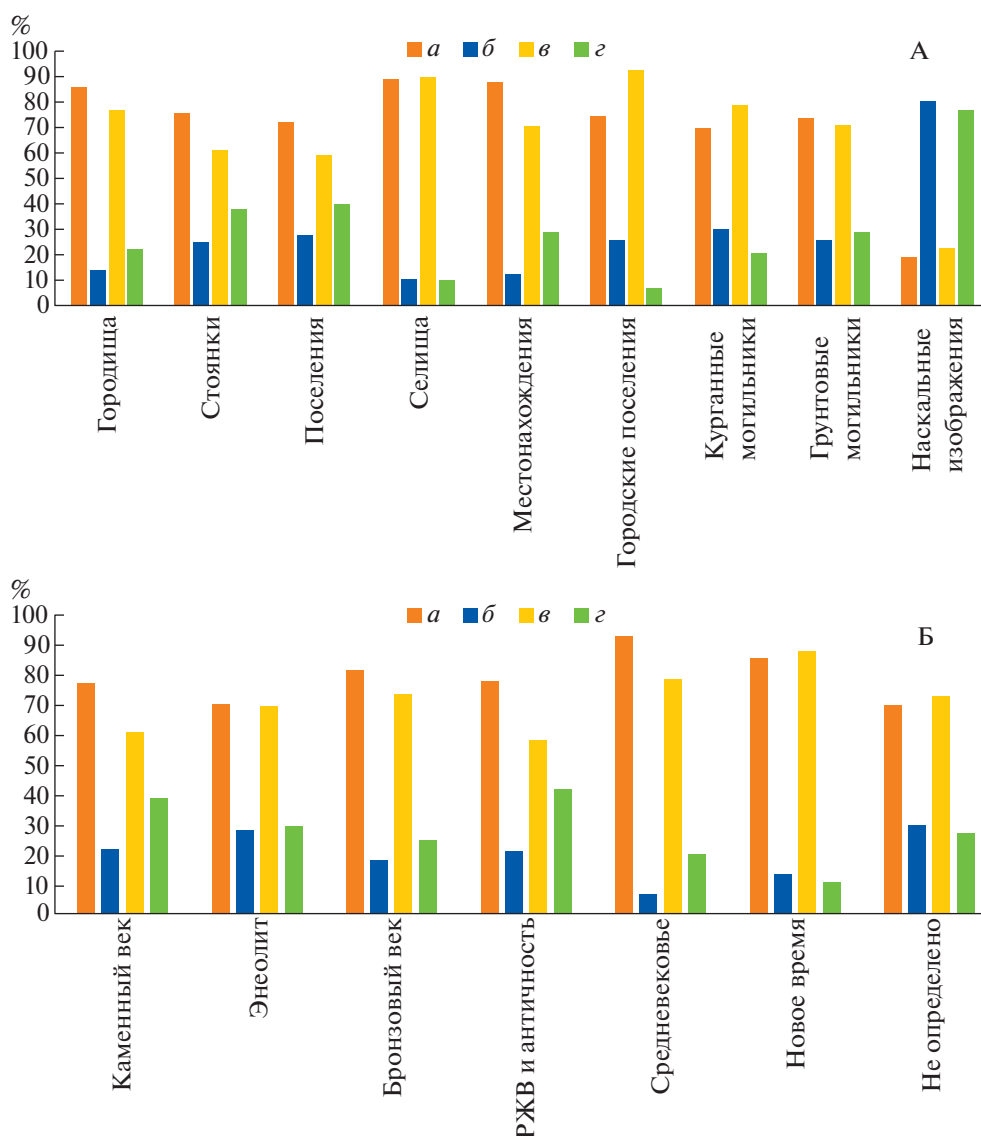

Рис. 5. Диаграмма распределения по пятилетним интервалам процентного соотношения типов памятников (А) и памятников по эпохам (Б). Условные обозначения: а – европейская часть РФ (1944–1964 гг.); б – азиатская часть РФ (1944–1964 гг.); в – европейская часть РФ (2009–2012 гг.); г – азиатская часть РФ (2009–2012 гг.).

Fig. 5. Distribution diagram for five-year intervals of studying by the percentage of types of sites (А) and the percentage of sites by epoch (Б)

общего числа. Исключением являются наскальные изображения, 18% которых исследовалось в Уральском регионе, и городские поселения, 14% которых изучалось на Дальнем Востоке, но в целом данные категории древностей единичны.

Интересно проследить, не выявляются ли какие-либо приоритеты в исследованиях тех или иных типов памятников на протяжении рассматриваемого периода. Следует отметить, что рост числа исследованных городищ за 1944–1964 гг. происходит достаточно плавно по сравнению с другими типами памятников – за каждый пятилетний интервал увеличивается количество ОАН

данного типа примерно на 200 объектов, а в последние годы (1960–1964 гг.) рост практически останавливается (рис. 6, А). Остальные типы памятников демонстрируют гораздо более существенный рост по числу исследованных в каждое из послевоенных пятилетий. В особенности это касается местонахождений, число которых несущественно в первую половину рассматриваемого временного диапазона, но резко возрастает с середины 1950-х годов. Похожая картина существенного увеличения количества исследованных памятников наблюдается для грунтовых и курганных могильников, но при этом резкий рост

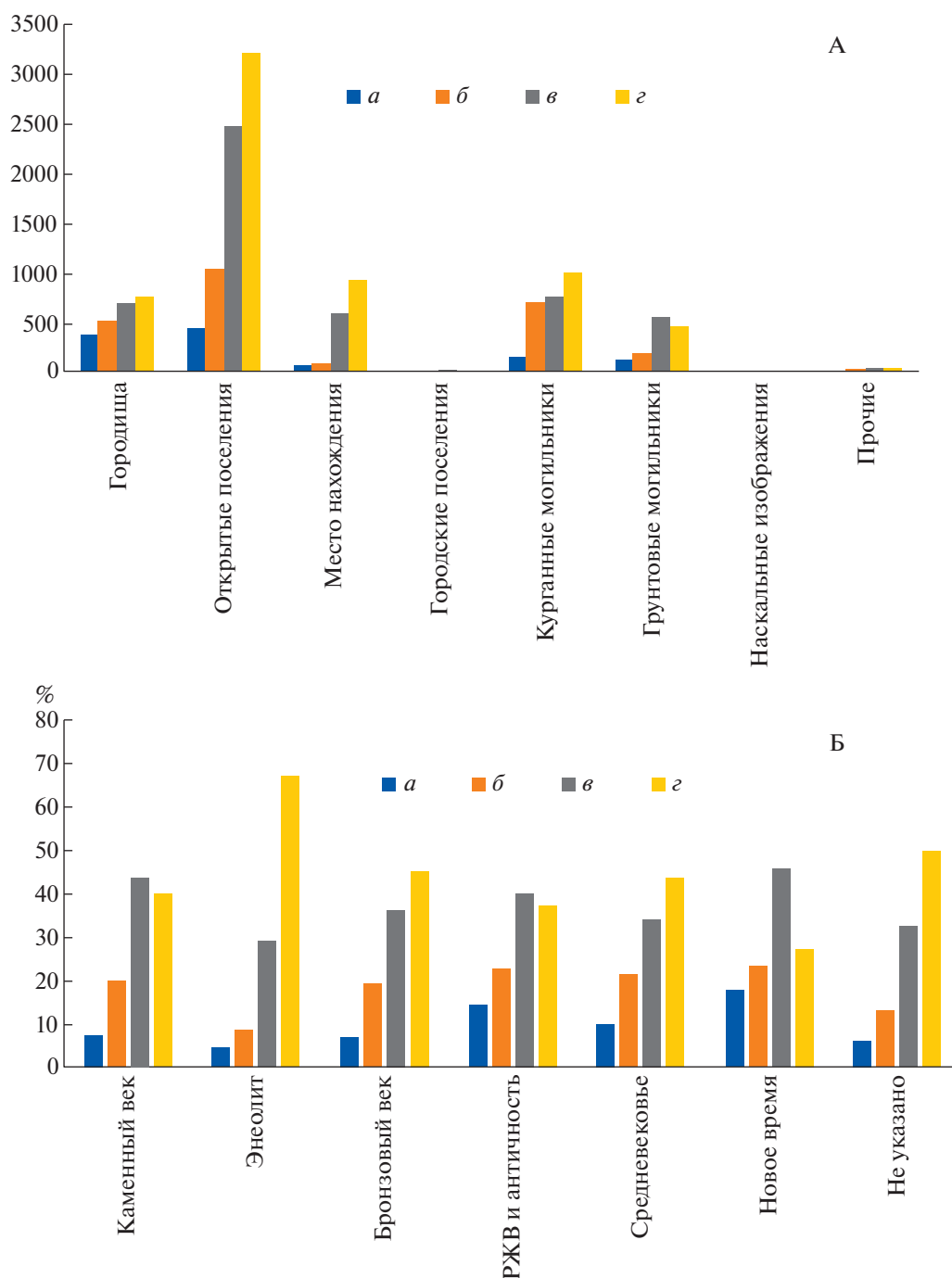

Рис. 6. Диаграмма распределения количества археологических памятников по типам (А) и процентного соотношения памятников по эпохам (Б), исследованных по пятилетним интервалам: а – 1944–1949 гг., б – 1950–1954 гг., в – 1955–1959 гг., г – 1960–1964 гг.

Fig. 6. Distribution diagram of the number of archaeological sites studied by types (А) and the percentage of sites by five-year intervals (Б)

интереса ко вторым происходит уже с рубежа 1940–1950-х годов (рис. 6, А). И лишь количество изучаемых наскальных изображений существенно не меняется в течение рассматриваемого периода.

Распределение по эпохам

В АСОИ “Терек” принята двухуровневая хронологическая атрибуция археологических памятников по эпохам и датировкам (Макаров и др., 2015а. С. 12; 2015б. С. 83, 84; 2016б. С. 11).

Таблица 2. Распределение археологических памятников, изучавшихся в 1944–1964 гг., по федеральным округам и основным эпохам**Table 2.** Distribution of archaeological sites studied in 1944–1964 by federal districts the Russian Federation and main epochs

Федеральный округ	Каменный век		Энеолит		Бронзовый век		РЖВ и античность		Средне-вековые		Новое время		Не определено	
Дальневосточный	87	5%	1	1%	10	0%	31	1%	40	1%	9	2%	355	6%
Приволжский	242	13%	24	16%	1022	44%	701	32%	1355	40%	257	44%	1664	29%
Северо-Западный	288	15%	44	30%	93	4%	94	4%	329	10%	35	6%	553	10%
Северо-Кавказский	54	3%	17	11%	148	6%	101	5%	237	7%	24	4%	375	7%
Сибирский	250	13%	14	9%	174	8%	253	12%	129	4%	61	11%	828	15%
Уральский	80	4%	28	19%	240	10%	195	9%	69	2%	12	2%	531	9%
Центральный	729	39%	2	1%	428	19%	392	18%	946	28%	160	28%	1131	20%
Южный	150	8%	18	12%	195	8%	428	19%	270	8%	21	4%	244	4%
Всего	1880	13%	148	1%	2310	16%	2195	15%	3375	23%	579	4%	5681	39%

При этом производится отнесение ОАН к одной или нескольким крупным эпохам в случае, если на памятнике присутствуют разновременные находки и культурные слои. Среди исследованных в 1944–1964 гг. археологических памятников более одной трети не получило культурно-хронологической атрибуции (5681 ОАН, или 39%). Отложения и находки каменного века встречаются на 1880 памятниках (13%), энеолита — на 148 (1%), бронзового века — на 2310 (16%), раннего железного века — на 2195 (15%), средневековья — на 3375 (23%), Нового времени — на 579 (4%) (табл. 2). Как уже указывалось ранее, выделение памятников энеолитической эпохи в отдельную категорию производится далеко не повсеместно (Макаров и др., 2016а. С. 9; 2016б. С. 30) — чаще всего их можно встретить на территории Северо-Запада, в южных регионах и на Северном Кавказе, а также на Урале и в Поволжье. В центральных областях и на Дальнем Востоке памятники эпохи энеолита практически отсутствуют в археологических атрибуциях.

Древности Нового времени лишь недавно стали рассматриваться как полноправный объект археологического изучения (Археология, 2005; Беляев, 2017). В послевоенный период они нечасто становились объектом особого археологического исследования — как правило, отложения последних столетий просто фиксировались при исследовании более древних памятников. Тем не менее более половины учтенных в АСОИ “Терек” памятников Нового времени (364 из 579) не содержали иных культурных наслоений или находок, являясь, таким образом, полноценным полевым объектом в процессе исследований первых послевоенных десятилетий. Данная тенденция развивается и в дальнейшем, и к началу 2010-х годов нами учтено уже 1422 археологических памятника Нового и Новейшего времени, исследованных в

последние годы, из которых 1047 не содержали отложений других эпох.

Пространственное распространение памятников разных эпох позволяет сделать следующие наблюдения. В целом сохраняется обозначенная выше тенденция, когда около 70% памятников расположены к западу от Уральского хребта. В западных регионах исследовалось в 1944–1964 гг. 78% памятников каменного и раннего железного века, 82% — бронзового, 86% — Нового времени и 93% — древностей эпохи средневековья (табл. 2). Интересно отметить, что со временем эта диспропорция выравнивается для древностей определенных эпох, которые более активно изучаются в процессе полевых работ последних лет (рис. 5, Б). Так, в 2009–2012 гг. на территории Уральского региона, Сибири и Дальнего Востока изучено уже 39% ОАН каменного века из включенных в выборку и 42% ОАН раннего железного века. Вырос интерес и к средневековым памятникам, 21% которых исследовался в восточных регионах (Макаров и др., 2016а. С. 10; табл. 2; 2016б. С. 26; табл. 3; 2017. С. 625. табл. 2). Для остальных эпох тенденции, заложенные в первые послевоенные десятилетия, сохраняются и в последнее время.

Если говорить о том, в какие годы из рассматриваемого диапазона прослеживается больший интерес к тем или другим археологическим эпохам, то, как и в случае с большинством типов памятников, растущее количество исследований приходится, как правило, на 1955–1964 гг. При этом, не считая древностей эпохи энеолита и Нового времени, наблюдаются примерно равные в процентном отношении доли ОАН, изучавшиеся в подпериоды 1955–1959 и 1960–1964 гг. Энеолитические памятники начинают активно выделяться и изучаться в самом конце рассматриваемого временного диапазона, с начала 1960-х годов

Таблица 3. Распределение археологических памятников, изучавшихся в 1944–1964 гг., по ландшафтным зонам
Table 3. Distribution of archaeological sites studied in 1944–1964 by landscape zones

Тип ландшафта	Каменный век		Энеолит		Бронзовый век		РЖВ и античность		Средне-вековые		Новое время		Не определено		Всего	
Тундра	27	2%	0	0%	8	0%	7	0%	7	0%	5	1%	74	1%	121	1%
Болото	7	0%	2	2%	2	0%	2	0%	2	0%	0	0%	24	0%	36	0%
Лес	437	28%	56	45%	277	14%	290	17%	396	14%	93	20%	944	19%	2269	18%
Кустарник	6	0%	1	1%	7	0%	8	0%	2	0%	0	0%	17	0%	40	0%
Пастбища	133	9%	20	16%	188	9%	214	12%	233	8%	25	5%	585	12%	1271	10%
Пашня	948	61%	46	37%	1498	76%	1219	70%	2281	78%	351	74%	3357	67%	8880	70%
Всего	1558	12%	125	1%	1980	16%	1740	14%	2921	23%	474	4%	5001	40%	12617	100%

(67% ОАН), тогда как интерес к памятникам Нового времени наиболее активно проявился в 1955–1959 гг. (46%), а затем несколько уменьшился (рис. 6, Б).

Распределение по ландшафтам

Пространственный анализ, проводимый на основе геоинформационных систем, позволяет соотнести те или иные археологические памятники с характеристиками растительности, полученными из открытых источников. Всего для территории Российской Федерации выделяется шесть основных типов ландшафтов — тундра, болото, лесная и кустарниковая растительность, открытые пространства с пастбищными и пахотными землями. Следует отметить, что зоны с разной растительностью в принципе совпадают с основными природными зонами (тундра, тайга, зона смешанных лесов, лесостепь, степь), но могут отличаться в границах распространения. Так, например, зона тундровой растительности помимо собственно тундры характерна для высокогорий юга Сибири и Кавказа. Растительность болот и кустарников распространена как в тундровой зоне, так и в таежной и лесной. Пастбищная растительность в целом характерна для пояса степей, но имеются ее значительные вкрапления в таежную и тундровую зоны. Наконец, большинство пахотных угодий лежит в поясе степи и лесостепи.

Точечная информация о 14 433 памятниках совмещалась с полигональными слоями, отражающими распределение ландшафтов разных типов (рис. 7, А). Как уже упоминалось выше, особенностью нашего картографического анализа памятников археологии, изучавшихся в 1944–1964 гг., является отсутствие их точной географической привязки, полученной в виде координат с помощью навигационных GPS-приемников. Не все археологические памятники удалось локализовать: для 267 из 14 730 отсутствует даже приблизительная географическая привязка, поэтому в

дальнейшем анализе используется информация о меньшем количестве ОАН.

В результате сопоставления 14433 памятников с ландшафтными зонами 12617 из них получили соответствующую атрибуцию. К тундровой зоне отнесен 121 памятник (1%), в болотистых и кустарниковых ландшафтах археологические памятники практически отсутствуют (36 и 40 ОАН соответственно). На лесную зону приходится 2269 памятников, что составляет 18%. 1271 памятник (10%) расположен в степных ландшафтах, нетронутых распахкой. Наконец, подавляющее большинство ОАН — 8880 из 12 617 — было обнаружено в зоне открытых ландшафтов, представляющих пахотные угодья (70%) (табл. 3; рис. 8, А). Последнее обстоятельство может говорить как о более высокой концентрации населения в древности и средневековье в лесостепной и степной зоне, так и о том, что поиск и обнаружение археологических памятников можно провести более успешно на распаханных открытых территориях. Следует отметить, что в последующее время данная тенденция в распределении памятников археологии по зонам растительности сохраняется, хотя в абсолютном исчислении количество ОАН, обнаруженных в малоприспособленных для жизни областях тундры и болот увеличивается до 346 и 260 соответственно, что составляет по 2% от числа изученных в 2009–2012 гг. археологических памятников (Макаров и др., 2016а. С. 10, 11; табл. 2; 2016б. С. 32; табл. 4).

Рассматривая распределение по зонам растительности памятников разных эпох, можно сделать следующее наблюдение. От 75 до 85% археологических первобытных и средневековых древностей вплоть до настоящего времени приходится на открытые пространства степи и лесостепи, в настоящее время занимаемые пастбищными и пахотными угодьями. Количество памятников каменного века, обнаруженных в рассматриваемый период в лесной зоне, несколько больше (28%), чем в последующее время. Максимальное количество древностей лесной зоны

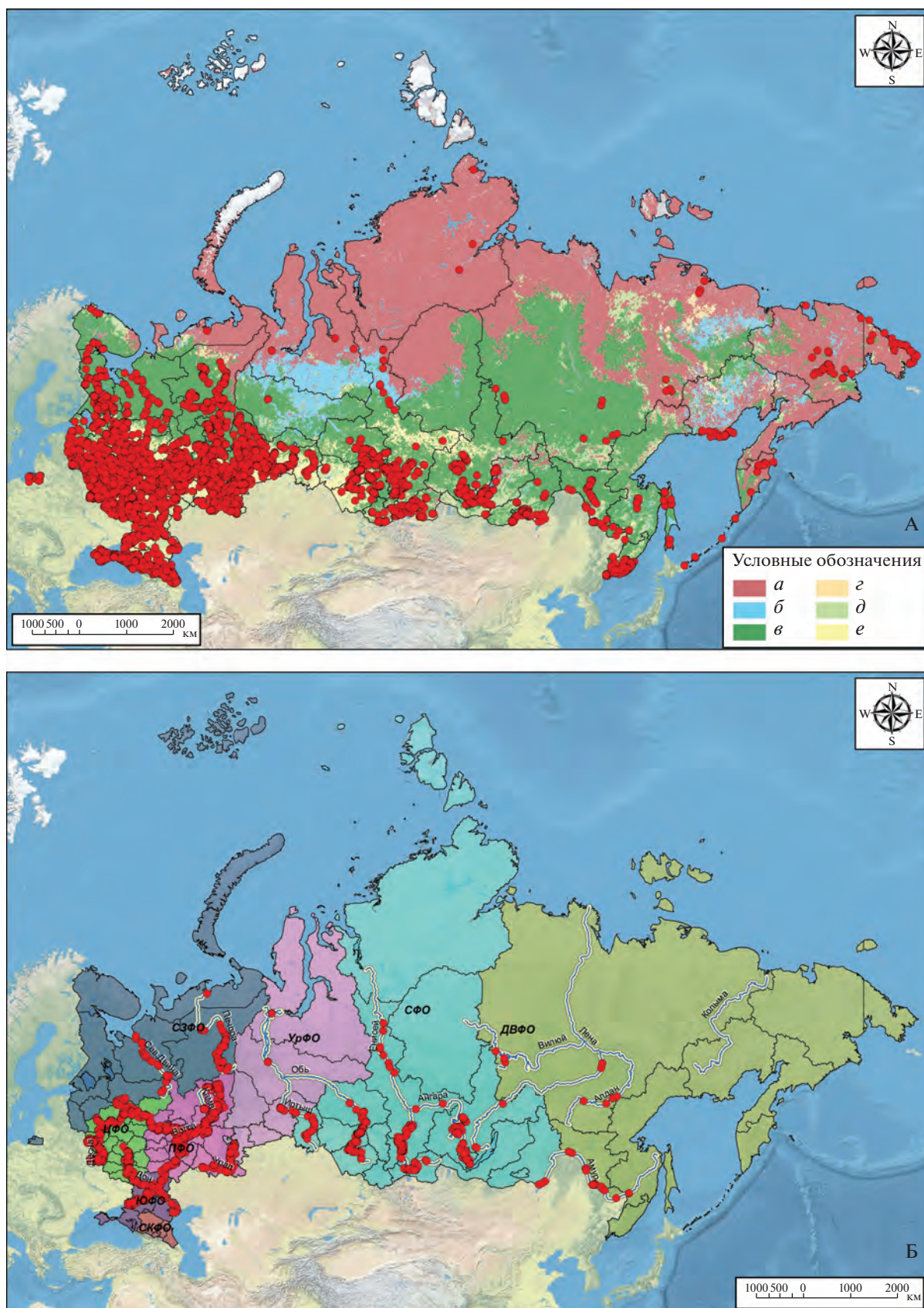

Рис. 7. Карта распространения археологических памятников по ландшафтным зонам (А) и по бассейнам крупных рек (Б). Условные обозначения: а – тундра; б – болото; в – лес; з – кустарник; д – степь; е – пашня.
Fig. 7. Map of the distribution of archaeological sites by landscape zones (А) and by the basins of large rivers (Б)

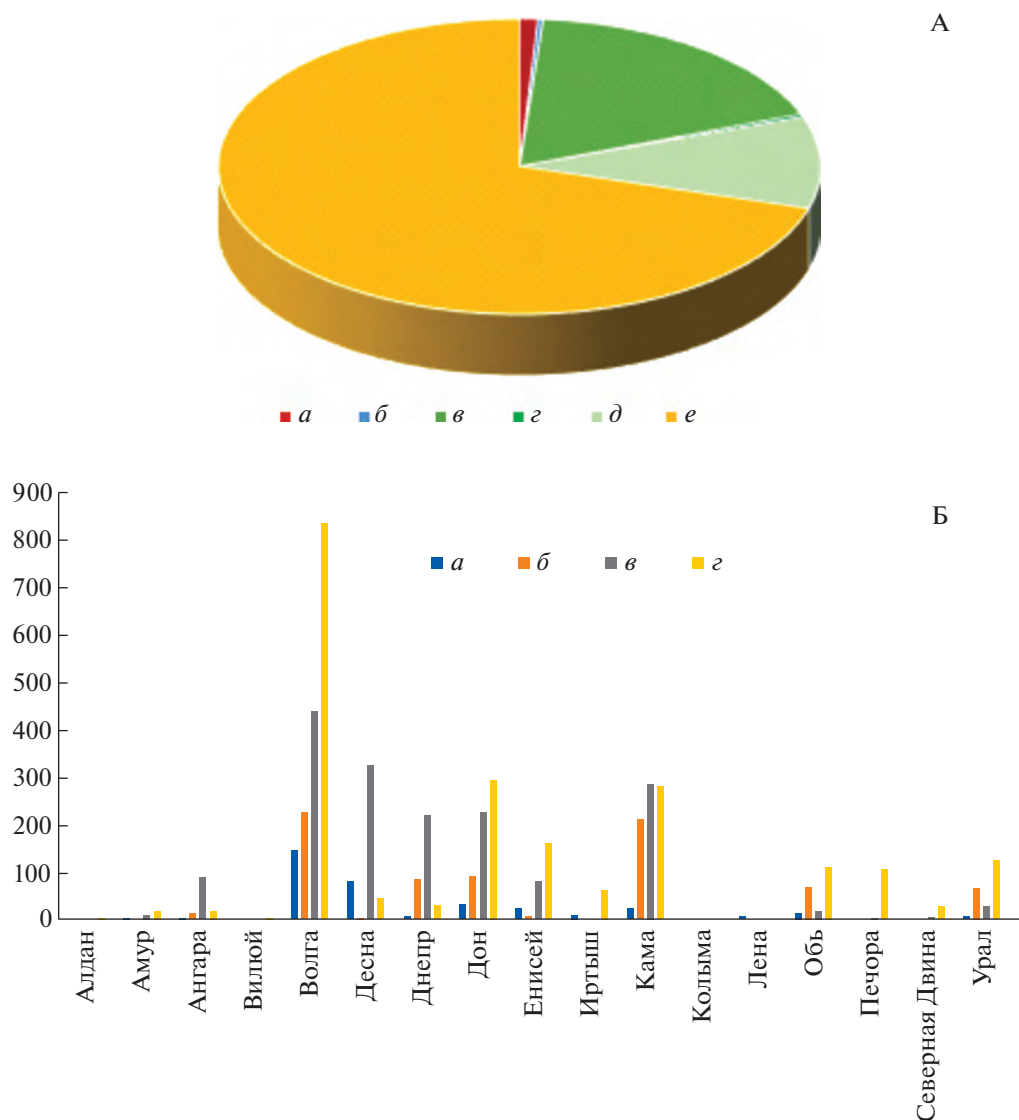

Рис. 8. Диаграмма процентного распределения археологических памятников по ландшафтным зонам (А): *a* – тундра; *б* – болото; *в* – лес; *г* – кустарник; *д* – пастбища; *е* – пашня; и количественного распределения ОАН в бассейнах крупных рек, исследованных по пятилетним интервалам (Б): *a* – 1944–1949 гг., *б* – 1950–1954 гг., *в* – 1955–1959 гг., *г* – 1960–1964 гг.

Fig. 8. Diagram of the percentage distribution of archaeological sites by landscape zones (А) and the quantitative distribution of main finds by the basins of large rivers studied over five-year intervals (Б)

прослеживается для энеолитических памятников (45%). Во все перечисленные эпохи памятники, находящиеся в зонах тундровой и болотной растительности, единичны, за исключением ОАН каменного века, где они составляют около 2% от исследованных (34 из 1558) (табл. 3). Любопытно, что данная тенденция в принципе сохраняется и для археологических памятников, изучавшихся в последнее время, но древностей каменного века обнаруживалось и исследовалось больше как в зоне тундры, болот и кустарников (6%), так и в лесной зоне (36%), а доля памятников эпохи

энеолита в лесной зоне сокращается до 34%, однако по-прежнему она существенно больше, чем у ОАН последующих периодов (Макаров и др., 2016а. С. 10, 11; табл. 2; 2016б. С. 32; табл. 4).

Распределение по долинам рек

Как и в более раннем исследовании закономерностей в пространственном распространении археологических памятников, изучавшихся в 2009–2012 гг., нами применялись процедуры пространственного анализа для соотнесения ОАН с бассейнами крупных рек Российской Федерации

Таблица 4. Распределение археологических памятников, изучавшихся в 1944–1964 гг., по бассейнам крупных рек
Table 4. Distribution of archaeological sites studied in 1944–1964 by major river basins

Главные реки	Временные интервалы исследования, годы								Всего		Длина, км	Памятников на 1 км длины
	1944—1949		1950—1954		1955—1959		1960—1964					
Алдан	0	0%	0	0%	0	0%	4	100%	4	0.1%	2273	0.0
Амур	4	13%	0	0%	8	25%	20	63%	32	0.7%	4133	0.0
Ангара	4	3%	13	11%	87	74%	20	17%	118	2.6%	1779	0.1
Вилуй	0	0%	0	0%	0	0%	4	80%	5	0.1%	2650	0.0
Волга	145	9%	223	14%	440	29%	836	54%	1541	33.5%	3531	0.4
Десна	80	19%	3	1%	327	78%	47	11%	418	9.1%	555	0.8
Днепр	7	2%	85	26%	220	68%	30	9%	323	7.0%	485	0.7
Дон	33	6%	90	16%	224	41%	293	53%	549	11.9%	1870	0.3
Енисей	23	9%	6	2%	83	32%	161	63%	256	5.6%	3930	0.1
Иртыш	9	13%	1	1%	1	1%	60	87%	69	1.5%	1900	0.0
Кама	22	3%	212	29%	284	39%	281	39%	721	15.7%	2030	0.4
Колыма	0	0%	0	0%	0	0%	0	0%	0	0.0%	2129	0.0
Лена	5	100%	0	0%	0	0%	0	0%	5	0.1%	4400	0.0
Обь	17	8%	69	33%	18	9%	112	53%	211	4.6%	3050	0.1
Печора	0	0%	0	0%	3	3%	107	98%	109	2.4%	1809	0.1
Северная Двина	0	0%	0	0%	3	11%	27	100%	27	0.6%	1803	0.0
Урал	7	3%	66	30%	27	12%	124	57%	218	4.7%	1550	0.1

как основных транспортных маршрутов и источников жизнеобеспечения в древности и средневековье. В настоящей работе в геоинформационную систему были добавлены линейные данные с современными течениями рек и границами крупных водохранилищ, вокруг которых была построена буферная зона в 50 км в каждую сторону (рис. 7, Б). Внутри этой 100-км зоны были выделены археологические памятники, которые можно таким образом соотнести с бассейном той или иной реки или ее основных притоков (табл. 4).

Проведенное исследование выявило очень близкие тенденции к уже отмеченным нами ранее (Макаров и др., 2016а. С. 11–13; табл. 4; 2016б. С. 32–36; табл. 5). Прежде всего, с основными бассейнами рек было соотнесено около 31% памятников, исследованных в 1944–1964 гг. (4606 ОАН). Большинство из рассматриваемых памятников лежит в европейской части РФ (рис. 7, Б). 1541 из них по результатам проведенного анализа отнесен к бассейну Волги (34%), 721 – к бассейну Камы (16%), 549 – к Дону (12%). Данное обстоятельство связано, в первую очередь, вероятно, со степенью изученности этих речных массивов в связи с масштабным строительством водохранилищ в 1950–1960-е годы – Чебоксарского и Куйбышевского на Волге, Камского на Каме и строительством Волго-Донского канала. Эти “великие стройки” сопровождались массивными археологическими разведками

и раскопками, результаты которых продемонстрированы на карте.

Из сибирских рек выделяется насыщенностью археологическими древностями Енисей (256 ОАН, или 6%), за ним следуют Урал и Обь (218 и 211 ОАН соответственно, около 5%). На Дальнем Востоке в бассейне Амура в рассматриваемый период исследовано чуть более 30 памятников, а в бассейне Колымы – ни одного.

Любопытно рассчитать, какое среднее количество археологических памятников приходится на 1 км речного течения. Наиболее насыщенными археологическими памятниками представляются бассейны Десны и Днепра (0.7–0.8 памятников на 1 км), длина течения которых по территории Российской Федерации составляет около 500 км. Далее следуют Волга, Кама и Дон (0.3–0.4 памятника на 1 км). Все остальные речные бассейны весьма слабо насыщены археологическими памятниками – здесь на 1 км течения приходится 0.1 памятника и менее (табл. 4; рис. 8, Б). В последние годы исследования археологических памятников в бассейне Десны и особенно Днепра значительно сократились, а в бассейне Дона, наоборот, выросли. Именно эта река дает наибольшую концентрацию археологических древностей, вошедших в полевые отчеты 2009–2012 гг. – здесь на 1 км реки приходится 0.6 памятника археологии, что составляет максимум для данной выбор-

ки (Макаров и др., 2016а. С. 11–13; табл. 4; 2016б. С. 32–36; табл. 5).

Подводя итоги, проведенное исследование пространственного распространения археологических памятников, попавших в орбиту полевых работ 1944–1964 гг., демонстрирует практически те же тенденции, что и отмеченные нами в ходе предыдущего изучения закономерностей размещения ОАН на археологической карте России по итогам работ 2009–2012 гг. Сопоставимо и количество картографируемых древностей (14730 и 15367), и общие закономерности, прослеженные в ходе анализа. Так, и в том, и в другом случае большинство археологических памятников, изучавшихся в разные годы, находится на европейской территории России (79% в 1944–1964 гг. и 73% в 2009–2012 гг.). При этом в европейской части РФ большинство археологических работ проводилось в Приволжском и Центральном федеральном округе, где было исследовано в совокупности 56% всех памятников в первые послевоенные десятилетия и чуть менее половины – в последние годы. Несколько меняются регионы, отличающиеся наивысшей плотностью расположения археологических древностей: если в первый период это был Центральный округ, где число памятников на 1 тыс. км² достигало 5.4, то во второй таковым становится Юг России с плотностью памятников 6.0 (Макаров и др., 2016а. С. 8, 9; табл. 1; 2016б. С. 14–16; табл. 1; 2017. С. 624, 625; табл. 1).

Использование достаточно широкого временного диапазона исследований, охватывающего 20 послевоенных лет, позволяет более тонко подойти к характеристике процесса развертывания полевых археологических работ на территории Российской Федерации. Так, можно констатировать, что активность археологов РСФСР резко возрастает с середины 1950-х годов, что отражается как на расширяющемся территориальном охвате страны полевыми исследованиями (рис. 4), так и на вовлечении все большего количества памятников разных типов и эпох в археологические работы (рис. 6). Отдельные территории и типы памятников не испытали кардинального роста, но в целом данная тенденция очевидна.

Приоритетными территориями расселения, по-видимому, являлись открытые пространства степи и лесостепи, где обнаруживается подавляющее большинство археологических древностей как на европейской, так и на азиатской территории. Совершенно очевидно, что данное наблюдение не зависит от степени обследования регионов – точно такая же тенденция прослеживается и по работам последних лет, при небольшом увеличении количества памятников, обнаруженных в зоне тундровой и таежной растительности. Пред-

ставляется весьма вероятным, что последующее включение новой информации в существующую базу данных существенно не повлияет на этот вывод.

Таким образом, продолжающаяся работа по наполнению АСОИ “Терек” новой информацией об археологических исследованиях на территории Российской Федерации позволяет сделать более обоснованные выводы об основных тенденциях в системе расселения древнего и средневекового населения нашей страны и получить яркую картину поэтапного изучения археологических древностей России в национальном масштабе.

Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 18-09-40053/20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта Башкирии / Ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.
- Археология позднего периода истории: материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала “Российская археология” // Российская археология. 2005. № 1. С. 81–99.
- Беляев Л.А. Археология России Нового времени: тенденции развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 66–70.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Ворошилов А.Н. Пространство древности: археологические памятники на карте России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 7. С. 622–634.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Геоинформационная система “Археологические памятники России”: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // Краткие сообщения Института археологии. 2015а. Вып. 237. С. 7–19.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Первые шаги по созданию национальной геоинформационной системы “Археологические памятники России” // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. Т. 43, № 4. С. 85–93.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной ГИС “Археологические памятники России” // Российская археология. 2016а. № 4. С. 5–15.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Археологические памятники России: опыт создания и аналитического использования ГИС // Россия как археологическое пространство / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2016б. С. 9–39.
- Старостин П.Н. Об особенностях и задачах археологической науки // Очерки археологии Татарстана. Казань: Школа, 2001. С. 4–16.

ARCHAEOLOGICAL MAP OF RUSSIA IN THE FIRST POST-WAR DECADES (1944–1964): MAIN TRENDS IN THE SPATIAL NATIONWIDE DISTRIBUTION OF ARCHAEOLOGICAL SITES

Olga V. Zelentsova^{a, #}, Dmitry S. Korobov^{a, ##}, and Alexey N. Voroshilov^{a, ###}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru

^{##} E-mail: dkorobov@mail.ru

^{###} E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

The article deals with the results of the archaeological study of the Russian territory over the period of twenty years following World War II – from 1944 to 1964. The results are analyzed using the nationwide geoinformation system “Archaeological Sites of Russia” (ASR). Data on 14,730 archeological sites on the territory of the Russian Federation from 4,356 field research reports have been entered into the information search system. The study of the spatial distribution of archaeological sites that were involved in field work in 1944–1964 confirm general regularities the authors have already noted, where up to 79% of the studied objects are located on the European part of Russia. Apparently, the priority areas of settlement were the open spaces of the steppe and forest-steppe where the vast majority of archaeological antiquities have been found both in European and Asian parts of the country.

Keywords: archaeological sites, geoinformation systems, post-war decades, settlement system.

REFERENCES

- “The archaeology of the recent period of history”. Materials of the round table held by the editors and editorial board of the journal “Russian archaeology”. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2005, 1, pp. 81–99. (In Russ.)
- Arkheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological map of Bashkiria]. O.N. Bader, ed. Moscow: Nauka, 1976. 262 p.
- Belyaev L.A., 2017. Archaeology of Modern Period in Russia: Development trends. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 49, pp. 66–70. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2015a. Geo-information system “Archaeological Sites of Russia”: methodic approaches to its elaboration and the first results obtained. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 237, pp. 7–19. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2015b. The first steps towards the development of the national GIS “Archaeological sites of Russia”. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia]*, vol. 43, no. 4, pp. 85–93. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2016a. Russia as archaeological space: First results of elaboration of the national GIS “The Archaeological Sites of Russia”. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 5–15. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2016b. Archaeological sites of Russia: experience in the development and analytical application of GIS. *Rossiya kak arkheologicheskoe prostranstvo [Russia as an archaeological space]*. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 9–39. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Voroshilov A.N., 2017. The space of antiquity: archaeological sites on the map of Russia. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, vol. 87, no. 7, pp. 622–634. (In Russ.)
- Starostin P.N., 2001. On the features and tasks of archaeological research. *Ocherki arkheologii Tatarstana [Studies in the archaeology of Tatarstan]*. Kazan’: Shkola, pp. 4–16. (In Russ.)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОСИТЕЛЕЙ КРотовСКОЙ И АНДРОновСКОЙ (ФЕДоровСКОЙ) КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОнЗЫ В БАРАБинСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

© 2022 г. В. И. Молодин^{1, 2, *}, Л. С. Кобелева^{1, 2, **}

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

² Томский государственный университет, Томск, Россия

*E-mail: molodin@archaeology.nsk.ru

**E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.03.2022 г.

После доработки 18.03.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

Представлены первые результаты исследований нового памятника эпохи развитой бронзы в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (Барабинская лесостепь). Уникальный комплекс, исследованный на уровне современного мультидисциплинарного подхода, включает остатки нескольких столбовых ям, врезанных в материк. Кроме того, обнаружены следы двух кострищ, содержащих фрагменты керамики и раздавленные сосуды. В культурном слое, и особенно, в зольнике обнаружено большое количество керамики и костей животных со следами рубки. Согласно предварительно проведенным определениям, кости принадлежат домашним животным — корове, овце и, в меньшей степени, лошади. Форма и орнаментация керамики характерна для классической андроновской (федоровской) посуды. При этом рассматриваемый комплекс ничем не отличается от погребальной посуды носителей культуры, хорошо известной по раскопкам здесь многочисленных андроновских (федоровских) могильников. Важно отметить, что наряду с андроновской посудой, в культурном слое найдено незначительное количество фрагментов керамики кротовской культуры. Полученные материалы на поселении Тартас-5 пока однозначно не подтверждают сосуществование носителей кротовской и андроновской (федоровской) керамики в рамках одного поселка. Возможно, что мигранты с запада обосновались на территории уже оставленного аборигенами места обитания.

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха бронзы, андроновская (федоровская) культура, кротовская культура, поселение, керамика.

DOI: 10.31857/S0869606322030126

Уже около полувека на территории Барабинской лесостепи ведутся раскопки памятников эпохи развитой бронзы. На заключительной стадии бытования автохтонного для этого региона населения кротовской культуры (позднекротовская (черноозерская) культура) наблюдается активное влияние на него с запада представителей андроновской культурно-исторической общности. Сначала это воздействие было опосредованным и проявлялось в некоторых новациях в керамической посуде классической кротовской культуры (например, появление штрихованных треугольников по венчику) (Молодин, 1977. С. 68). Все более интенсивное воздействие европеоидного населения приводит к полной смене у аборигенов прежде всего оружия и украшений. На смену кельтам и копьям сейминско-турбинского типа приходит металл срубно-андоновского облика, представленный на погребальных памятниках. Наряду с этим явлением автохтон-

ные каноны (прежде всего погребальной практики) у носителей культуры по-прежнему существуют (захоронения рядами в грунтовых могильниках, на спине, в вытянутом положении, головой на СВ) (Молодин, Гришин, 2019).

Наконец, все более активные контакты аборигенов (кротовцев) и пришельцев, вероятно, прежде всего андроновцев (федоровцев), все более усиливаются, приводя к смешению населения, что находит отражение на генетическом и антропологическом уровне (Molodin and al., 2012. С. 93–100) и проявляется в том числе в синкретизме инвентаря и погребальной практики.

После масштабных исследований могильников Сопка-2 и Тартас-1, где были выявлены яркие следы проникновения сюда носителей андроновской историко-культурной общности, выяснилось, что следы активного проникновения в Барабу были неоднократны как в хронологическом,

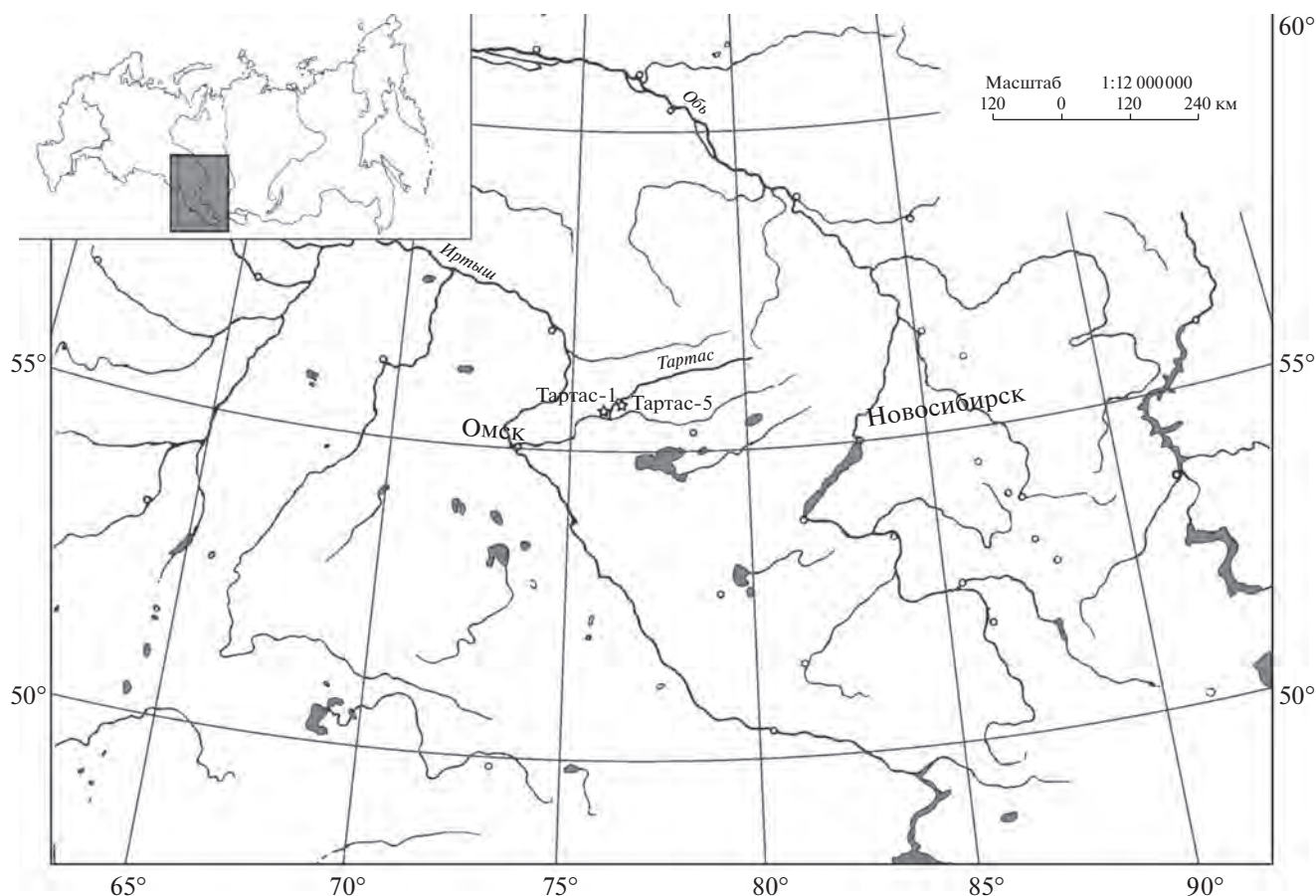

Рис. 1. Поселение Тартас-5, могильник Тартас-1. Физико-географическое положение.

Fig. 1. The settlement of Tartas-5, the burial ground of Tartas-1. Physical and geographical location

так и в культурном отношении, что делает в целом данную проблему значительно более сложной и многообразной, чем это представлялось ранее (Молодин, 2011).

В этой связи каждый новый поселенческий комплекс, содержащий материалы обеих культур, исследованный на уровне современного мультидисциплинарного подхода, трудно переоценить. Немаловажно также то, что если поселки носителей кротовской культуры в Барабе исследованы и хорошо известны, то для андроновцев (федоровцев) такие памятники практически не изучены.

Новейшие материалы по данной проблематике авторы предлагают в настоящем исследовании.

Поселение Тартас-5 было открыто в 2020 г. при осмотре разрушающейся части пойменной террасы левого берега р. Тартас, в урочище Таи (рис. 1, 2).

Культурный слой перекрыт мощной толщей речных отложений, что полностью сnivelировало рельефные признаки памятника (если они, конечно, изначально существовали). И в древности, и в настоящее время урочище Таи полностью за-

топляемо (в отдельные годы максимального обводнения — вообще круглогодично). Данное обстоятельство делает выявление поселенческих культурных слоев делом крайне сложным. Очевидно, что именно по этой причине напластования, связанные с обитателями Барабинской лесостепи в периоды крайне сухого климата, чаще всего расположены на достаточно низких поймах: впоследствии, с изменением климата в сторону увлажнения, эти слои оказывались погребенными русловыми осадками разливающихся рек. Именно так было в регионе с культурными слоями ранней и, периодически, развитой бронзы, что неоднократно зафиксировано уже в начале планомерного изучения археологии Барабинской лесостепи (Молодин, Зах, 1979). Поэтому не случайно, что слои андроновских (федоровских) поселений до настоящего времени были практически не найдены в регионе, исключая незначительные сборы и раскопки, проведенные опять-таки на памятниках, расположенных в пойме (Старый Тартас-1) (Молодин, Ненахов, Селин, 2016) или высокой пойме (Каргат-6) (Молодин, Новиков, Софеев, 2000).

Рис. 2. Поселение Тартас-5 до начала исследования.

Fig. 2. The settlement of Tartas-5 before investigations started

Указанное обстоятельство делает поиски андроновских поселений делом весьма сложным, требующим глубоких знаний и интуиции исследователя, а также масштабных шурфовок. Вместе с тем проблема эта в настоящее время чрезвычайно актуальна.

Памятник Тартас-5 расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл. в 2,4 км к Ю от с. Венгерово, на краю левого берега пойменной террасы, в излучине реки, где р. Тартас постоянно меандрирует, изменяя направления своего русла (рис. 1, 2). Прекрасным ориентиром является дорога, расположенная примерно в 300 м от противоположного берега реки, упирающаяся в мост через р. Тартас.

Для проведения стационарных раскопок выбран участок памятника, ориентированный вдоль береговой линии, где было зафиксировано максимальное количество подъемного материала, площадью 52×2 м; таким образом, общая площадь раскопа составляла 108 м^2 (рис. 3). Раскоп был разбит на 13 секторов, для наблюдения над стратиграфией оставлялись 12 контрольных бровок, а также фронтальная стенка (рис. 4). Разборка грунта шла горизонтами по всей площади раскопа, с ориентацией на стратиграфические слои. Особое внимание, включая фиксацию находок, уделялось культуросодержащим слоям. Таких слоев на памятнике выявлено два. Верхний слой

(слой 4), содержал невнятные, с культурной точки зрения, находки, ориентировочно относимые нами к эпохе железа(?). Полученный материал наиболее близок посуде, выявленной В.И. Матющенко на памятнике Ростовка в низовьях р. Оми, который относится к раннему железному веку (Матющенко, Синицына, 1988. Рис. 90, 91).

Нижний культурный слой 9 и прилегающие к нему слои содержали культурные остатки эпохи развитой бронзы. Между выраженными культурными слоями выявлена мощная пачка отложений, не содержащих культурных остатков и являющихся, с точки зрения археологии, стерильными.

Нижний культурный слой весьма насыщен материалом.

Остановимся на краткой характеристике стратиграфии (рис. 4, 5). В данном случае мы концентрируем ваше внимание на продольной и одной поперечной стенке раскопов, которая была обнажена до уровня руслового песка. Именно эти разрезы наиболее полно демонстрируют стратиграфическую ситуацию на данном участке памятника. Описание слоев приводится сверху вниз.

Слой 1 — дерново-гуммусный слой (современная почва), мощностью от 0,03—0,07 м от дневной поверхности.

Слой 2 — желто-белесый, слоистый суглинок, мощностью 0,04—0,14 м. Выявлен практически по

Рис. 3. Участок поселения Тартас-5 в процессе исследования. Фото с квадрокоптера.
Fig. 3. The site of the Tartas-5 settlement under investigation. A photo taken with a drone

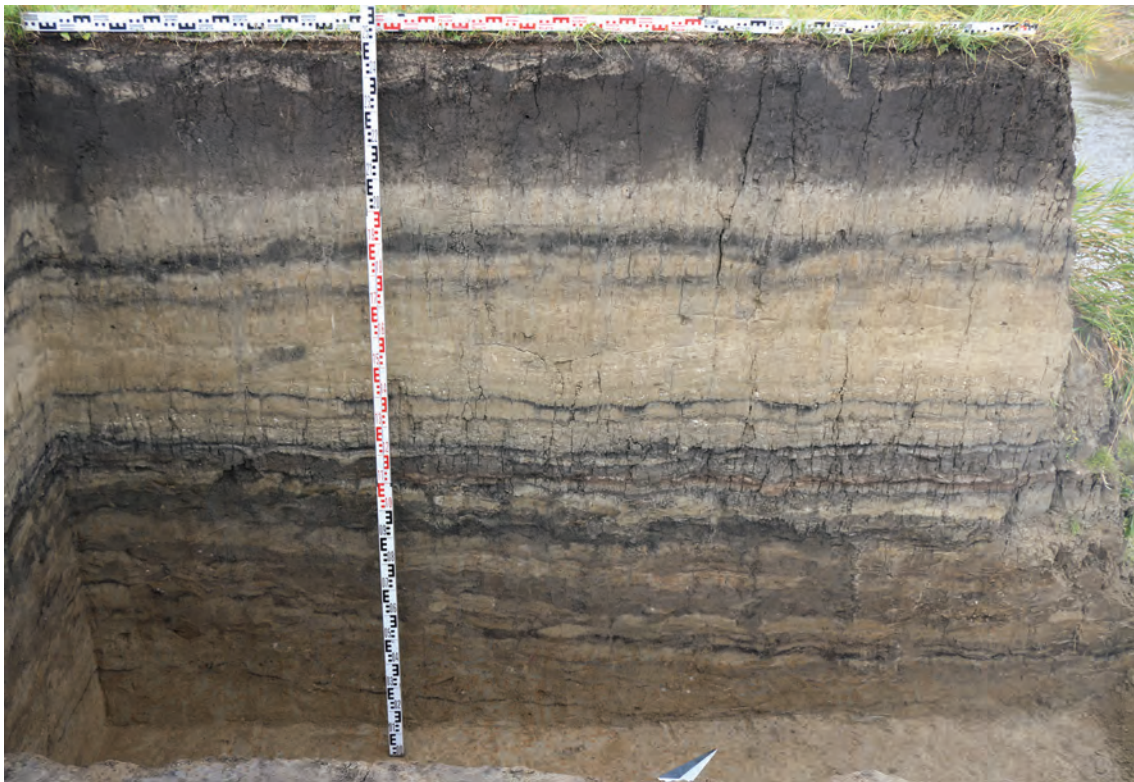

Рис. 4. Стратиграфический разрез (северная стенка раскопа) поселения Тартас-5. Фото.
Fig. 4. Stratigraphic section (northern wall of the excavation site) of the Tartas-5 settlement. A photo

всей площади раскопа под дерном. Частично нарушен ходами грызунов и морозобойными трещинами. Образование слоя связано с осадками водных отложений.

Слой 3 – серо-желто-черный слоистый мешаный суглинок. Мощность слоя до 0.2 м. Прослежен по всей площади раскопа. Имеет слоистую структуру, образованную, по-видимому, из-за сезонных, сменяющих друг друга, сравнительно кратковременных периодов затопления и осушения поймы реки.

Слой 4 – темно-серый (черный) гумусированный суглинок (культурный слой). Прослежен по

всей площади раскопа. Мощность его изменялась от 0.3 до 0.55 м. Содержал малочисленные фрагменты керамики и дробленых костей животных. Объем материала уменьшался по направлению к северной части раскопа. Слой относится к эпохе раннего железа.

Слой 5 – плотный мешаный серо-желтый суглинок. Мощность – 0.01–0.2 м. Залегал по всей площади раскопа. Линзы и прослойки слоя выявлены в слоях 4 и 6. Также слой выявлен под слоем 9. Каких-либо находок не содержал. Его генезис связан исключительно с затоплением поймы.

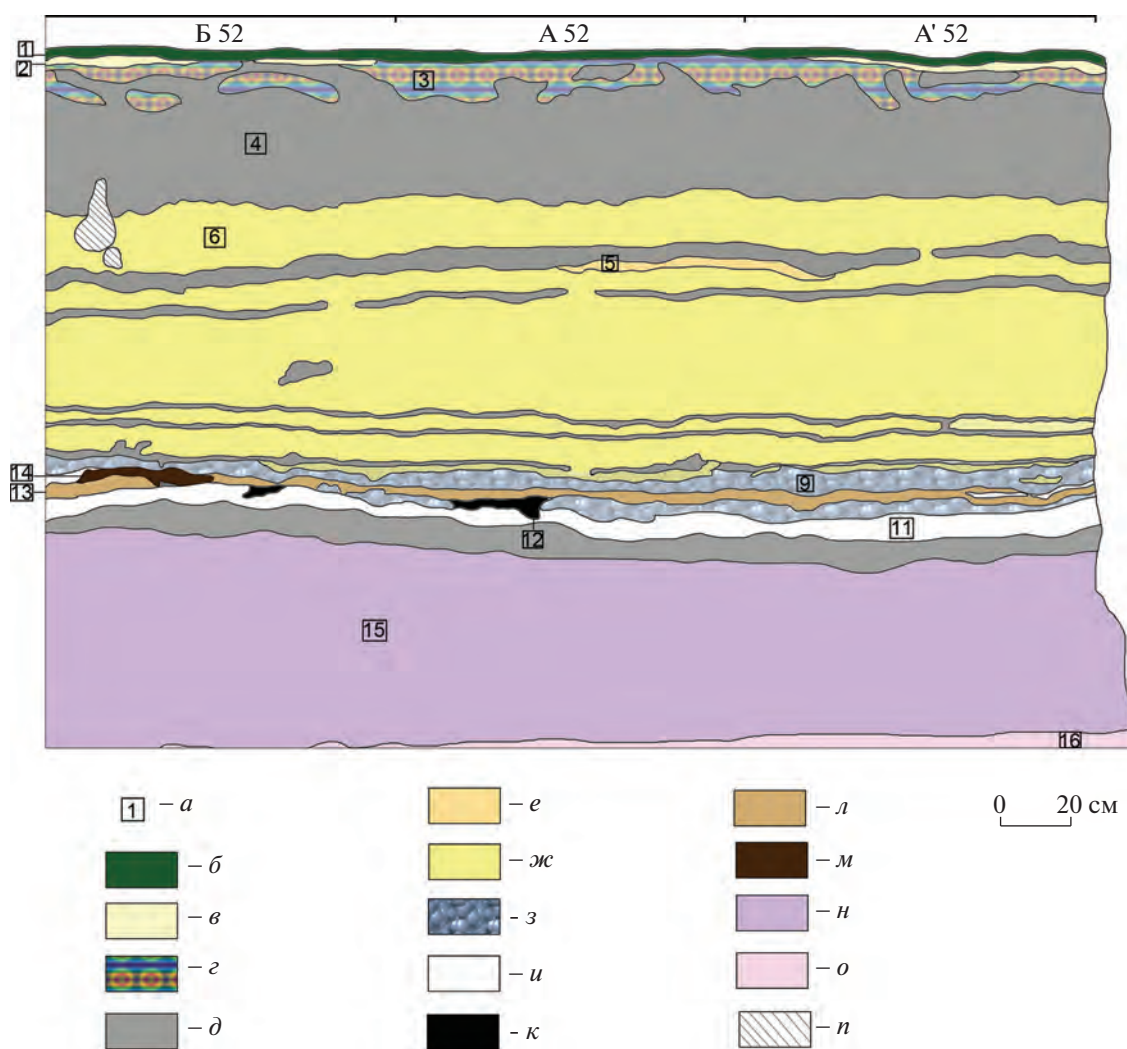

Рис. 5. Стратиграфический профиль (северная стенка раскопа) поселения Тартас-5. Рисунок.

Условные обозначения: *a* – номер слоя, *б* – дерн, *в* – желто-белесый слоистый суглинок, *г* – серо-желто-черный слоистый мешаный суглинок, *д* – темно-серый (черный) гумусированный суглинок, *е* – серо-желтый плотный мешаный суглинок, *жс* – белесо-желтый плотный с включениями черного и коричневого суглинок, *з* – темно-серый мешаный с желто-белесыми включениями суглинок, *и* – желто-белесая почва с вкраплениями пепла и золы, *к* – темно-серая (черная) сажистая почва, *л* – буро-черно-оранжевая с вкраплениями пепла и золы почва, *м* – буро-серая с вкраплениями оранжевой почва, *н* – серо-желтая плотная глина с железистыми включениями, *о* – русловый песок, *п* – рыхлая мешаная почва.

Fig. 5. Stratigraphic profile (northern wall of the excavation site) of the Tartas-5 settlement. A drawing

Слой 6 — плотный белесо-желтый с включениями черного и коричневого суглинок. Залегал по всей площади раскопа. Мощность его от 0.04 до 0.95 м. Стерильный, не содержащий каких-либо следов жизнедеятельности. Происхождение слоя, по-видимому, связано с длительным периодом затопления поймы. Разная его мощность обусловлена изменением рельефа, на котором шло формирование слоя. Слой содержал от 1 до 5 слоев¹ серого (черного) гумусированного суглинка мощностью 0.01–0.1 м, формирование которых связано с периодами сухости и спада воды в речное русло.

Слой 7 — мешаная серо-желто-черная суглинистая почва, содержащаяся в морозобойных трещинах по всей площади. Связана с заполнением трещин последующими осадконакоплениями.

Слой 8 — ярко-оранжевая прокаленная (в результате самовозгорания) суглинистая супесь. Зафиксирован в виде линз и слоев в северной части раскопа, где отмечен сформированный зольник. В целом смежен с культурным слоем 9. Мощность слоя до 0.04 м.

Слой 9 — мешаный темно-серый суглинок с желто-белесыми включениями, мощностью 0.2–0.45 м, залегал по всей площади раскопа под слоем 6. Культурный слой. Содержал многочисленные керамические материалы эпохи развитой бронзы и дробленые кости животных. В северной части раскопанного участка в слое 9 выявлена пачка слоев, связанных с зольником (слои 8, 10, 11–14). Мощность зольника варьировала от 0.06 до 0.16 м и связана с процессом накопления и самовозгорания копролитов животных и всевозможных отходов человеческой деятельности.

Слой 10 — серо-светло-оранжевая прокаленная супесь. Зафиксирован в виде линз мощностью до 0.04 м. Генезис слоя связан с зольником.

Слой 11 — желто-белесая почва с вкраплениями пепла и золы. Остатки самовозгорания копролитов (?). Представлен в виде линз мощностью до 0.04 м. Генезис слоя связан с зольником.

Слой 12 — темно-серая (черная) сажистая почва. Остатки самовозгорания копролитов (?). Зафиксирован в виде линз на зольнике мощностью до 0.04 м.

Слой 13 — буро-черно-оранжевая с вкраплениями пепла и золы почва. Выявлен по всей площа-

ди в северной части раскопа. Мощность — 0.05–0.16 м. Генезис слоя связан с зольником.

Слой 14 — буро-серая с вкраплениями оранжевой почва. Выявлен по всей площади в северной части раскопа, преимущественно над и под слоем 13. Мощность — 0.05–0.15 м. Формирование слоя связано с зольником.

Отметим, что все слои, связанные с формированием зольника, являются культуросодержащими и включают остатки человеческой деятельности в виде фрагментов керамики и дробленых костей животных.

Слой 15 выявлен по всей площади раскопа. Это — серо-желтая глина, плотная, с железистыми включениями. Это условный материк, на котором формировались культурные слои.

В северной части раскопа стерильный слой 15 был нами прорезан до уровня залегания руслового песка. В обнажении разреза этот слой прослеживается повсеместно (индексирован, как слой 16).

Наиболее впечатляющие материалы получены из культурного слоя 9 и сопутствующих линз и слоев зольника (8–14). Отметим, что генезис выявленного зольника удивительно напоминает голоценовые осадки, обнаруженные в свое время при изучении центрального грота Денисовой пещеры, которые сформировались в результате самовозгорания мощных слоев овечьих копролитов. Напомним, что они были надежно датированы афанасьевской культурой ранней поры бронзового века Горного Алтая и неоднократно фиксировались в других пещерах и гротах, где содержались овцы (Деревянко, Молодин, 1994). Вероятно, сходный процесс фиксируется на зольнике памятника Тартас-5.

При изучении культурного слоя эпохи бронзы выявлены остатки нескольких столбовых ям, врезанных в материк. Говорить о каких-то строительных сооружениях, впрочем, не приходится. Кроме того, выявлены следы двух кострищ небольших размеров, содержащих фрагменты керамики и даже раздавленные сосуды.

В культурном слое, и особенно в зольнике, обнаружено большое количество костей животных со следами рубки. Согласно предварительным проведенным определениям, кости принадлежат домашним животным — корове, овце и, в меньшей степени, лошади². Обнаружен фрагмент челюсти с зубами человека (возможные следы каннибализма?). Крайне любопытно, что на поселении, включая зольник, не было найдено ни одного сломанного костяного орудия.

¹ “Слой — тонкое плоское или волнистое тело осадочной горной породы, выделяемое по литологическим признакам в составе слоя или, реже, пласта. Слои многократно повторяются в составе слоя, обуславливая его слойчатость. Мощность слоя измеряется сантиметрами или миллиметрами” (Петрографический словарь, 1981. С. 383). В контексте археологических памятников термин используется в том числе при описании сложно структурированного культурного слоя.

² Выражаем особую благодарность Яне Эгер (Германский археологический институт) за определение костного материала.

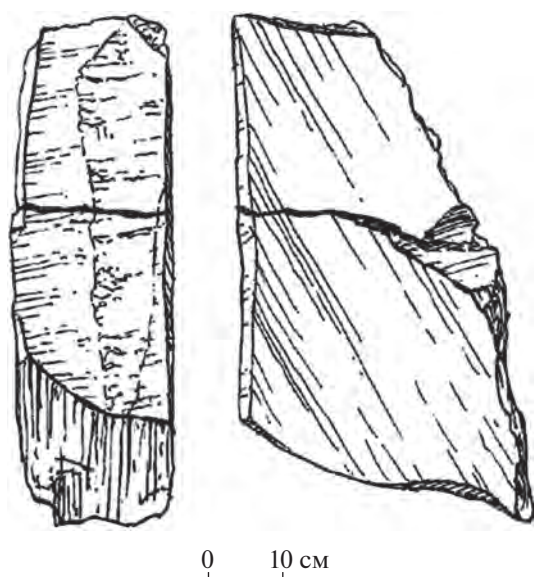

Рис. 6. Каменный абразив из культурного слоя поселения Тартас-5.

Fig. 6. An abrasive stone from the cultural layer of the Tartas-5 settlement

К орудийному набору относятся лишь два сломанных глиняных грузила и фрагмент изделия из кремня со следами полировки, переиспользованного в качестве абразива (рис. 6). Важно подчеркнуть, что данный фрагмент несомненно попал в Барабинскую лесостепь, скорее всего, с территории Казахстанского мелкосопочника или других территорий к западу и юго-западу от лесостепного Обь-Иртышья, и может маркировать направление движения носителей андроновской (федоровской) культуры. Собственного камня в регионе нет.

Наиболее представительным в культурном слое является керамический комплекс, содержащий не менее 2000 фрагментов. При этом 5 сосудов подлежат реконструкции. Форма и орнаментация керамики характерны для классической андроновской (федоровской) посуды. Это горшковидные и баночные сосуды. Для первой группы сосудов характерны изящная профилированная форма и зональное расположение орнамента, разделяемое горизонтальными каннелюрами (рис. 7, 1–8). Венчик украшался цепочкой косо поставленных

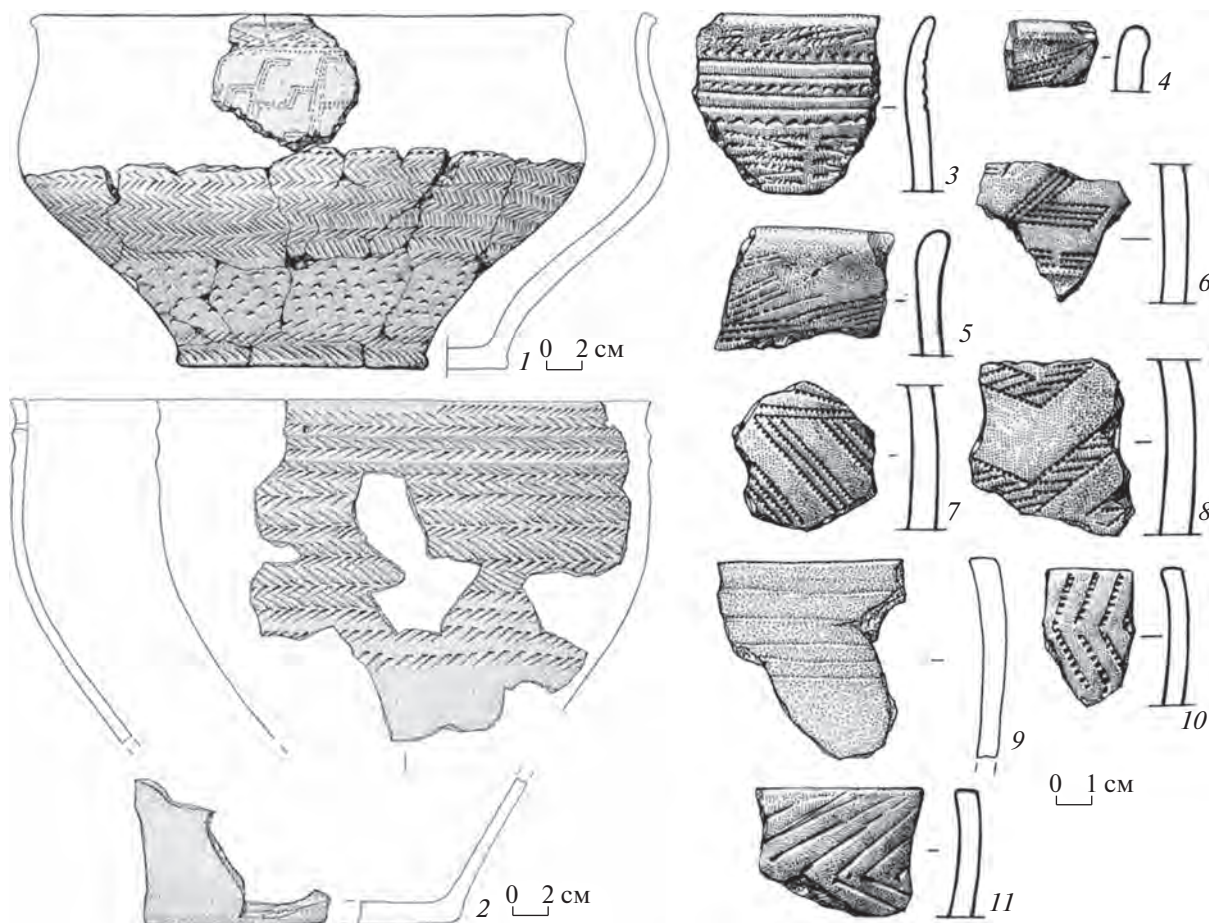

Рис. 7. Фрагменты керамики андроновской (федоровской) культуры из культурного слоя поселения Тартас-5.

Fig. 7. Fragments of the Andronovo (Fedorovo) pottery from the cultural layer of the Tartas-5 settlement

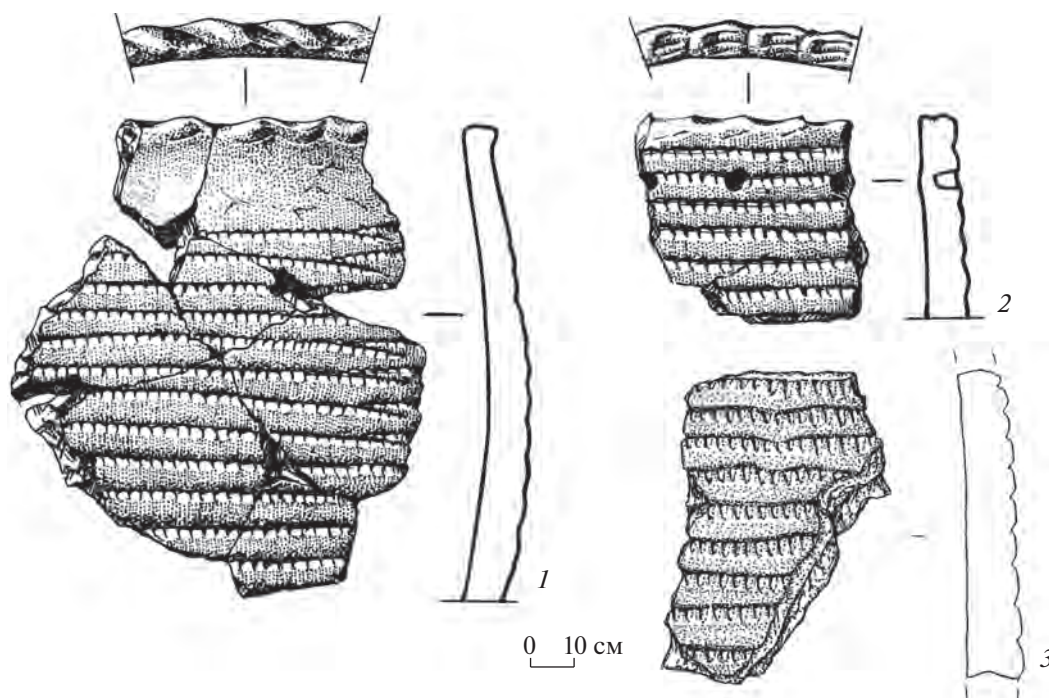

Рис. 8. Фрагменты керамики кротовской культуры из культурного слоя поселения Тартас-5.

Fig. 8. Fragments of the Krotovo pottery from the cultural layer of the Tartas-5 settlement

треугольников, верхняя часть тулова — меандровидными фигурами, а нижняя — треугольными фестонами. Довольно часто орнаментировались придонная часть и дно сосуда.

Баночная посуда (рис. 7, 9—11) или, как ее называют, кухонная посуда, орнаментирована по всему тулову “елочным”, вертикальным “зигзагом”, нанесенным гребенчатым или гладким штампом, а также рядами горизонтальных валиков в районе шейки. Подобная посуда имеет место в ряде поселенческих (и погребальных) комплексов андроновской (федоровской) культуры, аккумулированных Е.Е. Кузьминой в обобщающих работах (Kuzmina, 2007; Кузьмина, 2008).

Рассматриваемый комплекс ничем не отличается от погребальной посуды Барабы, хорошо известной по раскопкам здесь многочисленных андроновских (федоровских) могильников (Молодин, 1985). Впрочем, имеют место некоторые особенности орнаментики. Отметим хотя бы один реконструируемый сосуд, выполненный по всем канонам классического андроновского (федоровского) горшка, у которого нижняя часть тулова украшена хаотично нанесенными наколами, что совершенно нетипично для подобной керамики (рис. 6, 1).

Важно, что аналогичное сочетание нарядной (горшковидной) и баночной керамики мы наблюдаем на другом андроновском поселенческом слое памятника Каргат-6 (Молодин, Новиков, Софеев, 2000).

Таким образом, перед нами ярко выраженный поселенческий комплекс, который относится к андроновской (федоровской) культуре. Важно отметить, что наряду с андроновской посудой, в культурном слое найдено незначительное количество фрагментов керамики кротовской культуры (рис. 8). В нижней части культурного слоя, на материке, обнаружено небольшое кострище, сопровождаемое кротовскими фрагментами.

Полученные материалы на поселении Тартас-5 пока однозначно не подтверждают сосуществование носителей кротовской и андроновской (федоровской) керамики в рамках одного поселка, но и не отрицают вероятности последнего. Возможно, что мигранты с запада обосновались на территории уже оставленного аборигенами места обитания. Поскольку кротовская керамика отличается от андроновской и по составу формовочных масс, и по технологии изготовления, и по орнаментации (параллельные ряды отступающего гребенчатого штампа) — означенная проблема (по крайней мере в рамках памятника) еще требует своего решения.

По углю из столбовой ямы, надежно стратиграфически маркированной слоем андроновской (федоровской) культуры, получена радиоуглеродная дата 1499—1302 гг. до н.э. cal BCE _{2σ} Intcal20, что свидетельствует о завершающей фазе периода средней бронзы в регионе.

С учетом новых серий калиброванных радиоуглеродных дат можно сказать, что начало процес-

са опосредованного воздействия андроновского мира на рассматриваемую территорию Барабинской лесостепи происходит на рубеже III–II тыс. до н.э. Последующий процесс взаимодействия двух популяций приходится на первую половину — середину II тыс. до н.э. (Молодин, 2019. С. 7). При этом следует понимать, что предлагаемая схема в реальной жизни была значительно более сложным и многогранным процессом, когда пришлые андроновцы сосуществовали на одних и тех же территориях уже со смешанным по сути населением, в то же время, какие-то волны миграций с запада осуществлялись уже этим смешанным населением, что в конечном итоге могло порождать особые этнические группы со спецификой культурного колорита (Молодин, 2011. С. 58–69), что требует углубленного изучения их регионального своеобразия (Савинов, 2018; Косарев, 1965).

Не исключено, что население открытого андроновского (федоровского) поселения Тартас-5 хоронило своих умерших сородичей на огромном некрополе Тартас-1, расположенном совсем неподалеку, вниз по течению одноименной реки (рис. 1), материалы которого регулярно вводятся в научный оборот (см., например: Молодин и др., 2020). Немаловажен факт, что материалы этого могильника подтверждают прямой контакт аборигенов-позднекротовцев с пришельцами-андроновцами (федоровцами). Как бы то ни было, представляется перспективным проведение углубленных сравнительных исследований различных источников, представленных на обоих памятниках, с использованием широкого спектра мультидисциплинарных методов.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 1994. 262 с.
- Косарев М.Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири // Советская археология. 1965. № 2. С. 242–246.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принт А, 2008. 358 с.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1988. 136 с.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова / Ред. В.В. Бобров и др. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. VII). С. 58–69.
- Молодин В.И. Современное состояние проблемы относительной и абсолютной хронологии Обь-Иртышской лесостепи в эпоху неолита и бронзы // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 1. С. 3–12.
- Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (Федоровской), ирменской и пахомовской культур. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2019. 223 с., 3 л. ил.
- Молодин В.И., Зах В.А. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири / Ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. С. 51–53.
- Молодин В.И., Ненахов Д.А., Селин Д.В. Мониторинг археологических объектов в Венгеровском районе Новосибирской области (близ села Старый Тартас) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2016. С. 348–353.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культур. наследия, 2000 (Материалы “Свода памятников истории и культуры народов России”; вып. 4). 224 с.
- Молодин В.И., Хансен С., Мильникова Л.Н., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Райнхольд С. Работы Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи в Новосибирской области // Археологические открытия 2018 года. М.: ИА РАН, 2020. С. 468–471.
- Савинов Д.Г. Эталонный памятник андроновской культуры в Кемеровской области // Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. № 19. СПб., 2018. С. 70–79.
- Петрографический словарь / Под ред. В.П. Петрова, О.А. Богатикова. М.: Недра, 1981. 496 с.
- Kuzmina E.E. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden; Boston: Brill, 2007. 762 p.
- Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezev R.O., Ghikischeva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, Palaeogenetic and Anthropological data // Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. Berlin; Boston, 2012. P. 93–111.

NEW DATA ON THE INTERACTION OF THE KROTOVO AND ANDRONOVO (FEDOROVO) BRONZE AGE CULTURES IN THE BARABA FOREST-STEPPE

Vyacheslav I. Molodin^{a,b,#} and Lilia S. Kobeleva^{a,b,##}

^a Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

^b Tomsk State University, Tomsk, Russia

[#]E-mail: molodin@archaeology.nsk.ru

^{##}E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

The article summarizes first results of studies on the materials from a new site of the developed Bronze Age in Vengerovo District (Novosibirsk Region, Baraba forest-steppe). The unique complex investigated with a modern multidisciplinary approach includes the remains of several pillar pits protruding into the bedrock. In addition, traces of two fire pits containing pottery fragments and crushed vessels were found. In the cultural layer, especially, in the ash pit, a large amount of pottery and animal bones with chopping traces was unearthed. According to the preliminary research, the bones belong to domestic animals, i.e. cow, sheep and, in a lesser degree, horse. The pottery shape and ornamentation are typical for classical Andronovo (Fedorovo) ware. At the same time, this complex does not differ in any way from the Baraba burial pottery, well known from the excavations of numerous Andronovo (Fedorovo) burial grounds. It is important to note that, along with the Andronovo pottery, a small number of ceramic fragments of the Krotovo culture were found in the cultural layer. The materials obtained from the Tartas-5 settlement do not yet unequivocally confirm the coexistence of bearers of the Krotovo and Andronovo (Fedorovo) pottery traditions within the same settlement. It is possible that migrants from the west settled on the territory already abandoned by the natives.

Keywords: Western Siberia, the Bronze Age, the Andronovo (Fedorovo) culture, the Krotovo culture, settlement, pottery.

REFERENCES

- Derevyanko A.P., Molodin V.I., 1994. Denisova peshchera [The Denisova cave], 1. Novosibirsk: Nauka. 262 p.
- Kosarev M.F., 1965. On the cultures of the Andronovo time in West Siberia. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 2, pp. 242–246. (In Russ.)
- Kuzmina E.E., 2007. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden; Boston: Brill. 762 p.
- Kuz'mina E.E., 2008. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kul'turnoy obshchnosti [Classification and periodization of sites of the Andronovo cultural community]. Aktoke: Print A. 358 p.
- Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V., 1988. Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska [A burial ground at the village of Rostovka near Omsk]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 136 p.
- Molodin V.I., 1977. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya [The Neolithic and Bronze Age of the forest-steppe Ob-Irtysh region]. Novosibirsk: Nauka. 174 p.
- Molodin V.I., 1985. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 200 p.
- Molodin V.I., 2011. Migration of the bearers of the Andronovo cultural and historical community to the Baraba forest-steppe. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: K 70-letiyu D.G. Savinova* [Prehistoric art in archaeological perspective: To the 70th anniversary of D.G. Savinov]. V.V. Bobrov, ed. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 58–69. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, VII). (In Russ.)
- Molodin V.I., 2019. The current state of the issue of the Ob-Irtysh forest-steppe relative and absolute chronology in the Neolithic and Bronze Ages. *Mul'tidistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii* [Multidisciplinary research in archaeology], 1, pp. 3–12. (In Russ.)
- Molodin V.I., Grishin A.E., 2019. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [The Sopka-2 site on the Om River], 5. Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov pozdnekrotovskoy (chernoozerskoy), andronovskoy (fedorovskoy), irmenskoy i pakhomovskoy kul'tur [Cultural and chronological analysis of the burial complexes of the late Krotovo (Chernoozerskye), Andronovo (Fedorovo), Irmen and Pakhomovka cultures]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 223 p., ill.
- Molodin V.I., Khansen S., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Nenakhova Yu.N., Selin D.V., Raynkhol'd S., 2020. Activities of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS in the Baraba forest-steppe in Novosibirsk Region. *Arkheologicheskie otkrytiya 2018 goda* [Archaeological discoveries of 2018]. Moscow: IA RAN, pp. 468–471. (In Russ.)
- Molodin V.I., Nenakhov D.A., Selin D.V., 2016. Monitoring of archaeological objects in Vengerovo District of Novosibirsk Region (near the village of Stary Tartas). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], XXII. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 348–353. (In Russ.)

- Molodin V.I., Novikov A.V., Sofeykov O.V.*, 2000. Arkheologicheskie pamyatniki Zdvinskogo rayona Novosibirskoy oblasti [Archaeological sites of Zdvinsk District of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya. 224 p. (Materialy "Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii", 4).
- Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezev R.O., Ghikischeva T.A., Pozdnyakov D.V.*, 2012. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, Palaeogenetic and Anthropological data. *Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin; Boston, pp. 93–111.
- Molodin V.I., Zakh V.A.*, 1979. Geomorphological location of Neolithic and Bronze Age sites in the basins of the Ob, Inya and Om rivers and their tributaries. *Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie protsessy v Zapadnoy Sibiri [Peculiarities of the natural geographical environment and historical processes in West Siberia]*. L.A. Chindina, ed. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 51–53. (In Russ.)
- Petrograficheskiy slovar' [Petrographic Dictionary]*. V.P. Petrov, O.A. Bogatikov, eds. Moscow: Nedra, 1981. 496 p.
- Savinov D.G.*, 2018. A referecne site of the Andronovo culture in Kemerovo Region. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS]*, 19. St. Petersburg, pp. 70–79. (In Russ.)

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ДОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА РАН НА СРЕДНЕМ ДОНУ В 2021 г.

© 2022 г. **В. И. Гуляев**¹, С. А. Володин¹, *, А. А. Шевченко¹, **

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: volodinsaimon@gmail.com

**E-mail: she.shevchenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.03.2022 г.

После доработки 01.03.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

Статья является предварительной публикацией результатов исследований Донской археологической экспедиции ИА РАН в 2021 г. В полевом сезоне экспедицией исследован курган 7 могильника Девица V. В ходе изучения насыпи обнаружено одно впускное погребение сарматского времени. Основное захоронение под курганом было совершено в деревянной каркасно-столбовой гробнице в скифскую эпоху. Несмотря на ограбление, в центральном погребении осталась нетронутой значительная часть инвентаря: предметы вооружения, конского снаряжения, лепные сосуды, элементы украшений погребального ложа. При исследовании гробницы найдена серебряная накладка с уникальными антропоморфными и зооморфными изображениями. Погребальный инвентарь позволяет датировать комплекс третьей четвертью IV в. до н.э.

Ключевые слова: скифы, курган, Средний Дон, скифское время, сарматское время, скифский звериный стиль, погребальный обряд.

DOI: 10.31857/S0869606322030072

В полевом сезоне 2021 г. Донская археологическая экспедиция Института археологии РАН продолжила исследования курганного могильника скифского времени Девица V, расположенного между селами Девица и Болдыровка Острогожского р-на Воронежской обл. (рис. 1, 1). Раскопанный курган 7 находился в центральной части некрополя (рис. 1, 2). В непосредственной близости от него ранее были изучены курганы 8, содержащий захоронения эпохи бронзы, и 9, под насыпью которого находилось элитное погребение скифского времени (Гуляев и др., 2020).

К моменту раскопок курган имел высоту 1.28 и 40 м в диаметре (рис. 2, 1). В насыпи кургана обнаружены остатки тризны — кость взрослой лошади (определение Е.Е. Антипиной). Кроме того, выявлено впускное погребение (№ 1) ребенка 6–7 лет (определение М.В. Добровольской), захороненного в вытянутом положении головой на северо-запад (рис. 2, 2). Чуть выше костяка обнаружен невыразительный фрагмент стенки лепного сосуда. Инвентарь захоронения представлен стеклянными бусами (рис. 2, 3–5). Комплект украшений состоял из пронизки с золотой прокладкой, 2 округлых глазчатых, а также 18 округлых бусин из глухого, темно-синего стекла. Время их производства — I–II вв. н.э. (Алексеева,

1975. С. 59; 1978. С. 33, 64, 65. Табл. 26, 78). Эту датировку подтверждают скупой погребальный обряд и ориентировка, свойственные для круга позднесарматских памятников региона (Медведев, 2008. С. 26, 27).

Основное погребение 2 располагалось по центру насыпи и представляло собой деревянную каркасно-столбовую гробницу, впущенную в материк на 1.3 м. Могила прямоугольной в плане формы своей длинной осью ориентирована по линии 3–В с небольшими отклонениями, размерами 7.5 × 5 м (рис. 3). Стены могилы по периметру были облицованы вертикально стоящими деревянными плахами, нижние концы которых упирались в желобки-канавки на дне гробницы. Перекрытие из дубовых плах поддерживалось деревянными столбами, 12 из которых были вкопаны по периметру погребения. Пять ямок в центральной части, возможно, также связаны с конструкцией перекрытия. Одна из них неглубокая (13 см), очертания ее в плане неровные, что несвойственно столбовым ямам. В заполнении трех других обнаружены предметы конской упряжи и кость лошади (рис. 3, 16–18).

Это наводит на мысль о культовом значении этих ямок. Ритуальные ямки в среднедонских погребениях скифского времени впервые зафиксиро-

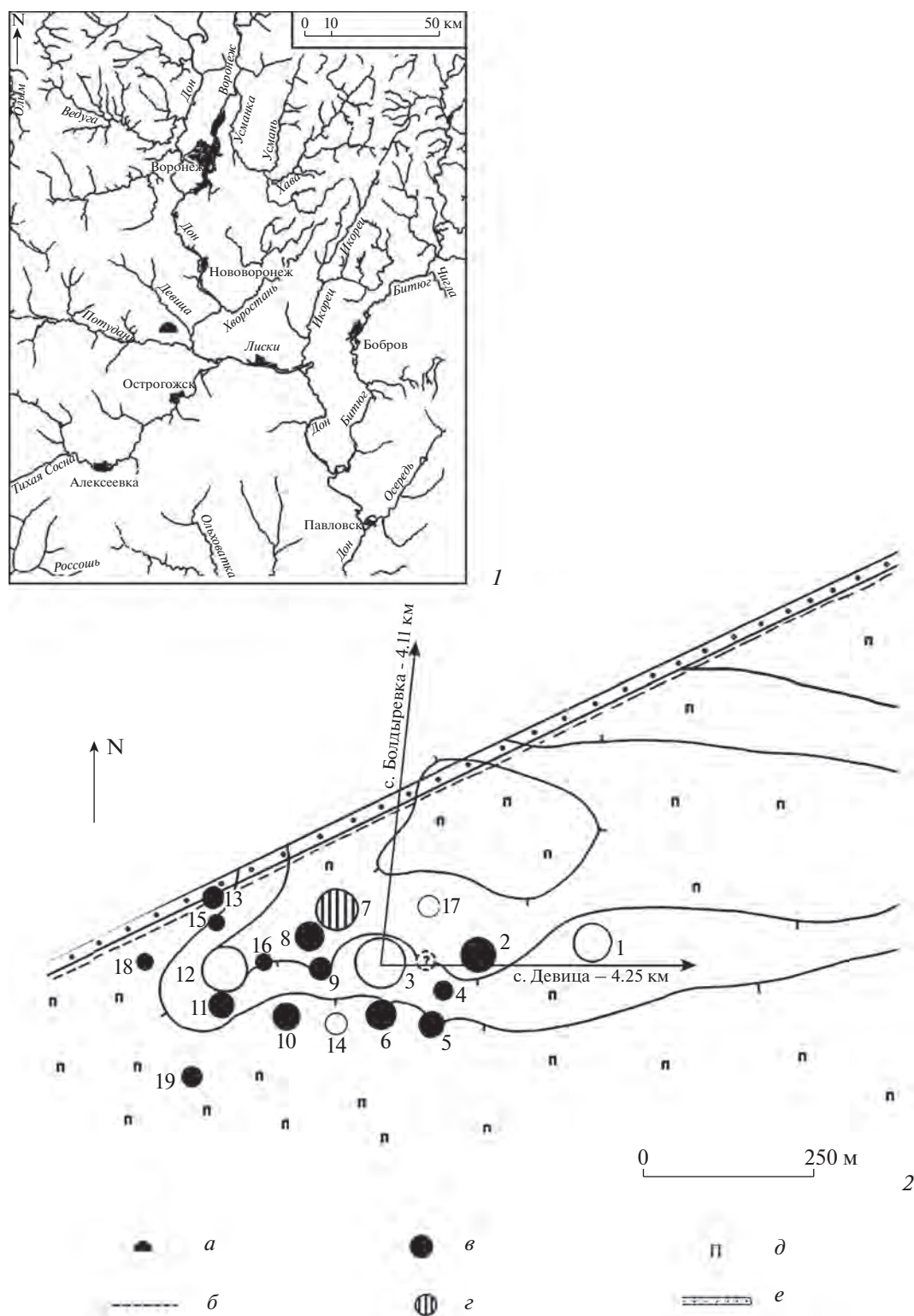

Рис. 1. Местоположение (1) и план (2) могильника Девица V. На плане сечение горизонталей — 1 м. Условные обозначения: а — могильник Девица V; б — грунтовая дорога; в — курганы, раскопанные в 2010–2019 гг.; г — курган, раскопанный в 2021 г.; д — пашня; е — лесополоса.

Fig. 1. The location (1) and plan (2) of the Devitsa V cemetery

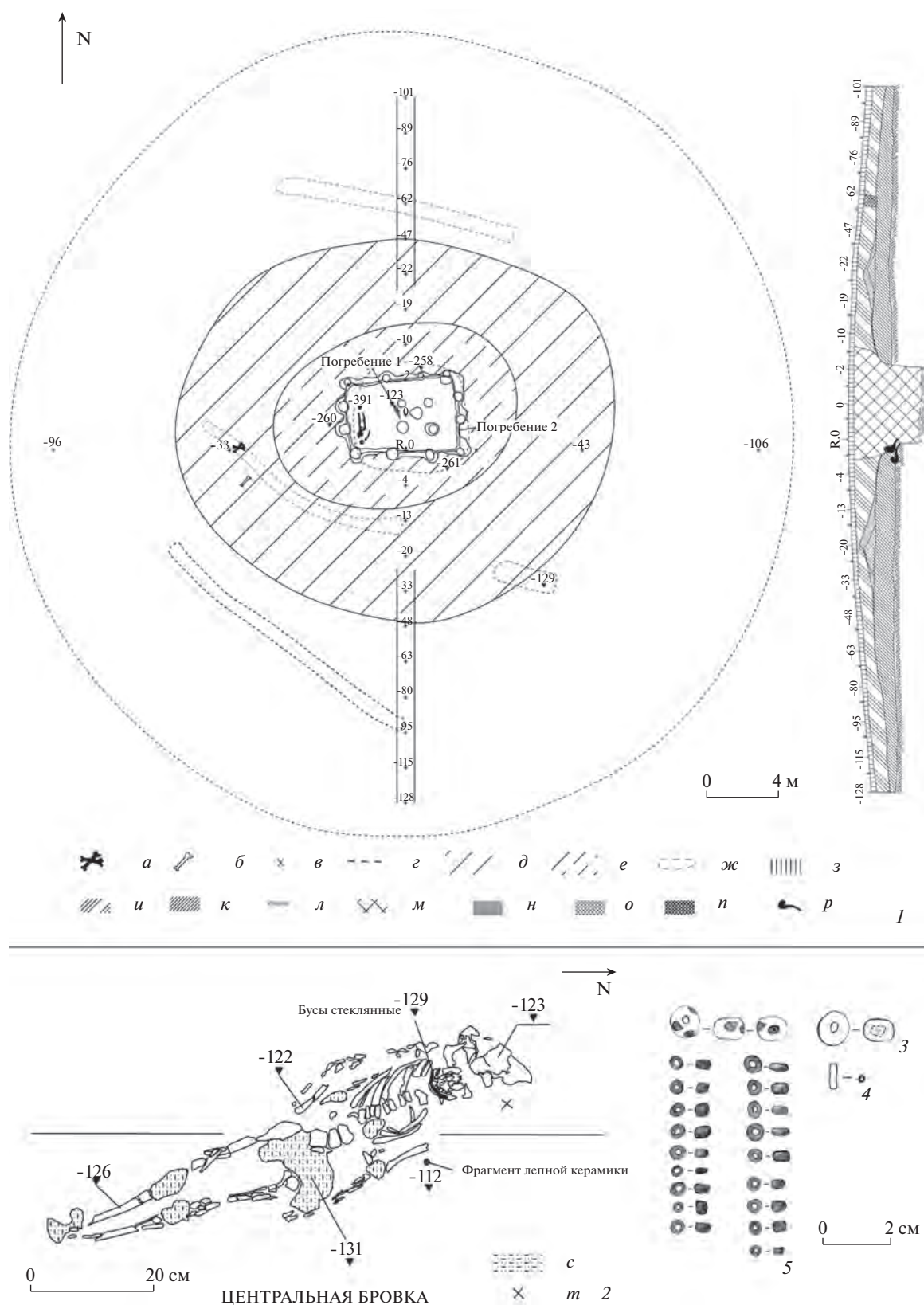

Рис. 2. Курган 7. 1 – план кургана и восточный фас центральной бровки; 2 – план погр. 1; 3 – глазчатые бусины; 4 – пронизка; 5 – бусины из глухого темно-синего стекла. Условные обозначения: а – кости человека в перекопе; б – кость животного; в – точка привязки; г – реконструируемые границы первоначальной насыпи; д – выкид из могилы; е – тонкий слой материкового выкида; ж – поздний перекоп; з – пахотный слой; и – насыпь кургана; к – погребенная почва; л – материк; м – заполнение грабительской ямы; н – выкид светло-желтого суглинки (материк); о – выкид мешаного слоя (погребенная почва); п – перекоп; р – нора грызуна; с – костный тлен; т – точка привязки.

Fig. 2. Mound 7. Plans of the mound (1) and burial 1 (2), finds (3–5)

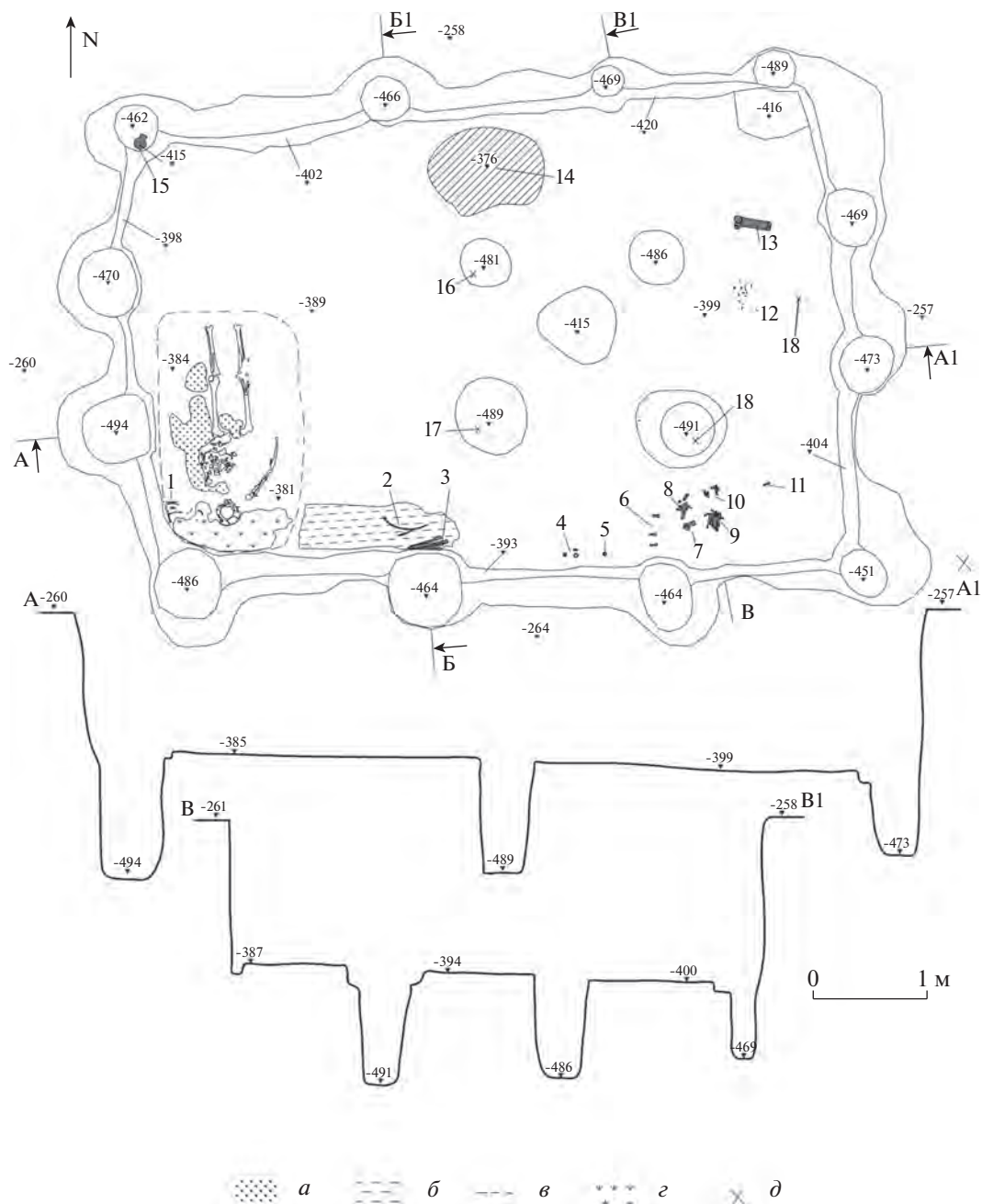

Рис. 3. План и разрезы погребения 2. 1 — полусферические бляшки; 2 — ребро лошади и железный нож; 3 — наконечники копья и дротиков; 4 — подпружные пряжки и бляшки узды; 5 — отдельная подпружная пряжка; 6 — втки дротиков; 7 — челюсти медведей; 8 — скопление уздечных наборов № 1; 9 — скопление уздечных наборов № 2; 10 — два комплекта нащечников и обломки железной ворворки; 11 — вток копья; 12 — скопление скоб и фрагменты оплетки; 13 — накладка; 14 — развал кувшина; 15 — кубок лепной; 16 — кость животного; 17 — ворворки; 18 — комплект нащечников; 19 — гвозди. Условные обозначения: а — пятна органического тлена буро-коричневого цвета; б — пятно органического тлена белесо-коричневого и коричневого цветов; в — предполагаемые границы погребального ложа; г — пятно органического тлена белого и белесо-коричневого цветов; д — точка привязки.

Fig. 3. Plan (with finds) and cross-sections of burial 2

ваны В.А. Городцовым при раскопках могильника Частые курганы и названы “бофрамы” (Городцов, 1947. С. 17–19). Позднее идея о характерности ямок-бофров для курганов Среднего Дона выска-

зана П.Д. Либеровым (1969. С. 18). Кроме того, В.Д. Березуцким предложена идея о том, что в некоторых случаях столбовые ямки в среднедонских погребениях были символическими — ими-

тировали деревянные столбы (Березуцкий, 2006. С. 143).

Вокруг могилы зафиксирован мощный вал выкида материкового светло-желтого суглинка (рис. 2, 1). Он был уложен замкнутым кольцом без перемычки-прохода, что редкость для курганных захоронений скифского времени на Среднем Дону.

В процессе разбора заполнения могильной ямы обнаружены некоторые находки, многочисленные кости животных. Особенный интерес представляет большое скопление костей барана, имевших зеленый цвет от длительного контакта с бронзой. Вероятно, как и в случае с курганом 9, мы имеем дело со сбросом костей из бронзового котла, унесенного во время разграбления (Гуляев и др., 2020. С. 25). Исследование останков позволило Е.Е. Антипиной установить пол животного, его возраст (4–4.5 года), относительно крупные размеры для скифской эпохи, а также время забоя барана (весна–лето). Последнее в свою очередь напрямую говорит о времени совершения захоронения.

Помимо этого в заполнении могилы найдены и другие кости животных: фрагмент челюсти овцы (3–4 года), ребра лошади. Кроме того – отдельные фаланги человека, которые концентрировались в западной части гробницы. Здесь обнаружены и спекшиеся наконечники железных втульчатых трехлопастных стрел (рис. 4, 12, 13), относящихся к типу 1 варианту 2 и типу 2 варианту 2 по классификации Е.И. Савченко (2004. С. 195, 196).

В основном погребении 2 обнаружено захоронение одного индивида. Покойный был уложен в юго-западном углу гробницы вдоль западной стенки (рис. 3). Грабительские действия нарушили костяк погребенного. Кости грудного отдела, позвоночника, таза, левой руки, а также нижняя челюсть лежали большой перемешанной грудой в районе живота индивида. Судя по наличию нижней челюсти в этом скоплении, череп покойного также был смещен, впрочем, не так далеко от своего первоначального положения. Вероятно, нетронутыми остались кости правого плеча и предплечья. Определенно неповрежденными зафиксированы кости ног индивида. Это позволяет уверенно говорить, что покойный был захоронен в положении “вытянуто на спине”, ориентирован головой на юг с небольшим смещением в сторону юго-востока.

Несмотря на потревоженный характер останков, все отделы скелета представлены полностью, за исключением отдельных мелких костей. Индивид из погребения был мужчиной в возрасте 40–49 лет (определения М.В. Добровольской). Судя по предварительным заключениям, он имел прижизненные травмы (возможно, боевые), а также

многочисленные физиологические нарушения и болезни.

Под погребенным прослежены пятна органического тлена. Под головой индивида была уложена растительная “подушка”. Аналогичная ситуация фиксировалась в захоронении упомянутого кургана 9 (Гуляев и др., 2020. С. 27). Вокруг скелета тлен имел другой характер. Возможно, покойный был уложен на ткань или шкуру животного. Эта подстилка была, вероятно, целиком расшита золотыми украшениями. Об этом говорят 87 экз. золотых нашивных полусферических бляшек, обнаруженные к западу от черепа (рис. 3, 1, 4, 21; 5, 1). Они не были тронуты грабителями, и их расположение свидетельствует о том, что подстилка была расшита по краю с двух сторон, а также имела узор с лицевой стороны.

Основная масса находок обнаружена вдоль южной стенки могилы (рис. 3). Ближе всего к покойному располагался комплекс напутственной пищи, состоявший из ребра лошади и железного ножа (рис. 3, 2). Лезвие ножа отогнуто вниз относительно оси черешка, спинка горбатая, лезвие прямое. Кончик лезвия обломан, как и черешок, от которого сохранилась лишь небольшая часть с одной заклепкой (рис. 4, 9).

Рядом с напутственной пищей найдены железные наконечники трех дротиков и одного копья (рис. 3, 3). Сверху располагался наконечник копья длиной 34 см (рис. 4, 1). Его лавролистное перо равно по длине втулке, что является, по наблюдению Е.И. Савченко, редким случаем для вооружения среднедонского населения (Савченко, 2004. С. 169, 250). Согласно типологии А.И. Мелюковой это копьё можно отнести к I отделу, типу 3, варианту 3 (Мелюкова, 1964. С. 38). Аналогичные наконечники обнаружены в курганах 31 могильника Частые курганы (Пузикова, 2001. Рис. 17, 7), 28 некрополя у с. Староживотинное (Медведев, 2001. Рис. 5, 1), а также в кургане 4 у с. Терновое (Савченко, 2001б. Рис. 7, 21). Наибольшее распространение подобные копья в Скифии получили в конце VI – первой половине V вв. до н.э., хотя отдельные варианты могут присутствовать и в курганах IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 39).

Три наконечника дротиков отличаются стандартизованным обликом. Общая их длина колеблется от 32 до 34 см (рис. 4, 2–4). Перо всех наконечников имеет вытянуто-треугольную форму, в сечении – ромбовидную с расходящимися жалцами, подрезанными под острым углом к стержню. Широкое использование дротиков на Среднем Дону началось на рубеже V–IV вв. до н.э. (Савченко, 2004. С. 172).

К каждому наконечнику обнаружены втоки. Три лежали группой в 1.7 м к востоку от наконечников (рис. 3, 6). Один экземпляр располагался

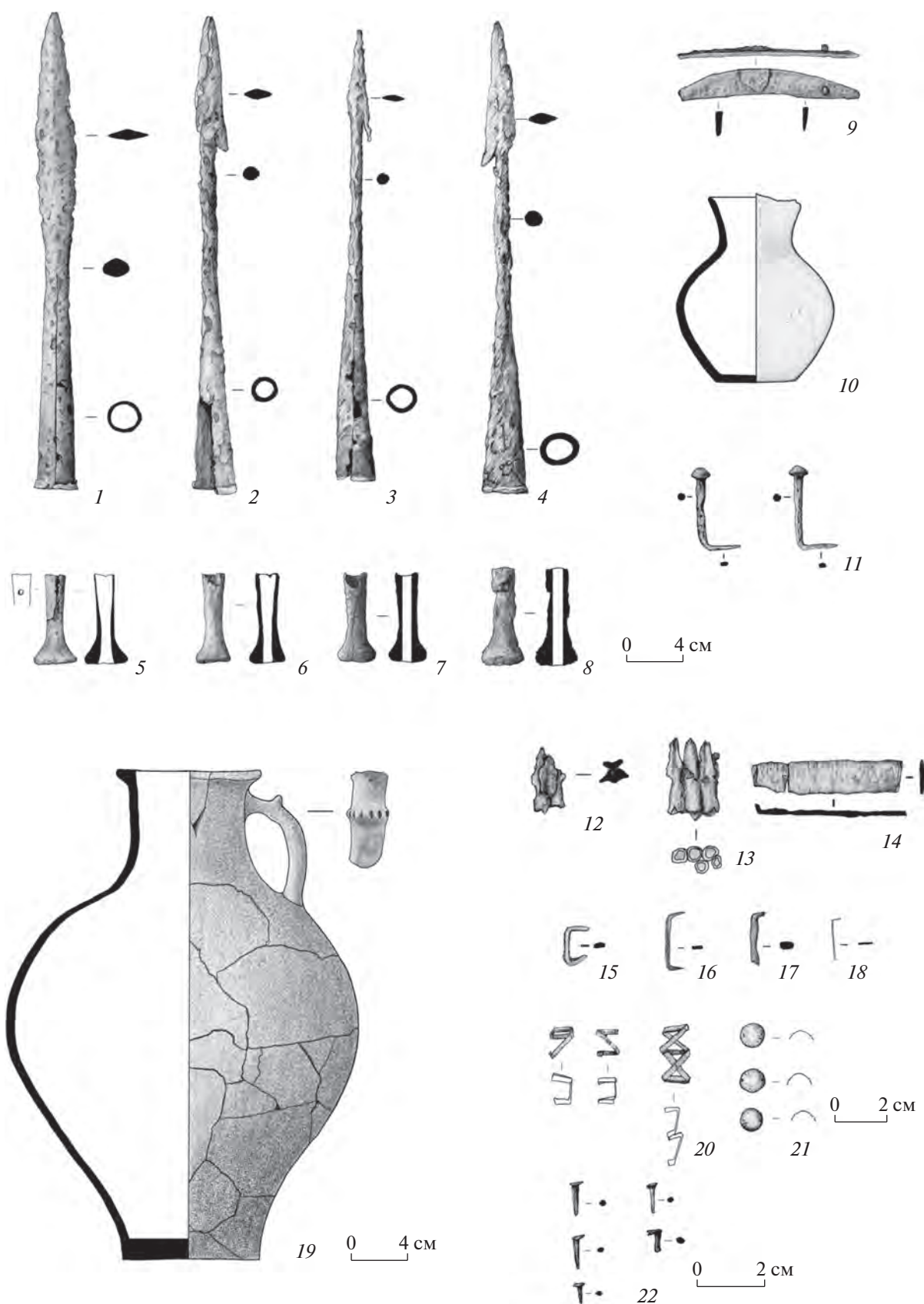

Рис. 4. Инвентарь погребения 2. 1 – наконечник копья; 2–4 – наконечники дротиков; 5–8 – втоки; 9 – нож; 10 – сосуд лепной; 11 – гвозди; 12, 13 – спекшиеся наконечники стрел; 14–18 – скобы; 19 – сосуд лепной; 20 – оплетка; 21 – полусферические бляшки; 22 – гвоздики. 1–9, 11–18 – железо; 10, 19 – глина; 20, 21 – золото; 22 – серебро.

Fig. 4. Grave goods from burial 2

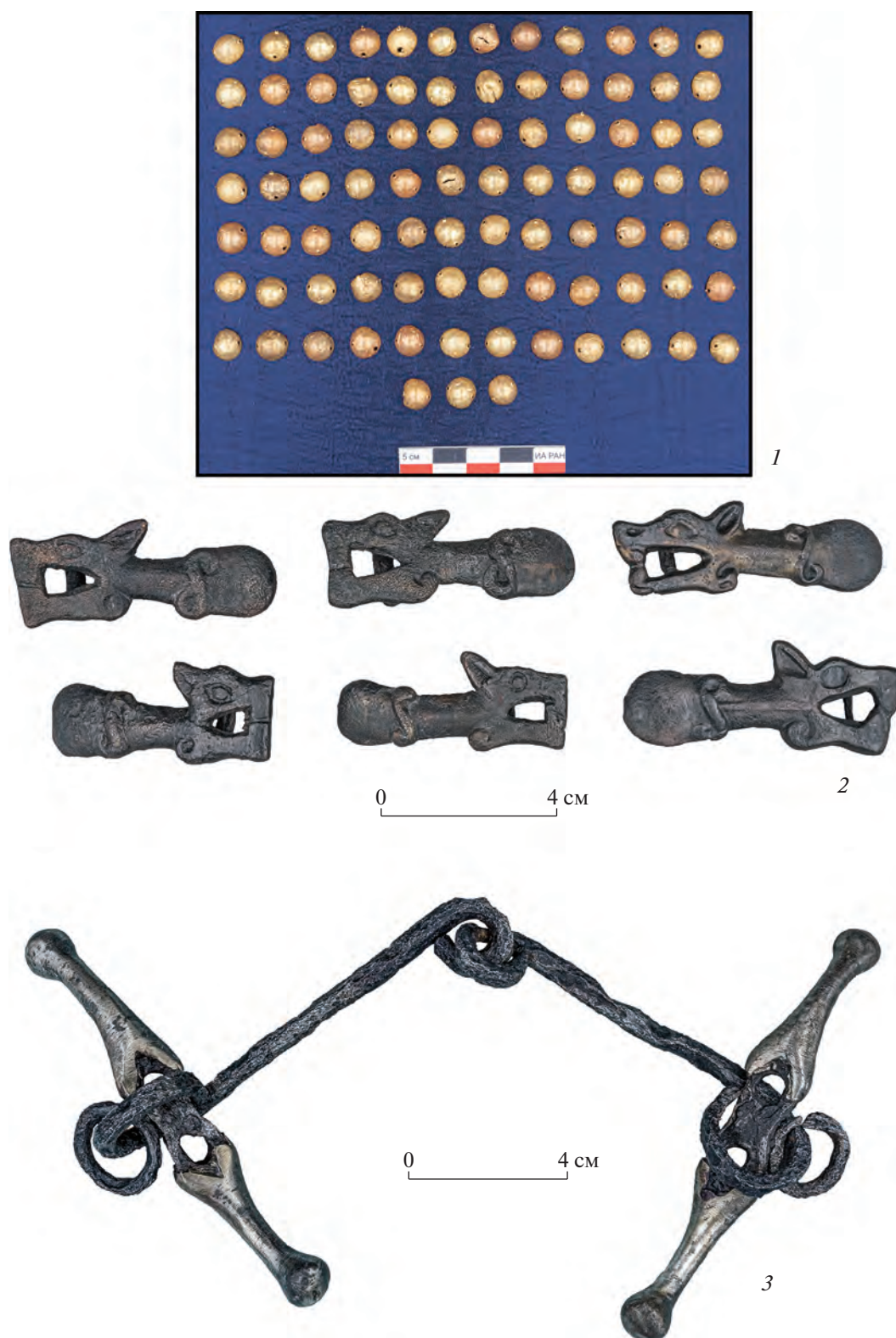

Рис. 5. Находки из погребения 2. 1 — золотые полусферические бляшки; 2 — бронзовые нащечники; 3 — комплект узды № 1 (железные удила, кольца и биметаллические псалии).

Fig. 5. Finds from burial 2

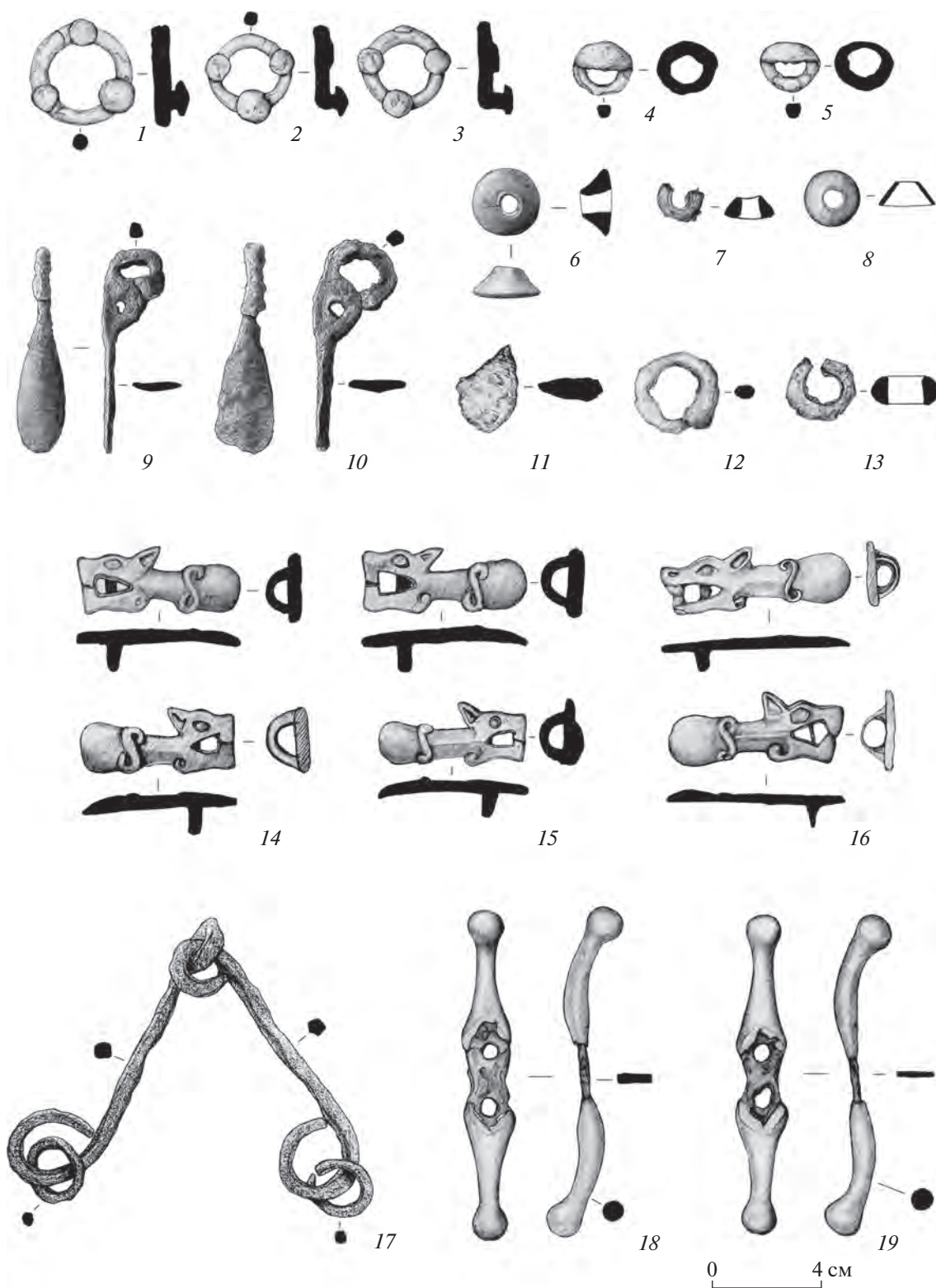

Рис. 6. Конское снаряжение из погребения 2. 1–3 – подпружные пряжки; 4, 5 – уздечные бляшки; 6–8 – ворворки; 9, 10 – конские налобники; 11 – фрагмент конского налобника; 12 – уздечное кольцо; 13 – ворворка; 14–16 – нащечники с изображением волка; 17 – удила; 18, 19 – пса́лии. 1–5, 8, 14–16 – бронза; 6 – рог; 7, 9–13, 17 – железо; 18, 19 – железо, серебро.

Fig. 6. Horse gear from burial 2

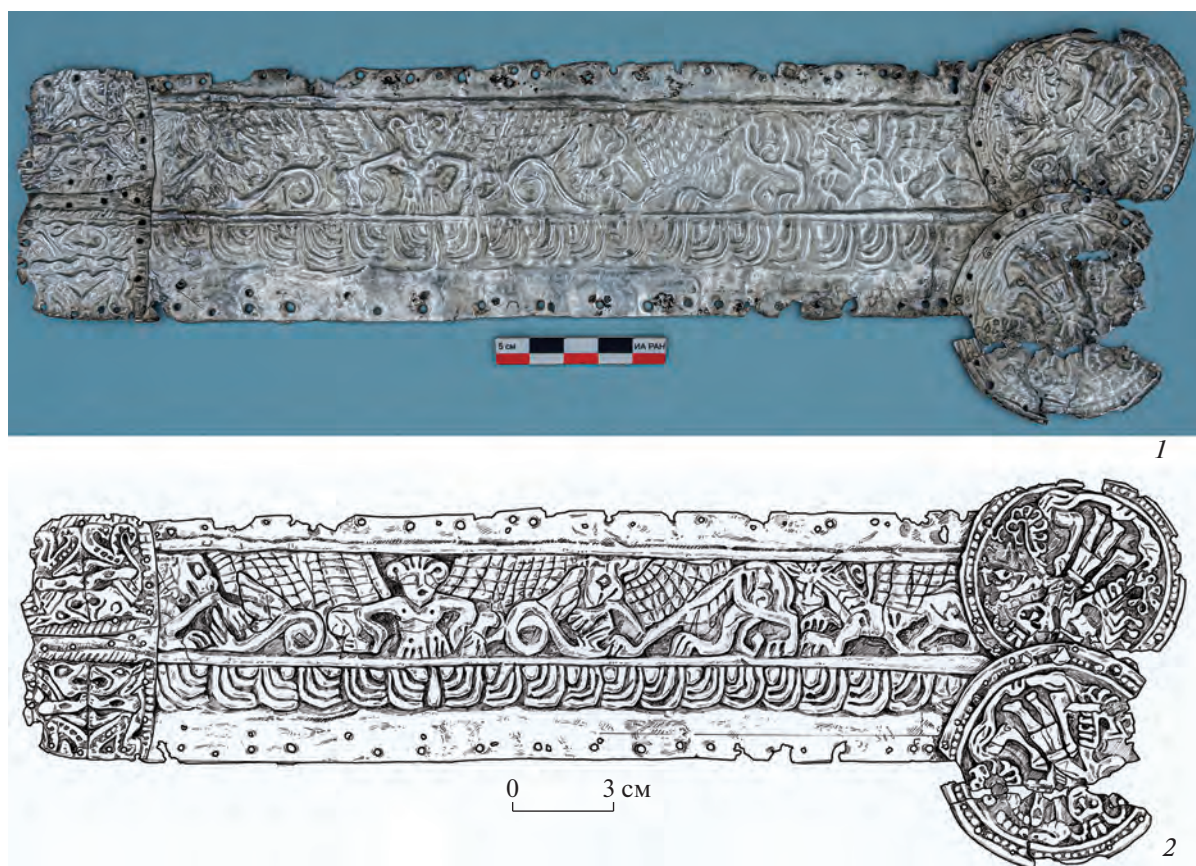

Рис. 7. Серебряная накладка из погребения 2. 1 — фото; 2 — прорисовка (рисунок К.С. Окоорокова).

Fig. 7. Silver mount from burial 2. Drawing by K.S. Okorokov

ближе к восточной стенке могилы (рис. 3, 11). Логично предположить, что дальний вток относился к копыю, остальные — к дротикам. При этом все они практически идентичны: рюмкообразной формы и почти все имеют одну длину — 6.4 см (рис. 4, 5—7). Лишь один немного длиннее, что, вероятно, вызвано сильной коррозией (рис. 4, 8).

Все втки найдены *in situ*, поэтому зафиксированы размеры древкового оружия. Длина дротиков от острия наконечника до основания втока составляет порядка 2.2 м, копыя — 3.24. Замеры размеров копий на Среднем Дону удалось провести в трех комплексах, их длина колебалась от 2.6 до 3.3 м (Савченко, 2004. С. 171). Длина дротиков установлена также в трех случаях, их размеры варьируются от 1.84 до 2.26 м (Савченко, 2004. С. 174).

К востоку от наконечников обнаружены три бронзовые подпружные пряжки (рис. 3, 4, 5). Рамки выполнены в форме кольца, круглого в сечении (рис. 6, 1—3). Две пряжки диаметром 3 см, одна немного больше — 3.8. Каждая из них имеет по одному высокому шпеньку грибовидной формы с полусферической шляпкой, а также по два дополнительных круглых в плане выступа по бокам. Аналогий им на территории Среднего Подо-

нья немного. Одна пряжка с витой рамкой обнаружена в кургане 10 могильника Колбино I (Шевченко, 2009. Рис. 13, 7). Однако наибольшее сходство они обнаруживают с пряжками из кургана 14 у с. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 22, 9, 10). По мнению В.А. Ильинской, пряжки такого облика наиболее ранние, употреблялись скифами с конца V в. до н.э. (Ильинская, 1973. С. 61, 62). С.В. Полин считает, что такие элементы выходят из употребления на протяжении третьей четверти IV в. до н.э., уступая место пряжкам с заостренным выступающим язычком и прямоугольной железной рамкой (Бидзиля, Полин, 2012. С. 190—194).

Рядом с подпружными пряжками найдены две бронзовые упряжные бляшки (рис. 3, 4). Они имеют небольшой полусферический щиток и массивную петлю, овальную в сечении (рис. 6, 4, 5). Аналогии этим украшениям можно найти в курганах 14 и 17 у с. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 22, 5, 8; 27, 21, 22).

Среди скопления предметов конского снаряжения в погребении обнаружены три комплекта удила и псалиев (рис. 3, 8, 9). Наиболее хорошей сохранностью отличается комплект № 1 (рис. 5, 3).

Все элементы упряжи во всех комплектах идентичны за исключением пары деталей, поэтому описание находок будет дано по нему.

Комплект № 1 состоит из железных удилов с кольцами, вставленными во внешние концы для соединения с поводьями, а также двух биметаллических псалиев S-видной формы. Удила принадлежат к самой распространенной в скифском мире конструкции, которая господствовала на территории степей и лесостепей Восточной Европы в V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1979. С. 211). Они выполнены из железа, стержни квадратные в сечении, без элементов устроения (рис. 6, 17). Звенья неравной длины, что характерно для конского снаряжения Среднего Дона в скифскую эпоху (Савченко, 2009. С. 228).

Общая длина псалиев из комплекта № 1 составляет 12 см. Центральная плоская часть выполнена из железа в форме восьмерки с сужением для перехвата внешними кольцами удилов, имеет два отверстия (рис. 6, 18, 19). Сами стержни изготовлены из серебра (определение И.А. Сапрыкиной) с округлым сечением и оконечностями в виде округлой шишечки. Идентичны описанным псалии из комплекта № 3. Во втором комплекте они отлиты из бронзы, стержни имеют ромбовидное сечение. По типологии В.Г. Петренко все изделия можно отнести к типу 2, варианту 4 (Петренко, 1967. С. 38–41).

Биметаллические S-видные псалии редки на территории Среднего Подонья. Они найдены в составе комплекса кургана 10 у с. Горки (Гуляев, Савченко, 2004. Рис. 5, 20), в кургане 9 у с. Дуровка (Пузикова, 2001. Рис. 29, 5), а также в кургане 29/21 — он же курган II по А.А. Спицину (Манцевич, 1973. Рис. 3, 26). Кроме целых экземпляров обнаружены еще два отдельных стрежня: в кургане 7 у хут. Дубовой (Березуцкий, 2006. Рис. 4, 2) и в кургане 14 у с. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 22, 15). Стоит отметить, что почти половина из указанных изделий была изготовлена из серебра.

Курган 10 у с. Горки датируется по амфоре типа Пепарет II третьей четвертью IV в. до н.э. (Гуляев, Савченко, 2004. С. 43). Курган 9 у с. Дуровка также датируется этим временем благодаря находке двух мечей типа Чертомлык (Пузикова, 2001. Рис. 30, 1, 2). Датировка мечей данной серии не выходит за пределы третьей четверти IV в. до н.э. (Топал, 2014. С. 136). Комплекс погребения в кургане 29/21 у с. Мастюгино А.П. Манцевич датировала в пределах второй половины IV в. до н.э. (Манцевич, 1973. С. 41). На основании аналогий с материалами из могильника Колбино I эту дату можно сузить до третьей четверти IV в. до н.э. Курган 7 у хут. Дубовой может датироваться в пределах середины—второй половины IV в. до н.э. Курган 14 у с. Русская Тростянка А.И. Пузикова

датировала второй половиной V в. до н.э. (Пузикова, 2001. С. 135). Впоследствии время бытования амфоры раннего производства Гераклеи из могилы было уточнено. А.П. Абрамов датировал ее первой половиной IV в. до н.э., Г.А. Ломтадзе — началом IV в. до н.э. (Пузикова, 2017. С. 18).

В погребении также обнаружено шесть бронзовых нашечников с изображением головы волка (рис. 5, 2; 6, 14–16). Все предметы лежали в могиле попарно, образуя три комплекта (рис. 3, 10, 18). Они выполнены по единой модели: на лицевой стороне изображена голова хищника в профиль и его шея, которая заканчивается S-видным завитком; в сечении морда зверя плоская, шея подтреугольная, окончание сегментовидное; на тыльной стороне пасти волка располагается вертикальная петля.

Лучше всего проработано изображение на левостороннем нашечнике из комплекта (№ 3), обнаруженного в столбовой ямке (рис. 6, 16). Пасть широко открыта, оскал передан двумя мощными острыми клыками. Нос хищника заострен, подчеркнута овальная ноздря. Глаз выполнен также в форме овала с выпуклой слезницей, окруженной желобком, его форма перекликается с абрисом бугристого лба. Ухо зверя изображено в форме заостренного овала, вытянутого под острым углом по отношению к шее. Ушная раковина подчеркнута углубленной овальной выемкой, основание нижней челюсти — завитком. Шея волка длинная, на ней намечено продольное ребро, которое выходит из линии нижней челюсти. Шея плавно переходит в округлое окончание нашечника, которое может символически обозначать туловище животного.

Изображения на остальных предметах отличаются большей схематизацией (рис. 6, 14, 15), при этом вполне отчетливо прослеживается закономерность: на левосторонних украшениях повторяется именно профиль, обращенный в комплекте № 3 влево, а на правосторонних — вправо. Это подтверждается и аналогиями среди материалов других среднедонских захоронений. Бронзовых нашечников, выполненных по образцу из погребения 2, насчитывается 6 экз. Один из них происходит из кургана 40/26 у с. Мастюгино (Пузикова, 2001. Рис. 34, 8); один — из кургана 9, два — из кургана 14 у с. Дуровка (Пузикова, 2001. Рис. 29, 4; 42, 1, 2); два — из кургана 10 у с. Горки (Гуляев, Савченко, 2004. Рис. 4, 12, 13). Сходство всех указанных изделий позволяет предполагать, что они были изготовлены одновременно в качестве одной серии. К ней же могут быть отнесены и нашечники из кургана 10 у с. Колбино (Шевченко, 2009. Рис. 13, 5, 6). Стилистика, в которой выполнены изображения на них, немного иная, однако все характерные для серии черты полностью соблюдены.

Как уже говорилось ранее, курганы 10 у с. Горки и 9 у с. Дуровка датируются третьей четвертью IV в. до н.э. Датировка кургана 40/26 у с. Мастюгино второй–третьей четвертью IV вв. до н.э. определяется амфорой, относящейся, по А.П. Абрамову, к производству Гераклеи, но подражающей по форме фазосским (Пузикова, 2001. С. 64). Г.А. Ломтадзе отнес эту амфору к “биконическому типу” и сузил датировку до середины–третьей четверти IV в. до н.э. (Пузикова, 2017. С. 19). В кургане 14 у с. Дуровка обнаружена амфора, происходящая, по мнению А.В. Сазанова и А.П. Абрамова, из античного центра Менда (Пузикова, 2001. С. 195). Г.А. Ломтадзе отнес ее к так называемому типу портичелло амфор Менды и датировал концом V – первой половиной IV в. до н.э. (Пузикова, 2017. С. 19). Курган 10 могильника Колбино I датирован серединой IV в. до н.э. (Гуляев, 2002. Л. 18).

Большинство погребений, в которых найдены нашечники с изображением головы волка, датируются серединой–третьей четвертью IV в. до н.э. Исключение составляет курган 14 у с. Дуровка. Однако данная серия предметов имеет слишком большое сходство в мельчайших деталях, чтобы серьезно разрывать время их производства. Единственная точка временного соприкосновения этих комплексов – середина IV в. до н.э. Вероятно, в это время и были произведены все нашечники.

В скоплении элементов конского снаряжения обнаружены два целых железных конских налобника и один фрагмент железного щитка налобника (рис. 6, 9–11). Щиток первого налобника имеет вытянуто-каплевидную форму с наибольшей шириной в нижней части (рис. 6, 9). У второго наибольшее расширение находится в центральной части, так что форма может быть описана, скорее, как лавролистная (рис. 6, 10). Устройство округлого крючка, обозначающего шею птицы, у обоих предметов схожее. Головка птицы символизируется шишечкой округлой формы. Согласно классификации Е.И. Савченко эти налобники относятся к типу III, так называемым стилизованным (Савченко, 2009. С. 259). В круг аналогий входят предметы, найденные в кургане 29/21 у с. Мастюгино (Пузикова, 2001. Рис. 30, 25), курганах 5, 7 и 40 у с. Колбино (Савченко, 2001б. Рис. 25, 5; 28, 12; Шевченко, 2009. Рис. 46, 11). Наибольшее сходство обнаруживается с налобниками из кургана 9 могильника Девица V (Гуляев и др., 2020. Рис. 4, 5).

Комплекты конского снаряжения сопровождался многочисленными ворворками, непременно элементом узды. Большинство их было изготовлено из железа (рис. 6, 7, 13), одна – из бронзы (рис. 6, 8), одна – из рога (рис. 6, 6). Также найдены отдельные железные кольца повода (рис. 6, 12).

Рядом с предметами узды обнаружены два фрагмента предчелюстных костей с резцами от черепов двух бурых медведей (рис. 3, 7). По определению Е.Е. Антипиной, возраст одного хищника колебался в диапазоне 4–6 лет, другого – от 12 до 14 лет, т.е. оба животных были взрослыми особями. До сих пор фрагменты отрубленных верхней и нижней челюстей медведя удалось обнаружить на Среднем Дону всего один раз, в кургане 36 у с. Колбино (Шевченко, 2009. Рис. 144, 1, 2). Однако от предыдущей находки челюсти из погребения 2 отличается наличие искусственной обработки поверхности. Каждая кость оформлена в виде почти круглого диска (с максимальной толщиной около 2 см). Обработке подверглась только сторона отруба от черепа. Следы реального использования этих предметов пока не обнаружены. Неясна и их подлинная функция, но можно предполагать, что эти медвежьи челюсти связаны с культами местного населения, в среде которого медведь почитался как грозный и опасный хищник (Гуляев, 2020. С. 51–60).

В северо-западной столбовой яме гробницы обнаружен небольшой лепной сосуд высотой 13.5 см (рис. 3, 15). По форме он близок к категории кубков со сферическим туловом, широко известных в материалах скифских погребений Северного Причерноморья (рис. 4, 10). Исследователями отмечается принадлежность этой категории посуды к ритуальной сфере (Рябова, 1986; Манцевич, 1987; Кузнецова, 1988; Королькова, 2003. С. 93). Подобные сосуды найдены в курганах 40/26 у с. Мастюгино (Пузикова, 2001. Рис. 34, 4) и 9 у с. Колбино (Савченко, 2001а. Рис. 2, 26).

У северной стенки гробницы (рис. 3, 14) зафиксирован развал высокого сосуда с широким, раздутым туловом, высоким горлом, имеющим практически одинаковый с донцем диаметр (рис. 4, 19). Венчик сосуда оттянут и горизонтально срезан, образуя плоскую поверхность. Сосуд имеет одну вертикальную боковую ручку, которая украшена поперечным рельефным налетом с шестью желобками. Поверхность изделия залощена и имеет темно-серый цвет.

Подобные сосуды довольно широко представлены в среднедонских курганах скифской эпохи: курганы 1, 4, 14 и 15 у с. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 4; 7, 6; 21, 3); курган 9 у с. Дуровка (Пузикова, 2001. Рис. 28, 1); курганы 10 и 40 у с. Колбино (Шевченко, 2009. Рис. 13, 27; 47, 1); курган 5 у с. Терновое (Савченко, 2001. Рис. 10, 25–27); курган 13 у с. Горки (Гуляев, Савченко, 2004. Рис. 10, 7); курган 8 у с. Ближнее Стояново (Березуцкий, 1996. Рис. 6, 1); курган 7 у хут. Дубовой (Березуцкий, 2006. Рис. 4, 1); курганы 9 могильника Частые курганы (Замятнин, 1946. Рис. 25) и 3 (Городцов, 1947. Рис. 9). Все эти комплексы датируются в пределах IV в. до н.э.

Возможно, у восточной стенки камеры находился еще один сосуд, деревянный (рис. 3, 12). Об этом свидетельствуют целые и фрагментированные железные скобы, обнаруженные единым скоплением (рис. 5, 14–18). Кроме железных скоб здесь обнаружено три фрагмента золотой крестообразной оплетки (рис. 4, 20). Аналогичные предметы найдены в курганах 11/16 у с. Мастюгино и 4 у с. Дуровка (Пузикова, 2001. Рис. 13, 17; 18, 10) и кургане 5 могильника Терновое I (Савченко, 2001. Рис. 10, 10). Особенный интерес представляют находки из Мастюгино, так как в этом погребении оплетки найдены вместе с золотой оковкой деревянного сосуда.

Почти вплотную к восточной стенке могилы обнаружено два железных гвоздя, согнутых в нижней части под углом в 90° (рис. 3, 19). Шляпки гвоздей полусферические, нижняя часть ножек в сечении прямоугольная, остальная же — круглая (рис. 4, 11). Возможно, они были вбиты в облицовку стен гробницы и служили крюками для подвешивания инвентаря.

В северо-восточном углу погребения сделана, пожалуй, наиболее интересная находка всего комплекса (рис. 3, 13). Она представляет собой серебряную накладку из пяти частей, лежавшую лицевой стороной на материковом дне. До конца не ясно, какой предмет она украшала, очевидно лишь, что он был деревянным (на внутренней поверхности сохранились фрагменты дерева) и что накладка была прибита к нему небольшими серебряными гвоздиками, изготовленными из тонкого свернутого листа металла (рис. 4, 22). Всего их обнаружено 70 экз., однако число таких гвоздиков, если судить по отверстиям на изделии, должно было превышать сотню. Кроме гвоздей накладка была прикреплена к основе при помощи клеящего вещества, нанесенного равномерно на всю оборотную сторону.

Длина всего предмета — 34,5 см (рис. 7). Центральная часть представлена пластиной шириной 7,3 см, на которой методом тиснения нанесено изображение. При этом полоса композиции имеет ширину всего 5 см. Основная линия фигур ограничена рельефными полосами, под нижней помещен орнамент в виде “полуовов”, сходящихся к центру. Нужно отметить, что он оказался смещенным влево из-за того, что пластина была обрезана по краям перед креплением. В центре всей композиции расположена фигура полуобнаженная женская фигура с крыльями (рис. 8, 3). Голову персонажа украшает головной убор, обозначенный тремя вертикальными трапециевидными столбиками, по бокам ограниченными двумя завитками. Руки широко разведены в стороны и согнуты в локтях. К сожалению, предплечья и ладони проработаны плохо. От пояса идет треугольное расширение, имеющее шесть разрезов,

в основании которых намечены две точки. Возможно, таким образом была передана одежда (юбка) женского персонажа. Ниже фигура обрезана полосой “полуов”.

Справа к фигуре приближаются два орлиногловых грифона, голова дальнего изображена в анфас, хорошо выделены острые уши. Грифоны переданы явно в движении, о чем говорит поднятая правая передняя лапа. Слева от центрального персонажа также изображен грифон в движении, который оказался обрезан. Можно предположить, что левая часть первоначальной композиции должна была зеркально повторять правую. Между грифонами и женской фигурой располагаются “завитки”, которые по виду напоминают побеги лозы. Впрочем, у них наблюдается по два небольших крыла. Возможно, что здесь изображены крылатые змеи, головы которых оказались в плохо проработанной зоне композиции.

К центральной пластине с левой стороны были приклепаны две квадратных пластинки с идентичными композициями (рис. 8, 1). На них изображены по две зооморфные фигуры, стоящие друг напротив друга в так называемой геральдической позе. Изображение выполнено схематично, из-за чего есть два варианта трактовки голов: пасти зверей либо раскрыты и оскалены, либо таким образом был передан клюв. Обозначены глаза, подтреугольные заостренные уши, шея передана двумя складками. Нижняя половина фигур представляет собой два змееподобных отростка с закрученными концами, поверхность которых покрыта точками. Довольно трудно интерпретировать их характер. Возможно, они были призваны символизировать крылья, если всю композицию трактовать как фигуры двух грифонов в геральдической позе. С одной стороны, эта версия выглядит наиболее привлекательной, так как подобные изображения известны в материалах скифских памятников и вполне соответствуют выделенному А.Р. Канторовичем “гаймановско-чмыревскому” типу (Канторович, 2015. С. 150). С другой стороны, нижнюю часть можно рассматривать как хвосты гиппокампов или других существ. В рамках предварительной публикации окончательная трактовка этих изображений, пожалуй, преждевременна. Можно отметить, что головы этих существ имеют сходства с зооморфными образами на золотой обивке верхней части гребня из кургана 32/32 у с. Мастюгино (Пузикова, 2001. Рис. 40, 1). По краям квадратные пластинки имеют обрамление полосой с рельефным орнаментом в виде косой насечки.

С правой стороны к основной пластине были приклепаны две круглые пластинки диаметром 6,7 см (рис. 8, 2). Одна из них оказалась сильно повреждена, вторая подверглась в древности ремонту — на обороте сделана небольшая “заплат-

Рис. 8. Фрагменты накладки. 1 — с зооморфными изображениями; 2 — с антропоморфными фигурами; 3 — изображение богини на центральной пластине. С увеличением, без масштаба.

Fig. 8. Fragments of the mount. Magnification, not to scale

ка”. По краям эти пластинки обрамлены двумя рельефными полосами, между которыми расположен орнамент из плотно расположенных точек.

Композиции обеих пластин идентичны. По центру изображена стоящая в полный рост антропоморфная фигура. На голове персонажа изображен

головной убор, схожий с тем, что можно увидеть на женской персоне основной пластины. Фигура одета в кафтан или куртку с запахом и широким поясом, обувь отсутствует. Одежда доходит до колен, и, судя по ней, персонаж — мужчина. Руки его, возможно, высоко подняты, не согнуты в локтях. Однако из-за качества проработки изображения это суждение может быть неточным.

Мужчину окружают две фигуры зооморфных существ. Относительно хорошо проработана их нижняя половина, показаны мощные задние лапы с когтями. Одной из них существа почти касаются пояса мужчины, вторая находится под его ногами. Причем изображена только одна кисть лапы, общая для обоих существ. В центральной их части показаны крылья, перья которых оформлены в виде завитков. В случае одного из существ видна длинная шея, на которой изображены треугольные полосы. Аналогичным образом показана шея одного из грифонов на основной пластине. Суммируя приведенные выше сведения, можно вполне уверенно утверждать, что существа на круглых пластинках также являются грифонами.

Обоснованная интерпретация, тщательный анализ изображений, представленных на описанном выше предмете, — дело будущих специальных исследований. На данный момент с определенной долей уверенности можно лишь говорить о соотношении женской фигуры на основной пластине с Владычицей зверей и покровительницей человеческого и животного плодородия, малоазийской Кибелой или Аргимпасой в скифском пантеоне. В качестве наиболее близкой аналогии можно привести намершие из Александропольского кургана (Полин, Алексеев, 2018. С. 529, 530).

Возможна интерпретация как неких божеств и мужских персонажей на круглых пластинках. В пользу этого могут говорить головные уборы, аналогичные изображенному на женском божестве, связь с грифонами. Их идентификация пока затруднительна в связи с отсутствием явных сходств с известными образами. Впрочем, антропоморфные персонажи редки среди скифских древностей, вследствие чего полные аналогии зачастую просто не существуют.

Датировка погребения 2 кургана 7 могильника Девица V должна находиться в пределах третьей четверти IV в. до н.э. Об этом свидетельствуют все приведенные выше аналогии элементам конского снаряжения, благодаря которым устанавливаются надежные хронологические связи с античным керамическим импортом. Подобной датировке не противоречит время бытования и остальных предметов комплекса.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-29-01006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Г1-12). 96 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Г1-12). 105 с.
- Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени у села Ближнее Стояново // Археологические исследования высшей педагогической школы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. пед. ун-та, 1996. С. 162—180.
- Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2004 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12 / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2006. С. 138—148.
- Бидзиля В.И., Полин С.В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с.
- Городцов В.А.* Раскопки “Частых курганов” близ Воронежа в 1927 г. // Советская археология. 1947. IX. С. 13—28.
- Гуляев В.И.* Отчет о работе Донской экспедиции Института археологии РАН в 2002 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 26801.
- Гуляев В.И.* Культ медведя у населения Восточной Европы в скифскую эпоху. М.: ИА РАН, 2020. 248 с.
- Гуляев В.И., Володин С.А., Шевченко А.А.* Элитный курган скифского времени на Среднем Дону (по материалам раскопок могильника Девица V) // Российская археология. 2020. № 4. С. 21—39.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 35—52.
- Замятнин С.Н.* Скифский могильник “Частые курганы” под Воронежем // Советская археология. 1946. VIII. С. 9—51.
- Ильинская В.А.* Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наук. думка, 1973. С. 42—63.
- Канторович А.Р.* Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 113—218.
- Королькова Е.Ф.* Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 36. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 28—59.
- Кузнецова Т.М.* Скифские ритуальные сосуды // Краткие сообщения Института археологии. 1988. Вып. 194. С. 17—22.
- Либеров П.Д.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население Среднего Дона в скифское время / Отв. ред. А.П. Смирнов.

- М.: Наука, 1969 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 151). С. 5–26.
- Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 15. Л.: Аврора, 1973. С. 12–28.
- Манцевич А.П. Курганы Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 143 с.
- Медведев А.П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Бескуднов. Липецк: Успех-Инфо, 2001. С. 4–14.
- Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1-4). 114 с.
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 256 с.
- Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М.: Наука, 1967 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1-4). 180 с.
- Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавель Олег Філюк, 2018. 930 с.
- Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.: Индрик, 2001. 271 с.
- Пузикова А.И. Погребальный инвентарь могильников скифского времени Среднего Подонья. М.: ИА РАН, 2017. 160 с.
- Рябова В.А. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. С. 138–149.
- Савченко Е.И. “Забытый” курган из раскопок П.Д. Либера // Российская археология. 2001а. № 4. С. 153–161.
- Савченко Е.И. Могильник скифского времени “Терновое I – Колбино I” на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001б. С. 53–144.
- Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 151–277.
- Савченко Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–329.
- Топал Д.А. Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка // Stratum plus. 2014. № 3. С. 129–156.
- Шевченко А.А. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 26–112.

NEW DISCOVERIES OF THE DON EXPEDITION OF THE IA RAS ON THE MIDDLE DON IN 2021

Valery I. Gulyaev^a, Semyon A. Volodin^{a, #}, and Aleksandr A. Shevchenko^{a, ##}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: volodinsaimon@gmail.com

^{##} E-mail: she.shevchenko@yandex.ru

The article is a preliminary publication of the results of research by the Don archaeological expedition of the Institute of Archaeology RAS in 2021. During the field season, the expedition explored mound 7 of the Devitsa V cemetery. As a result of investigation on the mound, one entrance burial of the Sarmatian period was found. The main burial under the mound was made in a wooden frame-pillar tomb in the Scythian era. Although the grave had been plundered, a significant part of the inventory remained intact in the central burial including weapon, horse gear, hand-made pottery, and items of the burial bed ornamentation. While studying the grave, the expedition found a silver mount decorated with unique anthropomorphic and zoomorphic images. The grave goods allow dating the complex to the third quarter of the 4th century BC.

Keywords: Scythians, mound, the Middle Don, Scythian period, Sarmatian period, Scythian animal style, funeral rite.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1975. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Beads of the antiquity period from the Northern Pontic]. Moscow: Nauka. 96 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G1-12).
- Alekseeva E.M., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Beads of the antiquity period from the

- Northern Pontic]. Moscow: Nauka. 105 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G1-12).
- Berezutskiy V.D., 1996. Mounds of the Scythian period near the village of Blizhneye Stoyanovo. *Arkheologicheskie issledovaniya vysshey pedagogicheskoy shkoly [Archaeological research of the higher pedagogical institutions]*. A.T. Sinyuk, ed. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 162–180. (In Russ.)
- Berezutskiy V.D., 2006. Mounds of the Scythian period near the Dubovoy farm in the Middle Don (excavations of 2004). *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of Eastern Europe]*, 12. A.T. Sinyuk, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 138–148. (In Russ.)
- Bidzilya V.I., Polin S.V., 2012. Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila [The Scythian royal mound of Gaymanova Mogila]. Kiev: Skif. 752 p.
- Gorodtsov V.A., 1947. Excavations of “Chastye kurgany” near Voronezh in 1927. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, IX, pp. 13–28. (In Russ.)
- Gulyaev V.I. Otchet o rabote Donskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v 2002 g. [Report on the works of the Don expedition of the Institute of Archaeology RAS in 2002]. *Arkhib Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, F-1, R-1, № 26801.
- Gulyaev V.I., 2020. Kul't medvedya u naseleniya Vostochnoy Evropy v skifskuyu epokhu [The cult of bear among the population of Eastern Europe in the Scythian period]. Moscow: IA RAN. 248 p.
- Gulyaev V.I., Savchenko E.I., 2004. A new site of Scythian period in the Middle Don. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 gg. [Archaeology of the Middle Don in the Scythian period. Proceedings of the Don (Potudan) archaeological expedition of the IA RAS, 2001–2003]*. V.I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 35–52. (In Russ.)
- Gulyaev V.I., Volodin S.A., Shevchenko A.A., 2020. Elite mound of the Scythian period in the Middle Don (materials from the excavations in the Devitsa V cemetery). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 21–39. (In Russ.)
- Il'inskaya V.A., 1973. Scythian bridle of the 4th century BC. *Skifskie drevnosti [Scythian antiquities]*. E.V. Chernenko, ws. Kiev: Naukova dumka, pp. 42–63. (In Russ.)
- Kantorovich A.R., 2015. Images of syncretic animals in the East European Scythian animal style: classification, typology, chronology, and iconographic dynamics. *Istorieskie issledovaniya [Historical research]*, 3, pp. 113–218. (In Russ.)
- Korol'kova E.F., 2003. Ritual bowls with zoomorphic decor in the culture of early nomads. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Collected papers of the State Hermitage Museum on archaeology]*, 36. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 28–59. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 1988. Scythian ritual vessels. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 194, pp. 17–22. (In Russ.)
- Liberov P.D., 1969. The issue of the Budini and Gelonians in the light of new archaeological data. *Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremya [Population of the Middle Don in the Scythian period]*. A.P. Smirnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 5–26. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 151). (In Russ.)
- Mantsevich A.P., 1973. The Mastugino mounds based on materials from the collection of the State Hermitage Museum. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Collected papers of the State Hermitage Museum on archaeology]*, 15. Leningrad: Avropa, pp. 12–28. (In Russ.)
- Mantsevich A.P., 1987. Kurgan Solokha. Publikatsiya odnoy kolektsii [The Solokha mound. Publication of a collection]. Leningrad: Iskusstvo. 143 p.
- Medvedev A.P., 2001. Excavations of the Scythian cemetery at Starozhivotinnoye. *Verkhnedonskoy arkheologicheskii sbornik [The Upper Don collected papers on archaeology]*, 2. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Uspekhi-Info, pp. 4–14. (In Russ.)
- Medvedev A.P., 2008. Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa [Sarmatians in the upper reaches of Tanais]. Moscow: Taus. 252 p.
- Melyukova A.I., 1964. Vooruzhenie skifov [Weaponry of the Scythians]. Moscow: Nauka. 114 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-4).
- Melyukova A.I., 1979. Skifiya i frakiyskiy mir [Scythia and the Thracian world]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Petrenko V.G., 1967. Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V–III vv. do n.e. [Right bank of the Middle Dnieper in the 5th–3rd centuries BC]. Moscow: Nauka. 180 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-4).
- Polin S.V., Alekseev A.Yu., 2018. Skifskiy tsarskiy Aleksandropol'skiy kurgan IV v. do n.e. v Nizhnem Podneprov'e [The Scythian Aleksandropol royal mound of the 4th century BC in the Lower Dnieper]. Kiev; Berlin: Vidavets' Oleg Filyuk. 930 p.
- Puzikova A.I., 2001. Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (publikatsiya kompleksov) [Mound cemeteries of the Scythian period in the Middle Don region (publication of complexes)]. Moscow: Indrik. 271 p.
- Puzikova A.I., 2017. Pogrebal'nyy inventar' mogil'nikov skifskogo vremeni Srednego Podon'ya [Grave goods of the Scythian cemeteries in the Middle Don region]. Moscow: IA RAN. 160 p.
- Ryabova V.A., 1986. Metal cups from Scythian mounds. *Issledovaniya po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Studies in the archaeology of the North-Western Pontic]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 138–149. (In Russ.)
- Savchenko E.I., 2001a. “Forgotten” burial mound from the excavations by P.D. Liberov. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 153–161. (In Russ.)
- Savchenko E.I., 2001b. The Scythian burial ground of Ternovoye I – Kolbino I in the Middle Don region (burial rite). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000 gg. [Archaeology of the Middle Don in*

- the Scythian era. Proceedings of the Potudan archaeological expedition of the IA RAS, 1993–2000]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 53–144. (In Russ.)*
- Savchenko E.I.*, 2004. Weaponry and equipment of the Scythian population in the Middle Don. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 gg. [Archaeology of the Middle Don in the Scythian period. Proceedings of the Don (Potudan) archaeological expedition of the IA RAS, 2001–2003]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 151–277. (In Russ.)*
- Savchenko E.I.*, 2009. Scythian horse gear of the Middle Don region as an archaeological source. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. [Archaeology of the Middle Don in the Scythian period. Proceedings of the Don archaeological expedition of the IA RAS, 2004–2008]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 221–329. (In Russ.)*
- Shevchenko A.A.*, 2009. New materials for the studying the Scythian burial mound of Kolbino I in Middle Don. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. [Archaeology of the Middle Don in the Scythian period. Proceedings of the Don archaeological expedition of the IA RAS, 2004–2008]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–112. (In Russ.)*
- Topal D.A.*, 2014. Final evolutionary lineage of Scythian swords in the Classical period. The correlation of Chertomlyk and Shulgovka types. *Stratum plus*, 3, pp. 129–156. (In Russ.)
- Zamyatnin S.N.*, 1946. The Scythian cemetery of “Chastye kurgany” near Voronezh. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, VIII, pp. 9–51. (In Russ.)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМ ПОЗДНЕЙ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

© 2022 г. Н. В. Лопатин*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: n.lopatin@gmail.com*

Поступила в редакцию 23.08.2021 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

На материале керамики исследуется проблема происхождения археологических культур последней четверти I тыс. н.э. в северной части расселения восточнославянских племен, ставших основой формирования Новгородской, Смоленской и Полоцкой земель. Излагается новая, хотя и основанная на наблюдениях ряда современных исследователей, гипотеза: два основных сюжета формирования керамических наборов четвертой четверти Северо-Запада — керамики с ребром (ладожского типа) и без ребра (с округлым плечом) — находят свои истоки среди местных древностей, на территории от верховьев Волги, Двины и Мсты до озера Ильмень. Прослеживаются связи, заполняющие кажущийся культурный разрыв VIII в. В более раннее время (вторая четверть I тыс.) эти традиции начали формироваться в Верхнем Поднепровье и Подвинье. Оспаривается концепция “второй волны” славянской колонизации Северо-Запада, основанной на далекой массовой миграции.

Ключевые слова: длинные курганы, удомельский тип, лепная керамика, ладожский тип, ранние славяне.

DOI: 10.31857/S0869606322030096

В статье рассматривается характер культурных изменений в северной части ареала древностей “накануне Руси” на рубеже третьей/четвертой четв. I тыс. н.э.

Происхождение всех культур последней четв. I тыс. от Смоленского Поднепровья до Ладоги, которые стали базой формирования Руси, остается загадкой. Заметен культурный разрыв, приходящийся на VIII в. Однако детальное рассмотрение керамических наборов в ряде регионов позволяет гипотетически перекинуть “мостики”.

При изучении культурогенеза второй половины I тыс. на территории Верхнего Поднепровья и русского Северо-Запада необходимо держать в поле зрения следующие основные блоки культур.

Для V–VII вв.: (1) древности типа Тушемля-Банцеровщина (Верхнее Поднепровье и Подвинье, средняя Белоруссия; в рамках этого традиционного для историографии объединения намечается не менее 4–5 культурно-хронологических групп: Лопатин, Фурсев, 2007. С. 92–103); (2) колочинская культура (Обломский, 2016); (3) пражская культура (Гавритухин, 2009); (4) культура псковских длинных курганов (далее — ПДК; в ее рамках намечены три локальных варианта: Лопатин, 2003; Михайлова, 2014; Исланова, 2016); (5) бескурганные культурные группы Севе-

ро-Запада, иногда именуемые “предсопочными”, всего их не менее пяти (Исланова, 2016; Еремеев, Дзюба, 2010).

Для VIII–X вв.: (6) культура смоленских длинных курганов (далее — СДК), включая города и сельские поселения в их ареале (Енуков, 1990; Шмидт, 2012; Еремеев, 2015, Кренке и др., 2020); (7) северные варианты культур райковецкой и роменской (Енуков, 1990. С. 167–173; Макушников, 2009. С. 22–31; Касюк, 2019. С. 623); (8) памятники с керамикой типа СДК за пределами ареала последних — города, сельские поселения, поздние ПДК и сопки (Лопатин, 2007; Михайлова, 2014; Горюнова, 2016); (9) памятники с керамикой ладожского типа (в основном бассейны рек Мсты и Волхова), включая города, сельские поселения и сопки (Плохов, 2005; Еремеев, Дзюба, 2010; Сениченкова, 2011).

Несмотря на большое значение керамики блоков 6, 8, 9 для изучения истории населения северной части раннеславянского мира преддревнерусского времени, происхождение этих гончарных традиций до сих пор не имеет убедительной трактовки.

Не раз исследователи обращали внимание на сходство наборов блоков 6 и 8 с керамикой пражской культуры (блок 3), а также с синхронными

наборами блока 7 (Шмидт, 1963. С. 187; 2012. С. 39; Седов, 1978. С. 66; Енуков, 1990. С. 89, 90; Исланова, 1997. С. 25; Щеглова, 2002. С. 146; Конецкий, 2003. С. 209, 210; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 482).

И.И. Еремеев пытался определить исходный район славянской миграции VIII в. на Северо-Запад вплоть до Поволжья на территории Белоруссии — в области между Припятью, Неманом, Западной Двиной и Днепром. Для этого он анализировал материалы трех памятников (блоки 6 и 8) — Витебск, Лукомль, Жужлянка (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 437–480). Гипотеза представляется неубедительной: она фактически опирается на материалы уже четвертой четв. I тыс., происхождение которых не изучено. Нет среди них и прототипов ладожской керамики.

Предполагаемые параллели между керамикой блоков 6, 8, с одной стороны, и 3, 7, с другой, служат одним из аргументов сторонников теории “второй волны” славянской колонизации Северо-Запада, в пользу которой привлекают также данные о проникновении на север элементов южных культур — хозяйственно-бытового комплекса и металлических украшений (Минасян, 1982; Нефёдов, 2000. С. 197; Щеглова, 2002; Казанский, 2020). Замечу, что несомненные параллели, прослеживаемые по металлическим вещам приблизительно VIII в., не обязательно говорят о массовой миграции населения с юга.

Проблема происхождения керамики ладожского типа (блок 9) начала проясняться в начале 1990-х годов после введения в оборот И.В. Ислановой материалов удомельского типа (Исланова, 1997. С. 63). Эти материалы привели В.В. Седова к отказу от идеи второй волны славянской колонизации Северо-Запада, связанной с культурой сопков (Седов, 1995. С. 246).

Данный обзор опирается на два положения, выработанные к настоящему времени, хотя до сих пор дискуссионные. Во-первых, о местном происхождении гончарных традиций четвертой четв. I тыс. на Северо-Западе (Исланова, 1997; 2017. С. 84; Седов, 1995; Лопатин, 2006. С. 338, 339; 2009; Сениченкова, 2011. С. 223; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 98, 99, 481, 482; Носов, Плохов, 2016. С. 356, 357; Платонова, Жеглова, 2021. С. 192). Во-вторых, о тесной взаимосвязи двух основных форм керамики — с округлым и ребристым плечом (Конечский, 2003. С. 210; Лопатин, 2007. С. 220, 221; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 482).

Из массива керамики перечисленных блоков отберем материал, важный для рассмотрения обозначенной проблемы, приблизительно оценив, где это возможно, долю той или иной характерной формы в наборе.

Подчеркну, что поиск истоков культурных групп в пределах одного и того же периода (что

зачастую делают), представляется некорректным. Исследуя генезис традиций, не следует смешивать его с рассмотрением разнообразных горизонтальных связей.

Инструмент сопоставления перечисленных культурных групп — типология керамики. Она охватывает материалы всех групп, кроме самых южных, в равной степени. Применяемая типология разработана мною давно, но позднее дорабатывалась и дополнялась (Лопатин, 2018. Рис. 2). Она обсуждается и находит применение в работах коллег (Исланова, 2006. С. 224; 2016. С. 160; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 482; Носов, Плохов, 2016. С. 355, 356; Конечский, 2016. С. 315, 317 и др.). Здесь она дополнена главными формами четвертой четв. I тыс.: тип 10 разделен на варианты а и б (с прямым и отогнутым краем), а также добавлен ладожский тип, которому присвоено обозначение Р-5 в продолжение отдельной нумерации ребристых форм (рис. 1). Эти три типа соответствуют основным формам типологии И.И. Еремеева — вариантам 1.1, 1.2 и группе 4 соответственно (Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 378).

Поскольку сравнение целых форм с фрагментами приводит к некорректным выводам, сводная схема (рис. 1) оформлена для фрагментарного материала: универсальный размерный критерий — высота фрагмента от верха сосуда составляет 0.8 минимального радиуса в верхней части формы.

Перейдем к рассмотрению вероятных связующих звеньев между керамическими наборами третьей и четвертой четв. I тыс. на Северо-Западе.

Главный тезис: вместо керамики пражской культуры основными предшественниками керамических форм с округлым плечом четвертой четв. I тыс. на Северо-Западе (типы 10а и 10б) я считаю типы 1, 2, 7 и 11 моей схемы. Из них первые три характерны для киевской культуры верхнеднепровского (тип Абидня) и западнодвинского (круг Заозерье-Узмень) вариантов, которые общими пропорциями сходны с пражскими формами. Тип 11 формируется на основе традиций киевской культуры более локально — в типе Узмень. Характерными особенностями типа 11 являются усиленная профилированность элементов верхней части (венчика, шейки и плечика — иногда всех вместе, а иногда по отдельности), а также отогнутость венчика наружу. Типы 1 и 7 в некоторых проявлениях весьма близки типу 10а, а тип 11 соответственно — типу 10б. Как в ранних материалах, так и в более поздних встречаются экземпляры с профилировкой переходного характера (таблица, рис. 2, 3). Керамика ладожского типа — с ребром в верхней трети (тип Р-5) — также находит свои прототипы (тип Р-1) среди местных древностей, начиная с памятников типов Абидня, Заозерье, Узмень (таблица, рис. 2, 3; Лопатин, Фурасев, 2007. Рис. 22, 23, 30).

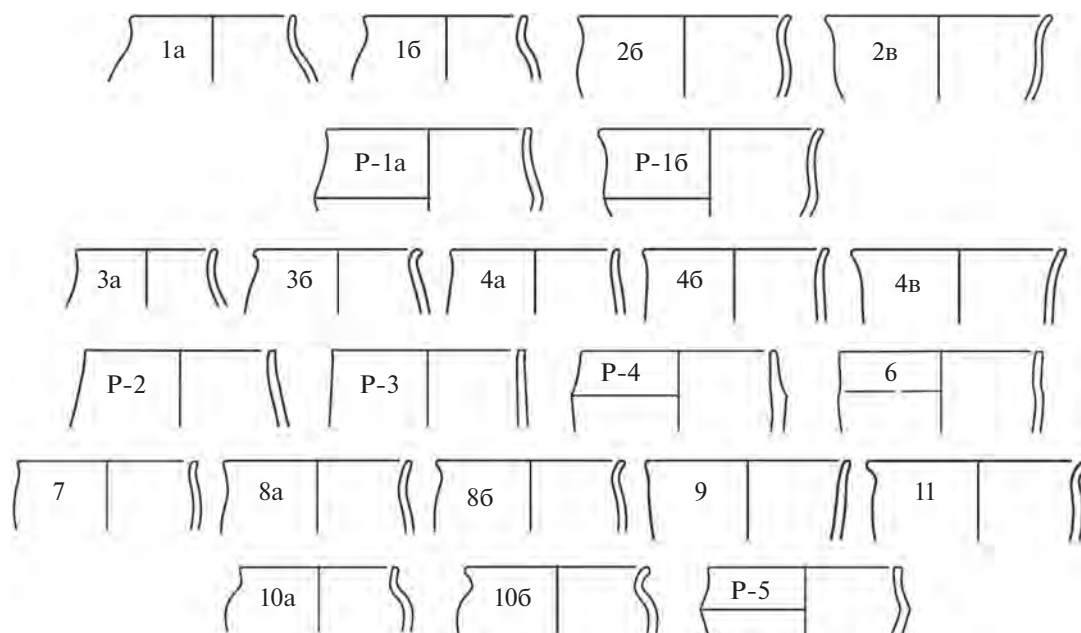

Рис. 1. Типология лепной керамики Верхнего Поднепровья и Северо-Запада (ок. 250–1000 гг. н.э.).

Fig. 1. Typology of hand-made pottery of the Upper Dnieper and the North-West of Russia (c. 250–1000 AD)

Перечисленные варианты с тенденцией развития в сторону форм четвертой четв. I тыс. будем называть “перспективными” (основные из них — типы 7, 11 и P-1). На взаимосвязи периодов третьей и четвертой четв. I тыс. указывает также присутствие на поздних памятниках архаизмов (типы 3, 4, 8, 9); их отмечает для этого времени И.И. Еремеев (группы 3 и 5 его типологии: Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 379, 380).

В Мстинско-Валдайском регионе в третьей четв. I тыс. известны памятники ПДК и бескуранные древности нескольких групп, выделенных И.В. Ислановой (мстинская, удомельская и верхневолжская). Сравнение керамических наборов эталонных памятников этих групп сделано И.В. Ислановой (Исланова, в печати. Рис. 220). Хотя наши определения типов керамики совпадают не полностью, общие выводы близки: наблюдается значительное сходство керамических материалов с точки зрения присутствия “перспективных” форм.

На материалах памятника Юрьевская Горка (Исланова, 1997) была обоснована гипотеза о местном генезисе культуры сопок. Помимо ряда публикаций автора раскопок, могу опираться также на собственное ознакомление с частью коллекции¹. Наиболее массовы среди керамики памятника типы 1б (рис. 2, 1), 7 и 10а, которые выглядят как варианты единого массива (Исла-

нова, 1997. Рис. 35, 1–5, 10–13; 36, 1–7, 11; 37). Остальные формы — типов 11 (рис. 2, 2), 10б, слабопрофилированные типы 9, 6, 3б(?) и 4а(?), — немногочисленны. Экземпляров с едва намеченным ребром также немного (см. также об этом: Сениченкова, 2011. С. 223), поэтому данный памятник следует считать предшественником того варианта “сопочных” древностей, для которого не характерна ладожская керамика (Плохов, 1992. С. 121; Конецкий, 2003. С. 210).

На селище Леонтьево мстинской группы (Исланова, 2006. Рис. 79–81) наиболее явно определены типы 1б, 7, 11, 10а и формы со сглаженным ребром, близкие по пропорциям к типу P-5.

Типологические определения керамики “перспективных” и профилированных форм, представленных на рисунках 2 и 3

Typological definitions of pottery of “perspective” and profiled forms presented in figures 2 and 3

Тип	Рисунок 2, позиция	Рисунок 3, позиция
1б	1	—
2б	11	—
7	—	4, 7, 10, 15
10а	3, 5, 8, 13	6, 12, 16
11	2, 6, 7, 9, 10, 12	5, 13, 14
10б	10	—
P-1	4	1–3, 8, 9, 11
P-5	14, 15	—

¹ Благодарю И.В. Исланову за предоставленную возможность ознакомления с материалами.

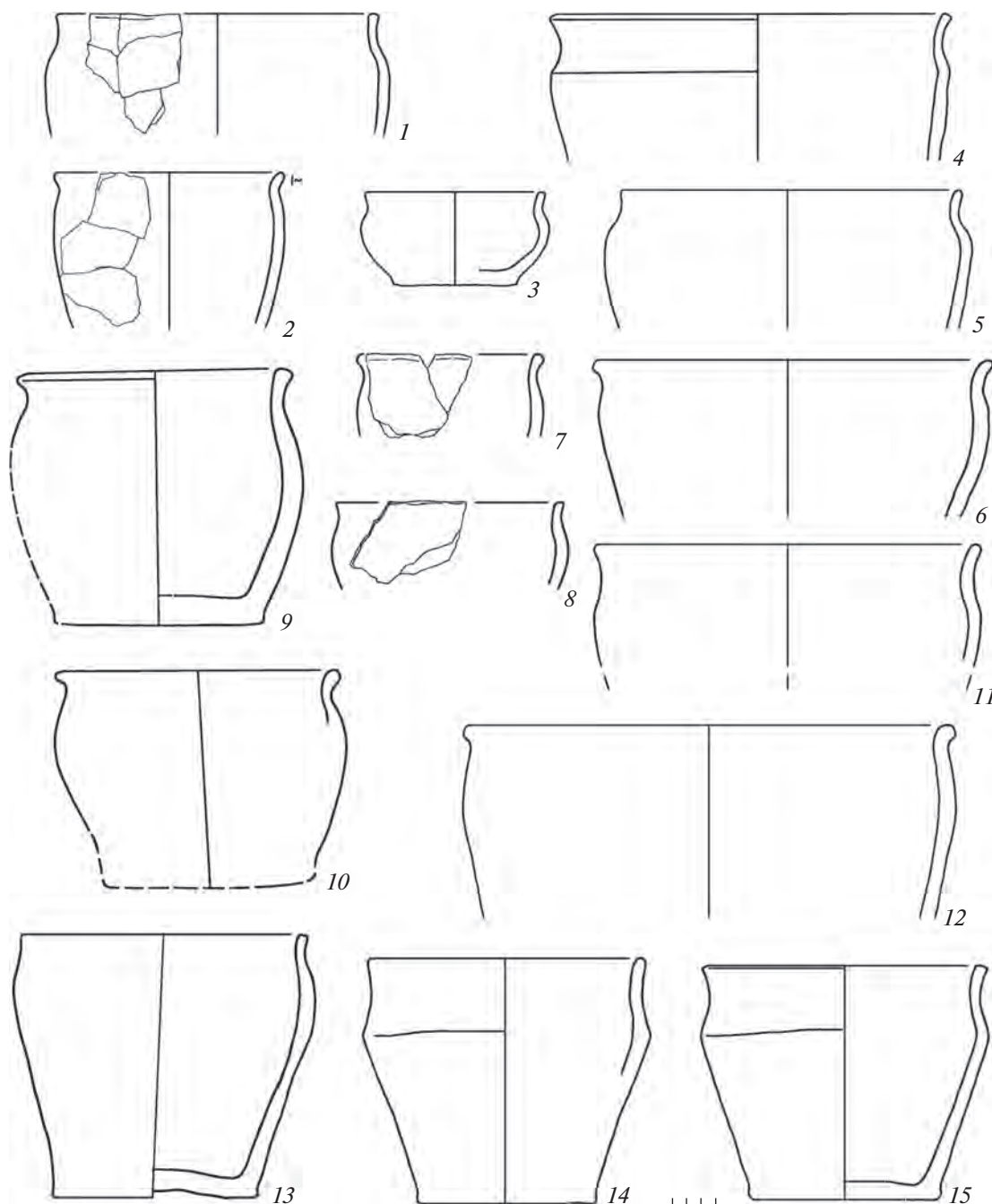

Рис. 2. Керамика Мстинско-Валдайского региона “перспективных” и профилированных форм. 1, 2 – Юрьевская Горка; 3–6 – Шихино; 7, 8 – Городок на Шлине; 9 – Потерпелицы; 10 – Липицы; 11, 12 – Пуйга; 13 – Подол на оз. Кафтино; 14 – Яблонька; 15 – Шитовичи. Рисунки автора.

Fig. 2. Pottery of the Msta-Valdai region of “perspective” and profiled forms. Drawings by the author

В бассейне верхнего течения Мсты и в соседних микрорегионах исследовано довольно много погребений ПДК (в том числе несколько грунтовых) с керамическими сосудами, из которых примерно половина имеет “перспективные” формы: Обрынь, Липицы, Потерпелицы (Лопатин, 2003. Рис. 8, 2, 3; 9, 7–9б), Медная Гора, Овсище, Пуй-

га, Липовицы, Норфино, Шитовичи, Богатково, Иваново, Шихино, Березино, Подол, Яблонька (Исланова, 2006. Рис. 84–106). Большинство сосудов, связанных с трупосожжениями, относится к типам 7, 11, 10а, 10б, Р-5 (рис. 2, 3–6, 9–15). По сравнению с поселенческими материалами, преобладают раскрытые формы типов 11 и

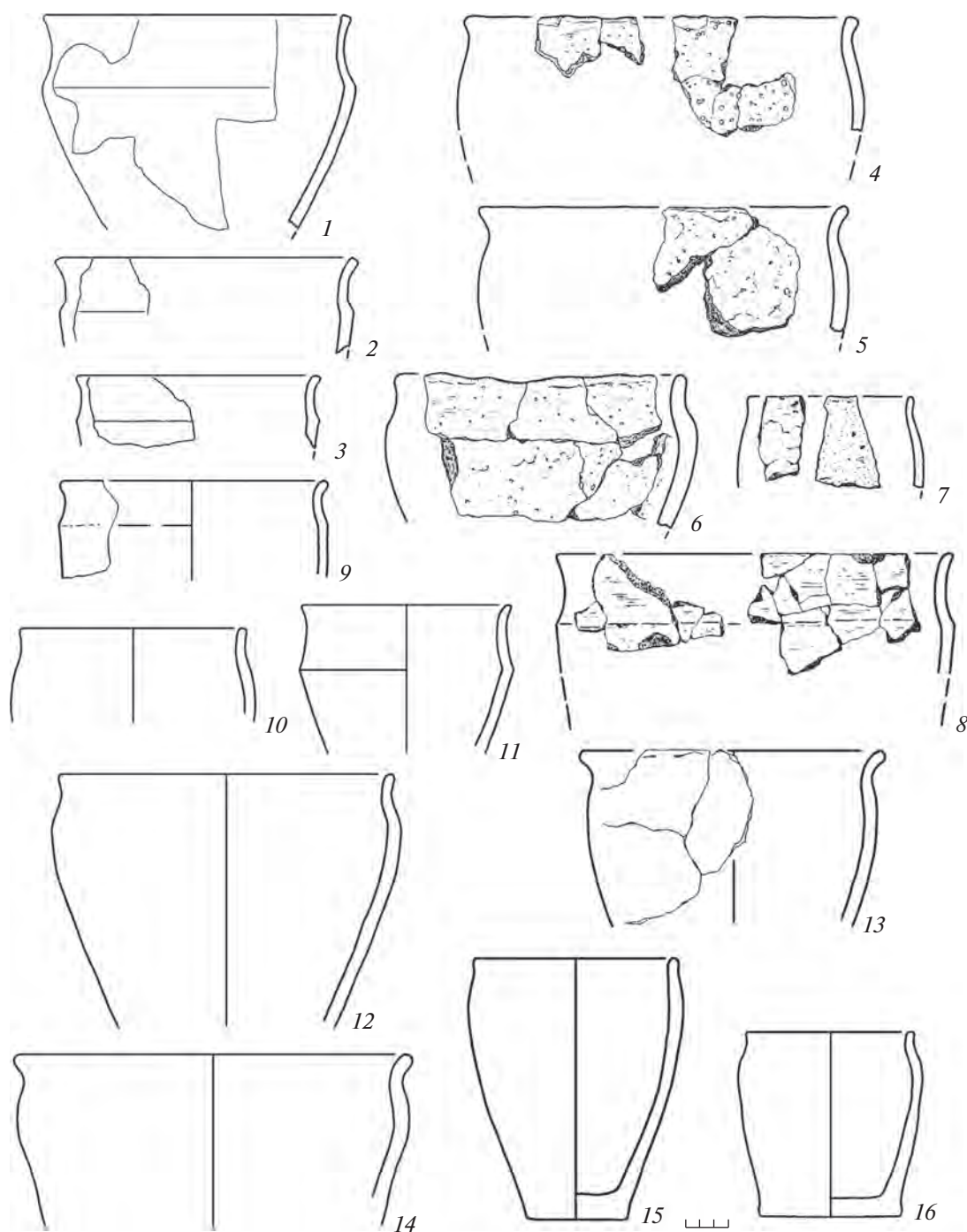

Рис. 3. Керамика “перспективных” и профилированных форм из разных регионов. 1 – Суходол 2; 2 – Подол 3; 3 – Рогово; 4–8 – Городок на Маяте; 9 – Бураково; 10–12 – Микулино; 13 – Узмень; 14 – Акатово; 15 – Жабино; 16 – Новосёлки (4–6, 11, 12 – показана верхняя часть целых форм). 1–3 – по: Исланова, 2014. С. 35, 36; 4–8 – по: Еремеев, Дзюба, 2010. С. 73, 88, 95, 97; 16 – по: Плавинські, 2017. С. 146; 9–15 – рисунки автора.

Fig. 3. Pottery of “perspective” and profiled forms from different regions (4–6, 11, 12 – the upper part of whole forms is shown)

106. Вероятно, это связано с тем, что в культуре ПДК вообще для погребений отбирались раскрытые сосуды.

Трансформации культуры ПДК, и в частности, в Мстинско-Валдайском регионе, изучены недостаточно. Согласно выводам И.В. Ислановой,

культура развивается здесь и в четвертой четв. I тыс. на основе собственных традиций, лишь отдельными признаками перекликаясь с СДК (Исланова, 2006. С. 54, 55). Представлены погребения всех периодов развития культуры ПДК (Михайлова, 2014. С. 204, 210, 213; Исланова, 2018. С. 240, 241), но большинство комплексов относится все же к периоду середины V – VIII в. (Исланова, 2006. С. 109). К сожалению, керамические формы редко встречаются в узко датированных комплексах, поэтому нельзя исключать широкую датировку некоторых сосудов, включающую какую-то часть четвертой четв. I тыс. (рис. 2, 4–6, 11).

Ребристые сосуды из кургана 2 могильника Яблонька (рис. 2, 14) и грунтового погребения Шитовичи (рис. 2, 15) практически соответствуют некоторым вариантам ладожской керамики (Сениченкова, 2011. Рис. 1, *ФIII*, *ФIV*).

Все перечисленные типы представлены и на селище культуры ПДК Городок 1 на р. Шлине (Исланова, 2006. Рис. 67–78)², но ассортимент керамики здесь богаче: обычны “перспективные” типы 7, 11 (рис. 2, 7) и вполне оформленные – 10а (рис. 2, 8) и реже 10б. Наряду с ними присутствует слабопрофилированная керамика типов 4б, 8б и 9. Немногочисленны ребристые сосуды. Оформление ребра разнообразно, некоторые варианты индивидуальны и не могут быть однозначно соотносены с типами нашей схемы, лишь в отдельных случаях – с более поздним типом Р-5.

Характеристика древностей **Верхневолжья** сделана в нескольких обобщающих публикациях И.В. Ислановой (2012; 2014; 2016). Регион входит в ареал ПДК; здесь же выявлена группа памятников типа Подол, которая распространена кроме этого и далее к юго-востоку – в ржевском течении Волги. И.В. Исланова считает керамический набор типа Подол своеобразным, но определяет и соответствия выделяемых групп керамики типам моей схемы (Исланова, 2014. С. 27, 28; 2016. С. 160). Главная особенность этого набора – значительная доля типа 6(б) (мощинского круга) и ребристых форм. На мой взгляд, к типу 6(б) следует относить только часть керамики, включаемой И.В. Ислановой в эту группу, а именно, экземпляры с уступом выше закругленного плеча. Напротив, формы с заострением плеча и плавной шейкой для мощинской культуры не характерны (Массалитина, 1993; Воронцов, 2013. Рис. 10); их правильнее рассматривать вместе с ребристыми. Последние, вопреки мнению И.В. Ислановой (2014. С. 27), весьма близки профилировке ладожской керамики – слегка выпуклая или прямая траектория расширения тулова, резкий перегиб на уровне плеча и дугообразная верхняя часть

(рис. 3, 1–3). Керамика плавных профилей принадлежит типам 7, 11, 10а, 10б, изредка 8б и 9 (Исланова, 2014. Рис. 4–7; 2016. Рис. 49–59) и таким образом также имеет отношение к формирующим керамическим наборам четвертой четв. I тыс.

Наборы керамики поселений и курганов ПДК на этой территории (Залесье, Пески, Тухачево, Гринино) не очень представительны. Кажется, для них более обычна слабопрофилированная керамика типов 3 и 4, но есть также 16, 6, 10а, 11 (Исланова, 2012. Рис. 46, 47, 53, 54, 82, 83). Ребристые экземпляры имеют индивидуальные формы, но находящие аналогии на селище ПДК Городок 1 в Помостье (см. выше). Керамика из кургана Тухачево со сглаженным ребром входит в число прототипов ладожской керамики (Исланова, 2012. Рис. 112, 113).

В **Приильменье** и на Средней Мсте к настоящему времени довольно хорошо изучены древности третьей и четвертой четв. I тыс., чего нельзя сказать о понимании характера перехода между этими периодами. К первому из них относятся ранние материалы Городка на Маяте, селища Прость, городища Сельцо, селища Заозерье (Окуловское) и др.

На поселении Прость в 1997–1999 гг. впервые в Приильменье (если не считать городище Сельцо, материалы раскопок которого не были введены в научный оборот) была обнаружена слабопрофилированная керамика третьей четв. I тыс. – типов 4 и 7 (Носов, Плохов, 2002. Рис. 7). Открыт и особо важный для нашей темы комплекс постройки VIII в., в составе которого было несколько фрагментов “перспективных” форм и ребристых сосудов, имевших, по выражению публикатора, “определенные отличия” от керамики Ладоги (Плохов, 2008. С. 159, 160). А.В. Плохов резонно сопоставил весь этот комплекс с древностями Помостья и Удомельского поозерья, разобранными здесь выше.

На городище Городок на Маяте периоды V–VII и IX–X вв. разделены периодом запустения (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 407). Тем не менее в разновременных комплексах прослеживаются признаки взаимосвязей традиций. В раннем горизонте Городка (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 73–120) наряду с преобладающими слабопрофилированными формами (4б, 4в, 3б, 4а) присутствуют “перспективные” типы 16, 26, 7 и 11 (рис. 3, 4, 5, 7; Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 85, 1; 92, 2; 95; 98, 1, 3; 165, 1, 2). Есть прототипы варианта 10б (рис. 3, 5; Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 77, 1, 9; 85, 2). Важна находка развала сосуда типа 10а (рис. 3, 6) вместе с фрагментами типа 7 (рис. 3, 7) в надежном комплексе V–VII вв., в связи с чем, рассматривая также аналогии из памятников Прость, Обрын, Юрьевская горка, И.И. Еремеев делает справедливый вывод о возможном появлении профили-

² Благодарю В.А. Бурова и И.В. Исланову за предоставленную возможность ознакомления с материалами.

рованной керамики в бассейне Ильменя в третьей четв. I тыс. (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 99). В раннем наборе памятника присутствует лоше-ная ребристая керамика (рис. 3, 8), которая связа-на, вероятно, и с формами типа Р-1а из смолен-ского Подвинья, и с позднейшей керамикой типа Р-5. С другой стороны, в поздних комплексах Го-родка (IX — начало X в.) встречаются типы 7 и 11 (Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 153, 1, 3).

Городок на Шелони. В современной публика-ции материалов раскопок 1969 г. лепная керамика делится на три хронологические группы, первые две — из одного и того же (нижнего) горизонта (слоя): (1) слабопрофилированная, характерная для культур третьей четв. I тыс.; (2) с четким перехо-дом от горловины к тулову (анalogии — VIII–IX вв.). В верхнем горизонте керамика иная: (3) с четкой ребристой профилировкой и более тонкими стен-ками, типичная для второй пол. IX — X в. (Пло-хов, Торопов, 2013. С. 272–275). Заметно, что ке-рамика второй группы, количественно примерно равная первой, по профилировке имеет переход-ный характер к третьей группе (типично ладож-ской). Последнее обстоятельство, очевидно, сви-детельствует об органичном совмещении керами-ки первых двух групп в комплексе нижнего горизонта.

На Рюриковом городище недавними раскоп-ками открыты наслоения и остатки фортифика-ций VII–VIII вв., с которыми связана находка фрагментов сосуда типа 11 (Еремеев, 2019. С. 77–80. Рис. 10). Это открытие включает памятник в число пунктов, связанных с ранней славянской колонизацией Приильменя и развитием тради-ций “перспективных” форм керамики.

Новые раскопки проведены И.И. Еремеевым на Бронницком городище в нижнем течении Мсты, а также на ряде памятников **Среднего По-мостья**. Ознакомление с отчетными материалами свидетельствует, что в третьей четв. I тыс. на них также бытовала керамика как слабопрофилиро-ванная (типы 3, 4, 9), так и “перспективных” форм (типы 1, 2, 7, 11), включая 10а и Р-5, более характерные уже для четвертой четв. I тыс.³

Селище Заозерье (Окуловское) в Среднем По-мостье исследовалось В.Я. Конечким, который относит его к двум взаимодействующим культу-рам — ПДК и “предсопочной” — и датирует тре-тьей четв. I тыс., не позднее рубежа VIII/IX вв. (Конечкий, 2016. С. 313–319. Рис. 3, 4). Керами-ческий набор включает типы 16, 7, 9, 10а, 11 и Р-5. В наборе присутствуют классическая ладожская керамика и фрагменты с каннелюрой по ребру (Конечкий, 2016. Рис. 4, 1, 2).

³ Благодарю И.И. Еремеева за ознакомление меня с неопуб-ликованными материалами.

Поселение Съезжее в междуречье Мсты и Ча-годоши датируется от V–VI до VIII в. (вероятно, два периода с перерывом) и относится к культуре ПДК (Носов, Плохов, 2016. С. 368, 369). Набор керамики довольно однороден, преобладают 9 и 11 типы (реже встречаются 4 и 8), соответствую-щие типам 1–5 Плохова (С. 379–392). Профили-ровка плеча у большинства экземпляров слабая, и тип 11 здесь в основном сформирован за счет рез-кой профилировки шейки и венчика, часто име-ющего утолщение по краю. Последний признак встречается в керамике других длиннокурганных памятников соседних регионов — Заозерье (Оку-ловское), Городок (на Шлине). Представлено всего несколько экземпляров, практически иден-тичных вариантам 10а и 10б — это тип 6 по Пло-хову (Носов, Плохов, 2016. Рис. 20, 1, 2; 21, 1, 5); эти экземпляры в основном связаны с поздней постройкой. В целом набор керамики производит впечатление “тупикового”: несмотря на ха-рактерность типа 11, он в деталях оформлен не та-ким образом, чтобы развиваться в сторону ке-рамики четвертой четв. I тыс. (слабая профилиров-ка плеча).

Местонахождение Заполье-3 в Верхнем По-лужье. Небольшой керамический набор VII в. проанализирован на основе нашей схемы (Плато-нова, Жеглова, 2021. С. 189–192). Керамика де-лится на два типа — 11⁴ и 4, что приводит авторов к резонному выводу о бытовании здесь традиций профилированной керамики (тип 11, переходя-щий в 10б) и об отсутствии резкой смены тради-ций на рубеже третьей/четвертой четв. I тыс.

Облик керамических наборов культуры ПДК **Псковско-Чудского региона** (“тип Жеребятино”) определяют архаичные типы 4 и 9, реже встреча-ются 7 и 8 (Лопатин, Фурасев, 2007. С. 93, 96). Из ребристых форм замечен только тип Р-4. Посе-ленческая керамика, которая известна плохо, от-личается от погребальной несколько большей за-крытостью: если для погребений это варианты 4б и 4в, то на городище Сторожинец преобладает 4а (Попов, 1989. Рис. 2, 8–18).

Двинско-Ловатский регион культуры ПДК ха-рактеризуется подобным же набором погребаль-ной керамики (“тип Дорохи”): типы 4, 9, Р-4, до-полнительно встречается тип 11 (Лопатин, Фура-сеев, 2007. С. 92–95). Поселенческий набор выделен в “тип Жабино”, поскольку отличается составом: это типы 1, 2, 7 (рис. 3, 15). К сожа-лению, этих материалов до сих пор крайне мало: се-лище Жабино в верховьях Ловати, городище Ту-рушино в верховьях Великой; единично встречен экземпляр типа 11 в комплексе селища Ермоши-

⁴ Сближение целой формы с типом 8 представляется мне неверным, поскольку стройность пропорций, к которой апеллируют авторы, в нашей схеме не является типобра-зующим признаком.

но, предположительно, третьей четв. I тыс. (Лопатин, Фурасев, 2007. Рис. 67, 8). Однако они свидетельствуют, что эта зона, хотя и имела черты сходства с предыдущим регионом, была включена в ареал развития “перспективных” керамических форм.

Большая территория **Верхнего Поднепровья, Подвинья и Средней Белоруссии** занята в третьей четв. I тыс., согласно традиционной научной концепции, тушемлинско-банцеровской культурой, в составе которой наметен ряд разнородных культурно-хронологических групп (Лопатин, Фурасев, 2007. С. 98–100). Здесь рассматриваем их все вместе, поскольку по признаку отсутствия или большой редкости “перспективных” керамических форм они все обнаруживают сходство.

К примерам наличия “перспективных” форм относится известное городище Банцеровщина в верховьях Свислочи, с которого, наряду с преобладающими архаичными типами 3, 4, 8 происходит серия фрагментов типов 16, 2в, 7, 11, Р-16 (Лопатин, 2018. С. 56, 57, 60), однако все же их профили слишком плавны, что не позволяет видеть тенденцию к формированию типов 10 и Р-5.

В качестве опорного памятника банцеровской культуры в бассейне Вилии на западе Белоруссии А.М. Медведев трактует селище Микольцы V — начала IX в. (Медведев, 2011. С. 236–240). Набор форм довольно единообразен: по моей схеме определяются главным образом типы 16, 7, 10а, которые теоретически можно выстроить в цепочку преемственности на рубеже третьей/четвертой четв. I тыс. Однако автор не приводит оснований выделения разновременных комплексов и не комментирует серьезные отличия комплекса как целого от типичных наборов керамики банцеровской культуры, что оставляет интерпретацию памятника под вопросом.

Также в верховьях бассейна Вилии известны два памятника культуры ПДК третьей четв. I тыс. (крайний юго-запад их ареала), где наряду с типичной слабопрофилированной керамикой найдены два сосуда, сближаемых с вариантом 10а — Новосёлки (рис. 3, 16) и Навры II (Плавинский, 2017. Мал. 126: 1; Плавинский, Тарасевич, 2021. Рис. 5, 24).

Примеров встречаемости “перспективных” форм в других микрорегионах немного, главным образом они замечены в **правобережном витебском Подвинье**: тип 7 на селищах Казиново и Городок, тип Р-16 на селище Бураково (рис. 3, 9; Колосовский, Штыхов, 2005. Рис. 6, 1; Лопатин, Фурасев, 2007. Рис. 49, 7, 15, 18), типы 16, Р-1а, 7 на селище Зароново (Бубенько, 2019. Рис. 10, 1, 7, 8, 11), а также в смоленском Подвинье тип 11 в грунтовом могильнике Акатово (рис. 3, 14).

Е.А. Шмидт пишет, что керамика с высоко расположенным ребром характерна для ту-

шемлинской культуры **смоленского Подвинья** (Шмидт, 2003. С. 48). Ребристая керамика здесь появляется еще с первых веков н.э. (городище Самсонцы) и связывается с культурой поздней штрихованной керамики (датировка и атрибуция предположительны: Шмидт, 2002. С. 131, 163). Ряд экземпляров типа Р-1 есть на селищах Курлын, Дроково, Заозерье, Микулино (Шмидт, 2003. Табл. 31, 1; 33, 11–14; 2008. Табл. 57, 5; 60, 1, 2). В комплексах керамики памятников типа Заозерье (вторая четв. I тыс.) наряду со слабопрофилированными формами присутствуют типы 7, 10а и Р-1, примеры которых находим в материалах характерного памятника — селища Микулино (рис. 3, 10–12). Это наиболее ранний импульс развития “перспективных” керамических форм.

Как видим, в ареале древностей типа Тушемля-Банцеровщина (днепро-двинский регион) формы керамики, которые можно считать прототипами форм четвертой четв. I тыс., отмечены в римское время, а позднее не получают развития, сохраняясь местами в “угнетенном” состоянии. В третьей четв. I тыс. эпицентр развития “перспективных” керамических традиций перемещается к северо-востоку (Помостье, Верхневожье, Приильмене). В чем же причина? На мой взгляд — в том, что в днепро-двинском регионе возобладали гончарные традиции не верхнеднепровского, а деснинского варианта киевской культуры, которые, кроме этого, стали основой более южных культур — колочинской и пеньковской.

На рубеже третьей/четвертой четв. I тыс. происходит повсеместное вымирание этих архаичных керамических традиций, и древности типа Тушемля-Банцеровщина разделяют эту судьбу, сменяясь культурой СДК. Южнее, в ареалах колочинской и пеньковской культур, приблизительно в это же время распространяются древности типа Лука Райковецкая — Сахновка — Волынцево (ЛРСВ), связанные происхождением с пражской культурой.

Несмотря на одновременность этих процессов и некоторое сходство керамики СДК и ЛРСВ, распространение последней на территорию Верхнего Поднепровья и Подвинья не прослеживается. И.О. Гавритухин подчеркивает, что облик пражской культуры фазы 3 (VII в.) определяют, прежде всего, сильно профилированные сосуды с S-видной верхней частью, нередко с усложненной моделировкой венчика; на такой основе невозможно объяснить наборы керамики последней четв. I тыс. на Северо-Западе России (Гавритухин, 2009. С. 21).

В то же время не исключается влияние южных керамических традиций (ЛРСВ и роменской) на керамику не только СДК, но и более северных древностей четвертой четв. I тыс. (блоки 6, 8, 9) — очевидно, уже благодаря проницаемости куль-

турных ареалов в преддревнерусское время. Об этом влиянии свидетельствует появление (не слишком масштабное) орнаментов — ложноребенчатого и пальцевого.

Итак, два основных сюжета формирования керамических наборов четвертой четв. I тыс. Северо-Запада (керамика с ребром и без ребра) находят свои истоки среди местных древностей — конкретно, на территории от верховьев Волги, Двины и Мсты до Ильменя. Заглянув в эпоху четвертой четв. I тыс., можно утверждать, что на большинстве памятников присутствуют в разных соотношениях обе основные формы лепной керамики (Конецкий, 2003. С. 210; Лопатин, 2006. С. 339; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 482). Выделяются три большие зоны, обозначенные выше как культурные блоки 6, 8 и 9. Блок 6: в Верхнем Поднепровье и Подвинье тотально преобладает керамика с закругленным плечом; ребристые профили крайне редки. Блок 8: в бассейнах Ловати и Великой также преобладает керамика с закругленным плечом, но ребристая составляет заметную, хотя и небольшую долю. Блок 9: в Поволховье, Приильменье и Помостье ребристая (ладожская) керамика преобладает над керамикой с закругленным плечом.

Наметить взаимосвязи конкретных регионов двух периодов (на рубеже третьей/четвертой четв. I тыс.) затруднительно. Вышеизложенный обзор приводит к следующему гипотетическому пониманию характера культурогенеза. В течение третьей четв. происходило довольно активное внутрирегиональное взаимодействие групп родственного населения, обладавших разными вариантами традиций в разных сферах культуры, в том числе гончарстве, земледелии и других видах хозяйства, погребальном обряде. Население было довольно многочисленным для своего времени и хорошо приспособленным к жизни именно в этих условиях, что привело к росту его численности и приблизительно в пределах VIII в. к расселению в нескольких направлениях. Этот процесс можно называть “второй волной” славянского заселения Северо-Запада, коль скоро это понятие распространено в науке. Однако изложенная трактовка является альтернативой гипотезе о дальней (с юга) массовой миграции большой массы славян.

В рамках расселений VIII в. сформировалась культура СДК — в Смоленском Подвинье с последующим расширением к югу и западу; в ее ареале началось развитие раннегородских центров — Смоленска, Витебска, Лукомля, Полоцка. Трудно судить, сопровождалось ли освоение территории “разгромом” носителей культур Тушемля-Банцеровщина, поскольку имеющиеся данные не позволяют синхронизировать те или иные следы пожаров и других событий.

Другими пространственными вехами колонизации стали известные памятники — Городок на

Ловати, Псков, Камно, Изборск. Их культура имеет много общего как между собой, так и с культурой поселений ареала СДК. В ряде регионов новая культура сменяет древности ПДК с архаичными традициями, но и здесь пока недостаточно данных для выводов о характере взаимодействия аборигенов и мигрантов.

Отдельная группа переселенцев достигла низовьев Волхова, основав Ладогу и таким образом обозначив крайнюю точку культурного ареала с ладожской керамикой, включившего также ряд микрорегионов в Приильменье, бассейнах Мсты, Лути и Плюссы. Представляется, что собранные здесь данные из ареала от Витебского Подвинья до Верхневолжья и Приильмения позволяют уже не считать Староладожское поселение самым ранним пунктом фиксации керамики ладожского типа.

Необходимо попытаться понять, в чем причина такой особой роли, которую, вероятно, сыграл этот регион (от Ильменя до Верхней Волги) в формировании и распространении культурных традиций во всей северной Руси. Рассматриваемый регион включает в себя верховья трех важнейших рек — Западной Двины, Волги и Мсты с многочисленными вариантами переходов между речными системами. Однако, поскольку речь идет о периоде третьей четв. I тыс., то время функционирования трансконтинентальных водных путей еще не настало.

История освоения региона ранними славянами началась еще до середины I тыс. н.э., когда носители древностей круга Заозерье-Узмень достигли верховьев Западной Двины, что позволило им двигаться дальше в Верхневолжье, Помостье и по р. Поле — в Приильменье. Этническая принадлежность этого населения дополнительно к нашим данным подтверждается недавним ономастическим исследованием В.Л. Васильева, обосновавшим славянскую этимологию гидронима Двина как “двойная”, что одновременно локализует важнейший для славян того времени пункт — место слияния почти равновеликих рек — Двины верхнего течения и Мёжи (Васильев, 2019). В этом пункте исследован И.И. Еремеевым археологический комплекс Горяне, что подтвердило существование здесь поселения начиная с V–VII вв. (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 321–324). Ранняя керамика в Горях немногочисленна и в основном представлена мелкими фрагментами, но можно все же заметить, что присутствуют “перспективные” формы, в том числе с намеченным ребром (Рис. 291, 292, 300, 301). К сожалению, весь регион верховьев Двины изучен до сих пор только разведками (С. 384), еще слабее исследован бассейн Мёжи.

Пределы дальнейшего расселения в третьей четверти I тысячелетия показывает граница распространения ПДК по Мологе и Чагодоше, хотя,

как мы знаем, далеко не все группы населения практиковали курганный обряд (Михайлова, 2021). По всей видимости, освоив данную территорию, славяне оказались в обширной зоне, в которой сложился оптимальный баланс природных условий для ведения хозяйства (леса, водоемы, почвы), удобных внутрирегиональных коммуникаций и спокойной политической обстановки. Эти условия, возможно, и предопределили успешное развитие общества и демографическое преимущество по отношению к родственным группам, заселявшим Верхнее Поднепровье и Подвинье, Псковско-Чудской и ряд других регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубенько Т.С.* Селище археологического комплекса у деревни Зароново Витебского района Витебской области: исследования 2017–2018 гг. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: в 2 кн. Кн. 2 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. 2-е изд. Минск: Беларуская навука, 2019. С. 272–298.
- Васильев В.Л.* Еще раз о названиях рек Волга, Западная Двина и Днепр // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 9–32.
- Воронцов А.М.* Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2013. 173 с.
- Гавритухин И.О.* Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: материалы Междунар. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009 (Труды Гос. Эрмитажа; 49). С. 7–25.
- Горюнова В.М.* Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016 (Труды Ин-та истории материал. культуры РАН; т. 47). 328 с.
- Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Курск, 1990. 262 с.
- Еремеев И.И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015 (Труды Ин-та истории материал. культуры РАН; т. 44). 696 с.
- Еремеев И.И.* Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова городища // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 2 (26). С. 67–92.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010 (Труды Ин-та истории материал. культуры РАН; т. 36). 670 с.
- Исланова И.В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 302 с.
- Исланова И.В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: Тверской гос. ун-т, 2006. 286 с.
- Исланова И.В.* Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье). М.: ИА РАН, 2012 (Раннеславянский мир; вып. 14). 218 с.
- Исланова И.В.* Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н.э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014 (Раннеславянский мир; вып. 15). С. 26–44.
- Исланова И.В.* Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Ранне-средневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 136–220.
- Исланова И.В.* О культурных трансформациях ранне-средневековых древностей на Волго-Балтийском водоразделе // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение средневековых культур: к 60-летию А.М. Обломского / Отв. ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017 (Раннеславянский мир; вып. 19). С. 82–89.
- Исланова И.В.* О поздних погребальных памятниках в восточной области культуры псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 251. С. 237–248.
- Исланова И.В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: монография. (В печати).
- Казанский М.М.* О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы раннесредневекового убора дунайского происхождения (VI–IX вв.) // Археологические вести. Вып. 28. СПб., 2020. С. 258–271.
- Касюк А.Ф.* Беларуская Палессе ў канцы VII–VIII ст. — пачатку X ст. н.э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: в 2 кн. Кн. 2 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. 2-е изд. Минск: Беларуская навука, 2019. С. 622–658.
- Колосовский Ю.В., Штыхов Г.В.* Археологический комплекс около д. Казиново Городокского района Витебской области // Материалы по археологии Беларуси. Вып. 9. Минск, 2005. С. 112–120.
- Концевий В.Я.* Славянская колонизация Южного Причудья на фоне общих этнокультурных процессов Северо-Запада // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания): в 2 т. Т. 1 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Московский гос. ун-т печати, 2003. С. 206–213.
- Концевий В.Я.* Этнокультурные процессы во второй половине I тыс. н.э. в микрорегионе Окуловских озер // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30 / Отв. ред. В.Л. Янин. СПб.; Великий Новгород: Любавич, 2016. С. 306–323.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н., Раева В.А., Войцик А.А., Лавриков М.В.* Керамика VIII–XI вв. из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / Авт.-сост. Н.А. Кренке. Смоленск: Свиток, 2020. С. 30–48.

- Лопатин Н.В.* О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 2003. Вып. 214. С. 43–58.
- Лопатин Н.В.* Основные концепции заселения славянами Северо-Запада Русской равнины // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова / Ред. И.К. Лабутина и др. Псков: Псковский гос. объедин. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник, 2006. С. 333–341.
- Лопатин Н.В.* Проблемы изучения керамики Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: материалы LII заседания / Ред. И.К. Лабутина и др. Псков: ИА РАН, 2007. С. 217–231.
- Лопатин Н.В.* Керамика городищ Тушемля и Банцеровщина: к вопросу о тушемлинско-банцеровской культуре // Российская археология. 2018. № 4. С. 53–65.
- Лопатин Н.В., Фурасев А.Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 8). 251 с.
- Макушников О.А.* Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2009. 218 с.
- Массалитина Г.А.* Лепная керамика городища и селища Мощины // Краткие сообщения Института археологии. 1993. Вып. 208. С. 46–52.
- Медведев А.М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука, 2011. 350 с.
- Минасян Р.С.* Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А.Д. Столяр. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1982. С. 24–29.
- Михайлова Е.Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 428 с.
- Михайлова Е.Р.* Курганные традиции Северо-Запада Русской равнины: к вопросу о развитии и преемственности // Археологические вести. Вып. 31. СПб., 2021. С. 197–207.
- Нефёдов В.С.* О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара 1996–1999 / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: Псковский гос. объедин. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник, 2000. С. 191–199.
- Носов Е.Н., Плохов А.В.* Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 159–180.
- Носов Е.Н., Плохов А.В.* Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 349–394.
- Обломский А.М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 10–113.
- Плавінскі М.А.* Курганны могільнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я. Мінск: А.М. Янушкевіч, 2017. 242 с.
- Плавинский Н.А., Тарасевич В.Н.* Предварительные результаты раскопок некрополя второй половины I тыс. н.э. Нарвы II в контексте изучения погребальных памятников северных регионов республики Беларусь // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 263. С. 298–326.
- Платонова Н.И., Жеглова Т.А.* Заполье-3 – местонахождение “предсопочной” культуры в верхнем Полужье // Археологические вести. Вып. 31. СПб., 2021. С. 179–195.
- Плохов А.В.* Лепная керамика центрального Приильменья и славянское расселение (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тез. науч. конф. Вып. 4–5. Новгород, 1992. С. 119–124.
- Плохов А.В.* Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Труды Ин-та истории материал. культуры РАН; т. 18). С. 74–81.
- Плохов А.В.* Древности VIII века у истока Волхова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 3. С. 155–165.
- Плохов А.В., Торопов С.Е.* Городок на Шелони – “забытый” памятник эпохи раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2013. С. 251–277.
- Попов С.Г.* Городище Сторожинец // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 198. С. 45–56.
- Седов В.В.* Лепная керамика Изборского городища // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 155. С. 63–67.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 415 с.
- Сениченкова Т.Б.* Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII – начало X в.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: материалы 56-го заседания / Отв. ред. И.К. Лабутина. М.: Псков: ИА РАН, 2011. С. 211–228.
- Шмидт Е.А.* Длинные курганы у д. Слобода Глушица // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 177–192.
- Шмидт Е.А.* Городище Самсонцы в Смоленском Подвинье // Смоленские древности. Вып. 2. Городища Смоленской земли. Смоленск, 2002. С. 98–166.
- Шмидт Е.А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003. 296 с.

Шмидт Е.А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск, 2008. 256 с.

Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных. Смоленск: Свиток, 2012. 168 с.

Щеглова О.А. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 134–150.

ON THE ORIGIN OF THE LATER HAND-MADE POTTERY FORMS OF THE RUSSIAN NORTH-WEST

Nikolay V. Lopatin^{a, #}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: n.lopatin@gmail.com

Based on the pottery material, the paper considers the origin of archaeological cultures of the last quarter of the 1st millennium AD in the northern part of the settlement area of the East Slavic tribes, which became the basis for the formation of the Novgorod, Smolensk and Polotsk lands. The author proposes a new hypothesis, albeit based on the observations of a number of modern researchers: two main patterns for the formation of pottery assemblages in the fourth quarter of the Russian North-West – ribbed pottery (Ladoga type) and non-ribbed one (with a rounded shoulder) – find their origins among local antiquities, on territories from the upper reaches of the Volga, Dvina and Msta to Lake Ilmen. The study traces connections that fill the apparent cultural gap of the 8th century. At an earlier time (the second quarter of the 1st millennium), these traditions began to take shape in the Upper Dnieper and Dvina regions. The paper challenges the concept of the “second wave” of Slavic colonization of the North-West based on distant mass migration.

Keywords: long mounds, Udomlya type, hand-made pottery, Ladoga type, early Slavs.

REFERENCES

- Buben'ko T.S., 2019. A settlement of the archaeological complex near the village of Zaronovo, Vitebsk District of Vitebsk Region: research in 2017–2018. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period]*, 2. O.N. Levko, V.G. Belevets, eds. 2nd edition. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 272–298. (In Russ.)
- Enukov V.V., 1990. Rannie etapy formirovaniya smolensko-polotskikh krivichey (po arkheologicheskim materialam) [Early stages of formation of the Smolensk and Polotsk Krivichs (based on archaeological materials)]. Moscow; Kursk. 262 p.
- Eremeev I.I., 2015. Drevnosti Polotskoy zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltiyskogo regiona (oчерki srednevekovoy arkheologii i istorii Pskovsko-Beloruskogo Podvin'ya) [Antiquities of the Polotsk Land in the historical studying of the East Baltic region (Studies in medieval archaeology and history of the Pskov-Belarusian Dvina region)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 696 p. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 44).
- Eremeev I.I., 2019. Planigraphy and chronology of the earliest stages of the the Rurikov hillfort. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2 (26), pp. 67–92. (In Russ.)
- Eremeev I.I., Dzyuba O.F., 2010. Oчерki istoricheskoy geografii lesnoy chasti Puti iz varyag v greki [Studies on the historical geography of the forest part of the Route from the Varangians to the Greeks]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 670 p. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 36).
- Gavritukhin I.O., 2009. The concept of the Prague culture. *Slozhenie russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii [The formation of Rus statehood in the context of the early medieval history of the Old World: Proceedings of the International conference]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 7–25. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, 49). (In Russ.)
- Goryunova V.M., 2016. Gorodok na Lovati X–XII vv. (k probleme stanovleniya goroda Severnoy Rusi) [Gorodok on the Lovat, 10th–12th centuries (to the formation of towns in Northern Rus)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 328 p. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 47).
- Islanova I.V. Kul'turno-istoricheskie protsessy vo II–VIII vv. n.e. v basseynakh Verkhney Volgi i Verkhney Msty: monografiya [Cultural and historical processes in the 2nd–8th centuries AD in the Upper Volga and the Upper Msta regions: Monograph]. (In print).
- Islanova I.V., 1997. Udomel'skoe Poozer'e v epokhu zheleza i rannego srednevekov'ya [Udomel lake region in the Iron Age and Early Middle Ages]. Moscow: Editorial URSS. 302 p.
- Islanova I.V., 2006. Verkhnee Pomost'e v rannem srednevekov'e [The Upper Msta river region in the Early Middle Ages]. Moscow: Tverskoy gosudarstvennyy universitet. 286 p.
- Islanova I.V., 2012. Drevnosti v verkhov'yakh Volgi (ranniy zheleznyy vek i rannee srednevekov'e) [Antiquities in the Upper Volga region (Early Iron Age and Early Middle Ages)]. Moscow: IA RAN. 218 p. (Ranneslavyanskiy mir, 14).

- Islanova I.V., 2014. Sites of the Podol type (cultural contacts of the Upper Volga population in the third quarter of the 1st millennium AD). *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [Issues of interaction between the population of Eastern Europe in the Migration period]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–44. (Ranneslavyanskiy mir, 15). (In Russ.)
- Islanova I.V., 2016. Early medieval groups of sites in the North-West of Eastern Europe. *Rannesrednevekove drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.)* [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 136–220. (Ranneslavyanskiy mir, 17). (In Russ.)
- Islanova I.V., 2017. On the cultural transformations of early medieval antiquities on the Volga–Baltic watershed. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie srednevekovykh kul'tur: k 60-letiyu A.M. Oblomskogo* [Europe from La Tène to the Middle Ages: The barbarian world and the emergence of medieval cultures: to the 60th anniversary of A.M. Oblomskiy]. V.E. Rodinkova, O.S. Rumyantseva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 82–89. (Ranneslavyanskiy mir, 19). (In Russ.)
- Islanova I.V., 2018. Later burial sites in the eastern area of the Pskov long kurgans culture. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 251, pp. 237–248. (In Russ.)
- Kasyuk A.F., 2019. Belarus Polesia in the late 7th – 8th century – early 10th century AD. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period], 2. O.N. Levko, V.G. Belevets, eds. 2nd edition. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 622–658. (In Belarusian).
- Kazanskiy M.M., 2020. On the settlement of the Slavs in the forest zone of Eastern Europe: Early medieval attire of Danubian origin (6th–9th centuries). *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 28. St. Petersburg, pp. 258–271. (In Russ.)
- Kolosovskiy Yu.V., Shtykhov G.V., 2005. Archaeological complex near the village of Kazinovo, Gorodok District of Vitebsk Region. *Materialy po arkheologii Belarusi* [Materials on the archaeology of Belarus], 9. Minsk, pp. 112–120. (In Russ.)
- Konetskiy V.Ya., 2003. Slavic colonization of the Southern Chud region against the background of the general ethno-cultural processes in the North-West. *Pskov v rossiyskoy i evropeyskoy istorii (k 1100-letiyu letopisnogo upominaniya)* [Pskov in Russian and European history (to the 1100th anniversary of the first chronicle mention)], 1. V.V. Sedov, ed. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet pechati, pp. 206–213. (In Russ.)
- Konetskiy V.Ya., 2016. Ethnocultural processes in the second half of the 1st millennium AD in the Okulovka lake microregion. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology], 30. V.L. Yanin, ed. St. Petersburg; Velikiy Novgorod: Lyubavich, pp. 306–323. (In Russ.)
- Krenke N.A., Ershov I.N., Raeva V.A., Voytsik A.A., Lavrikov M.V., 2020. Pottery of the 8th–11th centuries from the earliest layer on the Cathedral Hill of Smolensk. *Smolenskaya keramika VIII–XIX vv. Noveye materialy i starye kollektsii* [Smolensk pottery of the 8th–19th centuries. New materials and old collections]. N.A. Krenke, comp. Smolensk: Svitok, pp. 30–48. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 2003. On the origin and local features of pottery associations of the Pskov long burial mounds. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 214, pp. 43–58. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 2006. The main concepts of the settlement of the North-West of the Russian Plain by the Slavs. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: materialy LI nauchnogo seminar, posvyashchennogo pamyati akademika V.V. Sedova* [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land: Proceedings of the LI Scientific seminar in memory of Academician V.V. Sedov]. I.K. Labutina, ed. Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 333–341. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 2007. Issues of studying Izborsk pottery. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: materialy LII zasedaniya* [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Academician V.V. Sedov seminar: Proceedings of the LII meeting]. I.K. Labutina, ed. Pskov: IA RAN, pp. 217–231. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 2018. Pottery of the upper horizons of the Tushemlya and Bantserovshchina fortified sites. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 53–65. (In Russ.)
- Lopatin N.V., Furas'ev A.G., 2007. Severnye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III–V vv. n.e. [Northern frontiers of the early Slavic world in the 3rd–5th centuries AD]. Moscow: IA RAN. 251 p. (Ranneslavyanskiy mir, 8).
- Makushnikov O.A., 2009. Gomel'skoe Podneprov'e v V – sereidine XIII vv.: sotsial'no-ekonomicheskoe i etnokul'turnoe razvitie [Gomel area of the Dnieper region in the 5th – middle 13th centuries: Socio-economic and ethno-cultural development]. Gomel': Gomel'skiy gosudarstvennyy universitet imeni F. Skoriny. 218 p.
- Massalitina G.A., 1993. Hand-made pottery of the fortified settlement and settlement of Moshchiny. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 208, pp. 46–52. (In Russ.)
- Medvedev A.M., 2011. Verkhnee Poneman'e v zheleznom veke i rannem srednevekov'e [The Upper Neman region in the Iron Age and Early Middle Ages]. Minsk: Belaruskaya navuka. 350 p.
- Mikhaylova E.R., 2014. Veshchevoy kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov: tipologiya i khronologiya [Grave goods of the Pskov long mound culture: Typology and chronology]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 428 p.
- Mikhaylova E.R., 2021. Mound traditions of the North-West of the Russian Plain: on the development and continuity. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 31. St. Petersburg, pp. 197–207. (In Russ.)
- Minasyan R.S., 1982. The issue of the Slavic settlement of the forest zone of Eastern Europe in the light of archaeological data. *Severnaya Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ya* [Northern Rus and its neighbours in the early Middle Ages]. A.D. Stolyar, ed. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 24–29. (In Russ.)

- Nefedov V.S., 2000. On the time of the emergence of the Smolensk-Polotsk long mound culture. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: materialy nauchnogo seminara 1996–1999* [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land: Proceedings of the Scientific seminar 1996–1999]. V.V. Sedov, ed. Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy ob"edinennyi istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 191–199. (In Russ.)
- Nosov E.N., Plokhov A.V., 2002. New research in the Ilmen Lake area. *Ladoga i ee sosedi v epokhu srednevekov'ya* [Ladoga and its neighbours in the Middle Ages]. A.N. Kirpichnikov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 159–180. (In Russ.)
- Nosov E.N., Plokhov A.V., 2016. A settlement and burial ground on Lake Syezzheye. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.)* [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 349–394. (Ranneslavyanskiy mir, 17). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2016. The Kolochin culture. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.)* [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 10–113. (Ranneslavyanskiy mir, 17). (In Russ.)
- Platonova N.I., Zheglova T.A., 2021. Zapolye-3 – a locality of the “pre-Sopki” culture in the Upper Luga region. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 31. St. Petersburg, pp. 179–195. (In Russ.)
- Plavinskiy M.A., 2017. Kurgannyi mogil'nik Pagoshcha i kankstse sinkhronnykh starazhytnastyay Brasl'yskaga Paazer'ya [The mound cemetery of Pagoshcha in the light of synchronous antiquities of Breslav lake region]. Minsk: A.M. Yanushkevich. 242 p.
- Plavinskiy N.A., Tarasevich V.N., 2021. Preliminary results of the excavations at the Nauri II necropolis dating to the second half of the 1st millennium AD in the context of the studies of burial sites in the northern regions of the Republic of Belarus. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 263, pp. 298–326. (In Russ.)
- Plokhov A.V., 1992. Hand-made pottery of the central Ilmen region and Slavic settlement (to the formulation of the problem). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: tezisy nauchnoy konferentsii* [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology: Abstracts of the Scientific conference], 4–5. Novgorod, pp. 119–124. (In Russ.)
- Plokhov A.V., 2005. Hand-made pottery of Ryurikovo Gorodishche. Nosov E.N., Goryunova V.M., Plokhov A.V. *Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya* [The fortified settlement near Novgorod and the settlements of the northern Ilmen region]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 74–81. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 18). (In Russ.)
- Plokhov A.V., 2008. Antiquities of the 8th century at the source of the Volkhov. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. Series 2, iss. 3, pp. 155–165. (In Russ.)
- Plokhov A.V., Toropov S.E., 2013. A town on the Shelon – a “forgotten” site of the early Middle Ages. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology], 27. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod, pp. 251–277. (In Russ.)
- Popov S.G., 1989. The fortified settlement of Storozhinets. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 198, pp. 45–56. (In Russ.)
- Sedov V.V., 1978. Hand-made pottery of the Izborsk fortified settlement. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 155, pp. 63–67. (In Russ.)
- Sedov V.V., 1995. Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in the Early Middle Ages]. Moscow: Fond arkheologii. 415 p.
- Senichenkova T.B., 2011. Some remarks on the formation of the Ladoga pottery complex (middle 8th – early 10th century). *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: materialy 56-go zasedaniya* [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Academician V.V. Sedov Seminar: Proceedings of the 56th meeting]. I.K. Labutina, ed. Moscow: Pskov: IA RAN, pp. 211–228. (In Russ.)
- Shcheglova O.A., 2002. Lead-tin ornaments of the 8th–10th centuries in the North-West of Eastern Europe. *Ladoga i ee sosedi v epokhu srednevekov'ya* [Ladoga and its neighbours in the Middle Ages]. A.N. Kirpichnikov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 134–150. (In Russ.)
- Shmidt E.A., 1963. Long mounds near the village of Sloboda Glushitsa. *Tret'yakov P.N., Schmidt E.A. Drevnie gorodishcha Smolenshchiny* [Ancient fortified settlements of the Smolensk land]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 177–192. (In Russ.)
- Shmidt E.A., 2002. The Samsontsy fortified settlement in Smolensk area of the Dvina region. *Smolenskie drevnosti* [Smolensk antiquities], 2. Gorodishcha Smolenskoy zemli. Smolensk, pp. 98–166. (In Russ.)
- Shmidt E.A., 2003. Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–VII vv. n.e. Tushemlinskaya kul'tura [The Upper Dnieper and Dvina region in the 3rd–7th centuries AD. The Tushemlya culture]. Smolensk. 296 p.
- Shmidt E.A., 2008. Zaozer'e. Arkheologicheskiy kompleks IV–XII vekov [Zaozerye. Archaeological complex of the 4th–12th centuries]. Smolensk. 256 p.
- Shmidt E.A., 2012. Krivichi Smolenskogo Podneprov'ya i Podvin'ya (v svete arkheologicheskikh dannykh [Krivichs of Smolensk area of the Dnieper and Dvina region (in the light of archaeological data)]. Smolensk: Svitok. 168 p.
- Vasil'ev V.L., 2019. The names of the Volga, Western Dvina and Dnieper rivers: the issue revisited. *Voprosy onomastiki* [Issues of onomastics], vol. 16, no. 4, pp. 9–32. (In Russ.)
- Vorontsov A.M., 2013. Kul'turno-khronologicheskie gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural-chronological horizons of sites of the 2nd–5th centuries in the Oka-Don watershed]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik “Kulikovo pole”. 173 p.

ДВУХСОСТАВНЫЕ ЗАСТЕЖКИ В СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2022 г. А. А. Тишкин¹, *, В. В. Горбунов¹, **

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

*E-mail: tishkin210@mail.ru

**E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

Поступила в редакцию 17.02.2022 г.

После доработки 17.02.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

Исследуется группа художественно оформленных застёжек из цветного металла, служивших элементами костюма. Эти изделия найдены в погребениях сrostкинской археологической культуры на памятниках Поповская Дача, Ближние Елбаны V и Сrostки I. Они представляют собой конструкцию из двух частей, одна из которых выполняет роль рамки, а другая — язычка. Их соединение позволяло скреплять противоположные края одежды, к которым такие детали пришивались. Дается описание формы и конструкции находок, указываются размеры, рассмотрены особенности ornamentации. Приведены результаты химического анализа изделий, полученные с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра. Выделено четыре типа двухсоставных застёжек. Приведенные аналогии им показали, что такие вещи бытовали в IX–XII вв. на территории от Прииртышья до Приангарья. Высказано предположение о первоначальном появлении рассматриваемых приспособлений у самодийских племен. В дальнейшем они достигли наибольшего разнообразия по форме и декору при участии тюркоязычного населения. Материалы сrostкинской культуры позволяют утверждать, что рассматриваемые застёжки служили элементом женского костюма, отражая при этом высокий социальный статус.

Ключевые слова: двухсоставные застёжки, сrostкинская культура, курган, раннее средневековье, рентгенофлуоресцентный анализ.

DOI: 10.31857/S0869606322030151

На юге Западной Сибири в погребальных памятниках сrostкинской археологической культуры второй половины VIII–XI в. обнаружена пока небольшая, но достаточно узнаваемая серия предметов, относящихся к костюму человека. Изделия состоят из двух отдельных частей, но образуют единую конструкцию, которая использовалась в качестве застёжки. Такие детали, как правило, имеют одинаковые форму и декор. При этом одна из них снабжена прорезью, выполнявшей функцию рамки. У второй сделан сплошной и узкий стержень, игравший роль язычка, который вставлялся в рамку перпендикулярно, а затем поворачивался в параллельную с ней плоскость, в результате чего изделие замыкалось (застёгивалось). Для удержания такого фиксатора в рамке его окончание оформлялось в виде своеобразного расширения. Основанием у обоих изделий застёжки чаще всего был более крупный щиток, имевший свою специфику декорирования. На нем, как правило, имеются отверстия, которые позволяли пришивать и рамку, и язычок к противоположным краям одежды для дальнейшего скрепления.

Двухсоставные застёжки из разных регионов Сибири уже становились предметом специального изучения (Senotrusova, Mandryka, 2015; Король, 2019). Настоящая статья продолжает такое рассмотрение, основанное на комплексном подходе. Исследовались застёжки из трех памятников сrostкинской культуры. Такие находки представляют основные типы рассматриваемой категории предметов, встречаемых как в южных районах Западной Сибири, так и на ряде сопредельных территорий. Проведены измерения деталей застёжек, их фотографирование с разных сторон (по отдельности и в сочленении), подготовлены графические иллюстрации, выполнен рентгенофлуоресцентный анализ некоторых изделий, осуществлено морфологическое описание и выделены типы, определен круг аналогий, намечены происхождение и развитие фиксируемого элемента костюма, использовавшегося в раннем средневековье. Полученные результаты могут служить основой для правильной атрибуции подобных вещей среди музейных коллекций и при новых находках в археологических памятниках. Они важны для реконструкции одежды и техно-

логических процессов изготовления самих изделий, а также для изучения имеющихся в их декоре образов, орнаментов, композиций и символики.

В 2001 г. при раскопках крупного одиночного кургана Поповская Дача в Алейском р-не Алтайского края авторами статьи обнаружены одна полная двухсоставная застежка и еще две половинки с рамкой от двух точно таких же изделий (Горбунов, Тишкин, 2001. С. 286. Рис. 1, 20–22). Указанные предметы зафиксированы в могиле 1 – самой южной в ряду из четырех погребений, расположенных под земляной насыпью (размерами 30 × 25 м, высотой до 0.8 м), окруженной рвом (Горбунов, Тишкин, 2018б. С. 83). Могильное пятно имело контур прямоугольной в плане формы размерами 1.85 × 0.92 м. Яма достигала глубины 1.18 м. В ней выявлена деревянная конструкция из рамы в два венца (рис. 1, 1), накрытой продольным рядом из пяти горбылей. Внутри рамы находилось цельнодеревянное ложе, дополнительно перекрытое четырьмя продольно уложенными досками. На деревянном настиле расчищен скелет ребенка, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток-восток (рис. 1, 2). При нем найден разнообразный и довольно “богатый” инвентарь. Обнаружены остатки шелковой ткани, среди которых оказался крупный фрагмент, расшитый мехом и нитями, с золотой и серебряной фольгой, а также с подкладом (Горбунов, Тишкин, 2001. Рис. 2; Тишкин, 2019. С. 148, 149. Рис. 6). Кроме этого зафиксированы позолоченные серги, указанные застежки, фрагмент металлического зеркала (Горбунов, Тишкин, 2001. Рис. 1, 20–25; Тишкин, Серегин, 2011. С. 19, 20, 53, 81. Табл. XXVIII) и железный нож. В северо-восточном углу ложа, за черепом погребенного, обнаружена шелуха от кедровых орехов. Слева от деревянной конструкции, на земляном полу могильной ямы, находился скелет еще одного ребенка. Он был худшей сохранности. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на север-восток (рис. 1, 2). При нем не было сопроводительного инвентаря. У юго-западного угла деревянной конструкции зафиксировано два ряда позвонков от мелкого и крупного рогатого скота (рис. 1, 2: 7).

Застежки (рис. 1, 3–6) в могиле располагались следующим образом. Одна деталь с рамкой обнаружена на деревянной конструкции, ближе к северо-западному углу могилы. Другое аналогичное изделие лежало на крайнем горбыле перекрытия, ближе к северо-восточному углу ямы, а две половинки комплекта (рамка и язычок) зафиксированы у правой плечевой кости ребенка, над стенкой ложа, в расстегнутом состоянии (рис. 1, 2). Именно эта полная застежка (рис. 1, 3, 4) и относится непосредственно к костюму погребенного ребенка, тогда как две половинки (рис. 1, 5, 6) от разных комплектов, положенные на перекрытие, были, по-видимому, своего рода подношениями.

Все указанные находки из Поповской Дачи выполнены в технике плоского литья. Внешняя (лицевая) сторона у них рельефная, а внутренняя (тыльная) гладкая (рис. 1, 3–6). Три половинки, представленные рамками, имеют абсолютно одинаковую форму и декор (рис. 1, 3, 5, 6). Их длина составляет 3.5 см, а толщина – до 0.3. Собственно рамка образует у этих изделий своеобразную шейку, снабженную прорезью размерами 9 × 3.5 мм. Внешнее окончание рамки оформлено выступом (шириной 1.1–1.2 см) в форме трилистника, центральный листок которого имеет более выраженный сердцевидный абрис. Основание рамки образует щиток (шириной 2.3 см) сложной фигурной формы. Там тоже изображен трилистник с удлиненным концом центрального листка, внутри которого вписан растительный орнамент из цветочного стебля с нераскрывшимся бутонem и двумя линейно переданными листьями. На половинке от целой застежки этот орнамент виден лучше (рис. 1, 3, а, б). Края щитка образуют две фигуры, похожие на крылья птицы с загнутым кончиком и выделенным плечом. Впрочем, эти фигуры можно трактовать и как изображения птиц в профиль, где крылья превращаются в голову и шею, а плечи – в ноги. Между ними и трилистником оформлены два округлых отверстия диаметром до 4 мм. У одной из половинок есть дополнительное маленькое отверстие (рис. 1, 5), на поверхности другой отпечатались остатки ткани (рис. 1, 6, б). Декор изделий усиливают рельефные линии, окаймляющие все детали. Несмотря на представленное описание, связанное с интерпретацией изображений застежек в виде стилизованных фигурок птиц, о чем свидетельствуют имеющиеся аналогии (Король, 2019. С. 181, 182. Прил., группа 2), стоит отметить и наличие ясно выраженного антропоморфного образа на таких же изделиях (Король, 2019. Рис. 2, 2).

Половинка застежки, представляющая собой язычок, имеет длину 3.2 см и толщину 0.3 (рис. 1, 4). Ширина стержня язычка в самом узком месте составляет 0.25 см, ширина внешнего щитка – 1.1, ширина щитка в основании – 2.4, диаметр двух отверстий – до 0.4. Форма и орнамент данного изделия во всем аналогичны таковым на рамках. Лишь рельефные линии заходят на стержень, образуя дополнительные фигуры треугольного и сердцевидного очертаний (рис. 1, 4, а, б).

С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра “INNOV-X SYSTEMS” ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) одним из авторов¹ статьи определен химический состав целого комплекта. Сначала тестировалась

¹ Рентгенофлюоресцентный анализ выполнен А.А. Тишкиным в Центре коллективного пользования “Материаловедение” Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия).

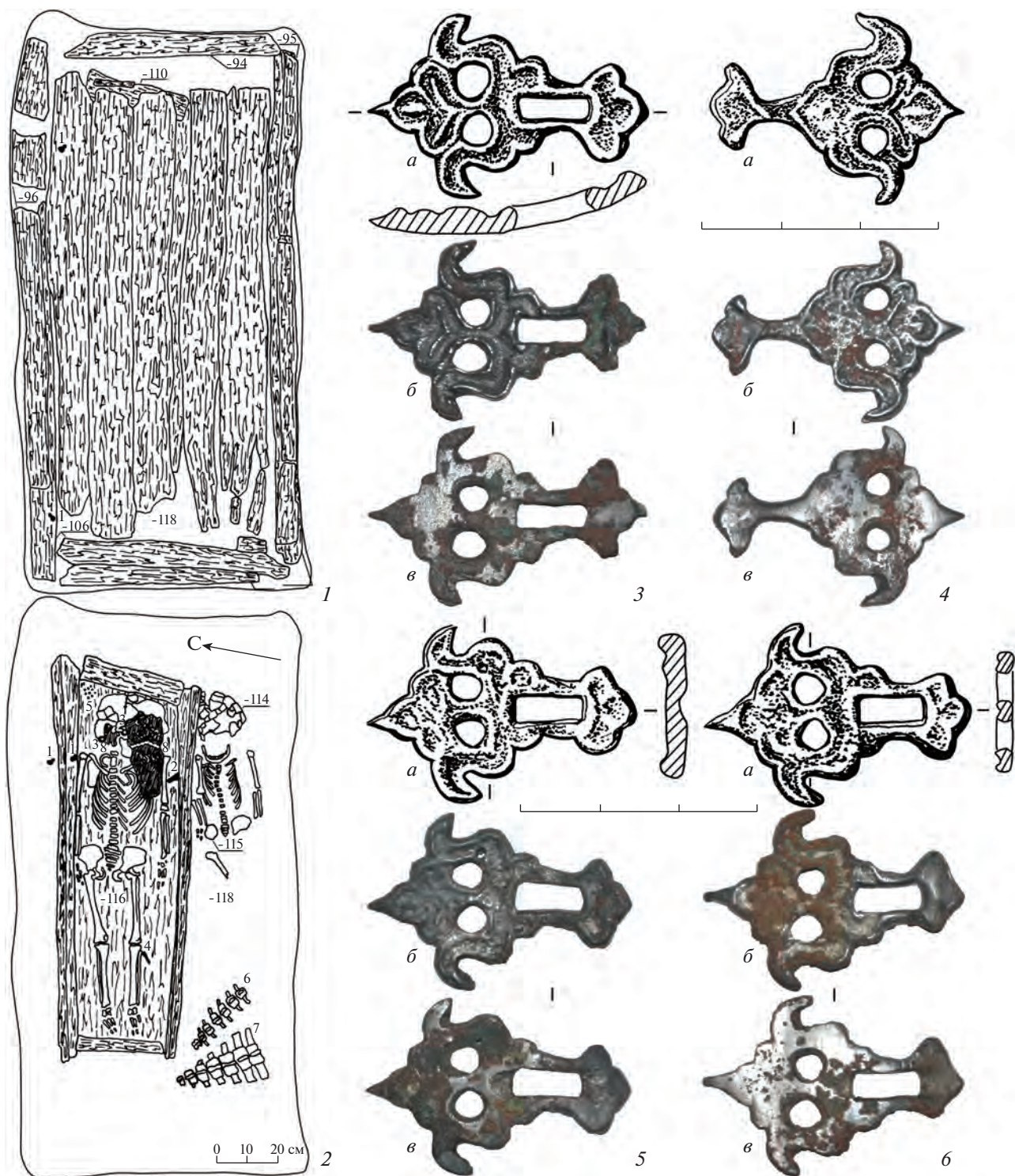

Рис. 1. Курган Поповская Дача. 1, 2 — погребение; 3–6 — детали металлических застёжек (Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, колл. № 167/71–74).

Fig. 1. Mound Popovskaya Dacha (Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University, coll. No. 167/71–74)

лицевая поверхность части застёжки с рамкой (рис. 1, 3), покрытой окислами и благородной патиной. В двух разных местах получены такие результаты: 1) Cu (медь) — 59.17%; Sn (олово) —

33.42%; Pb (свинец) — 7.41%; 2) Cu — 61.58%; Sn — 29.08%; Pb — 9.25%; Fe (железо) — 0.09%. Данные показатели позволяли предполагать наличие лужения (Минасян, 2014. С. 331). Однако механиче-

ское снятие поверхностных окислов на участке оборотной стороны изделия и полученные показатели его тестирования в трех местах указывают в пользу изначального повышенного содержания олова в рецептуре: 3) Cu – 62.22%; Sn – 28.94%; Pb – 8.84%; 4) Cu – 60.29%; Sn – 30.44%; Pb – 9.27%; 5) Cu – 61.42%; Sn – 29.72%; Pb – 8.86%. Эти поэлементные ряды свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом (бронзовом) сплаве (Cu+Sn+Pb).

Следующие тестирования осуществлялись аналогичным образом при исследовании парного изделия с язычком (рис. 1, 4): окисленная лицевая сторона – 1) Cu – 67.75%; Sn – 28.67%; Pb – 2.77%; Zn (цинк) – 0.69%; Ni (никель) – 0.12%; участок без поверхностных окислов – 2) Cu – 68.01%; Sn – 27.66%; Pb – 3.57%; Zn – 0.67%; Ni – 0.09%; 3) Cu – 70.79%; Sn – 23.28%; Pb – 5.05%; Zn – 0.8%; Ni – 0.08%; 4) Cu – 71.05%; Sn – 22.81%; Pb – 5.29%; Zn – 0.85%; 5) Cu – 70.79%; Sn – 23.16%; Pb – 5.16%; Zn – 0.83%; Ni – 0.06%. Представленный набор показателей отличается от предыдущего заметным наличием цинка.

Указанный алгоритм, но без дополнительного тестирования окисленной поверхности, был реализован при исследовании двух непарных застёжек с рамками (рис. 1, 5, 6). По одной из них (рис. 1, 5) получены следующие результаты: 1) Cu – 70.98%; Sn – 22.88%; Pb – 4.87%; Zn – 1.19%; Ni – 0.08%; 2) Cu – 70.91%; Sn – 22.83%; Pb – 4.97%; Zn – 1.19%; Ni – 0.1%; 3) Cu – 70.59%; Sn – 23.03%; Pb – 5.07%; Zn – 1.23%; Ni – 0.08%. Эти данные соответствуют предыдущему перечню показателей рентгенофлуоресцентного анализа. Подобный многокомпонентный сплав (Cu+Sn+Pb+Zn) известен под наименованием “потин”. Он с древности использовался для отливки монет и украшений, имеет серо-серебристый цвет.

Оставшееся изделие (рис. 1, 6) также тестировалось в разных местах на участке, освобожденном от поверхностных окислов: 1) Cu – 77%; Sn – 17.96%; Pb – 4.71%; Zn – 0.33%; 2) Cu – 71.01%; Sn – 22.28%; Pb – 5.81%; Zn – 0.83%; Ni – 0.07%; 3) Cu – 70.8%; Sn – 22.58%; Pb – 5.77%; Zn – 0.77%; Ni – 0.08%; 4) Cu – 70.47%; Sn – 22.78%; Pb – 5.81%; Zn – 0.88%; Ni – 0.06%.

Перечисленные поэлементные ряды трех деталей с рамками обнаруживают системные сходства. Полученные результаты позволяют заключить, что эти части застёжек с рамкой были выполнены примерно из одного сплава. Не исключено, что они делались одновременно, о чем свидетельствуют уже отмеченные размеры и оформление изделий. Сплав части застёжки с язычком немного отличается, что может быть связано с другой процедурой изготовления. Зафиксированные показатели демонстрируют возможности мастера использовать

легирующие добавки для решения задач функционального и эстетического планов.

Следующие четыре двухсоставные застёжки находятся в экспозиции Бийского краеведческого музея им. В. Бианки (далее БКМ). Они располагаются на стенде, посвященном сrostкинской культуре, и были детально исследованы в 2016 г. Все находки обозначены под одним номером (№ 10), хотя подпись в этикетаже соответствует только одному изделию – “поясная пряжка-застёжка”. Судя по музейной документации, самая крупная застёжка (рис. 2) происходит из сборов в 1924 г., проведенных М.Д. Копытовым на дюнах у с. Усть-Большая Речка. Другие изделия (рис. 3–5) найдены им же при раскопках курганного могильника Сrostки I в 1925 г. Первый из указанных пунктов в настоящее время находится в Топчихинском, а второй – в Бийском р-не Алтайского края.

Стоит отдельно остановиться на происхождении застёжки из Усть-Большой Речки (БКМ, колл. № 843/4). Информация о том, что коллекция, в которую она входит, собрана на дюнах возле указанного села (ныне – с. Чаузово), вероятнее всего, указывает на ее происхождение с известного комплекса археологических памятников Ближние Елбаны (далее БЕ). М.П. Грязнов, характеризуя материалы сrostкинской культуры этого микрорайона, предполагал, что в пункте БЕ V М.Д. Копытов в 1924 г. нашел серию бронзовых предметов из погребения, в том числе “... 2 пары ажурных застёжек”, которые хранятся в БКМ (Грязнов, 1956. С. 148). В более ранней работе ученый опубликовал рисунок упомянутой застёжки (Грязнов, 1951. Рис. 197). Он вполне согласуется с изученным нами изделием. Таким образом, коллекцию № 843 из БКМ (всего в ней числится 44 предмета) или какую-то ее часть можно связать с могильником БЕ V (Тишкин, 2021. С. 54).

Застёжка из Усть-Большой Речки представляет собой две половинки (одна с рамкой, другая с язычком), выполненные в технике литья по имевшейся модели, что позволило получить объемные изделия с бортиками (рис. 2, 1–3). Рамчатая часть застёжки имеет длину 7.5 см и толщину от 0.2 до 0.5 (с учетом бортика). Шейка снабжена прорезью размерами 18 × 6 мм. Фиксатор шириной 2 см на внешнем окончании рамки оформлен в виде стилизованного трилистника с фигурно-скобчатыми краями. Внутри его вписан орнамент из трех округлых углублений, расположенных треугольником и оконтуренных канавкой. Щиток шириной 4.8 см на основании этого же изделия имеет форму овала с краями из трех фигурных скобок и дополнительных фестонов. По его центру расположена полусферическая выпуклость (умбон диаметром 9 мм), а поверхность снабжена большим числом отверстий разных размеров и

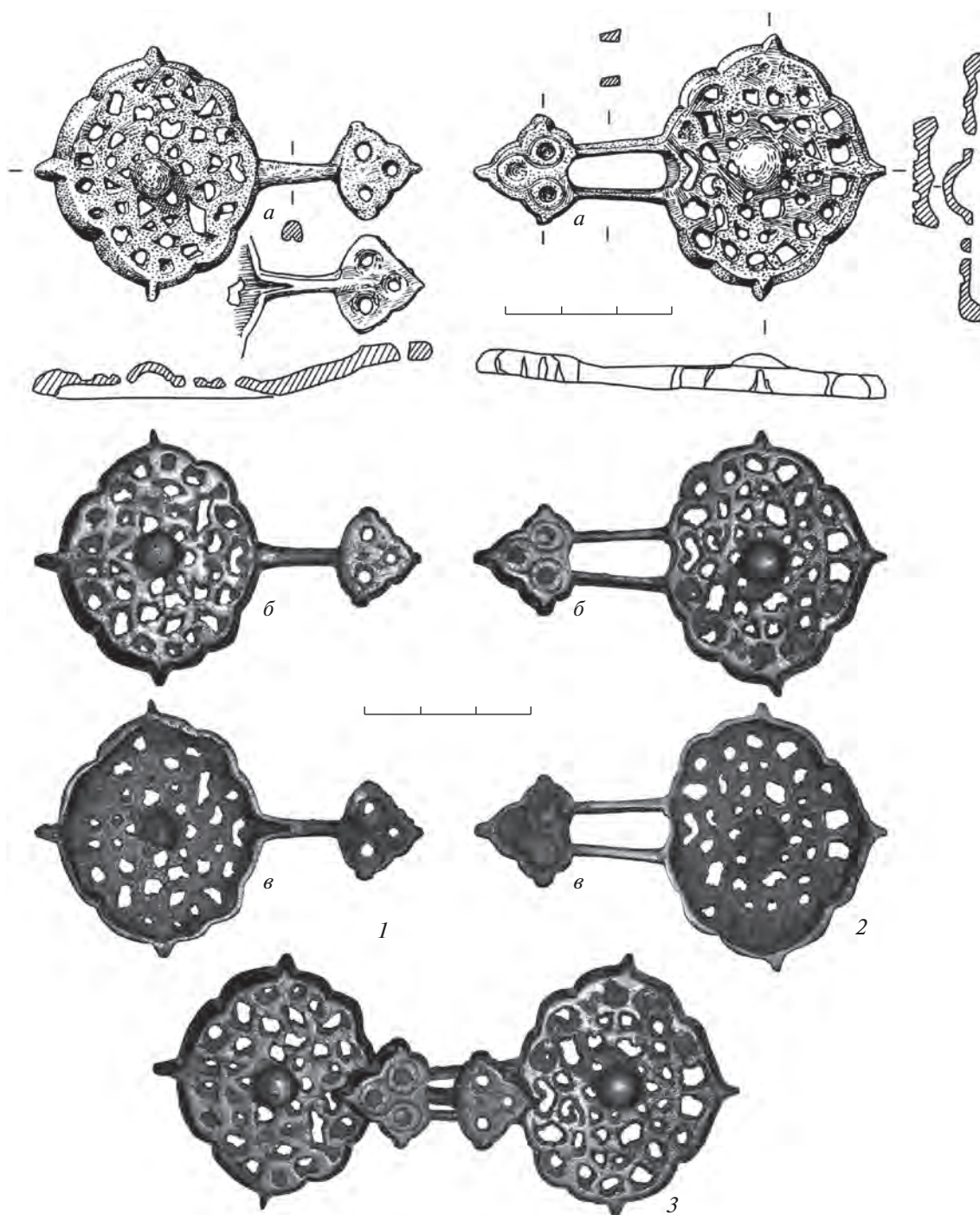

Рис. 2. Застежка из Усть-Большой Речки — Ближние Елбаны V (БКМ, колл. № 843/4).

Fig. 2. Clasp from the Ust-Bolshaya Rechka — Blizhniye Elbany V (Biysk Museum of Local Lore, coll. No. 843/4)

формы, образующих хаотичный орнамент в ажурном стиле (рис. 2, 2).

Половинка застежки с язычком имеет длину 7 см и толщину 0.2–0.5. Ширина стержня язычка в самом узком месте составляет всего 0.3 см, ширина внешнего щитка — 1.8, ширина щитка в ос-

новании — 4.7, диаметр умбона — 0.8. Его форма и орнамент в целом аналогичны предыдущему парному изделию с рамкой. Отличие наблюдается в оформлении внешнего щитка тремя круглыми отверстиями, но расположены они также треугольником (рис. 2, 1).

Определение химического состава металла выполнялось указанным выше прибором. Сначала в двух разных местах тестировалась лицевая сторона половинки с рамкой, покрытой окислами и благородной патиной. Получены следующие результаты: 1) Cu — 66.11%; Sn — 25.62%; Zn — 4.56%; Pb — 2.13%; Sb (сурьма) — 0.62%; As (мышьяк) — 0.44%; Fe — 0.38%; Ni — 0.14%; 2) Cu — 71.61%; Sn — 19.7%; Zn — 7.33%; Pb — 1.14%; Fe — 0.22%. Затем осуществлялось исследование места, где с обратной стороны ранее уже брали пробу: 3) Cu — 71.87%; Sn — 22.23%; Zn — 3.62%; Pb — 1.92%; Fe — 0.18%; Ni — 0.18%. В заключение дважды в разных точках тестировался участок с удаленными поверхностными окислами: 4) Cu — 72.64%; Sn — 23.02%; Zn — 2.36%; Pb — 1.86%; Fe — 0.12%; 5) Cu — 76.5%; Sn — 20.89%; Pb — 1.7%; Zn — 1.7%; Ni — 0.16%.

Другая половинка застёжки изучалась аналогичным образом. Сначала исследовалась лицевая сторона в двух местах: 1) Cu — 70.78%; Sn — 17.53%; Zn — 6.03%; Pb — 5.34%; Fe — 0.23%; Ni — 0.1%; 2) Cu — 69.79%; Sn — 17.74%; Zn — 6.32%; Pb — 5.79%; Fe — 0.24%; Ni — 0.12%. Затем также дважды тестировалась поверхность, освобожденная от окислов: 3) Cu — 68.18%; Sn — 20.4%; Pb — 6.1%; Zn — 5.02%; Fe — 0.19%; Ni — 0.11%; Cu — 68.95%; Sn — 20.15%; Pb — 6.08%; Zn — 4.51%; Fe — 0.16%; Ni — 0.14%.

Представленные результаты демонстрируют устойчивый многокомпонентный (медно-оловянно-свинцово-цинковый) сплав. Именно сочетание всех указанных элементов обеспечило соответствующую цветовую гамму и необходимую прочность изделиям.

Застёжки из могильника Сростки I в старых инвентарных книгах БКМ № 1 (1913–1939 гг.) и № 2 (1918–1942 гг.) значатся среди группы из 15 предметов, которая обозначена так: “медные пряжки и застёжки” (книга 1 — колл. № 144, книга 2 — № 886). В описях коллекций за 1939 и 1947 г. они расписаны более подробно: № 849/19/2549 — “застёжка литая прорезная малая из 2-х половин, материал бронза, количество — 1” (находится в экспозиции); № 849/20/2550 — “застёжка такая же на 1-ой половинке, материал бронза, количество — 1” (находится в фондах); № 849/25/2554 — “пуговицы полые шариком из 2-х половин, материал бронза, количество — 2” (обе находятся в экспозиции); № 849/26/2556 — “пуговица полая шарик из 2-х половин, гладкая, разломана на 3 части, материал бронза, количество — 1” (не обнаружена).

Часть изделий в этих описях неверно обозначена в качестве пуговиц, но зато они дают более конкретную информацию о числе застёжек, найденных в могильнике: четыре полные двухсоставные и половинка от еще одной. Определение хи-

мического состава этих металлических изделий пока не осуществлялось.

Малая застёжка из рамки и язычка (№ 849/19) выполнена в технике одностороннего литья (рис. 3, 1–3). Ее половинка с рамкой оказалась длиной 2.5 см и толщиной до 0.4. Зафиксированы такие размеры прорези: 9.5 × 3.5 мм. Внешнее окончание и основание рамки имеют сердцевидную форму и ширину 1 см. Такие щитки оконтурены рельефными линиями, а внутри них угадывается едва различимый растительный орнамент (рис. 3, 2). Точно такая же половинка застёжки в виде рамки есть в фондах этой же коллекции (№ 849/20).

Половинка застёжки с язычком имеет длину 2.4 см и толщину до 0.3. Ширина стержня язычка в самом узком месте составляет 3 мм, а ширина его щитков — 9. Оформление окончаний полностью аналогично предыдущему изделию. Стержень язычка заметно расширяется к основанию, перед щитком которого сделано отверстие размерами 3 × 2 мм (рис. 3, 1).

Еще две застёжки (№ 849/25), выполненные в технике литья по моделям, имеют практически одинаковые характеристики (рис. 4, 5). Их половинки-рамки с учетом бортиков оказались в длину 3.7 см и толщиной до 0.3 (рис. 4, 1; 5, 1). Особенностью является короткая шейка (шириной 5–6 мм), которая соединяет щитки. Прорезь рамки (размерами 1.2 × 0.3–0.4 см) расположена на щитке округлой формы (диаметром 1.5 см), который по периметру имеет валик. У одного изделия щиток с прорезью поврежден (рис. 5, 1). Щитки оснований выпуклые, овальной формы (шириной 2 см) с фестончатыми краями, где три фестона округлые, а один фигурно-скобчатый. Они оконтурены рельефной линией. На щитках есть орнамент в виде “пламенеющей жемчужины” (рис. 4, 1, а, б), однако на одном он лишь намечен, но не проработан (рис. 5, 1, а, б). Каждый щиток снабжен двумя небольшими противоположащими отверстиями.

Половинки застёжек с язычками также очень похожи. Они с учетом бортиков имеют длину 3.7 см и толщину до 0.35 (рис. 4, 2; 5, 2). Стержни язычков изогнуты (рис. 4, 2, а; 5, 2, а), их наименьшая ширина — 2 мм, но они слегка расширяются к основанию. Внешние щитки круглой формы (диаметром 1.1 см), оконтурены рельефной линией, внутри которой есть орнамент в виде раскрывшегося бутона цветка (рис. 4, 2, а, б; 5, 2, а, б). Щитки основания — овально-фестончатые (шириной 1.9 см), с фигурно-скобчатой деталью, изображением “пламенеющей жемчужины” и двумя отверстиями. Один из них имеет повреждение с краю и по верху (рис. 4, 2).

Среди небольшой серии рассмотренных застёжек по общему виду их половинок или характер-

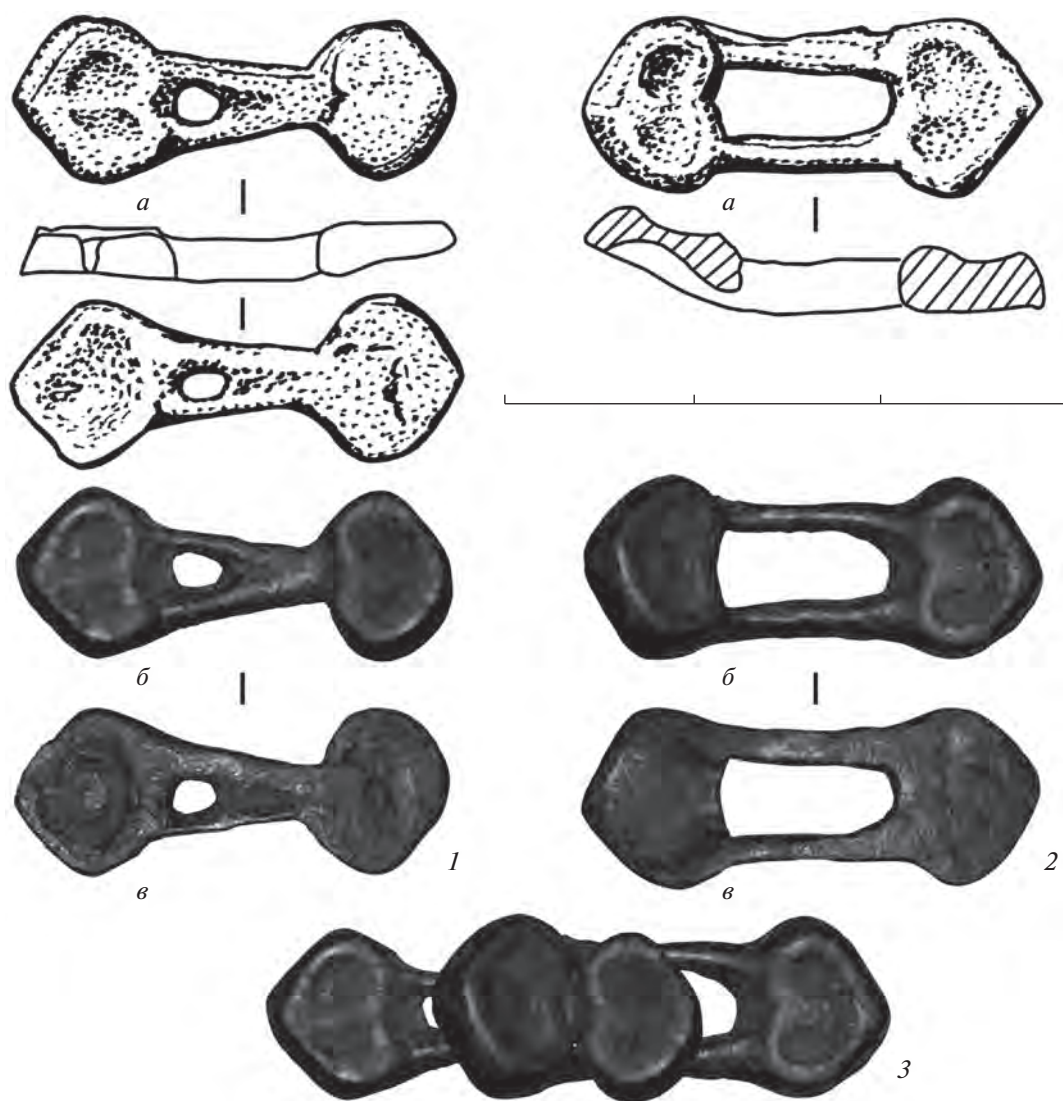

Рис. 3. Малая застежка из могильника Сростки I (БКМ, колл. № 849/19).

Fig. 3. Small clasp from the Srostki I burial ground (Biysk Museum of Local Lore, coll. No. 849/19)

ных деталей (определяемому на ассоциативном уровне) можно выделить четыре типа изделий.

Тип 1 — сердцевидные. Половинки застежек имеют характерные щитки в форме “сердечка”. Данный тип представлен двумя застежками (полная и половинка) из некрополя Сростки I (рис. 3). Этот памятник датируется второй половиной IX — первой половиной X в. (Горбунов, Тишкин, 2018а. С. 76). К типу 1 относится еще одна полная застежка, у язычка которой сломано основание. Она происходит из кургана 2 памятника Гилево XII (Могильников, 2002. С. 33. Рис. 85, 14). Этот могильник, расположенный на Предалтайской равнине, датируется второй четвертью—второй половиной X в. (Могильников, 2002. Табл. 8). Пока можно определить бытование изделий типа 1 в основном X в.

Тип 2 — крыловидные. Щитки на основании половинок застежек напоминают крылья, что в сочетании с более мелкими внешними щитками-фиксаторами и шейкой рамки дает образ летящей птицы. Данный тип представлен застежками (полная и две половинки) из памятника Поповская Дача (рис. 1, 3—6). Исследованный одиночный курган датируется последней четвертью X — первой четвертью XI в. (Горбунов, Тишкин, 2001. С. 287). К типу 2 можно отнести еще ряд застежек, среди которых есть точные соответствия и имеющие другие варианты оформления. В памятниках сросткинской культуры такие находки происходят с территории Приобского плато и Новосибирского Приобья. Они обнаружены в могиле 2 кургана 2 на памятнике Грязново III, датируемой IX—X вв. (Могильников и др., 1980. С. 119, 127.

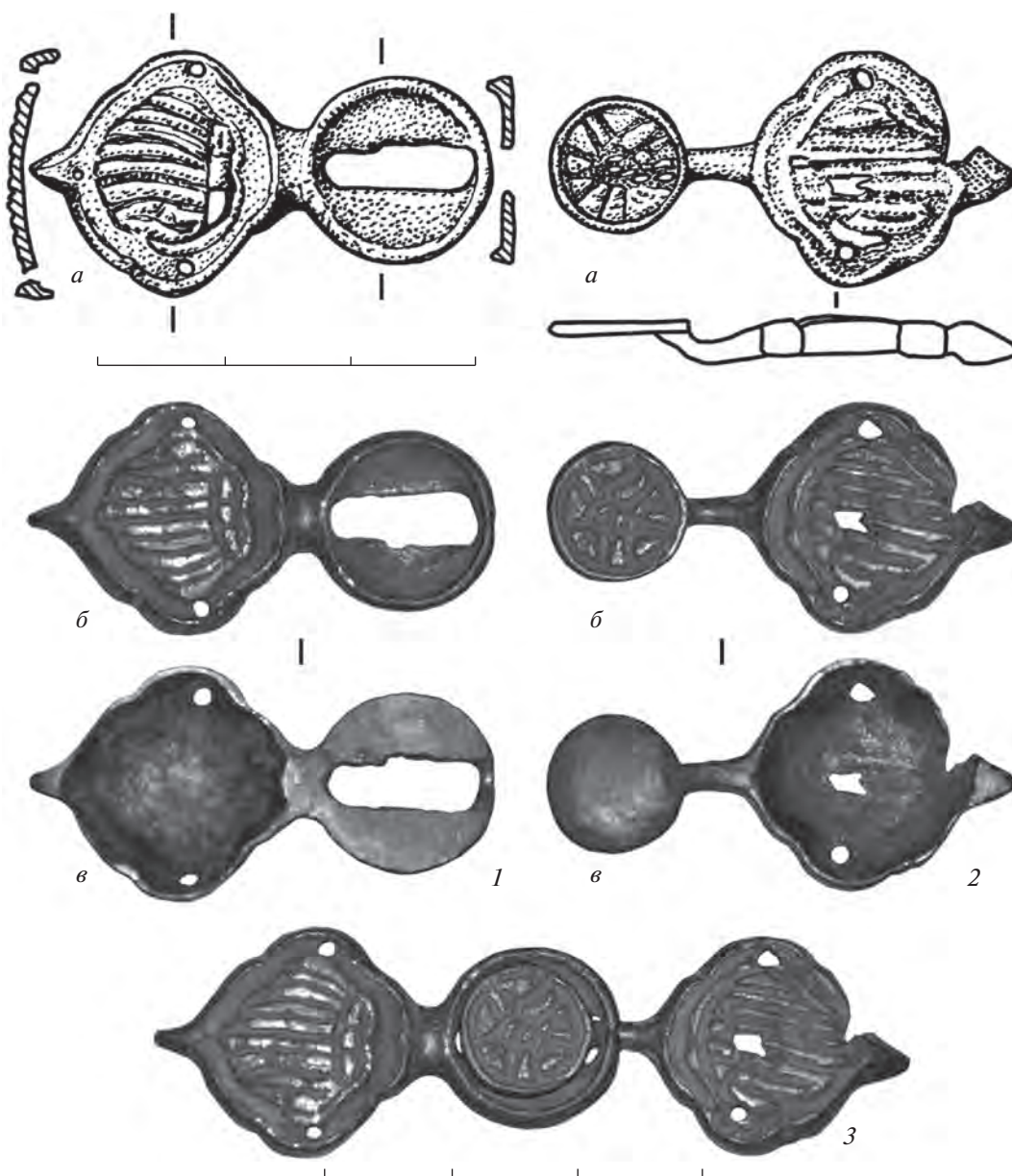

Рис. 4. Застежка из могильника Сростки I с целой рамкой (БKM, колл. № 849/25).

Fig. 4. Clasp from the Srostki I burial ground with a complete frame (Biysk Museum of Local Lore, coll. No. 849/25)

Рис. 3, 2), и в могиле 1 кургана 3 комплекса Березовый Остров 1, отнесенной к X–XII вв. (Адамов, 2000. С. 64, 106. Рис. 34, 3). Известны застежки типа 2 в погребениях кимаков IX–X вв. на территории Восточного Казахстана: Карашат I, курган 23, могила 2 (Археологические памятники..., 1987. С. 207, 246. Рис. 102, 5–8) и Зевакино, курган 145а (Арсланова, 1998. С. 100. Рис. 2, 9, 10). Отметим также находки в погребениях Томского Приобья и Среднего Причулымья: Басандайка, курган 25, могила 3 – X–XII вв. (Басандайка, 1948. С. 104, 153. Табл. 50, 58); Калмакский, кур-

ган 21 – X–первая половина XI в. (Беликова, 1996. С. 51, 98. Рис. 83, 1/).

Происхождение типа 2 можно связать со стилизацией реалистичного образа летящей утки (Король, 2019. С. 181, 182), который встречается на другом типе двухсоставных застежек. Они известны как в сrostкинских памятниках Лесостепного Алтая, так и среди находок на территории Верхнего Прииртышья и Минусинской котловины (Уманский, 1997. Рис. 2, 4–6; Король, 2008. С. 143. Рис. 34, 4. Табл. 16, 14). Эти застежки в виде уток бытовали в IX–X вв., а крыловидные за-

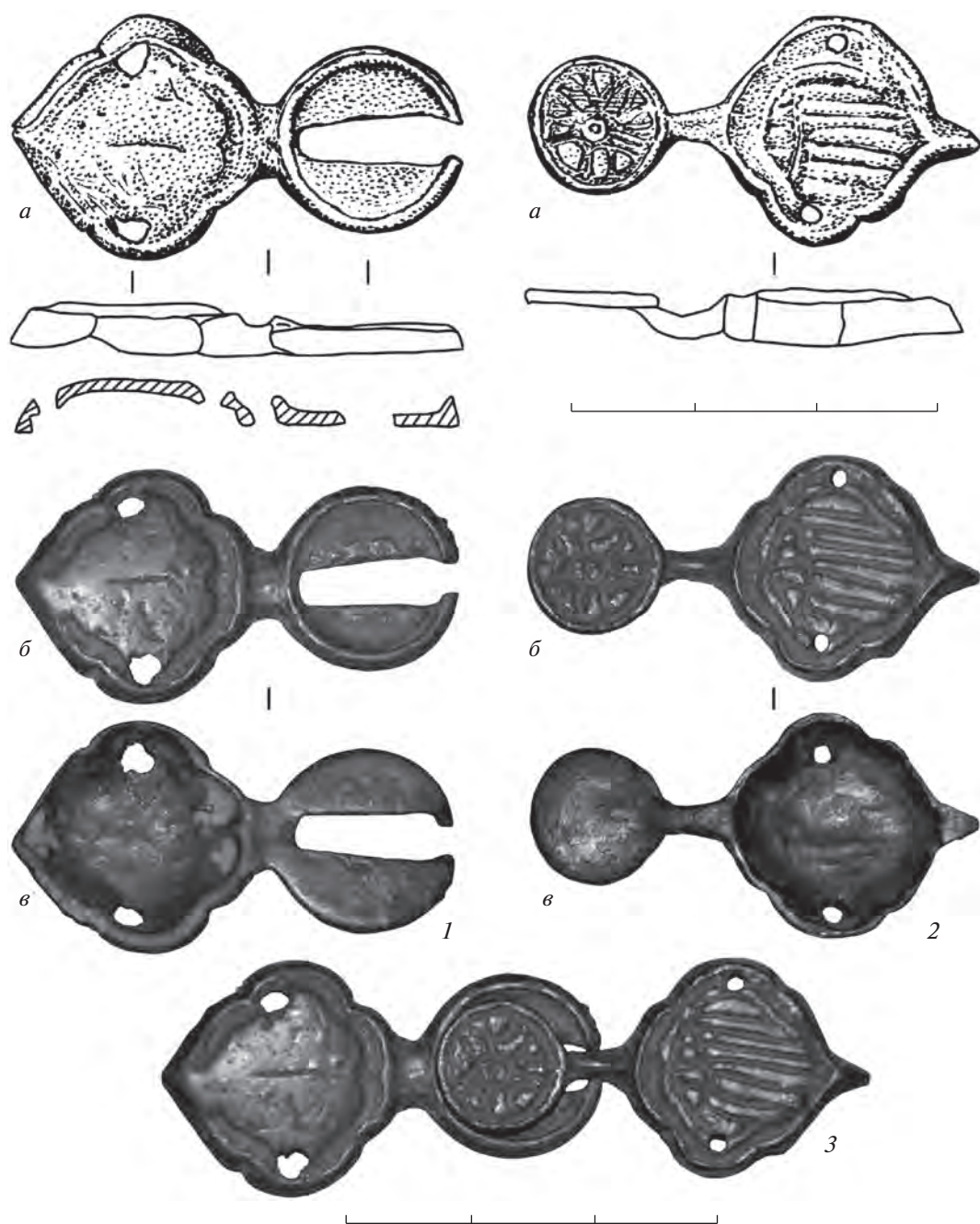

Рис. 5. Застежка из могильника Сростки I с неполной рамкой (БКМ, колл. № 849/25).

Fig. 5. Clasp from the Srostki I burial ground with an incomplete frame (Biysk Museum of Local Lore, coll. No. 849/25)

стежки, видимо, сменили их в течение X и просуществовали до XII в. включительно.

Тип 3 – восьмерковидные. Общая форма застежки с меньшим внешним щитком-фиксатором и большим в основании отдаленно напоминает цифру “8”. Особенно это сходство проявляется у половинок с рамкой. Данный тип представлен двумя полными застежками из некрополя Сростки I (рис. 4, 5). К нему также можно отнести еще две застежки из памятника Кор-

болиха VI, курган 1 – Предалтайская равнина, конец IX–X в. (Могильников, 2002. С. 52. Рис. 157, 3. Табл. 8) и БЕ IX, курган 2, могила 4 – Бийско-Чумышская возвышенность, XI–XII вв. (Абдулганев, Егоров, 1995. С. 191–193. Рис. 2). Очевидно, что основное время бытования изделий типа 3 приходилось на X–XII вв. Этот тип, по-видимому, повлиял на формирование двухсоставных застежек XII–XIV вв. в Восточной Европе, которые имеют совершенно другое рамочное основание,

рассчитанное на продевание ремня, но аналогичную конструкцию внешних щитков (Недашковский, 2000. С. 28, 39. Рис. 4, 1).

Тип 4 — ажурные. Орнаментация прорезями и фигурное оформление щитков на основаниях половинок застежки придают характерный ажурный облик таким изделиям. Данный тип представлен полной застежкой из Усть-Большой Речки — БЕ V (рис. 2). Погребение, из которого происходит застежка в пункте БЕ V, датируется X в. (Грязнов, 1956. С. 150, 151). К этому же типу относятся еще три застежки (две целые и половинка) из пунктов БЕ IX, курган 2, могила 4 (Абдулганеев, Егоров, 1995. С. 191—193. Рис. 2) и БЕ XVI, могила 6 (Абдулганеев и др., 1995. С. 243, 244, 246. Рис. 3, 16, 17), которые датируются в интервале IX—XII вв. Встречаются застежки типа 2 в памятниках кимаков IX—X вв.: Белокаменка, объект 2 (Археологические памятники..., 1987. С. 142, 143, 246. Рис. 74, 11, 12). Они найдены в археологических комплексах Томского Приобья и Кузнецкой котловины X—XII вв.: Басандайка, курган 55, могила 4 (Басандайка, 1948. С. 77, 153. Табл. 69, 182) и Конево, курган 3, могила 1 (Илюшин, 2012. С. 16. Рис. 30, 30, 31). Также встречаются аналогичные изделия среди случайных находок в Минусинской котловине (Король, 2008. Табл. 10, 15; 2019). В целом датировка типа 4 пока определяется довольно широко в рамках IX—XII вв.

Рассматривая проблему появления такой конструкции, как двухсоставные застежки, приходится констатировать отсутствие традиции изготовления подобных изделий в раннем средневековье на территории Восточной Европы и Центральной Азии. В целом применение двухсоставных застежек рассмотренных типов укладывается в период с IX по XII в., а их распространение локализуется в лесостепных и южнотаежных районах Западной Сибири, а также в Восточном Казахстане, Минусинской котловине (Король, 2008, 2019) и Приангарье (Senotrusova, Mandryka, 2015; Мандрыка, Сенотрусова, 2018). Предварительно происхождение застежек, видимо, следует связывать с самодийской средой. На это косвенно может указывать обнаружение такого изделия (с весьма простым оформлением) на памятнике второй половины VIII—IX в. верхнеобской археологической культуры Каменный Мыс, курган 19 (Троицкая, Новиков, 1998. С. 53, 60, 64, 84. Рис. 25, 28).

Судя по нахождению двухсоставных застежек в непогребенных погребениях (плечи и запястья рук, верхняя часть груди с левой или правой стороны), они никак не связаны с поясом. Вероятнее всего, их применяли для застегивания пол и рукавов верхней одежды типа кафтана или халата, а также для скрепления двух сторон у плащей или накидок. Застежки пришивались через специаль-

ные (типы 2 и 3) или орнаментальные (тип 4) отверстия в щитках на основании. И только мелкие застежки (тип 1) крепились непосредственно через рамку и отверстие в язычке.

В памятниках сrostкинской культуры застежки зафиксированы исключительно в женских и детских (девочки) погребениях, обычно в одном наборе с серьгами, бусами, подвесками, заколками, зеркалом, игольником в разном сочетании. Похожая картина наблюдается в памятниках кимаков и басандайской археологической культуры. Таким образом, двухсоставные застежки, даже когда нет антропологических определений, можно однозначно считать элементом женского костюма. Застежки сrostкинской культуры и их аналоги, имеющие декоративное оформление, как правило, встречаются в весьма “богатых” погребениях и, видимо, отражают высокий социальный статус своих владельцев.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-49-220006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 243—252.
- Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 1995. С. 190—195.
- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X—XIV вв. Тобольск; Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2000. 256 с.
- Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX—X вв. с бусами из Казахского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. З. Самашев. Алматы; М.: Ылым, 1998. С. 97—110.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / С.М. Ахинжанов, А.С. Ермолаева, А.Г. Максимова и др. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.
- Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1948. 219 с.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X—XIII вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. 272 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 281—287.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Результаты изучения эпонимного памятника Сrostки-I на Алтае: возвращение к истокам и новые материалы // Археология Евразийских степей. 2018а. № 6. С. 73—80.

- Горбунов В.В., Тишкин А.А. “Элитные” курганы сrostкинской культуры рубежа I/II тыс. н.э. на Приобском плато // Археология Евразийских степей. 2018б. № 6. С. 81–88.
- Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XL. С. 105–113.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 48). 163 с.
- Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: КГТУ, 2012. 188 с.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. V). 332 с.
- Король Г.Г. Составные украшения застежки с территории Саяно-Алтая конца I – начала II тыс. // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. 2 / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2019 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. XII). С. 175–195.
- Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаяжской зоны Средней Сибири // Российская археология. 2018. № 2. С. 98–112.
- Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. 472 с.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 106–130.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
- Тишкин А.А. Фрагменты тканей из древних и средневековых памятников (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция / Ред. И.И. Елкина и др. М.: ИА РАН; Оппенхайм-на-Рейне: Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, 2019 (Archaeology in China and East Asia; vol. 7). С. 142–154.
- Тишкин А.А. Рентгенофлюоресцентный анализ ранне-средневекового металлического зеркала из собрания Бийского краеведческого музея // Сборник материалов конф., посв. 100-летию Бийского краеведческого музея им. В. Бианки / Отв. ред. Д.В. Ерошкин. Бийск: Бийский краевед. музей, 2021. С. 50–54.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Уманский А.П. Аварийные раскопки близ села Нечунаево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 153–156.
- Senotrusova P.O., Mandryka P.V. The Bronze Bipartite Buckles in the Materials of the Burial Site Prospikhino Shivera-IV in the Lower Angara River // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. T. 8, № 4. P. 629–638.

TWO-PIECE CLASPS IN THE SROSTKI CULTURE

Alexey A. Tishkin^{a, #} and Vadim V. Gorbunov^{a, ##}

^a Altai State University, Barnaul, Russia

[#] E-mail: tishkin210@mail.ru

^{##} E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

The paper considers a group of artistically decorated clasps made of non-ferrous metal, which served as elements of the attire. These objects were found in the burials of the Srostki archaeological culture at the sites of Popovskaya Dacha, Blizhniye Elbany V and Srostki I. The design is bipartite, with one part serving as a frame and the other one as a pin. Their connection made it possible to fasten the opposite edges of the clothing piece where such details were sewn to. The authors describe the shape and design of the finds, indicate the dimensions, and discuss the features of ornamentation. The results of the chemical analysis of objects with an X-ray fluorescence spectrometer are presented. Four types of two-piece clasps were identified. Their analogies considered in the paper show that such items existed in the 9th–12th centuries on the territory ranging from the Irtysh to the Angara regions. An assumption is made about the initial emergence of the discussed objects among the Samoyedic tribes. Later, clasps reached the greatest diversity in their shape and decor with the participation of the Turkic-speaking population. The materials of the Srostki culture suggest that the clasps in question served as an element of woman's clothing reflecting a high social status.

Keywords: two-piece clasps, the Srostki culture, mound, the Early Middle Ages, X-ray fluorescence analysis.

REFERENCES

- Abdulganeev M.T., Egorov Ya.V., 1995. New excavations in Bizhniye Elbany. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraia* [Conservation and studying of the cultural heritage of Altai Krai], iss. V, part II. A.P. Umanskiy, ed. Barnaul: Barnaul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 190–195. (In Russ.)
- Abdulganeev M.T., Gorbunov V.V., Kazakov A.A., 1995. New cemeteries of the second half of the 1st millennium AD in Bizhniye Elbany. *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noy Azii* [Warfare and medieval archaeology of Central Asia]. A.M. Ilyushin, ed. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 243–252. (In Russ.)
- Adamov A.A., 2000. Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. [Novosibirsk area of the Ob River region in the 10th–15th centuries]. Tobol'sk; Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 256 p.
- Akhinzhanov S.M., Ermolaeva A.S., Maksimova A.G. et al., 1987. *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES* [Archaeological sites in the flood zone of Shulbinskaya HEP]. Alma-Ata: Nauka. 280 p.
- Arslanova F.Kh., 1998. Female burials of the 9th–10th centuries with beads in Kazakhstan area of the Irtysh region. *Voprosy arkheologii Kazakhstana* [Issues of archaeology of Kazakhstan], 2. Z. Samashev, ed. Almaty; Moscow: Fylym, pp. 97–110. (In Russ.)
- Basandayka: Sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoy oblasti [Basandayka: Collection of materials and research on the archaeology of Tomsk Region]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1948. 219 p.
- Belikova O.B., 1996. Srednee Prichulyum'e v X–XIII vv. [The Middle Chulyum region in the 10th–13th centuries]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 272 p.
- Gorbunov V.V., Tishkin A.A., 2001. Further research on the mounds of the Srostki culture on the Priobskoye plateau. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], VII. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin, eds. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, pp. 281–287. (In Russ.)
- Gorbunov V.V., Tishkin A.A., 2018a. The results of studying the eponymous site of Srostki-I in the Altai: Return to the origins and new materials. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian steppes], 6, pp. 73–80. (In Russ.)
- Gorbunov V.V., Tishkin A.A., 2018b. “Elite” mounds of the Srostki culture at the turn of the I/II millennium AD on the Priobskoye plateau. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian steppes], 6, pp. 81–88. (In Russ.)
- Gryaznov M.P., 1951. Archaeological study of an ancient settlement (Excavations of the Northern Altai expedition in 1949). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], XL, pp. 105–113. (In Russ.)
- Gryaznov M.P., 1956. Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [History of the ancient tribes of the Upper Ob based on excavations near the village of Bolshaya Rechka]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 163 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 48).
- Ilyushin A.M., 2012. Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ya Ura [Burial mounds of late nomads near the estuary of the Ura River]. Kemerovo: KGTU. 188 p.
- Korol G.G., 2008. Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [The art of medieval nomads of Eurasia. Studies]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 332 p. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, V).
- Korol G.G., 2019. Decorated composite clasps from the Sayan-Altai of the late 1st – early 2nd millennium. *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva* [Depictive and technological traditions of early art forms], 2. M.A. Devlet, ed. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 175–195. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, XII). (In Russ.)
- Mandryka P.V., Senotrusova P.O., 2018. Cultural attribution of the High Middle Ages sites in the southern taiga zone of Central Siberia. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 98–112. (In Russ.)
- Minasyan R.S., 2014. Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e [Metalworking in ancient times and the Middle Ages]. St. Petersburg: Izdatel'stvo GE. 472 p.
- Mogil'nikov V.A., 2002. Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh [Nomads of the north-western foothills of the Altai in the 9th–11th centuries]. Moscow: Nauka. 362 p.
- Mogil'nikov V.A., Neverov S.V., Umanskiy A.P., Shemyakina A.S., 1980. Mounds near the village of Gryaznov. *Drevnyaya istoriya Altaya* [Early history of the Altai]. Yu.F. Kiryushin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Alt. universiteta, pp. 106–130. (In Russ.)
- Nedashkovskiy L.F., 2000. Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okrug [The Golden Horde city of Ukek and its vicinity]. Moscow: Vostochnaya literatura. 224 p.
- Senotrusova P.O., Mandryka P.V., 2015. The Bronze Bipartite Buckles in the Materials of the Burial Site Prospikhino Shivera-IV in the Lower Angara River. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 4, pp. 629–638.
- Tishkin A.A., 2019. Fragments of fabrics from ancient and medieval sites (based on materials of the Museum of Altai Archaeology and Ethnography at Altai State University). *Iskusstvo drevnego tekstilya. Metody izucheniya, sokhrannost', rekonstruktsiya* [Art of ancient textiles. Methods of study, conservation, and reconstruction]. I.I. Elkina et al., eds. Moscow: IA RAN; Oppenkhayma-Reyne: Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, pp. 142–154. (Archaeology in China and East Asia, 7). (In Russ.)

- Tishkin A.A.*, 2021. X-ray fluorescence analysis of an early medieval metal mirror from the collection of the Biysk Museum of Local Lore. *Sbornik materialov konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Biyskogo kraevedcheskogo muzeya imeni V. Bianki* [Proceedings of the Conference to the 100th anniversary of the V. Bianki Biysk Museum of Local Lore]. D.V. Eroshkin, ed. Biysk: Biyskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 50–54. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Seregin N.N.*, 2011. Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta) [Metal mirrors as a source on ancient and medieval archaeology of the Altai (based on materials of the Museum of Altai Archaeology and Ethnography at Altai State University)]. Barnaul: Azbuka. 144 p.
- Troitskaya T.N., Novikov A.V.*, 1998. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [The Upper Ob culture in Novosibirsk area of the Ob River region]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. 152 p.
- Umanskiy A.P.*, 1997. Salvage excavations near the village of Nechunayevo. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Conservation and study of the cultural heritage of Altai Krai], VIII. Yu.F. Kiryushin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Alt. universiteta, pp. 153–156. (In Russ.)

НАКОВАЛЬНИ ЧЖУРЖЭНЬСКИХ КУЗНЕЦОВ (по материалам исследований городищ приморья)

© 2022 г. С. В. Макиевский*

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия*

**E-mail: makievskiy@list.ru*

Поступила в редакцию 07.11.2021 г.

После доработки 31.01.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

Статья посвящена характеристике кузнечных наковален, обнаруженных при исследовании чжурчжэньских городищ в Приморье. Находки металлических наковален на памятниках единичны, поэтому выработалось мнение, что чжурчжэньские ремесленники в качестве наковален использовали камни. Но исследования последних лет показали, что мастерские могли оборудоваться как каменными, так и металлическими наковальнями. Большая часть информации о наковальнях получена при исследовании Краснояровского городища — Верхней столице государства Восточное Ся (1215–1233 гг.), где найдены наковальни и фрагменты наковален, отлитых из чугуна. Анализ полученных данных показал, что чугунные наковальни чжурчжэней имеют устоявшуюся форму, но могут различаться по размеру, массе и наличию элемента в виде рога. В работе приводятся сведения о наковальнях, кованных из железа.

Ключевые слова: кузнечное ремесло, инструмент, наковальни, чугун, литье, чжурчжэни, Приморский край, Краснояровское городище.

DOI: 10.31857/S0869606322030114

Средневековые городища XII–XIII вв. на территории Приморского края являются не только памятниками, демонстрирующими высокий уровень градостроительства чжурчжэней, но также служат источником археологического материала, характеризующего отдельные виды ремесел в государстве Восточное Ся (1215–1233 гг.), в частности, металлообработку. За все время исследований чжурчжэньских городищ в Приморье собрано огромное количество изделий из железа и чугуна. Практически все обнаруженные предметы свидетельствуют о высоком профессиональном уровне мастеров и применяемых ими технологий (Леньков, 1974). Анализ железных вещей, изготовленных методом нагрева и последующей обработки под давлением, т.е. ковкой, позволяет говорить, что чжурчжэньские ремесленники в совершенстве владели основными кузнечными операциями — протяжкой, разгонкой, рубкой, осадкой, гибкой, пробивкой, прошивкой, сваркой. С уверенностью можно предположить, что при выполнении данных операций кузнец должен был использовать определенный набор инструментов, которые по современной классификации делятся на основные, вспомогательные и измерительные (Шмаков, 1990. С. 26). К основным относятся инструменты, с помощью кото-

рых заготовке придают вид готового изделия. Основные инструменты в свою очередь делятся на опорные, ударные и подкладные. К опорным инструментам относятся наковальни разных форм и типов.

Долгое время считалось, что чжурчжэньские кузнецы обходились без металлических наковален, используя вместо них подходящий для работы камень, как это делали корякские кузнецы в описании Г. Майделя¹ и кузнецы сахалинских айнов в описании Мамя Риндзо². Данный вывод подтверждался и археологическими находками. При исследовании кузнечной мастерской Ачаньевского городища обнаружено 12 горнов, и практически рядом с каждым из них находился

¹ “...помимо рыбной и тюленьей ловли очень успешно промышляют здесь кузнечным ремеслом и выделывают очень хорошие вещи при помощи самого примитивного приспособления. Оно состоит из небольшого меха, лежащего на земле в яме; работник раздувает мех, в то время как хозяин, стоя в той же яме, обрабатывает железо несколькими молотками и другими самыми простыми инструментами на камне вместо наковальни” (Майдель, 1894. С. 235).

² “К мехам прикрепляются трубки из дерева — воздухопроводы. Наковальня же — простой камень с гладкой поверхностью. Кузнечные молоты завозятся из Японии. Иногда молотом служит обух топора” (Описание..., 1990. С. 114).

Рис. 1. Наковальни из чжурчжэньских памятников Приморья. 1 — фрагмент наковальни E14-П-21 (литье, чугун), Екатериновское городище; 2 — фрагмент наковальни КЯ14-Р64-5 (литье, чугун), Красноярское городище; 3 — наковальня для дифовки Ш07-Р26-22 (ковка, железо), Шайгинское городище; 4 — наковальня-бабка Л-82-26-2 (ковка, железо), Лазовское городище.

Fig. 1. Anvils from Jurchen sites of Primorye

камень, выполняющий роль наковальни (Хорев, 1989. С. 102–105). Камни-наковальни также найдены на Горнохуторском (Васильева, 2012. С. 51), Екатериновском (Васильева, 2010. С. 44), Лазовском (Леньков, Артемьева, 2003. С. 76, 118) и Красноярском (Артемьева, Хорев, 1998. Л. 284) городищах. Не исключено, что камни-наковальни имелись и на территории исследованных ремесленных комплексов Шайгинского городища, но не были идентифицированы исследователями как опорный инструмент. В связи с тем, что для мастера главными факторами при выборе камня в качестве опоры были его прочность и наличие ровной рабочей поверхности, обнаруженные каменные наковальни отличаются по размерам, массе и форме. Камни для наковален дополнительно не обрабатывались.

В кузнечном инструментарии, собранном при исследовании чжурчжэньских памятников Приморья, металлические наковальни долгое время были представлены лишь редкими образцами. На Лазовском городище наковальня (Л-82-26-2)

Рис. 2. Чугунные наковальни. 1 — КЯ06-Р53-10, Красноярское городище; 2 — Ш66-М3-35, Шайгинское городище.

Fig. 2. Cast iron anvils (1, 2)

выявлена при исследовании территории жилища № 26. Она представляет собой кованный железный четырехгранный клин высотой 8 см с массивной рабочей площадкой (Леньков, Артемьева, 2003. С. 76) (рис. 1, 4). Форма данной наковальни идентична наковальням-бабкам, которые в настоящее время используются в сельском хозяйстве для отбивки кос (Родионов, 1988. С. 15). На Шайгинском городище в мастерской № 3 найдена отлитая из чугуна наковальня (Ш66-М3-35) в виде усеченной пирамиды с углублением в нижней части, образующим четыре ножки (Леньков, 1974. С. 105, 106) (рис. 2, 2). На том же памятнике в жилище № 48 обнаружен предмет, названный “наковаленкой ювелира, приспособленной для проковки проволоки” (Леньков, 1974. С. 49). Действительное же назначение находки спорно, поэтому в качестве инструмента в данной работе он не рассматривается.

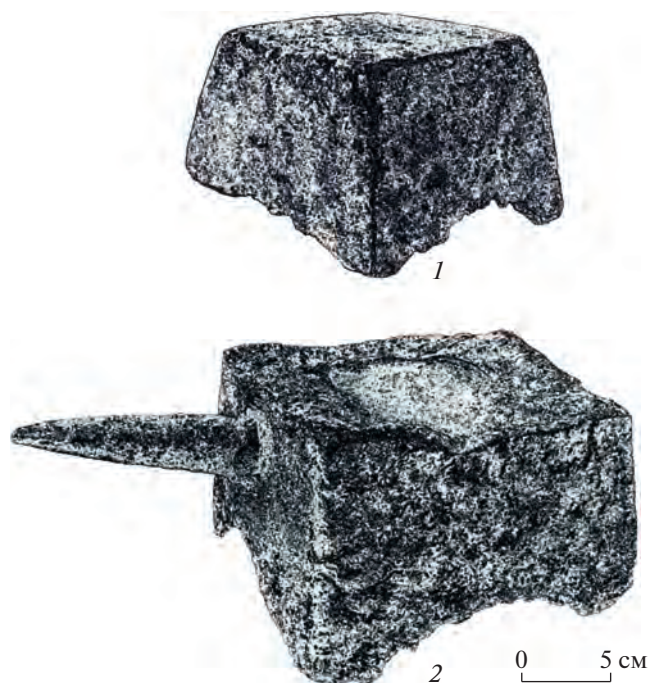

Рис. 3. Наковальни, отлитые из чугуна. 1 – КЯ10-Р60-200; 2 – КЯ17-Р70-290.

Fig. 3. Anvils made of cast iron (1, 2)

Еще одна наковальня (Ш07-Р26-22) найдена на Шайгинском городище. Изделие представляет собой кованный железный брусок, расширяющийся к рабочей площадке, имеющей продолговатое углубление (Артемьева, 2007. Л. 36.) (рис. 1, 3). Высота наковальни – 10 см, размеры нижнего основания – 5×4 , рабочая площадка – 6.5×6 ; масса – 1.7 кг. Форма рабочей площадки позволяет предположить, что инструмент мог использоваться при выполнении специализированных кузнечных операций, таких как дифовка³.

Большое количество наковален найдено на Красноярском городище, особенно в районе металлургической мастерской, где исследованы остатки нескольких плавильных печей для переработки чугуна и бронзолитейная печь (Артемьева, 2011). На территории мастерской обнаружено место хранения сырья, предназначенного для дальнейшего использования в производстве для чугуна литья. Само место хранения представляло собой углубление в грунте, заполненное ло-

мом чугунных изделий. Среди них было две целые и шесть фрагментированных наковален.

1. Наковальня (КЯ10-Р60-200) представляет собой чугунную отливку в виде усеченной пирамиды (рис. 3, 1). Размеры нижнего основания – 17×16 см, верхнего, выполняющего роль рабочей площадки (наличника) – 12×12 , высота – 10; масса – 10.8 кг. Поверхность наличника ровная, с небольшими шероховатостями. Наковальня снабжена четырьмя ножками-опорами. На двух ножках, противоположных друг другу, хорошо прослеживаются следы, оставшиеся от отбитых литников. Причем при отбивке одного из литников произошел вылом⁴ – часть одной из ножек отломилась вместе с литником. На двух других ножках виден литейный дефект в виде недолива⁵, в результате чего они не приобрели заданную форму. В нижней части инструмента имеется углубление. На его поверхности прослеживаются дефекты отливки в виде пригара⁶, усадочных раковин⁷, грубой поверхности. На боковых гранях наковальни заметен дефект в виде незначительной складчатости⁸.

2. Наковальня (КЯ10-Р60-199) в виде усеченной пирамиды (рис. 4, 5). Размеры нижнего основания – 15×15 см, верхнего – 11.5×11.5 , высота – 6; масса – 3.6 кг. В нижней части имеется углубление. Поверхность наличника прямая, шероховатая с небольшими складками. Хорошо заметна разница в качестве отливки между верхней (рабочей) и нижней частями изделия. Складывается впечатление, что литейщик, пытаясь восстановить инструмент из имевшегося у него на руках фрагмента наковальни в виде наличника, долил к нему нижнюю часть. Добавленная часть отливки имеет ярко выраженные литейные дефекты – не-

⁴ Вылом – дефект в виде нарушения конфигурации и размера отливки при выбивке, обрубке, отбивке литников и прибивке, очистке и транспортировании (Святкин, Егорова, 1989. С. 203).

⁵ Недолив – отсутствуют в отливке части, расположенные обычно в верхней по заливке зоне или внутри нее. Торцы стенок отливки могут быть скруглены, тонкие стенки плохо заполнены. Причинами дефекта могут быть пониженная жидкотекучесть металла, низкая температура заливаемого металла, недостаточное для заполнения формы количество чугуна (Справочник..., 1978. С. 653).

⁶ Пригар – дефект в виде трудно отделяемого специфического слоя на поверхности отливки, образовавшегося вследствие физического и химического взаимодействия формовочного материала с металлом и его оксидами (Святкин, Егорова, 1989. С. 203).

⁷ Усадочная раковина – дефект в виде открытой или закрытой полости с грубой, шероховатой, иногда окисленной поверхностью, образовавшейся вследствие усадки при затвердевании металла (Святкин, Егорова, 1989. С. 204).

⁸ Складчатость – дефект в виде незначительных гладких возвышений и углублений на поверхности отливки, возникающих вследствие пониженной жидкотекучести металла (Святкин, Егорова, 1989. С. 203).

³ Дифовка (выколотка) – способ холодной обработки листового металла непосредственными ударами молотка, под которым он тянется, изгибается, садится и в результате этих деформаций приобретает необходимую форму. От свободнойковки дифовка отличается тем, что она проводится в холодном состоянии, в то время как при ковочных работах металл нагревают докрасна (Флеров, 1976. С. 63).

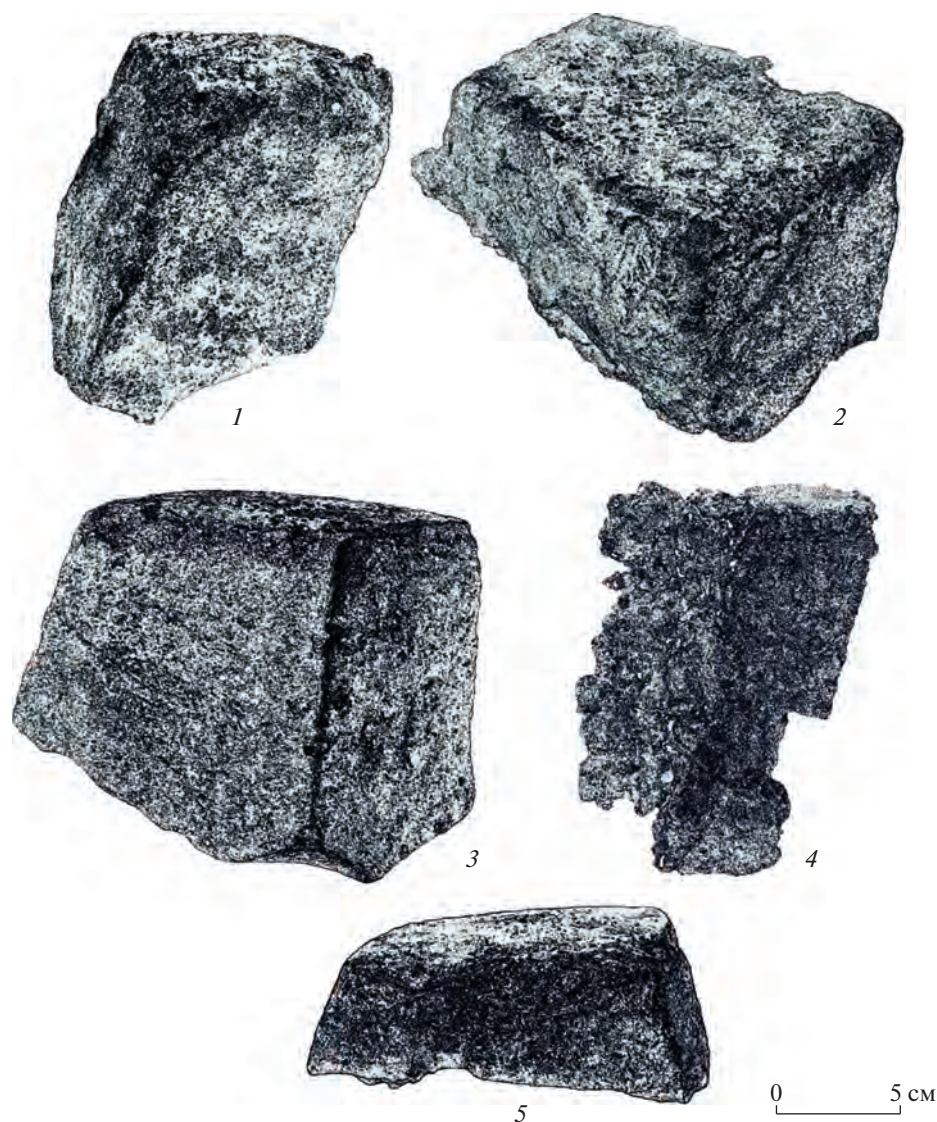

Рис. 4. Фрагменты чугуных наковален из Красноярского городища. 1 – КЯ10-Р60-203; 2 – КЯ10-Р60-204; 3 – КЯ10-Р60-206; 4 – КЯ10-Р60-209; 5 – КЯ10-Р60-199.

Fig. 4. Fragments of cast iron anvils from the Krasny Yar fortified settlement (1–5)

долив, неслитина⁹, вызванные низкой текучестью расплава по причине его застывания. Харак-

⁹ Неслитина — дефект, выходящий на поверхность в виде чередующихся углублений, обычно перпендикулярных продольной оси слитка и расположенных параллельно нижней плоскости отливки. Неслитина представляет собой несплошность, образовавшуюся из-за неслияния потоков металла при кристаллизации. При низкой скорости литья металл поступает к стенке кристаллизатора неравномерно. На участках, где слой металла тоньше, температура его быстро снижается, в результате чего начинается кристаллизация, которая распространяется от стенки кристаллизатора в глубину слитка, и в этом месте образуется твердая корочка. При поступлении следующей порции горячего металла образовавшаяся корочка не успевает расплавиться, и над ней образуется новый твердый слой. Несплошность, появившаяся между двумя твердыми слоями, и есть неслитина. Циклы образования неслитин на поверхности слитков периодически повторяются (Виды..., 2005. С. 5).

тер дефектов позволяет предположить, что восстановление инструмента не было целью, а скорее своего рода экспериментом с использованием расплавленного металла, оставшегося при изготовлении основной продукции.

3. Фрагмент наковальни (КЯ10-Р60-206), по которому можно сказать, что она представляла собой чугунную отливку в виде усеченной пирамиды (рис. 4, 3) с размерами нижнего основания 15×15 см, верхнего 10×10 , высотой 10,5; массой 4,8 кг. Предположительная масса целой наковальни составляла около 10 кг. В нижней части имеется углубление. При изготовлении наковальни предполагалось наличие у нее опорных ножек, но в результате литейного брака в виде недолива эта часть изделия не сформировалась. Также на

отливке прослеживаются литейные дефекты в виде усадочных раковин, складчатости. Наличник наковальни имеет дефект в виде газовой шероховатости¹⁰.

4. Археологически целая наковальня (КЯ10-Р60-205) представляет собой чугунную отливку в виде усеченной пирамиды (рис. 5, 2). Размеры нижнего основания — 20×20 см, верхнего — 16×16 , высота — 16; масса фрагмента — 11.4 кг. Предположительная масса целой наковальни составляла около 23 кг. Края наличника и рабочая поверхность имеют повреждения в виде сколов, появившихся в процессе эксплуатации инструмента. В нижней части наковальни имеется углубление. На поверхности углубления заметны дефекты отливки в виде газовых¹¹ и усадочных раковин. По линии излома можно наблюдать присутствие литейных дефектов в виде большой усадочной раковины и усадочной пористости¹² во внутренней части наковальни. Фрагмент изделия имеет следы воздействия высоких температур, вследствие чего одна из его боковых граней оплавилась и приобрела губчатую структуру.

5. Фрагмент наковальни (КЯ10-Р60-203) (рис. 4, 1). Линии разлома данного изделия прошли по центру боковых граней и через верхние точки дуг, расположенных между опорными ножками, разделив грани пополам, что дает возможность судить о форме и размерах наковальни в целом виде. По форме инструмент представлял собой усеченную пирамиду с размерами нижнего основания 24×24 см, верхнего 19×19 , высотой 15. Масса фрагмента — 7.5 кг. Предположительная масса наковальни составляла около 30 кг. Край наличника наковальни имеет повреждение в виде скола. В нижней части отливки имеется углубление, по центру которого прослеживается наплыв металла в виде полусферы. Возможно, наплыв образовался в процессе устранения литейщиками дефекта в виде газовой раковины, часть которой зафиксирована на изломе фрагмента, непосредственно под наплывом. Нижняя часть наковальни была снабжена ножками, одна из которых имеется на фрагменте. На оконечности ножки хорошо прослеживается излом, оставшийся при удалении литника. Часть фрагмента оплавлена вследствие временного пребывания в плавильной печи.

¹⁰ Газовая шероховатость — дефект в виде сферообразных углублений на поверхности отливки, возникающих вследствие роста газовых раковин на поверхности раздела металл — форма (Святкин, Егорова, 1989. С. 204).

¹¹ Газовая раковина — дефект в виде полости, образованной выделившимися из металла или внедрившимися в него газами (Святкин, Егорова, 1989. С. 204).

¹² Усадочная пористость — дефект в виде мелких пор, образовавшихся вследствие усадки металла во время его затвердевания при недостаточном питании отливки (Святкин, Егорова, 1989. С. 204).

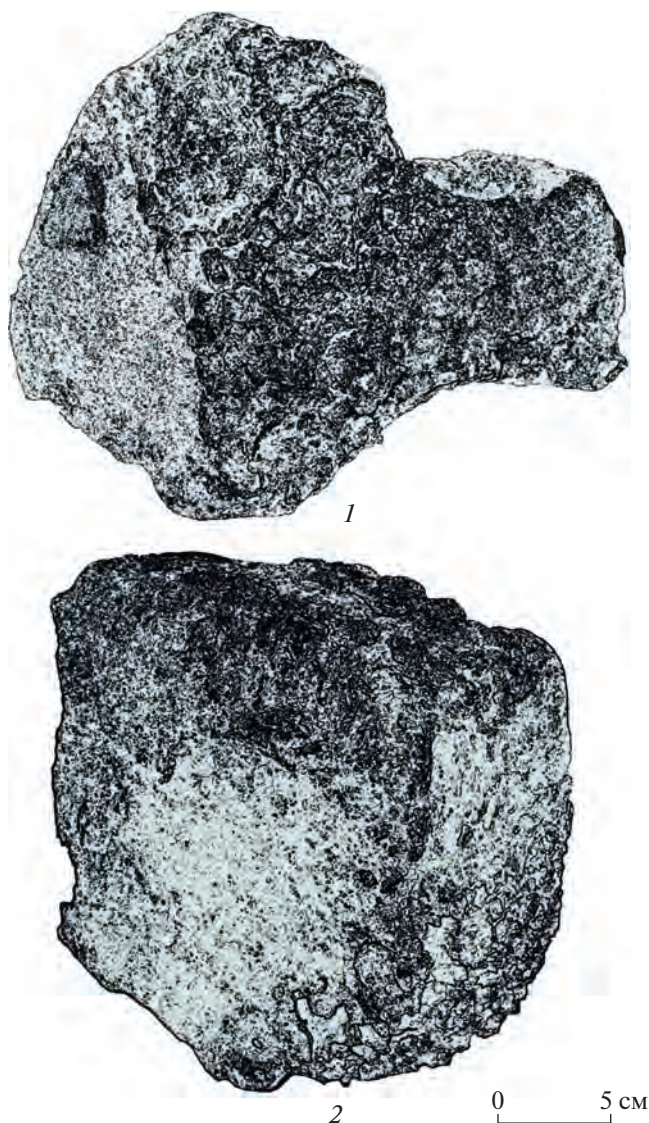

Рис. 5. Фрагменты чугунных наковален. 1 — КЯ10-Р60-201; 2 — КЯ10-Р60-205.

Fig. 5. Fragments of cast iron anvils (1, 2)

6. Фрагмент нижней и угловой части наковальни (КЯ10-Р60-201) (рис. 5, 1) имеет следы пребывания в зоне высоких температур — оплавленная местами поверхности и губчатая структура металла. В целом виде наковальня представляла собой чугунную отливку в виде усеченной пирамиды. Размеры нижнего основания — 19×17 см, предположительные размеры наличника — 17×15 , высота — 15. Масса фрагмента — 10.6 кг. Предположительная масса целого инструмента составляла около 25 кг. На одной из сторон фрагмента прослеживается наличие обломанного у основания рога, предназначенного для выполнения операций, связанных с гибкой заготовки. Рог изготавливался отдельно от основной части наковальни

и устанавливался в процессе отливки. Сохранившаяся часть рога в поперечном сечении имеет подтреугольную форму. У инструмента четыре опорных ножки, между которыми прослеживаются следы от двух удаленных литников.

На поверхности одной из сторон наковальни присутствует большое количество бесформенных раковин и наростов, покрытых тонкой металлической коркой. Возможно, данный дефект появился при взаимодействии расплавленного металла и недостаточно подготовленным материалом формы, вследствие чего образовался так называемый вскип¹³. Наличие излома, по которому прошло разрушение изделия, позволило зафиксировать присутствие литейного брака в теле отливки в виде двух больших газовых раковин. Также удалось зафиксировать спай¹⁴ — дефект в виде не полностью слившихся потоков металла. Наличие производственного брака в виде перечисленных дефектов делало невозможной эксплуатацию инструмента, предназначенного для постоянного воздействия ударной нагрузки. Бракованное изделие, расколотое в ходе проверки на качество, было отправлено на переплавку и, судя по оплавленной части поверхности, какое-то время находилось в горне плавильной печи.

7. Бракованная отливка наковальни (КЯ10-Р60-204) (рис. 4, 2) представляет собой усеченную пирамиду размерами нижнего основания 17×13 см, верхнего 13×11 , высотой 11; массой 11.5 кг. Часть наковальни отсутствует по причине литейного дефекта — недостаточного заполнения литейной формы металлом. Местами поверхность отливки покрыта большим количеством раковин, частично скрытых под металлической коркой. Подобные нарушения отливки могли произойти при проявлении литейного дефекта вскип. Также на поверхности фиксируется наличие “языков” металла в виде каплеобразных корольков. Возможно, причиной недолива было разрушение литейной формы вследствие вскипания расплавленного металла при его взаимодействии с формовочным материалом в момент заливки расплава в литейную форму.

8. Сильно оплавленный фрагмент наковальни (КЯ10-Р60-209), в который попали часть наличника, боковая грань с пазом под установку рога и ножка-опора (рис. 4, 4). По состоянию фрагмента можно с уверенностью говорить лишь о высоте и первоначальной форме инструмента. До разру-

шения наковальня представляла собой чугунную отливку в виде усеченной пирамиды высотой 16 см, на одной из сторон был установлен рог. Размеры посадочного гнезда под рог — 3×3 см. Масса находки — 3.5 кг. Состояние данного фрагмента наиболее ярко свидетельствует о временном нахождении в горне плавильной печи — на одной из сторон находится “шапка”, состоящая из потеков каплеобразных металлических корольков.

На территории мастерской также найдена массивная чугунная наковальня с отсутствующей верхней частью — наличником (КЯ17-Р70-290) (Артемьева, 2017. Л. 60). Данный образец, как и ранее найденные, представляет собой чугунную отливку в виде усеченной пирамиды (рис. 3, 2). Размеры нижнего основания — 22×20 см; размеры наличника установить не удалось ввиду его отсутствия; высота наковальни — 14 см. Масса сохранившейся части — 28 кг. На одной из боковых граней установлен прямой конический рог из кованого железа длиной 12 см и диаметром у основания 3.5. Для повышения устойчивости наковальня снабжена четырьмя ножками-опорами, две из которых имеют следы от отбитых литников.

Из литейных дефектов в теле отливки отмечено наличие большого количества газовых и усачных раковин в виде пористости. В верхней части наковальни, в изломе, находится газовая раковина в виде большой полости, наличие которой и привело к деформации инструмента. Вполне вероятно, что деформация произошла в процессе проверки изделия на качество отливки. Помимо раковин присутствуют дефекты в виде складчатости, отмеченной на поверхности отливки, вылом в месте отбивки одного из литников, недолив опорных ножек, залив¹⁵ в нижней части наковальни и в месте установки рога.

Две наковальни обнаружены А.Л. Мезенцевым на Красноярском городище в виде подъемного материала в северной части Внутреннего города недалеко от мастерской. Первая (КЯ07-П-1) представляет собой чугунную отливку в форме усеченной пирамиды (рис. 6, 1). Высота наковальни — 17 см, размеры нижнего основания — 18×6.5 , верхнего — 11×11 . Инструмент снабжен четырьмя опорными ножками, на окончании одной из которых прослеживается след от удаленного литника. Практически в центре одной из сторон имеется частично сохранившийся рог, квадратный в поперечном сечении, 2.5×2.5 см, с закругленными краями. Сохранившаяся длина рога — 5 см. Масса наковальни — 22.3 кг. В ниж-

¹³ Вскип — дефект в виде скопления раковин и наростов, образовавшихся в местах переувлажнения литейной формы или проникновения газов из стержней в полость литейной формы (Святкин, Егорова, 1989. С. 204).

¹⁴ Спай — сквозная либо поверхностная с закругленными краями щель или углубление в теле отливки, образованные не слившимися потоками преждевременно застывшего металла (Справочник..., 1978. С. 652).

¹⁵ Залив — дефект в виде металлического прилива или выступа, возникающего вследствие проникновения жидкого металла в зазоры по разъемам формы, стержней или по стержневым знакам (Святкин, Егорова, 1989. С. 203).

ней части инструмента отмечено наличие крупных газовых раковин, выходящих на поверхность.

Вторая наковальня (КЯ07-П-2) также отлита из чугуна (рис. 6, 2). По форме она представляет собой усеченную пирамиду высотой 17 см с размерами нижнего основания 20×18 см, верхнего 14×15 . Масса наковальни — 26,1 кг. Изделие имеет производственный брак в виде недолива, в результате чего нижняя часть наковальни не приобрела заданной формы. Возможно, причиной недолива стало разрушение литейной формы, о чем свидетельствует наличие бесформенного образования в виде чугунного нароста в нижней части отливки. Из четырех ножек-опор присутствует только одна. На конце ножки прослеживаются следы от удаленного литника.

В северо-западной части Красноярского городища найдены фрагменты двух чугунных наковален. Данные фрагменты одного изделия обнаружены в жилище № 30 (КЯ08-Р53-10) (Артемьева, 2008. Л. 32) (рис. 2, 1). В целом виде наковальня представляла собой усеченную пирамиду высотой 11 см, размеры нижнего основания — 16×16 см, верхнего — 11×11 ; масса фрагментов — 7 кг. Предположительная масса целой наковальни — около 9 кг. На сохранившихся фрагментах инструмента присутствуют три ножки, лишь одна из которых имеет завершенную форму, остальные не сформировались по причине недолива. Кроме недолива ножек отмечено наличие литейных дефектов в нижней части изделия в виде крупных газовых раковин, выходящих на поверхность, и усадочной пористости в теле отливки.

В жилище № 35 найден фрагмент чугунной наковальни (КЯ14-Р64-5) (Артемьева, 2014. Л. 19) (рис. 1, 2). Его сохранность и размеры не позволяют определить габариты целой наковальни. Можно лишь сказать, что в неповрежденном состоянии инструмент имел форму усеченной пирамиды высотой около 10 см. Масса сохранившейся части — 2,4 кг.

Фрагмент чугунной наковальни (Е14-П-21) обнаружен на Екатериновском городище (Васильева, 2014. Л. 131. Рис. 131) (рис. 1, 1). Наковальня имела форму усеченной пирамиды высотой 12 см. Масса фрагмента — 2,5 кг. На его поверхности прослеживается паз под установку рога.

Судя по найденным фрагментам, наковальни, отлитые из чугуна, разрушились по причине того, что чугун довольно хрупкий материал, плохо переносящий ударные нагрузки (Нетыкса, 1894. С. 80); также свою роль сыграло и наличие литейных дефектов в отливках, особенно дефектов в виде газовых раковин, пагубно влияющих на прочность изделия.

Собранные археологические находки дают возможность провести их классификацию

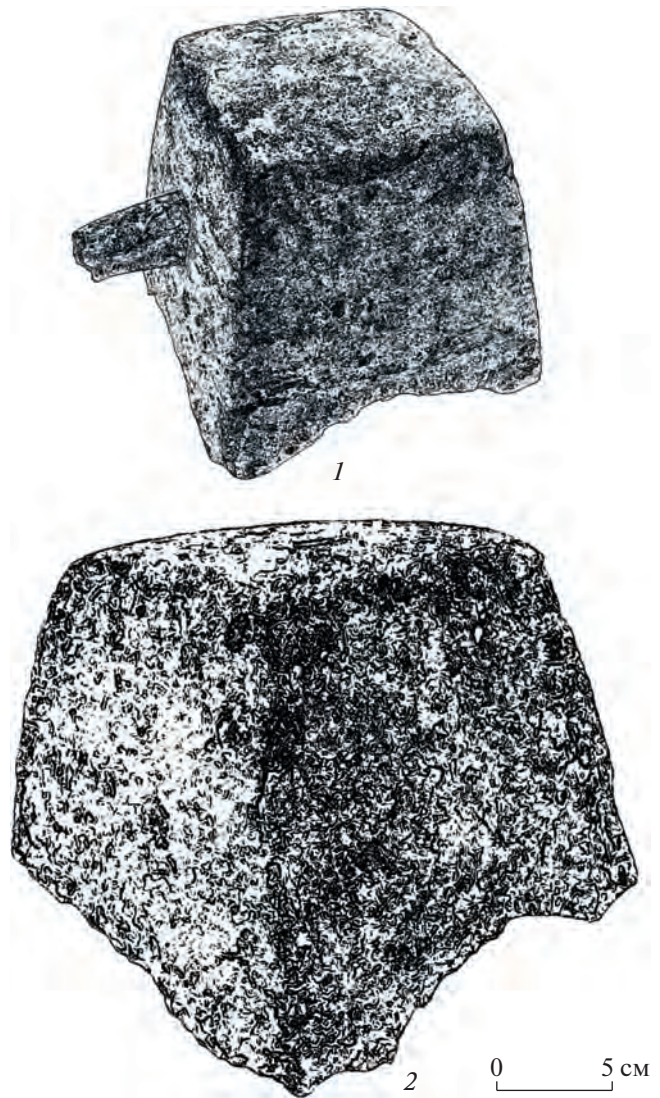

Рис. 6. Чугунные наковальни — подъемный материал на территории Красноярского городища. 1 — КЯ07-П-1; 2 — КЯ07-П-2.

Fig. 6. Cast iron anvils — surface material from the territory of the Krasny Yar fortified settlement (1, 2)

(рис. 7; таблица), в основу которой положены материал изготовления, способ изготовления и определенные конструктивные элементы.

Группа (I, II, ...) выделяется на основании функционального применения (общее применение или специализированное). Тип (1, 2, ...) обозначает материал, из которого изготовлено изделие (чугун, камень, железо). Подтип (а, б, ...) указывает на дополнительные конструктивные элементы.

Таким образом, на чжурчжэньских городищах Приморья обнаружено 15 чугунных наковален разной степени сохранности. Все они изготовлены методом литья в разовые песчаные формы. Наковальни различаются по размерам и массе,

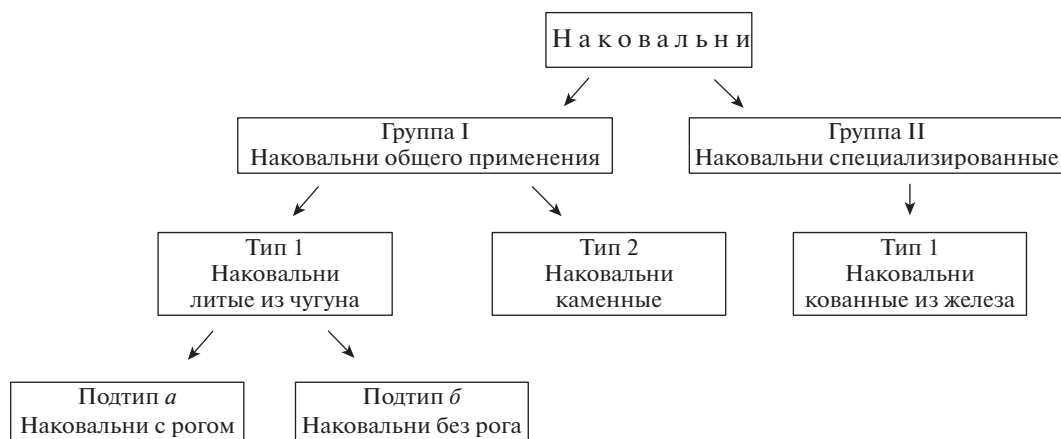

Рис. 7. Классификация чжурчжэньских наковален.

Fig. 7. Classification of Jurchen anvils

при этом имеют общую форму в виде усеченной пирамиды. Для повышения устойчивости они снабжены опорными ножками. На четырех образцах отмечено наличие конструктивного элемента в виде рога.

Среди находок — две наковальни, изготовленные из железа. Скорее всего, они были выкованы для определенного вида работ и не являлись массовым инструментом.

Для каменных наковален подбирались камни, подходящие по массогабаритным характеристикам. Основные условия отбора — наличие ровной поверхности под рабочую площадку и прочность камня.

Выбор использования между каменной и чугунной наковальней зависел от размеров и сложности поковки, разницы в цене между природным камнем и чугунной наковальней массой в

Характеристики наковален, обнаруженных на чжурчжэньских памятниках Приморья
Characteristics of the anvils found at the Jurchen sites in Primorye

Шифр	Классификация	Высота (см)	Наличник (см)	Основание (см)	Масса (кг)
КЯ10-Р60-200	I/1/б	10	12 × 12	17 × 16	10.8
КЯ10-Р60-199	I/1/б	6	11.5 × 11.5	15 × 15	3.6 (фр.)
КЯ10-Р60-206	I/1/б	10.5	10 × 10	15 × 15	10
КЯ10-Р60-205	I/1/б	16	16 × 16	20 × 20	23
КЯ10-Р60-203	I/1/б	15	19 × 19	24 × 24	30
КЯ10-Р60-201	I/1/б	15	17 × 15	19 × 17	25
КЯ10-Р60-204	I/1/б	11	13 × 11	17 × 13	11.5
КЯ10-Р60-209	I/1/а	16	—	—	3.5 (фр.)
КЯ17-Р70-290	I/1/а	14	—	22 × 20	28
КЯ07-П-1	I/1/а	17	11 × 11	18 × 6.5	22.3
КЯ07-П-2	I/1/б	17	14 × 15	20 × 18	26.1
КЯ08-Р53-1	I/1/б	11	11 × 11	16 × 16	7 (фр.)
КЯ14-Р64-5	I/1/б	10	—	—	2.4 (фр.)
Ш66-М3-35	I/1/б	15	17 × 8	—	—
Е14-П-21	I/1/а	12	—	—	2.5 (фр.)
Л82-26-2	II/1	8	5 × 5	—	—
Ш07-Р26-22	II/1	10	6.5 × 4	5 × 4	1.7

несколько десятков килограммов, а также от обеспеченности рынка этими изделиями. Для выполнения специальных кузнечных операций использовались наковальни, изготовленные из железа. Наковальня-бабка была востребована при отбивке лезвий режущих инструментов и ковке изделий небольшого размера. Наковальня для дифовки могла использоваться при производстве панцирных пластин для придания им вогнутой формы.

Наковальни, подобные обнаруженным на чжурчжэньских памятниках Приморья, используются и в настоящее время. Так, наковальни-бабки повсеместно применяются для отбивки лезвий кос, а наковальни в виде усеченной пирамиды на четырех ножках и с рогом на боковой грани иногда присутствуют в наборе инструментов современных кузнечных мастерских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артёмьева Н.Г.* Отчет об Археологических исследованиях Шайгинского городища в Партизанском районе Приморского края в 2007 году // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 613.
- Артёмьева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Красноярского городища в Уссурийском районе Приморского края в 2008 году // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 630.
- Артёмьева Н.Г.* Предварительные итоги исследований металлургической мастерской на Красноярском городище // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Н.А. Клюев. Владивосток: Рея, 2011. С. 114–125.
- Артёмьева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Красноярского городища в Уссурийском районе Приморского края в 2014 году // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 754.
- Артёмьева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Красноярского городища в Уссурийском районе Приморского края в 2017 году // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 860.
- Артёмьева Н.Г., Хорев В.А.* Отчет об археологических исследованиях Красноярского городища в Уссурийском районе Приморского края в 1998 году // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 423.
- Васильева Т.А.* Металлообработка на Екатериновском городище // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 40–45.
- Васильева Т.А.* Хозяйство населения Горнохуторского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 49–60.
- Васильева Т.А.* Отчет об Археологических исследованиях на Екатериновском городище в Приморском крае в 2014 году // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 769.
- Виды дефектов и образцы структур готовой продукции [Электронный ресурс]. Новокузнецк, 2005. 56 с. URL: <https://vunivere.ru/work53619> (дата обращения: 11.05. 2022).
- Иванов В.Н.* Словарь-справочник по литейному производству. М.: Машиностроение, 1990. 384 с.
- Леньков В.Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, 1974. 172 с.
- Леньков В.Д., Артёмьева Н.Г.* Лазовское городище // Владивосток: Дальнаука, 2003 (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв.). 284 с.
- Майдель Г.Ф.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Гергарда Майделя. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. 599 с.
- Нетыкса М.А.* Краткое руководство кузнечного дела, для лиц, начинающих работать, а также технических и ремесленных школ. М.: Кушнеревъ и К°, 1894. 234 с.
- Описание северного Эдзо, сделанное Мамия Риндзо / Пер. и аннот. Дж. А. Харрисона; пер. на рус. яз. В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень / О-во изучения Сахалина и Курильских островов. 1990. № 2. С. 85–130.
- Родионов Н.Н.* Ручная сельскохозяйственная коса. М.: Россельхозиздат, 1988. 30 с.
- Святкин Б.К., Егорова М.Б.* Производство отливок в кокили: учебник для проф.-техн. училищ. М.: Высшая школа, 1989. 233 с.
- Справочник по чугунному литью. 3-е изд. Л.: Машиностроение, 1978. 758 с.
- Флеров А.В.* Художественная обработка металлов. (Практические работы в учебных мастерских): учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1976. 223 с.
- Хорев В.А.* Кузнечная мастерская Ананьевского городища // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР / Ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 99–107.
- Шмаков В.Г.* Кузница в современном хозяйстве. М.: Машиностроение, 1990. 288 с.

ANVILS OF JURCHEN BLACKSMITHS (Based on materials from fortified settlements in Primorye)

Sergey V. Makievsky^{a, #}

^a *Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch RAS, Vladivostok, Russia*

[#] *E-mail: makievskiy@list.ru*

The article focuses on the characteristics of blacksmith anvils found during the study of Jurchen fortified settlements in Primorye. Finds of metal anvils at the sites are rare, therefore, researchers have formed an opinion that the Jurchen artisans used stones as anvils. Recent studies have shown that their workshops could be equipped with both stone and metal anvils. Most of the information about the anvils was obtained during the investigations at the Krasny Yar fortified settlement – the Upper capital of the Eastern Xia state (1215–1233), where anvils and fragments of anvils made from cast iron were found. An analysis of the data obtained showed that the Jurchen cast iron anvils have a well-established shape, but may differ in size, weight, and the presence of a horn-shaped element. The paper also provides information about anvils forged from iron.

Keywords: blacksmithing, tools, anvils, cast iron, casting, Jurchens, Primorsky Krai, the Krasny Yar fortified settlement.

REFERENCES

- Artem'eva N.G. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh Krasnoyarskogo gorodishcha v Ussuriyskom rayone Primorskogo kraya v 2008 godu [Report on archaeological research on the Krasny Yar fortified settlement in Ussuriysk District of Primorsky Krai in 2008]. *Arkhiv Instituta istorii, arkhеologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS], F. 1, Op. 2, № 630.
- Artem'eva N.G. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh Krasnoyarskogo gorodishcha v Ussuriyskom rayone Primorskogo kraya v 2014 godu [Report on archaeological research on the Krasny Yar fortified settlement in Ussuriysk District of Primorsky Krai in 2014]. *Arkhiv Instituta istorii, arkhеologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS], F. 1, Op. 2, № 754.
- Artem'eva N.G. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh Krasnoyarskogo gorodishcha v Ussuriyskom rayone Primorskogo kraya v 2017 godu [Report on archaeological research on the Krasny Yar fortified settlement in Ussuriysk District of Primorsky Krai in 2017]. *Arkhiv Instituta istorii, arkhеologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS], F. 1, Op. 2, № 860.
- Artem'eva N.G. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh Shayginskogo gorodishcha v Partizanskom rayone Primorskogo kraya v 2007 godu [Report on archaeological research of the Shaiga fortified settlement in Partizansk District of the Primorsky Krai in 2007]. *Arkhiv Instituta istorii, arkhеologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS], F. 1, Op. 2, № 613.
- Artem'eva N.G., 2011. Preliminary results of research on the metallurgical workshop at the Krasny Yar fortified settlement. *Dal'niy Vostok Rossii v drevnosti i srednevekov'e: problemy, poiski, resheniya* [Far East of Russia in the ancient period and the Middle Ages: Problems, search, solutions]. N.A. Klyuev, ed. Vladivostok: Reya, pp. 114–125. (In Russ.)
- Artem'eva N.G., Khorev V.A. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh Krasnoyarskogo gorodishcha v Ussuriyskom rayone Primorskogo kraya v 1998 godu [Report on archaeological research on the Krasny Yar fortified settlement in Ussuriysk District of Primorsky Krai in 1998]. *Arkhiv Instituta istorii, arkhеologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS], F. 1, Op. 2, № 423.
- Description of northern Ezo by Mamia Rinzo. V.V. Pereslavl'tsev, transl. *Kraevedcheskiy byulleten' (Obshchestvo izucheniya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov)* [Local history bulletin (Society for the Study of Sakhalin and the Kuril Islands)], 1990, 2, pp. 85–130. (In Russ.)
- Flerov A.V., 1976. *Khudozhestvennaya obrabotka metallov*. (Prakticheskie raboty v uchebnykh masterskikh): uchebnik dlya vuzov [Artistic metal working. (Practical activities in educational workshops): Textbook for universities]. Moscow: Vysshaya shkola. 223 p.
- Ivanov V.N., 1990. *Slovar'-spravochnik po liteynomu proizvodstvu* [Dictionary and reference book for foundry production]. Moscow: Mashinostroenie. 384 p.
- Khorev V.A., 1989. Blacksmith's workshop of the Ananyevo fortified settlement. *Novye materialy po srednevekovoy arkhеologii Dal'nego Vostoka SSSR* [New materials on medieval archaeology of the USSR Far East]. E.V. Shavkunov, ed. Vladivostok: DVO AN SSSR, pp. 99–107. (In Russ.)
- Len'kov V.D., 1974. *Metallurgiya i metalloobrabotka u chzhurchzheney v XII veke* (po materialam issledovaniy

- Shayginskogo gorodishcha) [Metallurgy and metalworking of the Jurchen in the 12th century (based on materials of the Shayga fortified settlement)]. Novosibirsk: Nauka. 172 p.
- Len'kov V.D., Artem'eva N.G., 2003. Lazovskoe gorodishche [The Lazo fortified settlement]. Vladivostok: Dal'nauka. 284 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov po srednevekovoy istorii Primor'ya. Srednevekovye goroda Primor'ya XII–XIII vv.)
- Maydel' G.F., 1894. Puteshestvie po severo-vostochnoy chasti Yakutskoy oblasti v 1868–1870 godakh barona Gergarda Maydelya [Journey through the northeastern part of Yakut Region in 1868–1870 by Baron Gerhard Meidel]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 599 p.
- Netyksa M.A., 1984. Kratkoe rukovodstvo kuznechnogo dela, dlya lits nachinayushchikh rabotat', a takzhe tekhnicheskikh i remeslennykh shkol [A brief guide to blacksmithing for beginners as well as for vocational and craft schools]. Moscow: Kushnerev i K^o. 234 p.
- Rodionov N.N., 1988. Ruchnaya sel'skokhozyaystvennaya kosa [Manual agricultural scythe]. Moscow: Rossel'khozizdat. 30 p.
- Shmakov V.G., 1990. Kuznitsa v sovremennom khozyaystve [Forge in the modern household]. Moscow: Mashinostroenie. 288 p.
- Spravochnik po chugunnomu lit'yu [Handbook of iron casting]. 3rd edition. Leningrad: Mashinostroenie, 1978. 758 p.
- Svyatkin B.K., Egorova M.B., 1989. Proizvodstvo otlivok v kokili: uchebnik dlya professional'no-tekhnicheskikh uchilishch [Production of castings in the mold: Textbook for vocational schools]. Moscow: Vysshaya shkola. 233 p.
- Vasil'eva T.A. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Ekaterinovskom gorodishche v Primorskom krae v 2014 godu [Report on archaeological research at the Ekaterinovka fortified settlement in Primorsky Krai in 2014]. *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS], F. 1, Op. 2, № 769.
- Vasil'eva T.A., 2010. Metalworking at the Ekaterinovskoye fortified settlement. *Rossiya i ATR* [Russia and APR], 1, pp. 40–45. (In Russ.)
- Vasil'eva T.A., 2012. The economy of the Gornyy Khutor fortified settlement. *Srednevekovye drevnosti Primor'ya* [Medieval antiquities of Primorye], 1. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 49–60. (In Russ.)
- Vidy defektov i obraztsy struktur gotovoy produktsii (Elektronnyy resurs) [Defect categories and samples of structures of finished products (Electronic resource)]. Novokuznetsk, 2005. 56 p. URL: <https://vuniv-ere.ru/work53619>.

ЗОЛОТАЯ ПОДВЕСКА С ЭМАЛЬЮ ИЗ НОВГОРОДА: КОМПЛЕКСНОЕ АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© 2022 г. П. Г. Гайдуков^{1, *}, О. М. Олейников^{1, **}, И. Е. Зайцева^{1, ***}, Е. С. Коваленко^{2, ****},
М. М. Мурашев^{2, *****}, К. М. Подурец^{2, *****}, А. В. Мандрыкина^{3, *****},
Е. С. Ващенко^{3, *****}, А. Г. Куликов^{4, *****}, В. М. Ретивов^{3, *****},
Е. Ю. Терешенко^{5, *****}, Е. Б. Яцишина^{3, *****}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² Национальный исследовательский центр “Курчатовский институт”, Москва, Россия

³ НИЦ “Курчатовский институт” и НИЦ “Курчатовский институт” – ИРЕА, Москва, Россия

⁴ Институт кристаллографии им. А.В. Шубникова, ФНИЦ “Кристаллография и фотоника” РАН, Москва, Россия

⁵ ФНИЦ “Кристаллография и фотоника” РАН, НИЦ “Курчатовский институт”,
НИЦ “Курчатовский институт” – ИРЕА, Москва, Россия

*E-mail: russianchange@yandex.ru

**E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

***E-mail: izaitseva@yandex.ru

****E-mail: kovalenko_es@mail.ru

*****E-mail: mihail.mmm@inbox.ru

*****E-mail: podurets@yandex.ru

*****E-mail: mandrykina_av@mail.ru

*****E-mail: e_katerina2708@mail.ru

*****E-mail: ontonic@gmail.com

*****E-mail: vasilii_retivov@mail.ru

*****E-mail: elenatereschenko@yandex.ru

*****E-mail: yacekaterina@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.02.2022 г.

После доработки 18.02.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

В статье представлены результаты комплексного аналитического исследования золотой подвески с эмалевой вставкой, обнаруженной в 2018 г. при археологических раскопках на Торговой стороне Великого Новгорода в напластованиях начала XIII в. Методом нейтронной томографии проведена визуализация внутреннего строения подвески: определены все конструктивные элементы и установлены способы их крепления. В центральной части внутренней полости подвески под эмалевой вставкой обнаружено небольшое скопление рыхлого вещества. Методами РЭМ/ЭРМ и МС-ИСП-ЛА определен состав металла различных частей подвески, припоя и перегородок на эмалевой вставке. Установлено, что это золото высокой пробы. Уникальная золотая подвеска из Новгорода является подлинным произведением художественного ремесла. Вероятно, она была изготовлена на Руси или греческими мастерами, или русскими ювелирами с использованием эмалевой вставки византийского производства.

Ключевые слова: Великий Новгород, золотая подвеска, нейтронная томография, состав металла.

DOI: 10.31857/S0869606322030060

В 2018 г. Новгородская экспедиция Института археологии РАН провела исследования в Великом Новгороде на месте строительства жилого дома по улице Знаменская, 15. Площадь раскопа составила 144 м² при мощности культурного слоя до 5.3 м. Изучение культурных напластований да-

ло богатый материал о времени первоначального освоения и заселения этой части Торговой стороны средневекового Новгорода; здесь получены новые данные о планировке усадеб и особенностях материальной культуры жителей XI–XV вв. Вещевая коллекция насчитывает около 6000 ин-

Рис. 1. Великий Новгород-2018. Раскоп Знаменский, 15. План раскопа с местом обнаружения подвески. X1 — золотая подвеска, X2–5 — печати.

Fig. 1. Veliky Novgorod-2018. Znamensky excavation site, 15. Plan of the excavation with the location where the pendant was found. X1 — gold pendant, X2–5 — seals

дивидуальных находок из различных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины (Гайдуков и др., 2019. С. 160–163).

В южной части исследуемого участка прослежена мостовая древней улицы Павлова, которая шла от реки Волхов к юго-востоку, до Павлова монастыря у вала Окольного города. На раскопе прослежены части двух усадеб (Рис. 1), разделенных частоколом, вдоль которого располагались жилые и хозяйственные постройки. Восточная усадьба (Б) ограничивалась с юга Павловой улицей, а с востока — улицей Блудова, трасса которой

прослежена С.Н. Орловым в 16 м от исследуемого места.

На усадьбе Б в северной части сооружения 2 обнаружена украшенная эмалью золотая подвеска¹. Постройка, сложенная из толстых сосновых бревен, вероятно, была жилой. Внутри сохранились остатки дощатого пола, уложенного на переводины. Сруб вошел в раскоп не целиком, но можно предполагать, что это было квадратное в

¹ Паспорт и музейный номер находки: Великий Новгород—2018, Знаменский—15, № 2503, кв. Е-3, гл. -314 см; Новгородский государственный музей (НГМ) ВХ ЭФЗК—4662/4.

плане сооружение размером около 4×4 м. Дом построен в начале 1210-х годов, поскольку для бревна его южного венца установлена дата последнего кольца — 1210 г (?)². Сруб относится к последнему горизонту сооружений на усадьбах А и Б перед длительным запустением этого участка города, продолжавшимся до середины 1260-х годов, когда застройка здесь возобновилась. Значительное сокращение городской территории было связано, вероятно, с катастрофическими эпидемиями и голодными годами, происходившими в Новгороде в первой трети XIII в. Демографическую ситуацию в городе усугубил также общий упадок экономической жизни, наступивший после завоевания монголами в конце 1230-х годов центральных и южных регионов средневековой Руси (Олейников, 2008. С. 43, 44; Петров, Тарабардина, 2011. С. 146; Гайдуков, Олейников, 2018. С. 28, 29). Подвеска была утеряна в 10–20-х годах XIII в., в период существования последнего перед запустением участка яруса застройки.

Обнаружение такого высокохудожественного и дорогого предмета свидетельствует о высоком статусе обитателей усадьбы Б в конце XII — начале XIII в. Из других находок, собранных на усадьбе на уровне залегания подвески, в первую очередь необходимо указать на четыре вислые свинцовые печати (рис. 1). Три из них, с изображением святых Агафоника и Иоанна Богослова, оттиснуты одной парой матриц³. В.Л. Янин атрибутировал такие печати князю Святославу Мстиславичу (сыну Мстислава Ростиславича, внуку Юрия Долгорукого), который княжил в Новгороде в 1175 г. (Янин, 1970. С. 202. № 178). У четвертой печати, с изображением святого Пантелеймона и архангела, персональная атрибуция не установлена⁴. Она принадлежит неизвестному князю второй половины XII — начала XIII в. (Янин, 1970. С. 214. № 260; Янин, Гайдуков, 1998. С. 148. № 263в). Также на усадьбах А и Б найдены товарные свинцовые пломбы, предметы личного благочестия, украшения, детали оружия, предметы быта (рис. 2).

Рассматриваемая нами подвеска имеет форму квадрифолия (лат. *quadrifolium* — четырехлистник) с петельчатым ушком (рис. 3). Ее размеры составляют: 31.5 (35.8 с ушком) $\times$ 30.8 мм. Вес равен 5.79 г. В статье представлены результаты комплексного аналитического исследования этого уникального предмета сложной конструкции.

В Центре коллективного пользования (ЦКП) Института археологии РАН поверхность предме-

та была обследована при различных увеличениях методом оптической микроскопии на стереомикроскопе STEMI-2000 (Zeiss). После находка была передана в Национальный исследовательский центр (НИЦ) “Курчатовский институт”, где проведено ее дальнейшее изучение.

Визуализация внутреннего строения подвески и определение ее конструктивных особенностей осуществлены методом нейтронной томографии на тепловых нейтронах (исследовательский реактор ИР-8). Использовался нейтронный томограф на горизонтальном канале 76 с белым пучком нейтронов, плотность потока нейтронов составляла 1×10^6 н/см²/с, время экспозиции для одного кадра равно 170 с. Получены проекции в диапазоне вращения образца 180° с шагом 0.5°. Пространственное разрешение томографической съемки составило около 170 мкм при размере пикселя 65 $\times$ 65 мкм.

Состав металла всех частей подвески определен методом растровой электронной микроскопии с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (РЭМ/ЭРМ) (Васильев и др., 2016; Лобода и др., 2018) и масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой с пробоотбором методом лазерной абляции (МС-ИСП-ЛА). РЭМ/ЭРМ-исследования выполнялись с помощью растрового двухлучевого электронно-ионного микроскопа Versa 3D (Thermo Fisher Scientific), оборудованном системой ЭРМ (EDAX), при ускоряющем напряжении 30 кВ в режиме высокого вакуума (10^{-4} Па). Обработка спектров ЭРМ осуществлялась с помощью программного обеспечения TEAM (EDAX). Суммарное содержание обнаруженных элементов приводилось к 100%, вследствие чего полученные результаты рассматриваются как полуколичественные. Чувствительность метода составляет 0.1–0.5 мас. %.

Исследования состава металла методом МС-ИСП-ЛА выполняли на квадрупольном масс-спектрометре с индуктивно связанной плазмой ELAN DRC-e (Perkin Elmer) с приставкой лазерного пробоотбора NWR 213 (New Wave Research). Результаты усреднялись по двум повторным анализам. В качестве градуировочного контрольного образца использовали чистые аргон и гелий, проходящие через измерительную ячейку приставки ЛА.

Анализ комптоновского рассеяния рентгеновского излучения использовался для выявления особенностей рельефа поверхности и поглощения в приповерхностном слое образца толщиной в несколько десятков мкм. Исследование проводилось методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) на установке ORBIS micro-XRF (рентгеновская трубка с родиевым анодом) в ЦКП “Структурная диагностика материалов” ФНИЦ “Кристаллография и фотоника” РАН. Двумерное картирование проводилось в плоско-

² Дендроанализ произведен А.А. Карпухиным в Лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН.

³ Номера по Своду древнерусских печатей — № 178–7, 178–8, 178–9.

⁴ Номер по Своду древнерусских печатей — № 260–7.

Рис. 2. Великий Новгород-2018. Раскоп Знаменский, 15. Отдельные находки из слоя начала XIII в.

Fig. 2. Veliky Novgorod-2018. Znamensky excavation site, 15. Individual finds from the layer of the early 13th century

Рис. 3. Подвеска. 1 — фото, 2 — рисунок (выполнен А.В. Васильевой).
Fig. 3. Pendant. 1 — photo, 2 — drawing (by A.V. Vasilyeva)

сти поверхности образца с использованием фокусированного рентгеновского пучка диаметром 30 мкм при ускоряющем напряжении 40 кВ и токе накала катода 600 мкА. Для картирования была задана область размером $13.5 \times 10.5 \text{ мм}^2$. Разрешение сетки картирования составляло 256×200 точек. Шаг между точками составлял 53 мкм по обеим осям (x, y). Время накопления спектров в каждой точке составляло 3000 мс в режиме “живого” времени. Изображение, соответствующее комптоновскому рассеянию, формировалось для каждой точки интегрированием интенсивности в диапазоне энергий 18–20 кэВ.

Тулово подвески состоит из двух пластин, лицевой и оборотной, соединенных пайкой. Пластины имеют в среднем одинаковую толщину 200–320 мкм. Местами, преимущественно с правой стороны (по округлому завершению), пайка отсутствует: на некоторых участках наблюдается зазор между пластинами шириной до 250 мкм (рис. 4, 1–3). С помощью нейтронной томографии выявление пайки затруднительно и возможно лишь по косвенным признакам, так как золотой припой не отличается от массива металла по

коэффициенту ослабления, и с учетом возможной толщины слоя припоя, малой по сравнению с величиной пространственного разрешения, практически неразличим.

Лицевая пластина украшена выпуклым декором из соединенных стеблем трех- и пятилепестковых цветков с отогнутыми вниз боковыми лепестками (кринь; рис. 4, 4). Более крупные пятилепестковые пальметты располагаются в полукруглых полях квадрифолия, они обращены в стороны. Более мелкие трехлепестковые кринь “смотрят” в центр. В центре пластины прорезано круглое отверстие диаметром 10 мм. Внешний край пластины и область вокруг отверстия обрамлены двумя рядами частых мелких вдавлений, создающих впечатление поясков из филигранной “бусинной” проволоки (рис. 4, 4, 6). Обратная пластина гладкая без украшений.

Ушко вырезано из золотой пластины толщиной 350–700 мкм с трехчастной разделкой, свернуто в кольцо и припаяно к оборотной створке тулова подвески (рис. 4, 5). Оно имеет внутрен-

Рис. 4. Детали подвески. 1, 2 — зазор между пластинами, 3 — погрешности пайки, 4 — тисненая пластина (лицевая створка), 5 — ушко, 6, 7 — центральная вставка.

Fig. 4. Pendant parts. 1, 2 — gap between the plates, 3 — soldering defects, 4 — stamped plate (front leaf), 5 — eyelet, 6, 7 — central inset

ний диаметр до 2.9 мм в горизонтальной плоскости и до 2.8 мм — в вертикальной, внешний его диаметр равен до 4.1 мм в горизонтальной плоскости и до 3.9 мм — в вертикальной.

В центральное отверстие лицевой пластины помещена цилиндрическая вставка (рис. 4, 6, 7). Она выполнена из листа металла толщиной около 200 мкм. Лист согнут в цилиндр диаметром

около 10 мм, высотой 5.5 мм, перекрытие краев листа составляет около 1.7 мм. С одной стороны в торец цилиндра вмонтирована круглая пластинка с эмалевым изображением трилистника (рис. 5, а). Край листа с этой стороны деформирован для удержания пластинки и для фиксации цилиндра в полости тулова подвески. В настоящее время его положение шаткое, так что в верхней части между лицевой створкой и вставкой виден зазор шириной до 150 мкм.

Подложка эмалевого изображения сделана из листа металла толщиной менее 200 мкм. Она закреплена (вероятно, припаяна) на металлическое кольцо с внешним диаметром 9.5 мм, ширина кольца составляет 1.2–1.4 мм, толщина — около 400 мкм. В полученное таким образом углубление помещено эмалевое изображение диаметром 7 мм, выполненное в технике перегородчатой эмали. Толщина эмалевого слоя уменьшается от 850 мкм у центра изображения до 600 мкм к краям. Нейтронная томография не позволила определить количество эмалевых слоев, поэтому этот вопрос остается открытым.

Эмали различных цветов на всю высоту разделены поставленными на ребро полосками металла толщиной 150–200 мкм, из которых выгнуты перегородки (рис. 5, б, в, 4). Одна полоска образует кольцо, другая, спаянная из трех частей (рис. 5, в, 2–4), формирует трилистник, обрамленный незамкнутой окружностью, а третья — угол треугольника внизу изображения. Место стыка первой полоски не обнаружено, по-видимому, оно находится в одной из точек, где смыкается кольцо с треугольной фигурой. Место стыка второй полоски находится на внешней окружности вблизи одного из лепестков: края пластины расходятся на 0.3 мм. Места соединения кольца с треугольной фигурой и уголки на фигуре трилистника пропаяны. Перегородки касаются основания эмалевой вставки и, по-видимому, закреплены на ней пайкой или клеем. Они не выступают над поверхностью эмали. Видимые при больших увеличениях неровности их торцевой поверхности образовались, вероятно, в результате шлифовки изделия. По результатам томографического исследования были построены трехмерные модели металлических деталей подвески (рис. 5, г).

На нейтроно-томографических проекциях подвески в центральной части ее внутренней полости под эмалевой вставкой было обнаружено небольшое скопление рыхлого вещества, незначительно ослабляющего нейтроны (рис. 5, а). Вещество неоднородно: в нем имеются крупинки вещества со значительным ослаблением. По внешним признакам (коэффициенту ослабления, структуре, неоднородности) вещество соответствует грунту аналогично тому, как это было зафиксиро-

вано в крестах-энколпионах, предварительно изученных с помощью нейтронной томографии, а впоследствии вскрытых (Макаров и др., 2020). Некоторое количество рыхлого вещества наблюдается в пространстве между двумя пластинами, что также подтверждает предположение о том, что это, возможно, почва.

Было решено не нарушать целостность предмета и не открывать его для изучения субстанции. Опыт исследования вложений в древнерусские кресты-энколпионы показывает, что в заполнении их створок вместе с грунтом фиксируются фрагменты тканей и нити, воскомастичная смесь и др., которые были помещены туда в качестве священных реликвий (Макаров и др., 2020). Отсутствие твердого геометрически очерченного заполнения внутри подвески свидетельствует в пользу того, что это не кость.

Обе пластины тулова подвески получены в результате холодной деформации (ковка, тиснение) золотых листовых заготовок. Они выполнены в форме квадрифолия (лат. *quadrifolium* — четырехлистник). Мотив декоративного обрамления в виде комбинации квадрата и цветка с четырьмя симметричными полукруглыми лепестками имел широкую популярность в различных областях средневекового европейского искусства — архитектуре, книжной миниатюре, прикладном искусстве. Использовался он и в древнерусском ювелирном деле. Например, вид квадрифолиев имеют золотые звенья рясен из клада из Сахновки 1900 г. (Новаковская-Бухман, 2015. С. 38, 39), подвески к диадеме из клада 1889 г. из Киева (Там же. С. 34, 35) и др. Из бронзы с золочением изготавливались медальоны квадрифолийной формы с ушками для подвешивания (Макаров, Зайцева, 2019). Подавляющее большинство квадрифолиев было украшено эмалевым декором, хотя известны и изделия без эмалей (см., например, рясо из клада из Старой Рязани 1868 г. (Новаковская-Бухман, 2015. С. 65)).

Декор на лицевой пластине целиком оттиснут на матрице. В этом состоит уникальность предмета: тиснение почти не использовалось для получения изображений на древнерусских золотых украшениях — подвесках, колтах, рясах. Оно преимущественно применялось только для создания лотков для эмали⁵. Так, периферийные участки подвесок и колтов из клада 1822 г. в Старой Рязани, клада 1900 г. в Сахновке, клада 1880 г. в Киеве оформлены филигранным орнаментом и камнями (Макарова, 1975. С. 54–61), но чаще в изделиях с эмалями золотые поля оставались гладкими. Тиснение на матрицах широко приме-

⁵ Тиснением сделаны золотые привески биконической формы на сионце из киевского клада 1887 г., изготовленном греческим мастером (Новаковская-Бухман, 2015. С. 8).

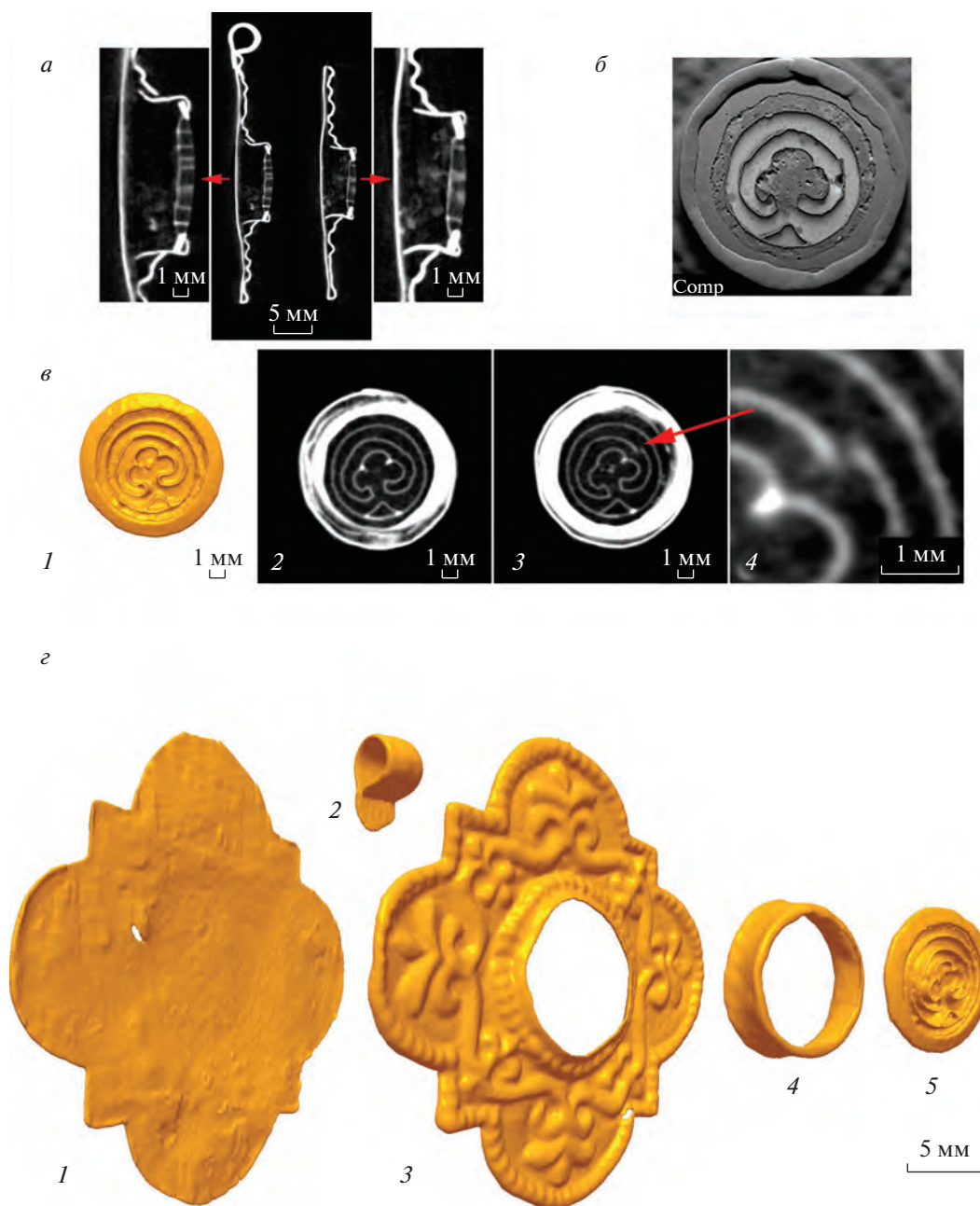

Рис. 5. Подвеска. *a* – нейтронные томографические срезы; *б* – двумерная карта распределения величины комптоновского рассеяния; *в* – трехмерная модель (1) и томографические срезы эмалистой вставки вблизи внешней поверхности (2) и вблизи подложки (3). На (4) показан участок среза (3), на котором наблюдается стык двух концов перегородки; *г* – трехмерные модели металлических деталей подвески: 1 – обратная пластина, 2 – ушко, 3 – лицевая пластина, 4 – цилиндр, 5 – вставка (показаны перегородки между эмальями).

Fig. 5. Pendant. *a* – neutron tomographic cross-sections; *б* – 2D map of the Compton scattering distribution; *в* – 3D model (1) and tomographic cross-sections of the enamel inset near the outside surface (2) and near the substrate (3). (4) shows an area of the cross-section (3) where the junction of the partition ends is observed; *г* – 3D models of the metal parts of the pendant: 1 – reverse plate, 2 – eyelet, 3 – front plate, 4 – bushing, 5 – inset (partitions between enamels are shown)

нялось для изготовления серебряных украшений: нашивных бляшек, бусин, подвесок, колодочек рясен, которые потом золотились. До нас дошли как сами изделия, так и бронзовые матрицы (Жилина, 2010; Новаковская-Бухман, 2015. С. 64;

Чернецов, Стрикалов, 2021. С. 85). В византийском искусстве известны золотые украшения *hollow-box construction* с тисненными лицевыми пластинами – кресты, подвески и др. (см., например, Entwistle, 2010. Р. 28). В технике тиснения дела-

Таблица 1. Состав металла разных частей подвески по данным РЕМ/ЭРМ (мас. %).**Table 1.** The composition of the metal of different parts of the pendant according to SEM/EDX data in wt. %

Часть предмета	Количество точек проб	Au	Ag	Cu	Pb	Fe	C*
Лицевая пластина	3	83.7–86.8 (85.5)	6.5–10.1 (7.8)	0.5–1.3 (0.9)	0.7–1.5 (1.0)	0.5–1.0 (0.7)	0.0–1.8 (1.0)
Оборотная пластина	5	85.1–89.8 (87.9)	5.1–9.7 (6.7)	1–2.5 (1.6)	0.8–1.0 (0.9)	0.5–0.8 (0.7)	
Ушко	5	87.1–92.1 (89.9)	2.9–7.6 (4.6)	0.7–2.0 (1.6)	0.8–1.0 (0.9)	0.5–0.9 (0.7)	
Цилиндрическая вставка	5	80.1–88.0 (84.0)	8.6–12.8 (11.3)	1.0–1.2 (1.09)	0.6–1.2 (0.9)	0.5–1.0 (0.8)	
Кольцо эмаливой вставки	6	87.0–93.1 (90.5)	3.6–7.7 (5.7)	0.7–0.8 (0.7)	0.4–1.2 (0.9)	0.5–1.1 (0.7)	
Перегородка	12	81.0–90.4 (87.2)	5.2–10.6 (7.7)	0.7–1.3 (1.0)	0.4–2.1 (0.9)	0.5–1.1 (0.8)	
Припой у ушка	7	55.4–82.8 (66.8)	3.8–12.7 (7.0)	0.9–1.8 (1.3)	0–1.3 (0.6)	0.7–2.6 (1.6)	7.0–23.0 (15.0)
Края пластин (припой?)	3	86.7–92.5 (89.9)	3.6–6.9 (5.1)	0.9–1.5 (1.1)	0.7–0.8 (0.8)	0.6–1.1 (0.8)	0–0.6 (0.2)
Стык перегородок (припой?)	16	72.6–90.1 (81.8)	2.7–12.8 (8.6)	3.3–8.4 (5.8)	0.5–1.3 (0.9)	0.2–0.5 (0.6)	0–2.4 (0.8)

* Высокое содержание углерода может быть обусловлено остатками органических загрязнений

лись заготовки золотых изделий в придворных мастерских Скандинавии в IX–XI вв. (Енисова, 2007. С. 312).

Излюбленный в Византийском искусстве мотив бесконечно выходящего стебля с отгибающимися в стороны трилистниками и пальметтами (Evans, Wixom, 1997. P. 37), был воспринят древнерусскими мастерами. В Византии он широко представлен на изделиях из камня, кости и металла, в рукописях и тканях (Evans, Wixom, 1997). В.П. Даркевич назвал его “принцип декора без лакун” (1975. С. 130, 215–219). В древнерусской металлопластике широкую популярность этот мотив получил в отделке предметов из серебра: створчатых браслетов, медальонов и др. (Макарова, 1986. С. 14, 66, 70; Жилина, 2010. С. 69). Окантовка предмета “бусинной” проволокой, имитация которой расположена вокруг центрального отверстия и в краевой зоне лицевой пластины, также была часто используемым приемом в декоре драгоценных предметов в византийском и древнерусском искусстве (Evans, Wixom, 1997. P. 162; Макарова, 1975. С. 54–60; Oddy, La Niece, 1986. P. 27).

Все металлические детали подвески изготовлены из золота достаточно высокой пробы: пластины и ушко – 837–921 (средняя 855–899), детали вставки – 810–931 (средняя 872–905), (табл. 1, 2, рис. 6). В составе металла присутствуют серебро (средняя концентрация 7.7–12.4 мас. %), медь

(средняя 0.7–2.3 мас. %), свинец (средняя 0.8–0.9 мас. %), железо (средняя 0.7–1.2 мас. %), являющиеся основными примесями в самородном золоте (Миляев и др., 2020. С. 22; Guerra M.F., Rehren T., 2009. P. 156; Constantinescu et al., 2012. P. 23–25; Spiridonov, Yanakieva, 2009; Magnavita, Mertz-Kraus, 2019. P. 420; Chapman et al., 2021; <https://natural-museum.ru/mineral/золото>). В МС-ИСП-ЛА-пробах, полученных с вставки (табл. 2) – цилиндр, кольцо и перегородки, зафиксированы элементы платиновой группы в небольшой концентрации Pd (10–20 ppm, в одном случае 240 ppm) и Pt (41–78 ppm), по мнению ряда исследователей, являющихся маркерами аллювиального происхождения золота (Guerra, 2021).

Пробы, полученные из припоя у ушка подвески, показывают более низкую концентрацию золота за счет присутствия углерода. Его наличие можно объяснить или добавлением органического флюса при пайке, или загрязненностью неровных участков поверхности (табл. 1). Невысокий процент меди (менее 2%) свидетельствует о том, что этот металл, вероятно, не входил в состав припоя, хотя пресвитер бенедиктинского монастыря Теофил в известном трактате начала XII в. предписывал добавлять медную составляющую при паянии золота (Теофил, кн. 3, гл. 51, 52, 1963. С. 140–143). Наоборот, повышенное содержание меди (среднее 5.8%) зафиксировано на стыках перегородок, где по нейтронной томографии видны

Таблица 2. Состав микропримесей в металле деталей вставки по данным МС-ИСП-ЛА (мас. %).
Table 2. The trace elements composition in the metal of the inset parts according to MS-ICP-LA data (wt. %)

Металл	Основа				Припой		
Li	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Be	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	0,0001	0,0001	<ПО
B	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Na	0.0007	0.0088	0.0015	0.0015	0.0110	0.0100	0.0057
Mg	0.0002	0.0006	0.0004	0.0002	0.0051	0.0022	0.0007
Al	0.0007	0.0008	0.0009	0.0014	0.0050	0.0055	0.0021
Sc	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	0.0001
Ti	0.0001	<ПО	<ПО	0.0001	0.0004	0.0005	0.0002
V	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Cr	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Mn	0.0003	<ПО	<ПО	<ПО	0.0006	0.0004	<ПО
Fe	0.0087	0.0180	0.0130	0.0240	0.0095	0.0042	0.0050
Co	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Ni	0.0100	0.0002	0.0002	0.0002	0.0002	0.0005	0.0011
Cu	0.690	0.630	0.820	0.840	3.95	3.76	3.70
Zn	0.140	0.140	0.0069	0.0041	0.016	0.021	0.046
Ga	0.0001	0.0001	0.0001	0.0001	<ПО	<ПО	<ПО
Ge	0.0000	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
As	0.0004	0.0005	<ПО	0.0001	0.0001	0.0001	0.0001
Rb	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Sr	<ПО	<ПО	<ПО	0.0001	0.0001	0.0001	<ПО
Y	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Zr	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Nb	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Mo	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Rh	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	0.0001	0.0001	0.0001
Pd	0.0240	0.0020	0.0017	0.0018	0.0012	0.0012	0.0010
Cd	0.0110	<ПО	<ПО	<ПО	0.0001	<ПО	0.0001
In	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Sn	0.0230	0.0230	0.0048	0.0047	0.0046	0.0057	0.0200
Sb	0.0010	0.0010	0.0040	0.0040	0.0024	0.0013	0.0110
Te	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Cs	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Ba	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	0.0001	0.0001	<ПО
La	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Ce	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Pr	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Nd	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Sm	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Eu	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Gd	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Tb	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Dy	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Ho	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО

Таблица 2. Окончание

Металл	Основа				Припой		
Er	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Tm	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Yb	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Lu	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Hf	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Ta	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
W	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Re	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Pt	0.0078	0.0075	0.0047	0.0052	0.0050	0.0040	0.0041
Tl	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
Pb	0.052	0.054	0.019	0.022	0.068	0.067	0.068
Bi	0.0004	0.0004	0.0026	0.0030	0.0008	0.0007	0.0008
Th	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО
U	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО	<ПО

ПО – предел обнаружения.

утолщения (места пайки; рис. 5, в4; 7). Вероятно, в этом случае мы видим практическую реализацию рецепта Теофила.

Естественно-научное изучение составов металла археологических предметов из золота различными аналитическими методами имеет об-

ширную мировую историографию. Осуществлены масштабные проекты по его исследованию, как, например, “Кельтское золото” (Франция и Германия) (Fűrst et al., 2020). Для нашей темы актуальны работы по анализу серий византийских и арабских монет, а также отдельных хронологиче-

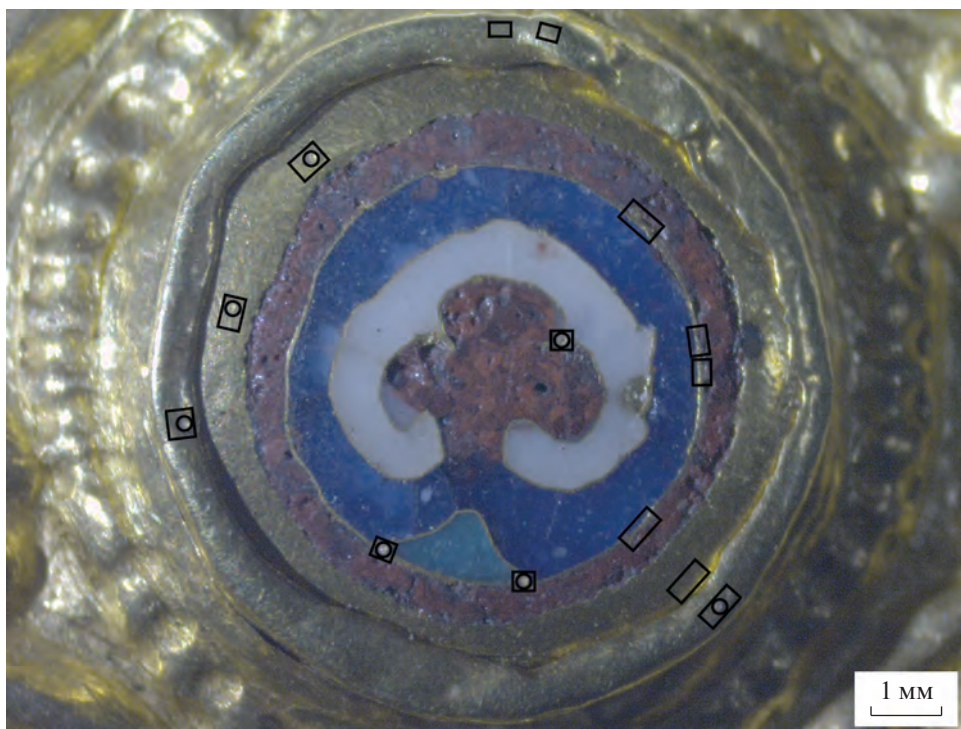

Рис. 6. Центральная часть подвески. Области анализа: прямоугольники – РЕМ/ЭРМ, кружки – МС-ИСП-ЛА.

Fig. 6. The central part of the pendant. Areas of analysis: rectangles – SEM/EDX, circles – LA-MS-ISP

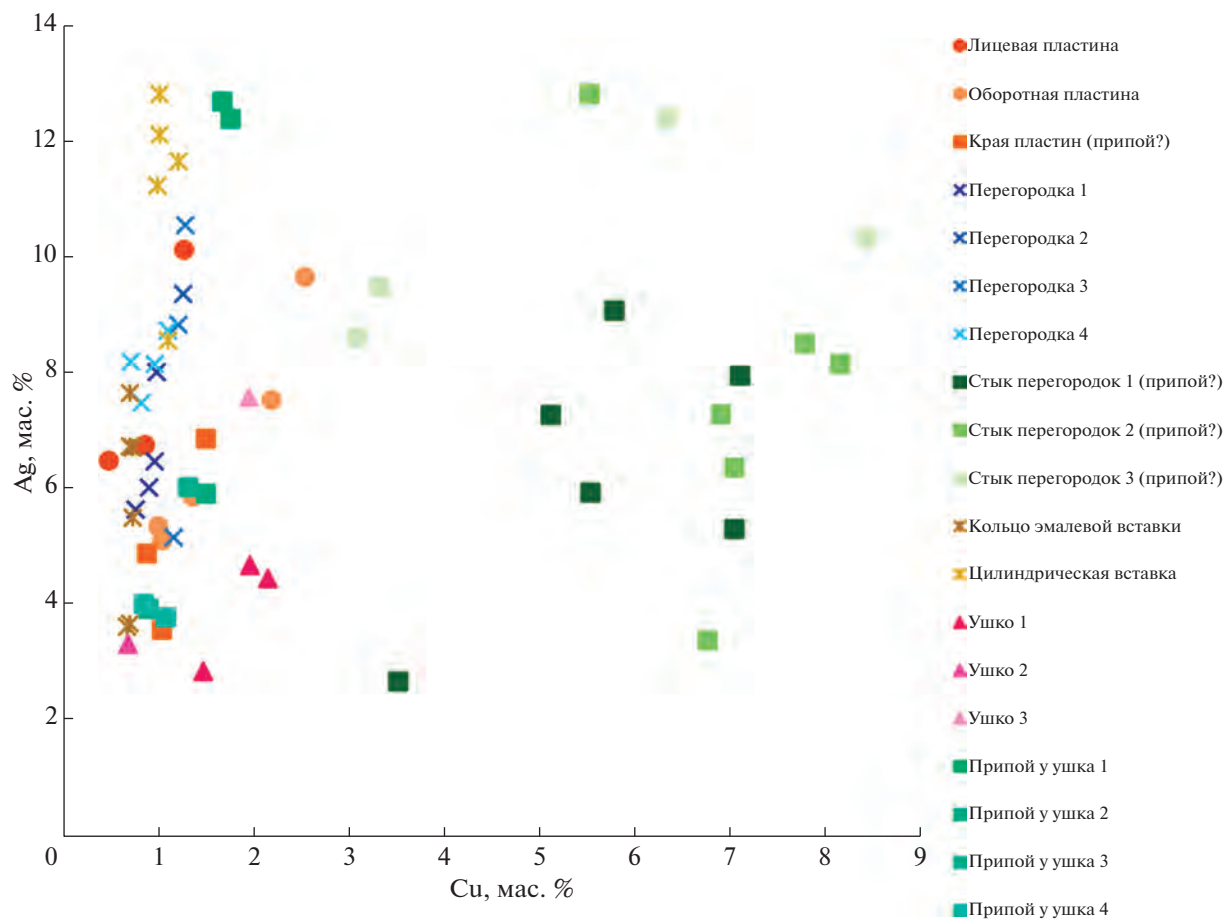

Рис. 7. Соотношение концентрации серебра и меди в разных частях подвески.

Fig. 7. The ratio of the silver and copper concentration in different parts of the pendant

ски близких находок. Опубликованные данные по составу металла большой группы арабских золотых монет (234 экз.), в том числе Альморавидов и Альмохадов (XI–XIII вв.) методом МС-ИСП-ЛА выявляют их существенные различия с нашим предметом по концентрации макро- и микропримесей (Gondonneau, Guerra, 2002. Р. 587, 596), что позволяет исключить это направление из возможных источников золота для подвески.

Данные по чистоте золота в византийских монетах, приведенные в статье А. Одди и С. Ла Нис (Oddy, La Niece, 1986. Р. 21), показывают, что в эпоху Комнинов и Ангелов содержание золота в иперпирах удерживалось на уровне 20–21 карата (80–85%). Проведенный ими РФА-анализ состава металла семи украшений этого времени позволил авторам сделать вывод о соответствии концентрации золота в украшениях монетам (для предметов более раннего времени было установлено пониженное содержание золота по сравнению с монетами). В числе исследованных предметов был древнерусский колт с эмалями из Британского музея. Он содержал 80.2% золота, 15.5%

серебра и 4.3% меди (Oddy, La Niece, 1986. Р. 24–26). Металл почти всех этих изделий был, вероятно, легирован медью. Небольшую добавку меди при плавлении золота советует вводить и Теофил (Теофил, кн. 3, гл. 33, 1963. С. 131). Процентное содержание золота в нашей подвеске несколько выше, а меди, наоборот, меньше. Источником золота для изготовления корпуса подвески и металлических частей вставки вряд ли послужили византийские монеты. Более вероятно, что они были сделаны из сырьевого материала: непосредственно самородного (аллювиального) или рафинированного золота.

Исследователи византийской обработки золота указывают на несколько районов его добычи, разрабатываемых в поздневизантийский период: в районе пролива Склетринас на Босфоре и в местечке Астира (Чанаккале), на о. Тасос, в Болгарии (Тырново, Излате и др.; Rhoby, 2019. Р. 12). Золото в это время добывалось на территории Сербии и Баната, в Трансильвании, Чехии (рудник Еуле), Силезии, Испании, Грузии, Африки и др. (Максимов, 1988. С. 45, 52). Теофил писал о

получении намывного золота по берегам Рейна (Теофил, кн. 3, гл. 49, 1963. С. 139). Возможно, создание доступного банка данных по микропримесям золота из различных источников позволит в будущем более определенно решать вопросы о его происхождении в археологических предметах.

В отечественной литературе наиболее полно изучен металл золотых предметов эпохи викингов, обнаруженных на древнерусской территории. Н.В. Ениосовой собраны данные о составе золота браслетов этого времени и выполнены РФА-исследования восьми предметов из Гнездова, в том числе двух слитков, и колечка из псковского некрополя, а также равноплечей фибулы из окрестностей Брянска (золотое покрытие серебряной основы) (Ениосова, 2009). Все проанализированные находки изготовлены из высокопробного золота без легирования медью. Исследовательница отмечает, что “в отличие от серебра в золото на Руси практически не добавляли других металлов” (Ениосова, 2007. С. 313, 314).

Опубликованы немногочисленные находки из золота с Троицкого раскопа в Великом Новгороде (Ениосова и др., 2017. С. 197, 199). Это обрезки пластин, проволока, фольга, тигли с остатками массы для золочения, свидетельствующие о местной работе с этим драгоценным материалом. Большинство РФА-анализов показало золото в концентрации более 70%. Готовые украшения из золота представлены тремя трехбусинными височными кольцами, зерненной бусиной и перстнем с высоким ажурным щитком (Ениосова и др., 2017. С. 199).

Для Новгорода, где пока не обнаружены клады древнерусских драгоценных украшений, находка золотой подвески с эмалью является настоящей удачей. Ранее в культурных напластованиях города было найдено несколько предметов с перегородчатыми эмалью: из слоя 30–60-х годов XII в. на Неревском раскопе происходит золотая круглая пластинка с рисунком ромба, треугольников и трилистников, выполненных перегородчатой эмалью синего, белого и красного цветов. По мнению М.В. Седовой, пластинка была вставлена в золотой колт (1981. С. 18). В слое 60–80-х годов XII в. на Неревском раскопе найдена створка бронзового креста-энколпиона, украшенная перегородчатым орнаментом синего, зеленого, желтого и красновато-фиолетового оттенка (Седова, 1981. С. 58, 59); в слое 20-х годов XIV в. на Кировском раскопе обнаружена круглая бронзовая позолоченная накладка с отверстиями по периметру с тремя эмалевыми вставками. В центре пластины помещено погрудное изображение св. Георгия, по бокам две криновидные пальметты. Эмали имеют три цвета — белый, бирюзовый, красновато-кирпичный (Седова, 1981. С. 166).

Рассмотренная нами уникальная золотая подвеска из Новгорода является подлинным произведением художественного ремесла. Высокий профессионализм и великолепный вкус мастеров видны как в изготовлении корпуса из высокопробного золота, так и эмалевой вставки. По мнению И.А. Стерлиговой⁶, подобная вещь могла быть подвеской к иконной гривенке. Действительно, по форме она близка известным подвескам к гривенкам из Московского Кремля (Стерлигова, 2000. С. 199–220) и Гочева (Воронин, 2017. С. 58–60). Против этой гипотезы выступает хронологический фактор: самые ранние гривенки с подвесками относятся ко времени второй половины XIV в. Более вероятно ее принадлежность к богатому парадному убору. Для древнерусского времени известны бронзовые позолоченные подвески квадрифолийной формы с эмалевыми рисунками (Макаров, Зайцева, 2019. С. 170, 171).

На изготовление эмалевого изображения и металлического корпуса разными мастерами косвенно могут указывать различные рецепты припоя на эмалевых перегородках и ушке: с медью и без. Маловероятно, чтобы один специалист использовал разные припои при паянии близкого по составу металла. Отличается и стилистика рисунков на металле лицевой пластины и вставке: вставка, возможно, была изготовлена раньше корпуса (см. следующую статью). Скорее всего, подвеска была сделана на Руси в конце XII — начале XIII вв. или греческими мастерами, или русскими ювелирами с использованием эмалевой вставки византийского производства.

Работа выполнена по теме НИОТКР 122011200266-3 Института археологии РАН и Тематического плана НИЦ “Курчатовский институт” в части выполнения естественно-научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев А.Л., Ковальчук М.В., Яцишина Е.Б. Исследование объектов культурного наследия методами электронной микроскопии // Кристаллография. 2016. Т. 61, № 6. С. 845–857.
- Воронин К.В. Об уборе одной из икон древнерусского времени // Археология русского города: материалы науч.-практ. семинара 2016 года / Ред. И.В. Волков. М.: Столичное археологическое бюро, 2017. С. 43–61.
- Гайдуков П.Г., Олейников О.М. О работах Института археологии РАН в Великом Новгороде в последнее десятилетие // Всемирное наследие ЮНЕСКО: пути и перспективы развития ценностного потенциала памятников Северо-Запада России: материалы науч. конф. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2018. С. 27–42.

⁶ Благодарим за устную консультацию.

- Гайдуков П.Г., Олейников О.М., Богомолов А.В. Новейшие археологические открытия в Великом Новгороде // Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 160–163.
- Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
- Енисова Н.В. Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков Русской государственности: историко-археологический сборник: материалы междунар. науч. конф. / Ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мушин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 307–315.
- Енисова Н.В., Митоян Р.А., Синх В.К. Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова. Вып. 32. Материалы 62-го заседания (19–21 апреля 2016 г.). М.; Псков: ИА РАН, 2017. С. 187–203.
- Жилина Н.В. Тисненый убор по древнерусскимкладам // *Stratum plus*. 2010. № 5. С. 23–144.
- Лобода А.Ю., Терещенко Е.Ю., Антипенко А.В., Ретилов В.М., Пресняков М.Ю., Колобылина Н.Н., Кондратьев О.А., Шишлина Н.И., Яцишина Е.Б., Кашкаров П.К. Методы определения элементного состава металла археологических объектов при коррозионных наслоениях и в ограниченных условиях пробоотбора материала // Поволжская археология. 2018. № 4 (26). С. 203–221.
- Макаров Н.А., Грешиников Э.А., Зайцева И.Е., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М. Невидимые святыни. Вложения в средневековые крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 258. С. 25–45.
<https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.258.25-45>
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Иконка с изображением Св. Нестора Солунского из Суздальского Ополя // Российская археология. 2019. № 4. С. 167–176.
- Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975. 127 с.
- Максимов М.М. Очерк о золоте. М.: Недра, 1988. 112 с.
- Миляев С.А., Самосоров Г.Г., Яблокова С.В., Шатилова Л.В., Позднякова Н.Н. Геохимические особенности самородного золота как прямые признаки рудно-формационной принадлежности проявлений рудного и россыпного золота // Руды и металлы. 2020. № 3. С. 22–31.
- Новаковская-Бухман С.М. Клады Древней Руси в собрании Русского музея. СПб.: Palace Editions, 2015. 96 с.
- Олейников О.М. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятинный I, III, IV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 23. Великий Новгород, 2008. С. 36–44.
- Петров М.И., Тарабардина О.А. Динамика изменения городской территории Новгорода в X–XIV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова: материалы 57-го заседания. М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 139–146.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 264 с.
- Теофил. Записка о разных искусствах / Ред. и примеч. А.В. Виннера // Сообщения / Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Вып. 7. М.: Советская Россия, 1963. С. 66–184.
- Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Новое в изучении Старой Рязани (к 200-летию полевых исследований) // Мир Средневековья. Познавая прошлое: к 70-летию отдела средневековой археологии / Ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2021. С. 61–92.
- Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. Печати X – начала XIII в. М.: Наука, 1970. 325 с.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 500 с.
- Chapman R.J., Banks D.A., Styles M.T., Walshaw R.D., Piazolo S., Morgan D.J., Grimshaw M.R., Spence-Jones C.P., Matthews T.J., Borovinskaya O. Chemical and physical heterogeneity within native gold: implications for the design of gold particle studies // *Mineralium Deposita*. 2021. 56. P. 1563–1588.
- Constantinescu B., Cristea-Stan D., Vasilescu A., Simon R., Ceccato D. Archaeometallurgical Characterization of Ancient Gold Artifacts from Romanian Museums using XRF, Micro-pixe and Micro-SR-XRF Methods // *Proceedings of the Romanian Academy. Series A*. 2012. Vol. 13, № 1. P. 19–26.
- Eniosova N. A unique 10th century AD gold-plated brooch from south-east Russia: technical and stylistic authentication // *ArcheoSciences, revue d'archéométrie*. 2009. 33. P. 375–380.
- Entwhistle C. Notes on Selected Recent Acquisitions of Byzantine Jewellery at the British Museum // 'Intelligible Beauty': Recent Research on Byzantine Jewellery. London: British Museum Press, 2010. P. 20–32.
- Evans H.C., Wixom W.D. The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine era, A.D. 843–1261. New York: Metropolitan Museum of Art, 1997. 574 p.
- Fürst S., Armbruster B., Numrich M. Keltisches Gold unter der Lupe – Golduntersuchungen im Saarbrücker Museum für Vor- und Frühgeschichte im Rahmen des Projektes CELTIC GOLD – Goldschmiedekunst in der westlichen Latènekultur // *Denkmalpflege im Saarland. Jahresbericht 2019. Saarbrücken, 2020. S. 88–98.*
- Gondonneau A., Guerra M.F. The Circulation of precious Metals in the Arab Empire: the Case of the Near and the Middle East // *Archaeometry*. 2002. Vol. 44, iss. 4. P. 573–599.
- Guerra M.F. Physicochemical approaches to gold and silver work, an overview: Searching for technologies, tracing routes, attempting to preserve // *Chemical Analysis in Cultural Heritage* / Eds. L. Sabbatini, I.D. Van der Werf. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. P. 307–330.

- Guerra M.F.* On gold recycling. A physicochemical point of view // *Archaeometry*. 2021. <https://doi.org/10.1111/arc.12710>
- Guerra M.F., Rehren T.* In-situ examination and analysis of the gold jewellery from the Phoenician tomb of Kition (Cyprus) // *ArcheoSciences, revue d'archéométrie*. 2009. 33. P. 151–158.
- Magnavita S., Mertz-Kraus R.* XRF and LA-ICP-MS studies of gold and silver artefacts from a 12–13th century CE tumulus in Senegal: Implications for the medieval African gold trade // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2019. 23. P. 416–425.
- Oddy A., La Niece S.* Byzantine Gold Coins and Jewellery. A Study of Gold Contents // *Gold bulletin*. 1986. 19, 1. P. 19–27.
- Rhoby A.* Gold, Goldsmiths and Goldsmithing in Byzantium // *New Research on Late Byzantine Goldsmiths' Works (13th–15th Centuries)* / Ed. A. Bosselmann-Ruickbie. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2019. P. 9–20.
- Spiridonov E., Yanakieva D.* Modern mineralogy of gold: overview and new data // *ArcheoSciences, revue d'archéométrie*. 2009. 33. P. 67–73.

GOLD PENDANT WITH ENAMEL FROM NOVGOROD: COMPREHENSIVE ANALYTICAL RESEARCH

**Pyotr G. Gaidukov^{a, #}, Oleg M. Oleynikov^{a, ##}, Irina E. Zaytseva^{a, ###}, Ekaterina S. Kovalenko^{b, ####},
Mikhail M. Murashev^{b, #####}, Konstantin M. Podurets^{b, #####}, Anastasia V. Mandrykina^{c, #####},
Ekaterina S. Vaschenkova^{c, #####}, Anton G. Kulikov^{d, #####}, Vasily M. Retivov^{c, #####},
Elena Yu. Tereschenko^{e, #####}, and Ekaterina B. Yatsishina^{c, #####}**

^a *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

^b *Kurchatov Institute National Research Centre, Moscow, Russia*

^c *National Research Centre "Kurchatov Institute" and NRC Kurchatov Institute – IREA, Moscow, Russia*

^d *Shubnikov Institute of Crystallography at Federal Research Centre of Crystallography and Photonics RAS, Moscow, Russia*

^e *FSRC "Crystallography and Photonics" of Russian academy of Sciences, National Research Centre "Kurchatov Institute" and NRC Kurchatov Institute – IREA, Moscow, Russia*

[#] *E-mail: russianchange@yandex.ru*

^{##} *E-mail: olejnikov1960@yandex.ru*

^{###} *E-mail: izaitseva@yandex.ru*

^{####} *E-mail: kovalenko_es@mail.ru*

^{#####} *E-mail: mihail.mmm@inbox.ru*

^{#####} *E-mail: podurets@yandex.ru*

^{#####} *E-mail: mandrykina_av@mail.ru*

^{#####} *E-mail: e_katerina2708@mail.ru*

^{#####} *E-mail: ontonic@gmail.com*

^{#####} *E-mail: vasilii_retivov@mail.ru*

^{#####} *E-mail: elenatereschenko@yandex.ru*

^{#####} *E-mail: yacekaterina@yandex.ru*

The article presents the results of a comprehensive analytical study of a gold pendant with an enamel inset found in 2018 during archaeological excavations in the Commercial side of Veliky Novgorod in the strata of the early 13th century. The method of neutron tomography was used to visualize the internal structure of the pendant: all structural elements were identified and methods of their fastening were established. In the central part of the inner cavity of the pendant, under the enamel inset, a small accumulation of loose matter was found. The SEM/EDX and MS-ICP-LA methods were applied to determine the composition of the metal in various parts of the pendant, soldering, and partitions on the enamel inset. It is established that this is purest gold. This unique gold pendant from Novgorod is a true work of artistic craft. It was probably made in Rus either by Greek craftsmen or by Russian jewellers who used a Byzantine-made enamel inset.

Keywords: Veliky Novgorod, gold pendant, neutron tomography, metal composition.

REFERENCES

- Chapman R.J., Banks D.A., Styles M.T., Walshaw R.D., Piazolo S., Morgan D.J., Grimshaw M.R., Spence-Jones C.P., Matthews T.J., Borovinskaya O.*, 2021. Chemical and physical heterogeneity within native gold: implications for the design of gold particle studies. *Mineralium Deposita*, 56, pp. 1563–1588.
- Chernetsov A.V., Strikalov I. Yu.*, 2021. New developments in studying Old Ryazan (to the 200th anniversary of field research. *Mir Srednevekov'ya. Poznavaya proshloe: k*

- 70-letiyu ot dela srednevekovoy arkheologii [The world of the Middle Ages. Learning about the Past: To the 70th anniversary of the Department of Medieval Archaeology]. V.Yu. Koval', ed. Moscow: IA RAN, pp. 61–92. (In Russ.)
- Constantinescu B., Cristea-Stan D., Vasilescu A., Simon R., Ceccato D., 2012. Archaeometallurgical Characterization of Ancient Gold Artifacts from Romanian Museums using XRF, Micro-pixe and Micro-SR-XRF Methods. Proceedings of the Romanian Academy. Series A, vol. 13, no. 1, pp. 19–26.
- Darkevich V.P., 1975. Svetskoe iskusstvo Vizantii. Proizvedeniya vizantiyskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoy Evrope X–XIII veka [Secular art of Byzantium. Works of Byzantine artistic crafts in Eastern Europe in the 10th–13th centuries]. Moscow: Iskusstvo. 350 p.
- Eniosova N., 2009. A unique 10th century AD gold-plated brooch from south-east Russia: technical and stylistic authentication. *ArcheoSciences, revue d'archéométrie*, 33, pp. 375–380.
- Eniosova N.V., 2007. Viking gold on the territory of Rus. U istokov Russkoy gosudarstvennosti: istoriko-arkheologicheskiy sbornik: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [At the origins of Russian state: Historical and archaeological collection of papers: Proceedings of the International scientific conference]. E.N. Nosov, A.E. Musin, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 307–315. (In Russ.)
- Eniosova N.V., Mitoyan R.A., Singkh V.K., 2017. New data on the chemical composition of the raw materials used by Novgorod jewellers in the 10th–15th centuries. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova* [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Academician V.V. Sedov seminar], 32. Materialy 62-go zasedaniya (19–21 aprelya 2016 g.) [Proceedings of the 62nd meeting (April 19–21, 2016)]. Moscow; Pskov: IA RAN, pp. 187–203. (In Russ.)
- Entwhistle C., 2010. Notes on Selected Recent Acquisitions of Byzantine Jewellery at the British Museum. 'Intelligible Beauty': Recent Research on Byzantine Jewellery. London: British Museum Press, pp. 20–32.
- Evans H.C., Wixom W.D., 1997. The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine era, A.D. 843–1261. New York: Metropolitan Museum of Art. 574 p.
- Fürst S., Armbruster B., Numrich M., 2020. Keltisches Gold unter der Lupe – Golduntersuchungen im Saarbrücker Museum für Vor- und Frühgeschichte im Rahmen des Projektes CELTIC GOLD – Goldschmiedekunst in der Westlichen Latènekultur. Denkmalpflege im Saarland, Jahresbericht 2019. Saarbrücken, pp. 88–98.
- Gaydukov P.G., Oleynikov O.M., 2018. On the work of the Institute of Archaeology RAS in Veliky Novgorod in the last decade. Vsemirnoe nasledie YuNESKO: puti i perspektivy razvitiya tsennostnogo potentsiala pamyatnikov Severo-Zapada Rossii: materialy nauchnoy konferentsii [UNESCO World Heritage: Ways and prospects for developing the value potential of sites of the Russian North-West: Proceedings of the Scientific conference]. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, pp. 27–42. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Oleynikov O.M., Bogomolov A.V., 2019. The latest archaeological discoveries in Veliky Novgorod. Novye arkheologicheskie proekty. Vossozdavaya proshloe [New archaeological projects. Recreating the past]. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 160–163. (In Russ.)
- Gondonneau A., Guerra M.F., 2002. The Circulation of precious Metals in the Arab Empire: the Case of the Near and the Middle East. *Archaeometry*, vol. 44, iss. 4, pp. 573–599.
- Guerra M.F., 2020. Physicochemical approaches to gold and silver work, an overview: Searching for technologies, tracing routes, attempting to preserve. *Chemical Analysis in Cultural Heritage*. L. Sabbatini, I.D. Van der Werf, eds. Berlin; Boston: De Gruyter, pp. 307–330.
- Guerra M.F., 2021. On gold recycling. A physicochemical point of view. *Archaeometry*. DOI: 10.1111/arcm.12710.
- Guerra M.F., Rehren T., 2009. In-situ examination and analysis of the gold jewellery from the Phoenician tomb of Kition (Cyprus). *ArcheoSciences, revue d'archéométrie*, 33, pp. 151–158.
- Loboda A.Yu., Tereshchenko E.Yu. Antipenko A.V., Retivov V.M., Presnyakov M.Yu., Kolobylina N.N., Kondrat'ev O.A., Shishlina N.I., Yatsishina E.B., Kashkarov P.K., 2018. Methods for metal compositional analysis of archaeological objects with surface corrosion layers and small sample quantities. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River region archaeology], 4 (26), pp. 203–221. (In Russ.)
- Magnavita S., Mertz-Kraus R., 2019. XRF and LA-ICP-MS studies of gold and silver artefacts from a 12–13th century CE tumulus in Senegal: Implications for the medieval African gold trade. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 23, pp. 416–425.
- Makarov N.A., Greshnikov E.A., Zaytseva I.E., Podurets K.M., Kovalenko E.S., Murashev M.M., 2020. Invisible holy relics. Relics and materials inserted in medieval reliquary crosses based on the data from comprehensive analytical studies. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 258, pp. 25–45. DOI: 10.25681/IAR-AS.0130-2620.258.25-45. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., 2019. An icon-pendant with the image of St. Nestor of Thessaloniki from Suzdal Opolye. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 167–176. (In Russ.)
- Makarova T.I., 1975. Peregorodchatye emali Drevney Rusi [Cloisonné enamels of Rus]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Maksimov M.M., 1988. Ocherk o zolote [Study on gold]. Moscow: Nedra. 112 p.
- Milyaev S.A., Samosorov G.G., Yablokova S.V., Shatilova L.V., Pozdnyakova N.N., 2020. Geochemical features of native gold as direct signs of ore formational load and alluvial gold occurrences. *Rudy i metally* [Ores and metals], 3, pp. 22–31. (In Russ.)
- Novakovskaya-Bukhman S.M., 2015. Klady Drevney Rusi v sobranii Russkogo muzeya [Hoards of Rus in the collection of the Russian Museum]. St. Petersburg: Palace Editions. 96 p.
- Oddy A., La Niece S., 1986. Byzantine Gold Coins and Jewellery. A Study of Gold Contents. *Gold bulletin*, 19, 1, pp. 19–27.

- Oleynikov O.M.*, 2008. Works in the northwestern part of Lyudin district of Veliky Novgorod in 2008 (Desyatiny I, III, IV excavation sites). Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology: Proceedings of the Scientific conference], 23. Velikiy Novgorod, pp. 36–44. (In Russ.)
- Petrov M.I., Tarabardina O.A.*, 2011. Dynamics of changes in the urban area of Novgorod in the 10th–14th centuries. Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: materialy 57-go zasedaniya [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Academician V.V. Sedov seminar: Proceedings of the 57th meeting]. Moscow; Pskov: IA RAN, pp. 139–146. (In Russ.)
- Rhoby A.*, 2019. Gold, Goldsmiths and Goldsmithing in Byzantium. New Research on Late Byzantine Goldsmiths' Works (13th–15th Centuries). A. Bosselmann-Ruickbie, ed. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, pp. 9–20.
- Sedova M.V.*, 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewellery of old Novgorod (10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 195 p.
- Spiridonov E., Yanakieva D.*, 2009. Modern mineralogy of gold: overview and new data. ArchoSciences, revue d'archéométrie, 33, pp. 67–73.
- Sterligova I.A.*, 2000. Dragotsennyy ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vekov [Precious ornamentation of ancient Russian icons of the 11th–14th centuries]. Moscow: Progress-Traditsiya. 264 p.
- Teofil*, 1963. De diversis artis. A.V. Vinner, ed. Soobshcheniya. Vsesoyuznaya tsentral'naya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya po konservatsii i restavratsii muzeynykh khudozhestvennykh tsennostey [Communications. All-Union Central Research Laboratory for the Conservation and Restoration of Museum Art Treasures], 7. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 66–184. (In Russ.)
- Vasil'ev A.L., Koval'chuk M.V., Yatsishina E.B.*, 2016. Electron microscopy methods in studies of cultural heritage sites. Kristallografiya [Crystallography reports], vol. 61, no. 6, pp. 845–857. (In Russ.)
- Voronin K.V.*, 2017. On the decoration of one icon of the Rus period. Arkheologiya russkogo goroda: materialy nauchno-prakticheskogo seminarara 2016 goda [Archaeology of the Russian town: Proceedings of the 2016 Scientific and practical seminar]. I.V. Volkov, ed. Moscow: Stolichnoe arkheologicheskoe byuro, pp. 43–61. (In Russ.)
- Yanin V.L.*, 1970. Aktovye pechaty Drevney Rusi X–XV vv. [Official record seals of Rus of the 10th–15th centuries], I. Pechati X – nachala XIII v. [Seals of the 10th – early 13th century]. Moscow: Nauka. 325 p.
- Yanin V.L., Gaydukov P.G.*, 1998. Aktovye pechaty Drevney Rusi X–XV vv. [Official record seals of Rus of the 10th–15th centuries], III. Pechati, zaregistrirovannye v 1970–1996 gg. [Seals recorded in 1970–1996]. Moscow: Intrada. 500 p.
- Zhilina N.V.*, 2010. Stamped jewel attire reconstructed based on Rus hoards of the 10th–13th centuries. Stratum plus, 5, pp. 23–144. (In Russ.)

ЭМАЛЕВЫЙ МЕДАЛЬОН ЗОЛОТОЙ ПОДВЕСКИ ИЗ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

© 2022 г. С. И. Валиулина^{1, *}, О. С. Румянцева^{2, **}, Е. С. Ващенко^{3, ***}, П. А. Волков^{3, ****},
А. М. Исмагулов^{3, *****}, А. Н. Мандрыкина^{3, *****}, В. М. Ретивов^{3, *****},
А. Г. Куликов^{4, *****}, Е. Ю. Терещенко^{5, *****}, Е. Б. Яцишина^{3, *****}

¹ Казанский федеральный университет, Казань, Россия

² Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

³ НИЦ “Курчатовский институт” и НИЦ “Курчатовский институт”—ИРЕА Москва, Россия

⁴ Институт кристаллографии им. А.В. Шубникова ФНИЦ “Кристаллография и фотоника” РАН, Москва, Россия

⁵ ФНИЦ “Кристаллография и фотоника” РАН, НИЦ “Курчатовский институт”,
НИЦ “Курчатовский институт”—ИРЕА, Москва, Россия

*E-mail: svaliulina@inbox.ru

**E-mail: o.roumiantseva@mail.ru

***E-mail: e.katerina2708@mail.ru

****E-mail: volkov.pavel.msu@yandex.ru

*****E-mail: ismagulov.art@mail.ru

*****E-mail: mandrykina_av@mail.ru

*****E-mail: vasilii_retivov@mail.ru

*****E-mail: ontonic@gmail.com

*****E-mail: elenatereschenko@yandex.ru

*****E-mail: yacekaterina@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.02.2022 г.

После доработки 25.02.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

Статья посвящена анализу вставки, выполненной в технике перегородчатой эмали на золотой подвеске начала XIII в. из Великого Новгорода. Состав эмалей анализировался методами растровой электронной микроскопии с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом и атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно-связанной плазмой с пробоотбором лазерной абляции. Технология и состав красной эмали соответствуют византийской ремесленной традиции. Эмали белого, синего и бирюзового цветов имеют состав, типичный для римского содового стекла и содержат сурьму, использование которой в стеклоделии завершилось в IV в. Это позволяет заключить, что в качестве сырья для них вторично использована римская смальта — практика, применявшаяся в европейском эмальерном производстве до конца XII — начала XIII в. Можно предположить три варианта происхождения украшения. Первый — подвеска с эмалевой вставкой является византийским импортом. Второй — эмалевая вставка могла быть выполнена в одной из мастерских Византии и привезена на Русь, где украсила золотой квадрифолий местной работы. Третий — вставка, как и все изделие, произведена греческими мастерами в одном из русских городов. В любом случае при ее изготовлении использована импортная (вероятно, византийская) эмаль.

Ключевые слова: Великий Новгород, XIII в., перегородчатая эмаль, электронная микроскопия, рентгенофлуоресцентное картирование, атомно-эмиссионная спектроскопия, химический состав, технология, Византия.

DOI: 10.31857/S0869606322030175

Главным украшением золотой подвески из слоя начала XIII в. Великого Новгорода (Гайдук и др., 2022) является медальон, выполненный в технике перегородчатой эмали. Круглая цилиндрическая вставка диаметром 7 мм помещена в

центре лицевой стороны квадрифолия, укреплен на золотой основе с некоторым отклонением от вертикальной оси (рис. 1, 2). Археологическое стекло и эмали при исследовании на междисциплинарной основе обладают особенно информа-

Рис. 1. Фото золотой подвески-реликвария.
Fig. 1. Photo of a golden reliquary cross-pendant

тивными возможностями. Цель работы — представить технологическую характеристику эмали золотой подвески и определить ее происхождение.

Эмалевая вставка имеет хорошую сохранность, чистую без пороков и патины поверхность (рис. 2). Композиция выполнена из непрозрачного стекла четырех цветов: в центре расположено изображение трилистника — крина, заполненное красной эмалью. Вокруг белая эмаль создает фон, выделяя контрастом центральную фигуру. Крин вместе с фоном охватывает кольцо синей эмали, символизируя проросший стебель. Под трилистником расположен треугольник бирюзовой эмали. Все изображение обрамляет внешнее кольцо красной эмали. Очевидно, красная непрозрачная эмаль обладает особым статусом во всей композиции, и это не является особенностью новгородской находки. Красный контур чаще всего окружает эмалевые медальоны в средневековых произведениях. Так, аналогичные нашему изображению рисунки крина с треугольником внизу в окружении белого, синего и красного полей помещены в центр золотых колтов из клада 1887 г. в Киеве (Новаковская-Бухман, 2015. С. 30) и клада 1900 г. из Сахновки (Макарова, 1975. С. 25).

Палитру ранних эмалей составляют четыре цвета: красный, белый, синий и зеленый. С сере-

дины XII в. колористический перечень расширяется, в том числе появляется бирюзовый цвет (Макарова, 1996. С. 58). В эмали квадрифолия классика четырех цветов сохраняется, только зеленый цвет заменяется бирюзовым. В искусстве перегородчатой эмали подобная схема изображения крина входит в число основных элементов орнамента, представляя исходную форму (Макарова, 1975. Рис. 4, I.1), а значит, обладает широким представительством.

Повторяющиеся изображения крина в круглом или сердцевидном обрамлении могли составлять бордюр эмалевой композиции (Byzantium..., 2008. Р. 320, ill. 271,1), элемент крин в круге являлся украшением одежд святых, нимбов и корон, крыльев птиц и сиринов на золотых колтах (Кондаков, 1896. С. 203, рис. 120; Табл. II, 9; Табл. III, 2, 3; Табл. VI, 1, 2; Табл. X, 4; Amiranschwili, 1971. S. 62, ill. 37, 38; Смирнова, Доманский, 1974. С. 35, рис. 99, 100; Макарова, 1975. С. 34, 35, табл. 4, 1–2, 10, 11, № 33–36). Отдельные эмалевые вставки, наряду с драгоценными камнями, расцвечивали церемониальные кресты, реликварии (Byzantium..., 2008. Р. 221, ill. 188; Р. 284, ill. 245) и золотые панели окладов икон (Amiranschwili, 1971. S. 106, ill. 67, 68). Этот перечень произведений перегородчатой эмали, датирующихся, в основном, XI–XIII вв., может быть значительно расширен. В поиске аналогий особого внимания заслуживает золотая пластина с мелким и четким ковровым декором перегородчатой эмали, в котором трилистник-крин выступает ведущим элементом. Произведение константинопольской работы датируется второй половиной XI в., происходит из Хиландарского монастыря Сретенья Богородицы, в настоящее время хранится в собрании Национального музея Сербии в Белграде.

Выемчатые и перегородчатые эмали не единственная и не первая техника, в декоративной системе которой утвердилось изображение крина. Гораздо раньше этот, изначально восточный мотив, в разных сочетаниях проявил себя в византийских художественных произведениях из металла и камня (Даркевич, 1975. С. 20, 137, 159, илл. 7, 200а, 233), в резьбе по кости (Райс, 2002. С. 71, илл. 64), на пергаменте (Byzantium..., 2008. Р. 237, № 211) и тканях (Райс, 2002. С. 28, 65, илл. 22, 58). Д.Т. Райс обращает внимание на то, что “ткани, сотканые в мастерских Константинополя, во многом обязаны Востоку” и технологией, и декоративным оформлением. Текстиль был одним из сильных проводников восточной декоративной традиции в византийскую культуру (Райс, 2002. С. 64).

Визуально — инструментальный анализ морфологии и технологии эмалевой вставки проведен методом оптической микроскопии на стереомикро-

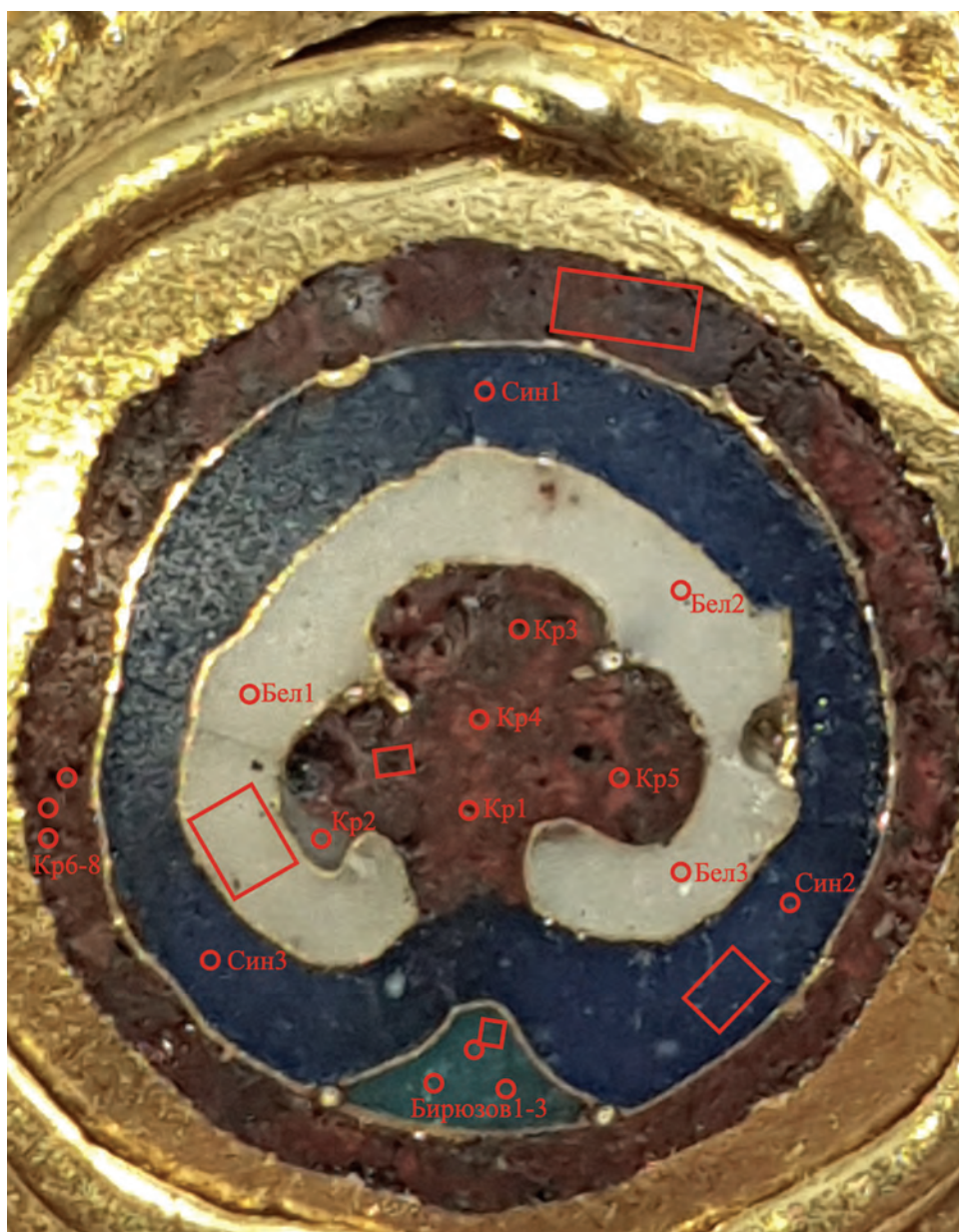

Рис. 2. Фото эмаливой вставки с обозначением областей спектров. Области исследования состава эмалей методами РЭМ/ЭРМ (квадраты) и АЭС-ИСП-ЛА (круги).

Fig. 2. Photo of an enamel inset with the designation of spectral areas. Areas of studying the composition of enamels by SEM (squares) and LA-ICP-AES (circles)

скопе STEMI-2000 (Zeiss) в Центре коллективного пользования (ЦКП) Института археологии РАН. При значительном увеличении фиксируются мелкие сколы, пузырьки, неомогенная структура эмали и неоднородный цвет.

Анализ состава эмалей выполнен в ЦКП НИЦ “Курчатовский институт” – ИРЕА методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно-связанной плазмой с пробоотбором методом лазерной абляции (АЭС-ИСП-ЛА). Для всех изме-

рений выполнена предварительная очистка поверхности путем “преабляции”.

Анализ особенностей микроструктуры цветных эмалей и их взаимосвязи с распределением элементов был выполнен методом растровой электронной микроскопии с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (РЭМ/ЭРМ) в НИЦ “Курчатовский институт”.

РЭМ/ЭРМ-исследования выполнялись с помощью растрового двухлучевого электронно-ионного микроскопа Versa 3D (Thermo Fisher Sci-

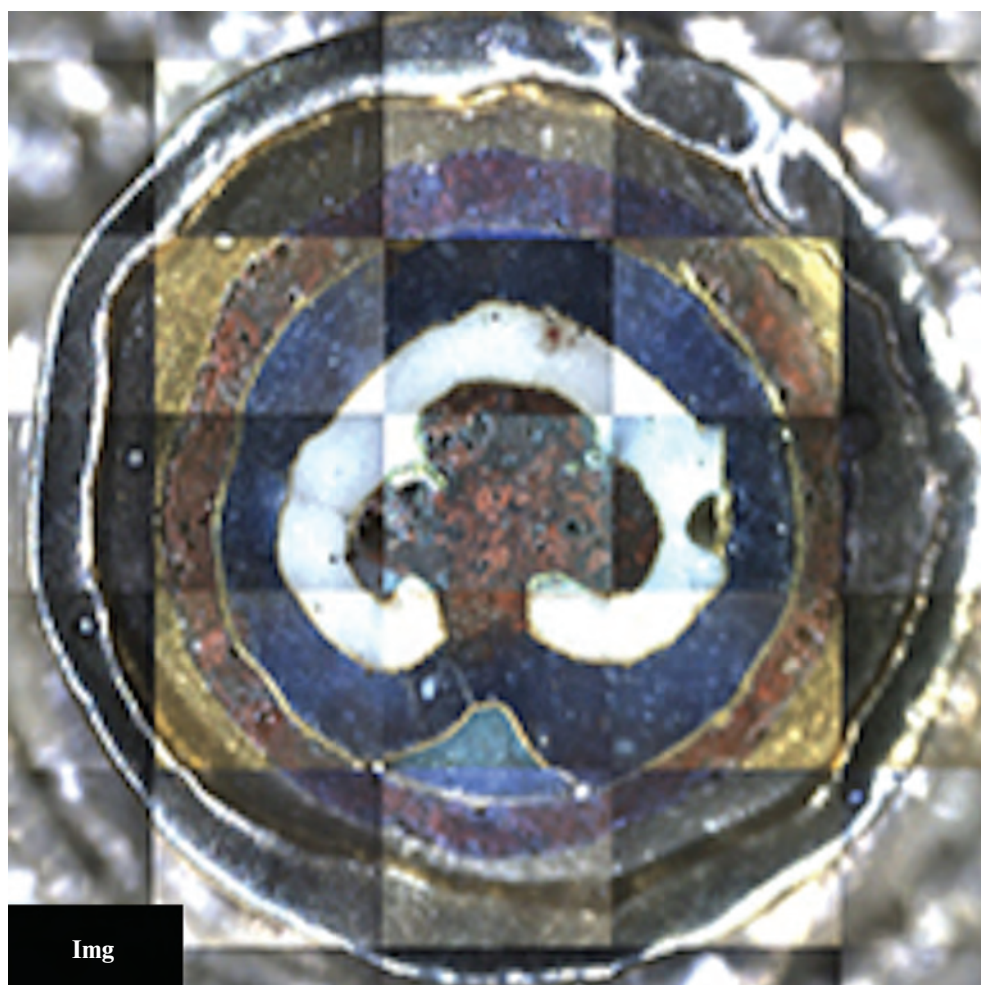

Рис. 3. Оптическая фотография области РФЛА-картирования.

Fig. 3. Optical photograph of the XRF mapping area

entific) с системой ЭРМ (EDAX) при ускоряющем напряжении 30 кВ в режиме низкого вакуума (70 Па). Обработка спектров ЭРМ осуществлялась ПО TEAM (EDAX). Суммарное содержание обнаруженных элементов в оксидах приведено к 100%. Чувствительность метода составляет 0.1–0.5 мас. %. Данные РЭМ/ЭРМ о составе эмалей были суммированы по площади около 0.2×0.2 мм² (мас. %).

Исследования эмалей методом АЭС-ИСП-ЛА выполнены на атомно-эмиссионном спектрометре с индуктивно-связанной плазмой iCAP6300 Duo (Thermo Fisher Scientific) с приставкой лазерного пробоотбора NWR 213 (New Wave Research). Полученные результаты характеризуют соотношение элементов в составе материала после нормирования суммы оксидов элементов на 100%. Для наилучшего усреднения данных о составе материала использована максимальная апертура лазера (110 мкм), участок сканирования составлял

около 330×800 мкм. Измерения состава эмали каждого цвета проводились в двух – восьми (при неоднородности цвета) образцах, за результат принято среднее значение (таблица).

Особенности распределения элементов в эмалях демонстрируют полноразмерные карты (рис. 3, 4). Рентгенофлуоресцентное (РФЛА) картирование проводилось на установке ORBIS micro-XRF в ЦКП “Структурная диагностика материалов” ФНИЦ “Кристаллография и фотоника” РАН. Анализ осуществлен на пучках диаметром 2, 1 мм или 30 мкм на воздухе и в вакууме с максимальным ускоряющим напряжением 40 кВ (рентгеновская трубка с родиевым анодом).

Красная эмаль (таблица, 1) представляет собой золистое стекло типа $\text{Na}_2\text{O}(\text{K}_2\text{O})\text{--CaO--PbO--SiO}_2$, сформировавшегося за счет технологических добавок, введенных для получения красного глухого стекла.

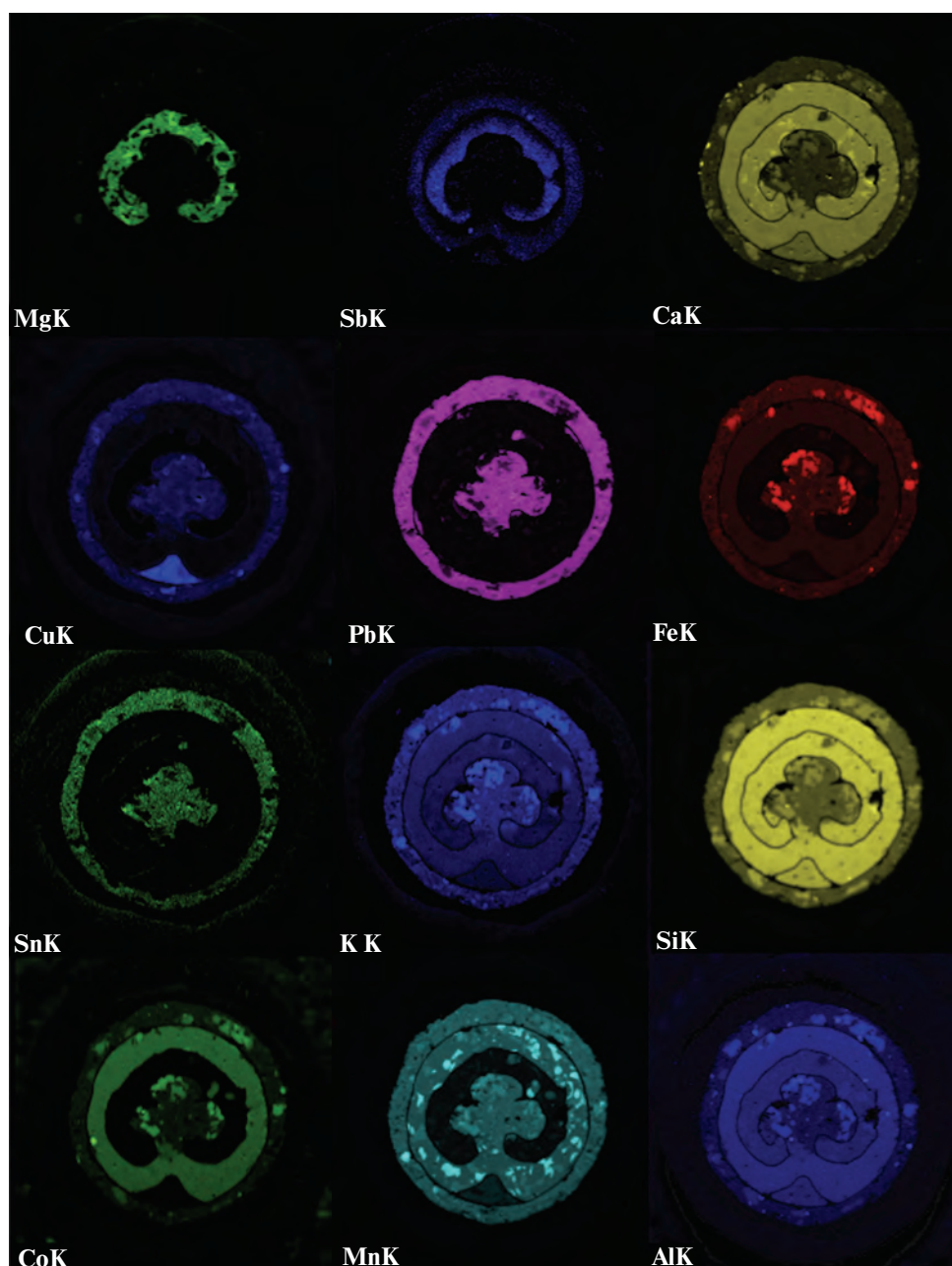

Рис. 4. Карты распределения элементов, полученные РФЛА-картированием 30-микронным пучком по поверхности эмалевого медальона.

Fig. 4. Maps of element distributions obtained by XRF mapping with a 30-micron beam over the surface of the enameled medalion

Глухое стекло насыщенного красного цвета окрашено купритом — соединением одновалентной меди (Cu_2O , в среднем 2.09%), характерная дендритная кристаллизация расплава зафиксирована на РЭМ-изображениях (рис. 5). “Сильно восстановительная” атмосфера способствует образованию элементарных кристаллов меди (Freestone, 1987). Куприт, сообщающий стеклу красный цвет и непрозрачность, формируется в вос-

становительной атмосфере (Gedzevičiūtė et al., 2009. Р. 22).

Нужная для формирования кристаллов куприта атмосфера обеспечивалась добавкой свинца, древесного угля/зола и оксида железа (Freestone, 1987. Р. 183; Freestone et al., 2003). Работа с таким стеклом при доступе кислорода с сохранением заданных качеств являлась сложной операцией из-за тенденции куприта к окислению и раство-

Состав цветных эмалей по данным АЭС-ИСП-ЛА (средние значения в мас. % оксидов).
Composition of coloured enamels according to AES-ICP-LA data (average values in wt % of oxides)

№ п/п	1	2	3	4	5
Цвет эмали	Красная	Белая/красная	Белая	Синяя	Бирюзовая
Количество измерений	7	1	3	3	2
SiO ₂	51.4	67.3	68.3	69.2	69.3
Al ₂ O ₃	1.79	1.81	1.97	2.39	2.38
B ₂ O ₃	0.02	0.069	0.07	0.06	0.077
BaO	0.02	0.015	0.02	0.02	0.02
CaO	5.35	6.15	6.23	6.41	5.48
CoO	<0.01	0.002	<0.01	0.13	<0.01
Cr ₂ O ₃	0.001	0.002	0.002	0.001	0.003
Cu ₂ O	2.09	0.050	—	—	—
CuO	2.33	0.055	0.04	0.30	3.15
Fe ₂ O ₃	2.52	0.45	0.41	1.03	0.62
K ₂ O	1.95	0.65	0.65	0.67	0.62
MgO	1.61	2.83	2.21	0.58	0.64
MnO	0.81	0.030	0.05	0.37	0.14
Na ₂ O	6.44	17.4	16.1	16.7	16.0
NiO	0.006	0.004	0.002	0.005	0.002
PbO	25.4	0.25	0.45	0.15	0.14
Sb ₂ O ₃	0.03	2.82	3.30	1.74	1.25
SnO	0.22	<0.01	0.01	0.03	0.06
SrO	0.03	0.053	0.05	0.05	0.05
TiO ₂	0.12	0.065	0.06	0.10	0.10
V ₂ O ₅	0.004	<0.01	0.001	0.003	0.003
ZnO	0.10	0.009	0.01	0.01	0.07

рению в матрице стекла (Brill, Stapleton, 2012. P. 457). Высокое содержание железа — в среднем 2.52% (таблица, 1) — играет роль восстановителя меди. Рост кристаллов куприта также зависит от температурной обработки (Henderson, 1985. P. 281). Красные непрозрачные стекла часто содержат значительное количество свинца, который тоже влияет на глубину и насыщенность цвета (Wedepohl, 2003; Gedzevičiūtė et al., 2009. P. 25; Brill, Stapleton, 2012. P. 413). В красной эмали оксид свинца составляет в среднем 25.40% (таблица, 1). Свинец в такой концентрации, будучи сильным флюсом, понижал температуру плавления кремнезема; медь в составе эмали не только обеспечивала цвет, но также понижала температуру плавления: она могла быть на 100–150 °C ниже темпе-

ратуры плавления (Hill, 2004) белой, синей и бирюзовой эмалей (см. ниже).

Очевидно, в качестве естественной примеси к свинцу в состав эмали вошло олово SnO₂ (0.22%). Оно могло также попасть в стекло с источником красителя — меди, если в качестве него использовался лом изделий из медных сплавов (Shibille et al., 2012). Оксид олова в данном случае не выполнял функцию глушителя, эту задачу решал куприт. Сурьма в красном стекле присутствует лишь как микропримесь (0.03%). Неоднократно отмечено, что контроль степени окисления меди в стеклах с высоким содержанием свинца необходимо оценивать как значительное достижение древних мастеров (Freestone, 1987. P. 182).

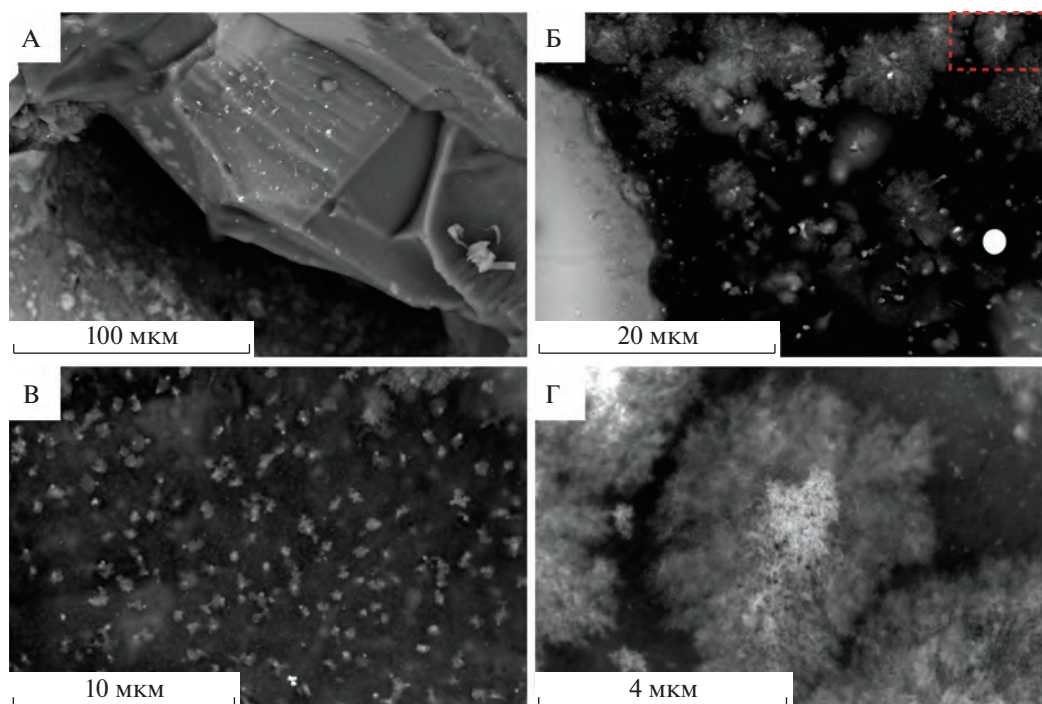

Рис. 5. Дендритные кристаллы куприта в непрозрачной красной эмали. РЭМ изображения в обратно-рассеянных электронах в разных масштабах (А–Г).

Fig. 5. Dendritic cuprite crystals in opaque red enamel. SEM images in back-scattered electrons at different scales (A–Г)

Я. Фристоун обосновал возможность получения красного непрозрачного стекла за счет использования побочных продуктов металлургии — введением в шихту или расплав металлургического шлака. Такое сырье имело множество преимуществ, так как приобретало сбалансированный и прошедший первичный обжиг материал, выполнявший функции флюса, восстановителя и корректора цвета. В конечном счете такой подход должен был снизить стоимость стекла и эмали (Freestone et al., 2003. P. 152; Mecking, 2012; Marii, 2013. P. 16).

Высокая концентрация свинца при низкой концентрации алюминия, магния и калия, находя аналогии с составом византийских браслетов (Bugoi et al., 2013. P. 2886, 2887, tab. 3), характеризуют византийское стекло типа Na_2O (K_2O)— CaO — PbO — SiO_2 . Состав близок базовому красному натриево-свинцовому стеклу (Mecking, 2012. P. 651).

Красное непрозрачное стекло известно с древности, широкое распространение оно получило в римском ремесле (Henderson, 1985. P. 281; Freestone, 1987). Позже традиция римского стеклоделия просуществовала до конца византийской эпохи. Такой состав имеют сосуды и украшения из мастерской XIV в. в Коринфе (Brill, Stapleton, 2012. P. 455, 457). В Болгаре на раскопах в районе центрального рынка обнаружены стеклянные перстни подобного состава, атрибутированные

как византийская продукция XIV в. (Валиулина, 2022. С. 129).

Помимо красного стекла, проанализирована локальная белесая часть левого лепестка красного крина (рис. 1; таблица, 2). Результат отражает смешанный состав стекла в этой области. Вероятно, белая эмаль на этом участке перекрыла золотую перегородку и попала на красное стекло, в процессе расплава произошла диффузия. Это может быть связано с особенностью сурьмы, содержащейся в белой эмали. После воздействия высоких температур, при застывании она расширяется, и расплав с ее участием несколько увеличивается в объеме.

Косвенную информацию о возможности такой накладки поверх золотой перегородки можно найти в тексте Теофила. Подробно описывая процесс создания перегородчатой эмали — финифти (Теофил, 2008. Глава LIII. О финифти), автор посвящает отдельную главу полировке финифти (Теофил, 2008. Глава LIV), где, в частности, пишет: “Тщательно натирай финифть на ровном камне песчанике с водой, пока повсюду равномерно не обнаружится золото” (Теофил, 2008. С. 300).

В отличие от красной, эмали белого, синего и бирюзового цветов (таблица, 3–5) имеют состав, не характерный для стекла XIII в. — как на уровне

основных стеклообразующих компонентов, так и технологических добавок.

Все они относятся к типу $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ и содержат оксид калия в низкой концентрации, типичной для стекла, изготовленного на основе природной соды. Синюю и бирюзовую эмаль отличает и низкое содержание оксида магния, также характерное для содового стекла (0.58 и 0.64%); в белой содержание MgO выше — в среднем 2.21% (таблица, 3; об этом см. ниже). Однако к XIII в., когда была изготовлена подвеска, природная сода не используется в стеклоделательном производстве уже более трех веков. В VIII–IX вв. постепенно переходят на зольное стекло мастерские Сиро-палестинского региона, ранее работавшие на природной соде (Phelps et al., 2016; 2017); в Египте этот переход происходит, вероятно, в период между 868 и 968–969 гг. (Whitehouse, 2002). Других центров, варивших стекло на основе природной соды, к этому времени не существовало.

Стекло белого, синего и бирюзового цветов близко содовому римскому времени и по содержанию прочих компонентов, характеризующих основной состав — прежде всего, по геохимическим характеристикам песка. Состав белой непрозрачной эмали отличает низкое содержание кальция, алюминия, железа и титана, характерное для стекла конца I–III — первой половины IV в., которое обесцвечивалось сурьмой (группа 4 по Foy et al., 2004) и которое считается египетским (Barfod et al., 2020, там же ссылки на литературу). От стекла группы 4 исследуемую эмаль отличает лишь более низкое содержание натрия. Синее стекло ближе всего по составу “римскому” левантийского производства (см., например, Foster, Jackson, 2009), хотя точно сопоставить его с неокрашенным довольно сложно из-за присутствия элементов, попавших в стекло с кобальтовым сырьем. Бирюзовая эмаль сочетает признаки стекла двух упомянутых выше групп, при этом присутствие марганца и сурьмы одновременно также очень характерно для бирюзового стекла римского времени: в качестве основы для его окрашивания римские мастера смешивали, как правило, вторично используемое стекло, обесцвеченное марганцем и сурьмой (Paynter et al., 2015).

Эмали всех трех цветов — белая, синяя и бирюзовая — заглушены соединениями сурьмы (в среднем 3.30, 1.74 и 1.25%; таблица, 3–5). Использование в стеклоделательном производстве сурьмы прекращается не позднее начала V в. (Cholakova, Rehren, 2018. P. 65); на протяжении IV в. ее постепенно заменяют олово (в качестве глушителя) и марганец (в качестве обесцвечивателя).

Процесс получения кристаллов антимоната в древних и средневековых стеклах в настоящее

время активно изучается не только аналитически, но и экспериментально (Lahlil et al., 2008; Drünert et al., 2018). В результате установлено, что глушение стекла сурьмой достигалось двумя способами: ее введением в прозрачное базовое стекло типа $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ с последующей кристаллизацией расплава за счет формирования антимоната кальция $\text{Ca}_2\text{Sb}_3\text{O}_6$ или $\text{Ca}_2\text{Sb}_3\text{O}_7$. По второму варианту, также подтвержденному экспериментально, глухое стекло эмали получали добавкой в прозрачное стекло основного состава уже предварительно подготовленного антимоната. В нашем изделии по первому рецепту прямой кристаллизацией антимонатом кальция в процессе плавления достигнута непрозрачность синей и бирюзовой эмалей. Исследование непрозрачных стеклянных мозаик из Древней Мессены I – IV вв., содержащих антимонаты кальция, позволило сделать вывод, что прямая кристаллизация наиболее точно воспроизводит ранние стеклянные изделия (Drünert et al., 2018. P. 4799).

Второй вариант демонстрирует белая эмаль, ее состав включает относительно высокий процент оксида магния — более 2.20% (таблица, 3), в отличие от синей и бирюзовой эмалей, где его доля всего 0.57 и 0.61%, при близких значениях оксида кальция во всех трех эмалях (таблица, 4, 5). Картирование химических элементов по результатам анализа белой эмали показало высокую положительную корреляцию магния, сурьмы и кальция (рис. 4), эти особенности можно объяснить добавкой в исходную матрицу содово-кальциевого стекла готового антимонида магния — Mg_2Sb_3 . Хронологическим пределом такой технологии использования сурьмы считается IV в. н.э., когда глушитель антимонат был заменен оксидами олова как в западном, так и в восточном Средиземноморье (Tite et al., 2008).

Магний мог попадать в стекло и со стибином, происходящим из богатой магнием породы. Стибин, как и антимонид магния, мог являться источником глушителя (сурьмы) в белом стекле (Nenna, Gratuze, 2009. P. 201). Примеры заглушенного сурьмой белого стекла с повышенным содержанием магния встречены среди римских эмалей, сосудов римского времени, изготовленных в технике миллефиори, и украшений раннего железного века (Henderson, 1991. P. 288; Nenna, Gratuze, 2009). Таким образом, что и высокое содержание магния в белом стекле, заглушенном сурьмой — признак, наиболее типичный для римского времени.

Наконец, типичен для римской традиции производства и окрашивания стекла состав синей эмали и, прежде всего, характер кобальтового красителя. Синяя эмалевая окружность центрального крина окрашена 0.13% (рис. 2; таблица, 4) оксида кобальта, это достаточно большая кон-

центрация, учитывая высокую активность кобальта-красителя, в стекле и глазури — его действие дает сильный голубой эффект уже при 0.01% (Callmer, Henderson, 1991; Галибин, 2001. С. 37). Кобальт, благодаря характерным сопутствующим элементам, указывает на географию рудных источников содержащих его минералов. В настоящее время существует значительное число публикаций, посвященных минеральной природе кобальта, взаимосвязи между его сырьем и обработкой, международной торговле этим востребованным пигментом (библиографию см.: Colomban et al., 2021). Изменения химического состава кобальтового красителя, прежде всего соотношения кобальта с цинком и никелем, позволили установить этапы в его ремесленном использовании в позднем античном времени и в раннем Средневековье (Gratuze et al., 2018). Римские стекла характеризует соотношение $\text{CoO}/\text{NiO} > 24$. Затем, с IV в. до VII в. происходит значительное снижение этого значения. В VIII в. в Восточном Средиземноморье преобладает новый тип кобальтового сырья иной природы: одна из характерных черт исламского содового стекла — выраженная положительная корреляция кобальта с цинком (Gratuze et al., 2018. Р. 122). При этом, несмотря на меняющийся во времени состав одного из самых популярных красителей Средневековья и, возможно, открытие новых месторождений кобальтового красителя, содержащих никель, непрерывная рециркуляция древнего стекла привела, вероятно, к сохранению более ранних типов кобальта в стеклоделии в течение первого тысячелетия н.э. В синей эмали подвески-реликвария соотношение $\text{CoO}/\text{NiO} = 24.38$, т.е. характерное для римского стекла. Причем кобальтовый краситель в эмали подвески содержит также железо (1.03%), марганец (0.37%) и медь (0.30%) (Colomban et al., 2021); в римском стекле кобальт сопровождает эта же свита элементов.

Бирюзовая глухая эмаль заполняет уголок под красным трилистником-крином в центре композиции (рис. 1). Красителем выступает медь (окислительная атмосфера образует оксид двухвалентной меди (в среднем 3.15%), который сообщает стеклу бирюзовый цвет, глушителем является антимонат кальция, стекло содержит высокий процент сурьмы — 1.25% (таблица, 5). Микропримесь цинка (0.10%) сопутствует меди. Состав бирюзовой эмали также очень близок стеклу римского времени, в частности он встречается среди мозаик (см., например, Paynter et al., 2015).

И в синем кобальтовом стекле (Sb_2O_3 1.73%), и в бирюзовом присутствие значительной концентрации сурьмы, сообщая непрозрачность, не влияет на чистоту и яркость цвета эмали (Gedzevičiūtė et al., 2009. Р. 28). То есть состав белой, синей и бирюзовой эмалей по комплексу признаков типичен для стекла римского времени.

В более поздний период подобное стекло встречается существенно реже. В частности, сурьма, как показывают материалы европейских памятников, sporadически встречается наряду с оловом и в средневековых стеклах, например, в византийском (Gedzevičiūtė et al., 2009). Практически полную аналогию состава белой эмали квадрифолия показывает Чезаро Фиори в стекле мозаичной плитки из базилики Сан Северо в Равенне (Fiori, 2013. Р. 37, table 2a). В качестве красителя и глушителя она использована в импортных стеклянных изделиях Старой Ладогы, Киева, Новогрудка (Галибин, 2001. Табл. 20, № 1346, 1919, 2292). При этом В.А. Галибин обращал внимание на то, что в стеклоделии Древней Руси X—XIII вв. сурьма не употреблялась. Специально сурьма использовалась только в центрах стеклоделия, работавших на природной соде (Галибин, 2001. С. 42). Кроме того, ранние типы кобальтового сырья фиксируются в стекле в течение всего первого тысячелетия н.э. и позже (см. ниже).

Вероятно, не во всех случаях данные особенности более позднего, по сравнению с римским, стекла могут объясняться континуитетом римской и византийской технологии стеклоделия.

Известно, что до конца XII в. римское цветное стекло широко использовалось в средневековом стеклоделии как источник красителя. Сводка данных по этой теме опубликована Я. Фристоуном (Freestone, 2015), ниже мы приводим данные из его работы.

В XII в. витражное стекло окрашивалось в синий цвет при помощи римской мозаичной смальты, так как в это время европейские источники кобальта еще не разрабатывались (Freestone, 2015. Р. 36, 37, там же см. ссылки на литературу). Это заключение обосновано как данными аналитического изучения витражей из Йорк-Минстера и Сен-Дени (Freestone, 2015, см. ссылки на литературу), так и находит подтверждение в письменных источниках. В трактате “О различных искусствах” практику применения мозаик и осколков цветных сосудов для окрашивания стекла, в частности витражей, упоминает Теофил: “В старинных домах язычников имеются мозаики из различных видов стекла, а именно: белое, черное, зеленое, шафрановое, сапфировое, красное, пурпурное, и стекло это непрозрачное, но плотное, как мрамор, имеет оно подобие квадратных камней из коих, изготавливают финифти на золоте, серебре и меди ... там также имеются сосуды тех же цветов, их собирают франки, опытейшие в таком деле люди, сапфировое стекло они выплавляют в своих печах и добавляют немного светлого и белого стекла и изготавливают ценнейшие плитки сапфирового стекла, весьма употребительные для окон. Подобным же образом

они также варят пурпурное и зеленое стекло» (Теофил, 2008. Кн. 2, Гл. XII).

Наиболее широкое применение римская смальта нашла именно в эмальерном производстве эпохи Средневековья. Целый ряд исследований показал, что средневековые эмали синего, зеленого, желтого и белого цветов идентичны по составу римскому непрозрачному стеклу. Они изготовлены из стекла на основе природной соды и содержат глушители на основе сурьмы (Freestone, 2015. Р. 37, 38). В это же время в Северо-Западной Европе известна красная эмаль, окрашенная медью, полученная из современного стекла. Это позволяет связывать использование римских мозаик с отсутствием в арсенале эмальеров подходящих красителей некоторых цветов (Freestone, 2015).

Сама традиция использования смальты в эмальерном производстве, очевидно, берет начало в римское время. Считается, что склад мозаичных тессер II в. н.э., обнаруженный в Уэст Клектоне (Британия), принадлежал эмальеру — на это указывает цветовая гамма находок, типичная для романо-британских эмалей (Paynter et al., 2015; Bayley, 2015. Р. 186).

Изучение лиможских эмалей XII–XIII вв. позволило установить время, когда в Западной Европе прекращается практика использования римских мозаик для нужд эмальерного производства. Примерно до 1190 г. все проанализированные эмали имеют состав, типичный для римского стекла; с 1190 до 1230 г. используется смесь средневекового и римского стекла; с 1230 г. все проанализированное стекло — современное эмалевым изделиям, вероятно, импортное средиземноморское. Замена римской смальты на современное стекло в Лиможе примерно совпадает по времени с финалом практики окрашивания витражей римскими тессерами. Одной из возможных причин этому видится растущий в Европе спрос как на витражи, так и на сырье для эмальерного производства, связанный с его активным развитием (Freestone, 2015. Р. 37, 38).

Таким образом, есть все основания полагать, что белая, синяя и бирюзовая эмали, использованные при производстве найденного в Новгороде квадрифолия, были получены из мозаичной смальты римского времени. Такая практика была, очевидно, широко распространена в рассматриваемый период в Западной Европе. Учитывая эти данные, производство эмали можно увязать с территорией Римской империи и зонами ее влияния, где могли сохраниться римские мозаики, использованные как сырье для производства эмали. Возможно, ее изготовили византийские мастера. Однако, учитывая тот факт, что эмали в рассматриваемый период могли импортироваться на

Русь¹, полученные данные не дают информации о месте производства самой подвески.

Дата подвески, выпавшей в культурный слой в начале XIII в., хорошо согласуется с данными об использовании римской смальты для получения эмалей до конца XII — начала XIII в.; очевидно, ее производство приходится на самый финал периода применения данной практики. При этом, однако, нельзя исключить, что там, где она была изготовлена, ритмы технологического развития могли отличаться от лиможских.

Красная эмаль, вероятно, синхронна времени выполнения самого украшения, что также хорошо согласуется с данными по европейским эмалям. Стоит, однако, отметить, что красное непрозрачное стекло римского времени часто имеет состав, типичный для зольного стекла (это обусловлено технологическими добавками, способствующими цветообразованию), поэтому отличить его от византийского довольно сложно. Однако следовые концентрации в стекле оксида сурьмы говорят, скорее, об использовании для красной эмали средневекового стекла. В римское время в красном стекле оксид сурьмы чаще всего присутствует в десятых долях процента.

Исходя из более низкой температуры расплава красной эмали по сравнению с содовыми — белой, бирюзовой и синей, нужно было бы предположить поэтапное заполнение золотых ячеек вставки квадрифолия, где красная эмаль должна быть последней. Этот способ сообщает Теофил (Теофил, 2008; Макарова, 1997. С. 55). Но в нашем случае мы имеем пример одновременного заполнения и расплава всех четырех эмалей. На такой порядок указывают непреднамеренное присутствие белой эмали на левом лепестке красного крина, где она приобрела более темный цвет в результате диффузии (рис. 2; таблица, 2), а также неровный, преимущественно темно-красный цвет, как следствие воздействия повышенной температуры в печи. Менее выраженное попадание красной эмали на белую можно видеть под правым лепестком крина (рис. 2).

Результаты аналитического исследования эмали представили образец высокой культуры ремесла, которая уходит корнями в римскую производственную традицию, обнаруживая удивительный континуитет в течение многих столетий от Рима до Византии.

Высокое качество четырехцветных эмалей дает исследователям основания считать их ранними в византийском искусстве (Макарова, 1975. С. 57), предполагая их византийское происхождение.

¹ Выражаем благодарность И.А. Стерлиговой (Государственный институт искусствознания, Москва) за любезную консультацию.

В литературе традиционно называются три византийских центра производства перегородчатых эмалей: Константинополь (Byzantium, 2008), Коринф (Brill, Stapleton, 2012), Салоники (Antonaras, 2013). Хотя география мастерских внутри империи должна быть значительно шире.

Еще сложнее определить центры эмальерного искусства на всем пространстве влияния византийской культуры. В этой связи особенное значение и потенциал для дальнейших исследований имеют материалы городов Древней Руси: Киева, Чернигова, Владимира, Старой Рязани, Новгорода и других. Большая определенность отличает Грузию, где отмечено значительное число изделий в технике перегородчатой эмали, среди них есть подписные датированные образцы, установлено национальное стиливое своеобразие, некоторые особенности технологии (Amiranaschwili, 1971; Райс, 2002). Сложность определения места и времени изготовления эмалей обусловлена не только устойчивостью и каноничностью технологических и стилистических традиций изготовления, но и долгой жизнью поистине драгоценных изделий. Конструкция и крепление вставок на панели и оклады икон оставляли возможность их изъятия из старой, возможно, пришедшей в негодность основы и переноса на новое изделие. Это была довольно распространенная практика (Amiranaschwili, 1971; Byzantium..., 2008; Минасян, 2014. С. 345). Эмалевую вставку на новгородском квадрифолии тоже можно было бы заподозрить во вторичном использовании, учитывая ее не совсем ровное расположение на золотой основе (рис. 1), при том, что все остальное в ее исполнении безупречно. Но миниатюрный эмалевый медальон с трилистником в центре составляет единый гармоничный ансамбль с декором золотой основы, где ведущая роль принадлежит трилистникам — кринам и производным от них пятилепестковым пальметтам (рис. 1). В заключение, отвечая на едва ли не главный вопрос о происхождении подвески с эмалевым медальоном, можно предположить три варианта ответа: первый — подвеска с эмалевой вставкой является византийским импортом; второй — вставка была выполнена в одной из столичных (?) мастерских Византии и привезена на Русь, где украсила золотой квадрифолий местной работы; третий — вставка, как и все изделие, произведена греческими мастерами в одном из русских городов. При этом неместное (вероятно, византийское) производство самой эмали сомнений не вызывает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Валиулина С.И. Стекланные перстни Болгара (по материалам СХСII—CLXXIX раскопов 2013–2017 гг.) // Российская археология. 2022. № 2. С. 120–133.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 216 с.

Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.

Кондаков Н.П. Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб.: Императорская Археологическая комиссия, 1896. 214 с.

Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975. 127 с.

Макарова Т.И. Украшения с перегородчатой эмалью // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 55–60.

Минасян М.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.

Новаковская-Бухман С.М. Клады Древней Руси в собрании Русского музея. СПб.: Palace Editions, 2015. 96 с.

Райс Д.Т. Искусство Византии. М.: Слово, 2002. 256 с.

Смирнова Г.И., Доманский Я.В. Древнее искусство. Л.: Аврора, 1974. 195 с.

Теофил. О различных искусствах // Книга тайн. Секреты мастерства. СПб.: Азбука-Классика, 2008. С. 169–374.

Amiranaschwili S. Kunstschatze Georgiens. Prague: Artia, 1971. 175 S.

Antonaras A. The Production and Uses of Glass in Byzantine Thessaloniki // New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Mosaics and Glass / Eds. Ch. Entwistle, L. James. London: The British Museum, 2013. P. 189–206.

Barford G.H., Freestone I.C., Leshner C.E., Lichtenberger A., Raja R. 'Alexandrian' glass confirmed by hafnium isotopes // Scientific Reports. 2020. 10. 11322.

Bayley J. Roman enamels and enameling // Glass of the Roman world / Eds. J. Bayley, I. Freestone, K. Jackson. Oxford; Philadelphia: Oxbow books, 2015. P. 178–189.

Brill R.H., Stapleton R.H. Chemical analyses of early Glasses. Vol. 3. The Years 2000–2011, Reports, and Essays. Corning, New York: The Corning Museum of Glass, 2012. 727 p.

Bugoi R., Poll I., Manucu-Adamesteanu Gh., Neelmaeijer C., Eder F. Investigations of Byzantine glass bracelets from Nufăru, Romania using external PIXE–PIGE methods // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40, iss. 7. P. 2881–2891.

Byzantium 330–1453 / Eds. R. Cormack, M. Vassilaki. London: Royal Academy of Arts, 2008. 494 p.

Callmer J., Henderson J. Glassworking at Åhus, S. Sweden (Eighth century AD) // Laborativ Arkeologi. 5. Stockholm: Stockholm University, Archaeological research Laboratory, 1991. P. 143–154.

- Cholakova A., Rehren T.* A Late Antique manganese-decoloured glass composition: Interpreting patterns and mechanisms of distribution // *Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE* / Ed. D. Rosenow et al. London: University College London Press, 2018. P. 46–71.
- Colomban P., Kirmizi B., Franci G.S.* Cobalt and Associated impurities in Blue (and Green) Glass, Glaze and Enamel: Relationships between Raw Materials Processing, Composition, Phases and International Trade // *Minerals*. 2021. 11. 633.
<https://doi.org/10.3390/min11060633>
- Degryse P., Shortland A.J., Dillis S., van Ham-Meert A., Leeming P.* Isotopic evidence for the use of Caucasian antimony in Late Bronze Age glass making // *Journal of Archaeological Science*. 2020. Vol. 120. 105195.
- Drünert F., Palamara E., Zacharias N., Wondraczek L., Möncke D.* Ancient Roman nano-technology: Insight into the manufacture of mosaic tesserae opacified by calcium antimonate // *Journal of the European Ceramic Society*. 2018. Vol. 38, iss. 14. P. 4799–4805.
- Fiori C.* Mosaic Tesserae from the Basilica of San Severo find Glass Production in Classe, Ravenna, Italy // *New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Mosaics and Glass* / Eds. Ch. Entwistle, L. James. London: The British Museum, 2013. P. 33–41.
- Foster H.E., Jackson C.M.* The composition of ‘naturally coloured’ late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply // *Journal of Archaeological Science*. 2009. Vol. 36, iss. 2. P. 189–204.
- Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M.* Contribution à l’étude des verres antiques décolorés à l’antimoine // *Revue d’Archéométrie*. 2004. Vol. 28. P. 169–177.
- Freestone I.C.* Composition and microstructure of early opaque red glass // *Early Vitreous Materials* / Eds. M. Bimson, I.C. Freestone. London: British Museum, 1987 (British Museum. Occasional Paper; 56). P. 173–190.
- Freestone I.C.* The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches // *Journal of Glass Studies*. 2015. Vol. 57. P. 29–40.
- Freestone I.C., Stapleton C.P., Rigby V.* The production of red glass and enamel in the Late Iron Age, Roman and Byzantine periods // *Through the glass brightly: studies in Byzantine and Medieval Art and Archaeology presented to David Buckton* / Ed. C. Entwistle. Oxford: Oxbow, 2003. P. 142–154.
- Gedzevičiūtė V., Welter N., Schüssler U., Weiss C.* Chemical composition and colouring agents of Roman mosaic and millefiori glass, studied by electron microprobe analysis and Raman microspectroscopy // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2009. 1. P. 15–29.
- Gratuze B., Pactat I., Schibille N.* Changes in the Signature of Cobalt Colorants in Late Antique and Early Islamic Glass Production // *Minerals*. 2018. 8. 225.
- Henderson J.* The raw materials of early glass production // *Oxford Journal of Archaeology*. 1985. Vol. 4, iss. 3. P. 267–291.
- Lahlil S., Biron I., Galois L., Morin G.* Rediscovering ancient glass technologies through the examination of opacifier crystals // *Applied Physics A*. 2008. 92, 1. P. 109–116.
- Marii F.* Glass Tesserae from the Petra Church // *New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Mosaics and Glass* / Eds. Ch. Entwistle, L. James. London: The British Museum, 2013. P. 11–24.
- Matin M., Pollard A.M.* From ore to pigment: A description of the minerals and an experimental study of cobalt ore processing from the Kāshān Mine, Iran // *Archaeometry*. 2017. Vol. 59, iss. 4. P. 731–746.
- Mecking O.* Medieval lead glass in Central Europe // *Archaeometry*. 2013. Vol. 55, iss. 4. P. 640–662.
- Paynter S., Kearns T., Cool H., Chenery S.* Roman coloured glass in the Western provinces: The glass cakes and tesserae from West Clacton in England // *Journal of Archaeological Science*. 2015. Vol. 62. P. 66–81.
- Phelps M.* An investigation into technological change and organisational developments in glass production between the Byzantine and Early Islamic Periods (7th–12th centuries) focussing on evidence from Israel: Thesis submitted to University College London for the degree of Doctor of Philosophy in Archaeology. London, 2017. 539 p.
- Phelps M., Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Gratuze B.* Natron glass production and supply in the late antique and early medieval Near East: The effect of the Byzantine-Islamic transition // *Journal of Archaeological Science*. 2016. Vol. 75. P. 57–71.
- Röhrs S., Meek A., Entwistle C.* A Scientific Study of Late Antique Glass Pendants in the British Museum // *New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Mosaics and Glass* / Eds. Ch. Entwistle, L. James. London: The British Museum, 2013. P. 178–188.
- Schibille N., Degryse P., Corremans M., Specht C.G.* Chemical Characterisation of Glass Mosaic Tesserae from Sixth-Century Sagalassos (South-West Turkey): Chronology and Production Techniques // *Journal of Archaeological Science*. 2012. Vol. 39, iss. 5. P. 1480–1492.
- Tite M.S., Freestone I., Mason R., Molera J., Vendrel-Saz M., Wood N.* Lead Glazes in Antiquity – methods of Production and Reasons for use // *Archaeometry*. 1998. Vol. 40, iss. 2. P. 241–260.
- Wedepohl K.H.* Glas in der Antike und im Mittelalter. Geschichte eines Werkstoffs. Stuttgart: Schweizerbart, 2003. 227 S.
- Weiß C., Schüssler U.* Kameoglasfragmente im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg und im Alard Pierson Museum Amsterdam // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. 2000. 115. S. 199–251.
- Whitehouse D.* The transition from natron to plant ash in the Levant // *Journal of Glass Studies*. 2002. Vol. 44. P. 193–196.

ENAMELED MEDALLION OF THE GOLD PENDANT FROM VELIKY NOVGOROD

Svetlana I. Valiulina^{a, #}, Olga S. Rumyantseva^{b, ##}, Ekaterina S. Vaschenkova^{c, ###}, Pavel A. Volkov^{c, ####},
Artem M. Ismagulov^{c, #####}, Anastasia N. Mandrykina^{c, #####}, Vasily M. Retivov^{c, #####},
Anton G. Kulikov^{d, #####}, Elena Yu. Tereschenko^{e, #####}, and Ekaterina B. Yatsishina^{c, #####}

^a Kazan Federal University, Kazan, Russia

^b Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^c Kurchatov Institute National Research Centre and Kurchatov Institute—IREA, Moscow, Russia

^d Shubnikov Institute of Crystallography at Federal Research Centre of Crystallography and Photonics RAS, Moscow, Russia

^e Federal Research Centre of Crystallography and Photonics RAS, Kurchatov Institute National Research Centre,
Kurchatov Institute—IREA, Moscow, Russia

[#]E-mail: svaliulina@inbox.ru

^{##}E-mail: o.roumiantseva@mail.ru

^{###}E-mail: e.katerina2708@mail.ru

^{####}E-mail: volkov.pavel.msu@yandex.ru

^{#####}E-mail: ismagulov.art@mail.ru

^{#####}E-mail: mandrykina_av@mail.ru

^{#####}E-mail: vasilii_retivov@mail.ru

^{#####}E-mail: ontonic@gmail.com

^{#####}E-mail: elenatereschenko@yandex.ru

^{#####}E-mail: yacekaterina@yandex.ru

The article analyzes an inset made in the technique of cloisonné enamel on a gold pendant of the early 13th century from Veliky Novgorod. The enamel compositions were analyzed by scanning electron microscopy with energy dispersive X-ray microanalysis and laser ablation inductively coupled plasma atomic emission spectrometry. The technology and composition of red enamel correspond to the Byzantine artisan tradition. Enamels of white, blue and turquoise colours have a composition typical of Roman soda glass and contain antimony used in glass manufacturing till the 4th century BC. This makes it possible to conclude that Roman tesserae were reused as a raw material for them — a practice attested in European enamel industry until the late 12th — early 13th century. Three options of the origin of the object can be assumed. First, the pendant with the enamel inset is a Byzantine import. Second, the enamel inset could be made in a Byzantine workshop and later brought to Russia, where it adorned a locally made gold cross. Third, the inset together with the whole object was made by Greek craftsmen in one of the Rus towns. In any case, imported (probably Byzantine) enamel was used in manufacturing the object under analysis.

Keywords: Veliky Novgorod, 13th century, cloisonné enamel, electron microscopy, X-ray fluorescence mapping, atomic emission spectroscopy, chemical composition, technology, Byzantium.

REFERENCES

- Amiranaschwili S., 1971. *Kunstschätze Georgiens*. Prague: Artia. 175 p.
- Antonaras A., 2013. The Production and Uses of Glass in Byzantine Thessaloniki. *New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Mosaics and Glass*. Ch. Entwistle, L. James, eds. London: The British Museum, pp. 189–206.
- Barfod G.H., Freestone I.C., Leshner C.E., Lichtenberger A., Raja R., 2020. ‘Alexandrian’ glass confirmed by hafnium isotopes. *Scientific Reports*, 10, 11322.
- Bayley J., 2015. Roman enamels and enameling. *Glass of the Roman world*. J. Bayley, I. Freestone, K. Jackson, eds. Oxford; Philadelphia: Oxbow books, pp. 178–189.
- Brill R.H., Stapleton R.H., 2012. Chemical analyses of early Glasses, 3. The Years 2000–2011, Reports, and Essays. Corning, New York: The Corning Museum of Glass. 727 p.
- Bugoi R., Poll I., Manucu-Adamesteanu Gh., Neelmaeijer C., Eder F., 2013. Investigations of Byzantine glass bracelets from Nufăru, Romania using external PIXE–PIGE methods. *Journal of Archaeological Science*, vol. 40, iss. 7, pp. 2881–2891.
- Byzantium 330–1453. R. Cormack, M. Vassilaki, eds. London: Royal Academy of Arts, 2008. 494 p.
- Callmer J., Henderson J., 1991. Glassworking at Åhus, S. Sweden (Eighth century AD). *Laborativ Arkeologi*, 5. Stockholm: Stockholm University, Archaeological research Laboratory, pp. 143–154.
- Cholakova A., Rehren T., 2018. A Late Antique manganese-decoloured glass composition: Interpreting patterns and mechanisms of distribution. *Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE*. D. Rosenow, ed. London: University College London Press, pp. 46–71.

- Colomban P., Kirmizi B., Franci G.S., 2021. Cobalt and Associated impurities in Blue (and Green) Glass, Glaze and Enamel: Relationships between Raw Materials Processing, Composition, Phases and International Trade. *Minerals*, 11, 633. DOI: 10.3390/min11060633
- Darkevich V.P., 1975. Svetskoe iskusstvo Vizantii. Proizvedeniya vizantiyskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoy Evrope X–XIII veka [Secular art of Byzantium. Works of Byzantine artistic crafts in Eastern Europe in the 10th–13th centuries]. Moscow: Iskusstvo. 350 p.
- Degryse P., Shortland A.J., Dillis S., van Ham-Meert A., Leeming P., 2020. Isotopic evidence for the use of Caucasian antimony in Late Bronze Age glass making. *Journal of Archaeological Science*, 120, 105195.
- Drünert F., Palamara E., Zacharias N., Wondraczek L., Möncke D., 2018. Ancient Roman nano-technology: Insight into the manufacture of mosaic tesserae opacified by calcium antimonate. *Journal of the European Ceramic Society*, vol. 38, iss. 14, pp. 4799–4805.
- Fiori C., 2013. Mosaic Tesserae from the Basilica of San Severo find Glass Production in Classe, Ravenna, Italy. *New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Mosaics and Glass*. Ch. Entwistle, L. James, eds. London: The British Museum, pp. 33–41.
- Foster H.E., Jackson C.M., 2009. The composition of ‘naturally coloured’ late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply. *Journal of Archaeological Science*, vol. 36, iss. 2, pp. 189–204.
- Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M., 2004. Contribution à l’étude des verres antiques décolorés à l’antimoine. *Revue d’Archéométrie*, 28, pp. 169–177.
- Freestone I.C., 1987. Composition and microstructure of early opaque red glass. *Early Vitreous Materials*. M. Bimson, I.C. Freestone, eds. London: British Museum, pp. 173–190. (British Museum. Occasional Paper, 56).
- Freestone I.C., 2015. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches. *Journal of Glass Studies*, 57, pp. 29–40.
- Freestone I.C., Stapleton C.P., Rigby V., 2003. The production of red glass and enamel in the Late Iron Age, Roman and Byzantine periods. *Through the glass brightly: studies in Byzantine and Medieval Art and Archaeology presented to David Buckton*. C. Entwistle, ed. Oxford: Oxbow, pp. 142–154.
- Galibin V.A., 2001. Sostav stekla kak arkheologicheskii istochnik [Glass composition as an archaeological source]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 216 p.
- Gedzevičiūtė V., Welter N., Schüssler U., Weiss C., 2009. Chemical composition and colouring agents of Roman mosaic and millefiori glass, studied by electron microprobe analysis and Raman microspectroscopy. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 1, pp. 15–29.
- Gratuze B., Pactat I., Schibille N., 2018. Changes in the Signature of Cobalt Colorants in Late Antique and Early Islamic Glass Production. *Minerals*, 8, 225.
- Henderson J., 1985. The raw materials of early glass production. *Oxford Journal of Archaeology*, vol. 4, iss. 3, pp. 267–291.
- Kondakov N.P., 1896. Russkie klady: issledovanie drevnostey velikoknyazheskogo perioda [Rus hoards: A Study in the antiquities of the Grand Dukes period], 1. St. Petersburg: Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya. 214 p.
- Lahlil S., Biron I., Galois L., Morin G., 2008. Rediscovering ancient glass technologies through the examination of opacifier crystals. *Applied Physics A*, 92, 1, pp. 109–116.
- Makarova T.I., 1975. Peregorodchatye emali Drevney Rusi [Cloisonné enamels of Rus]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Makarova T.I., 1997. Jewellery with cloisonné enamel. *Drevnyaya Rus’. Byt i kul’tura [Rus. Life and culture]*. B.A. Kolchin, T.I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 55–60. (In Russ.)
- Marii F., 2013. Glass Tesserae from the Petra Church. *New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Mosaics and Glass*. Ch. Entwistle, L. James, eds. London: The British Museum, pp. 11–24.
- Matin M., Pollard A.M., 2017. From ore to pigment: A description of the minerals and an experimental study of cobalt ore processing from the Kāshān Mine, Iran. *Archaeometry*, vol. 59, iss. 4, pp. 731–746.
- Mecking O., 2013. Medieval lead glass in Central Europe. *Archaeometry*, vol. 55, iss. 4, pp. 640–662.
- Minasyan M.S., 2014. Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov’e [Metalworking in antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg: Izdatel’sтво Gosudarstvennogo Ermitazha. 472 p.
- Novakovskaya-Bukhman S.M., 2015. Klady Drevney Rusi v sobranii Russkogo muzeya [Hoards of Rus in the collection of the Russian Museum]. St. Petersburg: Palace Editions. 96 p.
- Paynter S., Kearns T., Cool H., Chenery S., 2015. Roman coloured glass in the Western provinces: The glass cakes and tesserae from West Clacton in England. *Journal of Archaeological Science*, 62, pp. 66–81.
- Phelps M., 2017. An investigation into technological change and organisational developments in glass production between the Byzantine and Early Islamic Periods (7th–12th centuries) focusing on evidence from Israel: Thesis submitted to University College London for the degree of Doctor of Philosophy in Archaeology. London. 539 p.
- Phelps M., Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Gratuze B., 2016. Natron glass production and supply in the late antique and early medieval Near East: The effect of the Byzantine-Islamic transition. *Journal of Archaeological Science*, 75, pp. 57–71.
- Rays D.T., 2002. Iskusstvo Vizantii [Art of Byzantium]. Moscow: Clovo. 256 p.
- Röhrs S., Meek A., Entwistle C., 2013. A Scientific Study of Late Antique Glass Pendants in the British Museum. *New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Mosaics and Glass*. Ch. Entwistle, L. James, eds. London: The British Museum, pp. 178–188.

- Schibille N., Degryse P., Corremans M., Specht C.G., 2012. Chemical Characterisation of Glass Mosaic Tesserae from Sixth-Century Sagalassos (South-West Turkey): Chronology and Production Techniques. *Journal of Archaeological Science*, vol. 39, iss. 5, pp. 1480–1492.
- Smirnova G.I., Domanskiy Ya.V., 1974. Drevnee iskusstvo [Ancient art]. Leningrad: Avrora. 195 p.
- Teofil, 2008. De diversis artis. *Kniga tayn. Sekrety masterstva* [Book of mysteries. Tricks of the trade]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, pp. 169–374. (In Russ.)
- Tite M.S., Freestone I., Mason R., Molera J., Vendrel-Saz M., Wood N., 1998. Lead Glazes in Antiquity – methods of Production and Reasons for use. *Archaeometry*, vol. 40, iss. 2, pp. 241–260.
- Valiulina S.I., 2022. Glass finger-rings of Bolgar (based on materials from CXCI, CLXXIX excavation sites of 2013–2017). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 120–133. (In Russ.)
- Wedepohl K.H., 2003. Glas in der Antike und im Mittelalter. Geschichte eines Werkstoffs. Stuttgart: Schweizerbart. 227 p.
- Weiß C., Schüssler U., 2000. Kameoglasfragmente im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg und im Allard Pierson Museum Amsterdam. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 115, pp. 199–251.
- Whitehouse D., 2002. The transition from natron to plant ash in the Levant. *Journal of Glass Studies*, 44, pp. 193–196.

ЦЕРКОВЬ НИКИТЫ МУЧЕНИКА НА ШВИВОЙ ГОРКЕ: ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСТАВРАЦИИ 1950-Х ГОДОВ

© 2022 г. А. Л. Баталов*

Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

**E-mail: batal-bei@yandex.ru*

Поступила в редакцию 12.11.2021 г.

После доработки 12.11.2021 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

Статья посвящена строительной истории московской церкви Никиты Мученика в Заяузье. Анализируются материалы реставрационных исследований 1952–1959 гг. На их основе делаются выводы, что основной объем храма, включающий белокаменный подклет и стены из маломерного кирпича, относится к постройке второй половины XVI столетия. По неизвестным нам причинам храм был перестроен выше уровня порталов около 1595 г. с применением необычного для того времени кирпича, подобного по размерам ложка и постели “классическому” грозненскому маломеру, но большей толщины.

Ключевые слова: маломерный кирпич, бесстолпные церкви, крещатый свод, белый камень, Дмитрий Иванович Годунов, Москва.

DOI: 10.31857/S0869606322030023

Сложившиеся представления о развитии древнерусского зодчества во многом зависят от хронологии строительства. Она привычно воспринимается как достоверная, но многие даты сооружений не проверяли много десятилетий. За это время изменились представления о достоверности письменных источников, развитии архитектурных форм, истории строительных материалов. Уже ясно, что малофундированная хронология во многом искажает саму историю архитектурных форм. При подготовке новой “Истории русского искусства” стала очевидна необходимость ее последовательного пересмотра, в том числе и для XVI столетия. Постепенно проверка охватывает один памятник за другим (см.: Баталов, 2019; 2020; 2021; Беляев, Елкина, 2015. С. 416–449; Яганов 2003; 2008 и др.). Публикуемая работа – один из шагов на этом пути.

Храм Великомученика Никиты в Заяузье обойден вниманием исследователей в силу его сложной строительной истории. Первые представления о его постройке основаны на дате вклада князя Ивана Воротынского, вышитой хоругви 7150 г. (1642 г.) (Историческое известие, 1796. С. 126; Путеводитель по Москве, 1824. С. 157). Позже московские путеводители датировали храм концом XVI в. (Струков, 1850. С. 109) или просто XVI в. (Кондратьев, 1893. С. 499) – вероятно, на основании известия летописи о попадании мол-

нии в 1533 г. в стену храма. Священник церкви П.А. Беляев, отвечая на вопросы Метрики в 1887 г., писал: “Когда церковь построена неизвестно, но что она существовала в начале XVI в., это можно видеть из описания события, которое было в 1534 г. и которое записано в Никоновской летописи. Если бы церковь была деревянная, то от удара молнии она сгорела бы” (Метрика, 1887. Л. 219). Еще один источник о постройке церкви появился благодаря открытию в 1900 г. храмовой белокаменной доски, содержащей указание на сооружение храма в 1595 г. (Залесский, 1916. Л. 7). После публикации М.И. Александровского (1915. С. 8. № 34) эта дата стала самой распространенной.

Первое натурное исследование храма (С.Б. Залесский, 1916 г.) позволило по размерам кирпича выделить более древнюю часть: апсиду, четверик и столбы галереи. Залесский отнес их к 1595 г. По его мнению, до строительства придела святой Ольги стояла и северная галерея – она показана на планах подклета и наоса 1871 г. Такая же галерея до сооружения храма Благовещения стояла и с юга (Залесский, 1916. Л. 32, 33). Автор полагал, что церковь, описанная в летописи под 1533 г., была деревянной, так как каменные храмы вне Кремля возводили еще крайне редко, и событие, несомненно, отразили бы в летописании (Залесский, 1916. Л. 5).

Рис. 1. А — Церковь Никиты Мученика. Подклет. Восточная часть северной стены. Фото А.И. Петухова, 1957. Б — Выстилка из маломерного кирпича в основании южного портала церкви Никиты Мученика. Фото А. Петухова, 1957. Нег. ЦНРПМ 2598р.

Fig. 1. А — Church of St. Nicetas the Martyr. Basement. Eastern part of the northern wall. Photo by A.I. Petukhov, 1957. Б — Undersize brick pavement at the base of the southern portal in the Church of St. Nicetas the Martyr. Photo by A. Petukhov, 1957. Neg. 2598r kept in Central Research Restoration and Design Workshop

К натурному изучению храма вернулись в 1947 г. археологи. М.И. Рабинович провел раскопки на прилегающей территории и у самой церкви, полагая, что храм, в который попала молния в 1533 г.,

был уже каменным (Рабинович, 1949. С. 6). Он обратил внимание на белокаменный подклет и на то, что в забутовке белокаменной кладки и в кладке сводов подклета и апсиды (до уровня под-

Рис. 2. А — Южный портал после раскрытия. Фото А.И. Петухова, 1957. Нег. ЦНРПМ № 2602. Б — Западный откос южного оконного проема после удаления штукатурки и частичного удаления перекладок. На фото видны система перевязки белокаменной и кирпичной кладок внешней и внутренней поверхности стены на уровне пяты крещатого свода. Фото А.И. Петухова, 1957. Нег. ЦНРПМ № 17472. В — Церковь Никиты Мученика. Южный портал после реставрации. Фото автора, 2021. Г — Внутренняя амбразура северного портала. Фото А.И. Петухова, 1957 г. Нег. ЦНРПМ № 17479.

Fig. 2. А — South portal after opening. Photo by A.I. Petukhov, 1957. Neg. 2602. Б — Western reveal of the southern window opening after removal of the plaster and partial removal of the crossbars. The photo shows the system of bonding the white stone and brickwork of the outer and inner surfaces of the wall at the level of the groin vault springer. Photo by A.I. Petukhov, 1957. Neg. No. 17472 kept in Central Research Restoration Workshop. В — Church of St. Nicetas the Martyr. South portal after restoration. Photo by the author, 2021. Г — Internal embrasure of the northern portal. Photo by A.I. Petukhova, 1957 Neg. No. 17479

оконника) использован маломерный кирпич, и из него же сложен крещатый свод храма. На фасаде подклета апсиды были раскрыты фрагментарно разобранные белокаменные лопатки. Все это привело к выводу, что храмозданная доска 1595 г. сообщает о перестройке, а сама церковь возведена в начале XVI в., как и другие подобные сооружения (Рабинович, 1949. С. 21).

В начале 1950-х годов начались реставрационные исследования (завершены к 1960 г.). Работами руководил Л.А. Давид в соавторстве с С.С. Подъяпольским и Е.Н. Подъяпольской. Уточненные данные о кладке разных частей церкви

позволили изменить представление об их датах, сделав вывод: подклетная часть построена до 1533 г., а все, что выше, в 1595 г. Вероятно, на основе этих материалов реставрации (хранятся в архиве ВПНРК — ныне ЦНРПМ) написана статья, где говорится, что храм построен в 1595 г. на остатках сооружения первой половины XVI в. (Памятники архитектуры Москвы, 1989. С. 302).

Однако вопрос о дате древнейшей части храма нельзя считать полностью решенным, хотя бы из-за того, что с 1950-х годов скорректированы даты многих построек с крещатым сводом; изменились и представления о времени бытования маломерного

Рис. 2. Продолжение

Fig. 2. Continued

кирпича. Повторное натурное исследование сейчас невозможно, и материалы работ, которые с 1952 г. вели Л.А. Давид и С.С. Подъяпольский, обрели значение важнейшего источника по строительной истории церкви Никиты Мученика на Швивой горке. Перейдем к их анализу.

Прежде всего, архитекторы подтвердили наблюдения предшественников в подклете апсиды и четверика храма. Стены были выстроены из белокаменных блоков в технике полубутовой кладки (рис. 1, а). В забутовке применен маломерный кирпич ($4.5 \times 11.0 \times 22.0$ см), из него же возведен свод, а в подклете апсиды выложены перемычки окон. В подклете западного притвора отмечены кирпичные столбы галереи, сложенные из маломера, и нижние участки пилонов северной галереи (Пояснительная записка к проектному заданию, 1953. Л. 7).

При исследовании объема храма выяснилось, что маломер толщиной 4.5 см использован не только в подклете. При поисках в 1957 г. следов западного портала реставраторы открыли фрагмент выстилки пола из маломерного кирпича, близкого по размерам использованному в кладке свода подклета (рис. 1, б). Поздний проем был прорублен в кладке из маломерного кирпича $4-4.5 \times 10.5-11 \times 21$ см (зондажи № 60–69). На западной стене открыт фрагмент цоколя храма, а также цоколь лопатки и фрагмент ее фуста, тоже

сложенные из маломерного кирпича (зондаж № 70). Лопатки оказалась с плечиками, а основанием цоколя служил белокаменный плинт (зондаж № 73). Другие зондажи подтвердили, что западная стена состоит из первоначальной кладки толщиной 1.35 см и поздней прикладки из большемерного кирпича. На внутренней поверхности стены были выявлены первоначальные ниши на высоте 1 м от пола (зондажи № 74, 75), прорубленные при устройстве поздних проемов. Кладка стесанных при этом лопаток храма сохранилась над сводом притвора середины XVIII в., где реставраторы увидели фрагменты обеих пилястр с плечиками. Следы западного портала не были обнаружены, но на высоту 2.3 м сохранилась первоначальная кладка из маломера $4-4.5 \times 10.5 \times 21$ см. Выше этой отметки стена сложена из кирпича большей толщины, но с совпадающими параметрами ложка и постели — $6 \times 10.5-11 \times 21-22$ см (зондаж № 89–94).

Поиски южного портала предприняли зимой 1952 г. (зондаж № 31), а в январе–феврале 1957 г. начали разбирать поздние закладки. С внутренней стороны стены сохранился откос амбразуры проема из маломера $4.5 \times 10.5 \times 21$ см, первоначальный порожек и гнездо от засова 14×13 см (зондаж № 81). Верхняя часть откоса была сложена из белокаменных блоков (высота 20–22, ширина до 50 см), а арочная перемычка и тимпан —

Рис. 2. Окончание
Fig. 2. End

из кирпича ($6 \times 10 \times 21$ см). Выше перемычки шла кладка из белого камня. Раствор, на котором вели кладку кирпича толщиной 6 см и белого камня, иной, чем в кладке из тонкого маломера. При закладке зондажа № 83 был обнаружен частично сохранившийся южный портал из кирпича $4.5 \times 10.5 \times 21$ см. Открылась угловая пилястра с узкой филенкой на лицевой поверхности, откос с широкой двойной филенкой и белокаменные угловые части цоколя (рис. 2, а). При этом верхняя полочка карниза была переложена из кирпича $5.5(6) \times 10.5 \times 21$ см. Открывшийся архивольт был выполнен из маломера толщиной 4.5 см. Здесь также обнаружилась выстилка первоначального пола из маломерного кирпича.

Исследования откосов позднего окна на южной стене показали особенности технологии строительства выше уровня сохранившейся кладки из маломера толщиной 4–4.5 см. Выяснилось, что стены над амбразурой портала и пятовые части крещатого свода облицованы белокаменны-

ми постелистыми блоками (высота ряда 20–22, ширина блока от 30 до 50–55 см) (рис. 2, б). Вся наружная толща стены выполнена из кирпича 6×10.5 – 11×21 – 21.5 см. Кирпичная кладка перевязана с белокаменной. Раствор кирпичной и белокаменной кладки однороден (описание зондажа № 103).

Исследования на северной стене храма также выявили кладку из маломерного кирпича $4.5 \times 10.5 \times 21$. В 1952 г. зондаж на восточном откосе внутренней амбразуры портала показал, что ее откос на высоту 2.25 м сложен из маломерного кирпича $4.5 \times 11 \times 22$ см, а выше идет кладка из белого камня (зондаж № 32). Позже выяснилось, что перемычка светового проема, нижняя часть его откосов и плечики сложены из кирпича 4.5 – 10.5×21 см. Перемычка внутренней амбразуры, тимпан и верхняя часть откосов сложены из кирпича 5.5 – $6 \times 11 \times 22$ см (зондаж № 88) (рис. 2, г). Над полом храма положено два ряда белокаменных блоков, подобные использованным в подклете. Над ними шла кладка из маломерного кирпича 4 – 4.5×10 – 10.5×21 – 22 см. Изучение стены рядом с северо-западным углом четверика выявило остатки первоначальной ниши (зондажи № 95–97).

Исследование восточной стены четверика в 1952 г. установило, что стена на высоту 2.4 м сложена из маломера $4.5 \times 11 \times 22$ см. Изучение (1957 г.) существовавшего северного проема показало, что его откосы протесаны в кладке из кирпича $4.5 \times 11 \times 22$ см, а его верхняя часть — в кладке из постелистых блоков белого камня (зондаж № 105). Южный откос проема растесан заподлицо с четвертью древнего проема, обращенной внутрь апсиды. Внизу сохранился небольшой фрагмент выступающего плечика, и лицевая поверхность кладки четверти (зондаж № 106). В мае 1959 г. на поверхности восточной стены со стороны алтаря была исследована ниша, кладка которой (кирпич $4.5 \times 11 \times 22$ см) была перевязана со стеной (зондаж № 107). Выяснилось, что позднейший проем прорублен в кладке из кирпича $4.5 \times 10.5 \times 22$ см. Соответственно, первоначально южного проема не существовало, а на поверхности стены со стороны алтаря на месте позднего проема была арочная ниша (зондаж № 119–121) (рис. 3, а).

Раскрытия 1952 и 1959 г. на внутренней поверхности алтарной апсиды показали, что кладка из маломера $4.5 \times 11 \times 22$ см сохранилась на высоте от 1.1–1.2 м до 1.5 м (зондаж № 44, 45, 110, 111). Поздняя кладка над ней осуществлялась из большемерного кирпича $7 \times 11 \times 27$ см, который использовался при перестройке храма в середине XVIII в. Была изучена внешняя поверхность стены апсиды изнутри помещения ризницы, образовавшегося после пристройки Благовещенского придела. Кладка из маломера $4.5 \times 10 \times 22$ см на

этом участке сохранилась на высоту 3 м (зондажи № 112, 113). Выше этой отметки с внутренней стороны сохранился участок кладки из кирпича $6 \times 10.5-21.5$ см, над которым идут три ряда белокаменных постелистых блоков. С внешней стороны южной стены апсиды были обнаружены фрагменты оконного проема с обрамлением “рамочного типа”, сложенного из кирпича $6 \times 10.5 \times 21.5$ см. Летом 1959 г. были раскрыты фрагменты трехчастного карниза апсиды, выложенные из кирпича толщиной 6 см (зондажи № 122–124).

В 1958 г. реставраторы начали разборку позднейшей кладки из кирпича $6.5-7 \times 11 \times 27$ см в завершении четверика. Были обнаружены значительные фрагменты первоначальных кокошников и части архивольтов, позволяющие полностью восстановить завершение храма (зондажи № 128–137) (рис. 4, а). После разборки надкладок были обследованы внешняя поверхность крещатого свода и восьмигранный барабан середины XVIII в. Произведенные в 1958, 1959 г. зондажи привели к заключению, что никаких остатков первоначального барабана не сохранилось. После удаления подлицовки из кирпича середины XVIII столетия ($6.5-7 \times 11 \times 27$ см) открылась кладка крещатого свода из кирпича $5.5-6 \times 10.5 \times 21.5$ см.

Описание зондажей 1952, 1957–1959 гг. показывает, что реставрация полностью основывалась на результатах натурных исследований. Только постамент барабана, декорированный кокошниками, и сам барабан, восстановили по аналогам конца XVI в. (надвратная церковь Происхождения честных древ святого Креста Господня Симона монастыря, собор Донского монастыря, церкви в селах Спас-Михнево и Хорошево).

В итоге было показано, что не только подклет, но и значительные части стен храма принадлежат одному этапу, когда использовали блоки белого камня, по пропорциям близкие квадрату, и маломерный кирпич $4-4.5 \times 10-10.5 \times 21-22$ см. Над подклетом стены четверика из этого маломера сохранились в целом на высоту до 2.5 м, а стена апсиды до отметки 1.5–3 м (в южной части – до 3 м). Для другого этапа формирования объема характерны постелистый белый камень и кирпич $5.5 (6) \times 10.5 \times 21$ см.

Итак, мы знаем, что первая каменная церковь была изначально бесстолпной, на подклете и с одной вытянутой на восток апсидой. Снаружи поверхность подклета апсиды была расчленена лопатками. Вероятно, переход от белокаменной кладки подклета к кирпичным стенам храма маркируют два ряда блоков белого камня (по крайней мере, на северной стене). Поверхности стен кирпичного четверика были разделены лопатками с плечиками. Порталы, судя по раскрытиям на южной стене, имели итальянизированный характер и состояли из откосов с угловой пилястрой, по-

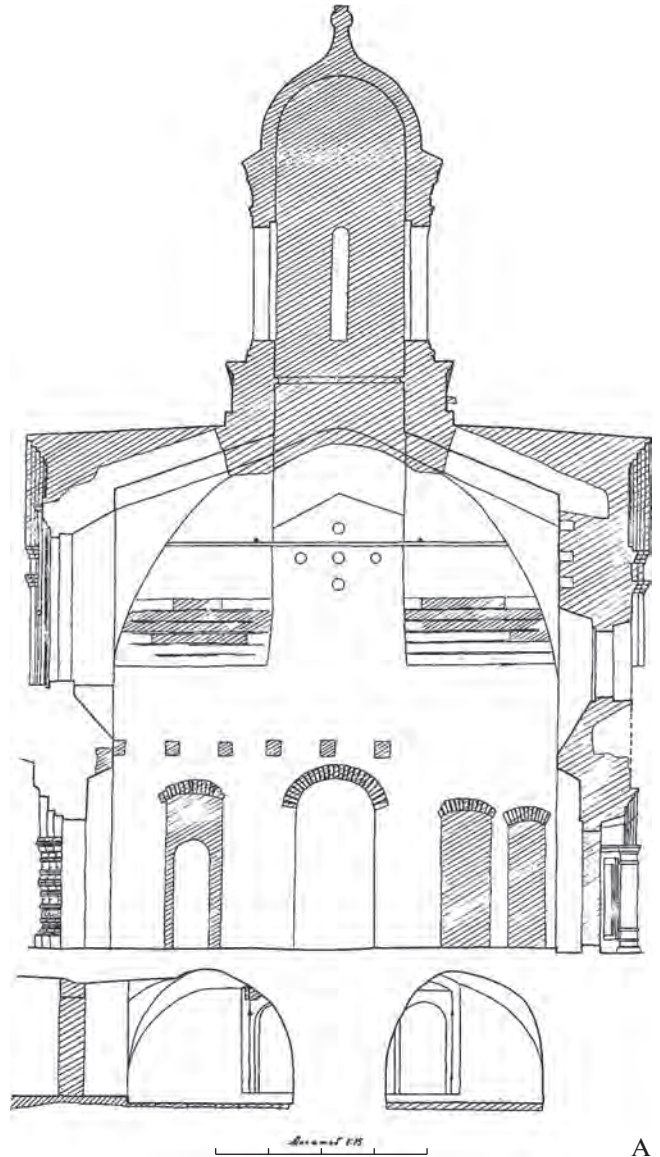

Рис. 3. А – Церковь Никиты Мученика. Поперечный разрез. Вид на восток. Чертеж Л.А. Давида и С.С. Подъяпольского. **Б** – Церковь Никиты Мученика. План. Чертеж Л.А. Давида и С.С. Подъяпольского.

Fig. 3. А – Church of St. Nicetas the Martyr. Cross section. East view. Drawing by L.A. David and S.S. Podyapolsky. **Б** – Church of St. Nicetas the Martyr. Plan. Drawing by L.A. David and S.S. Podyapolsky

верхности которых были украшены филенками, и полукруглого архивольта без килевидного подвышения (рис. 2, в). Пол церкви первоначально вымостили маломерным кирпичом. В интерьере на западной стене были выложены две большие арочные ниши, идентичные им по размерам имелись на южной и северной стене. В восточной стене изначально существовало два проема – центральный (для Царских врат) и северный. Лопаток на поверхности надподклетной части апси-

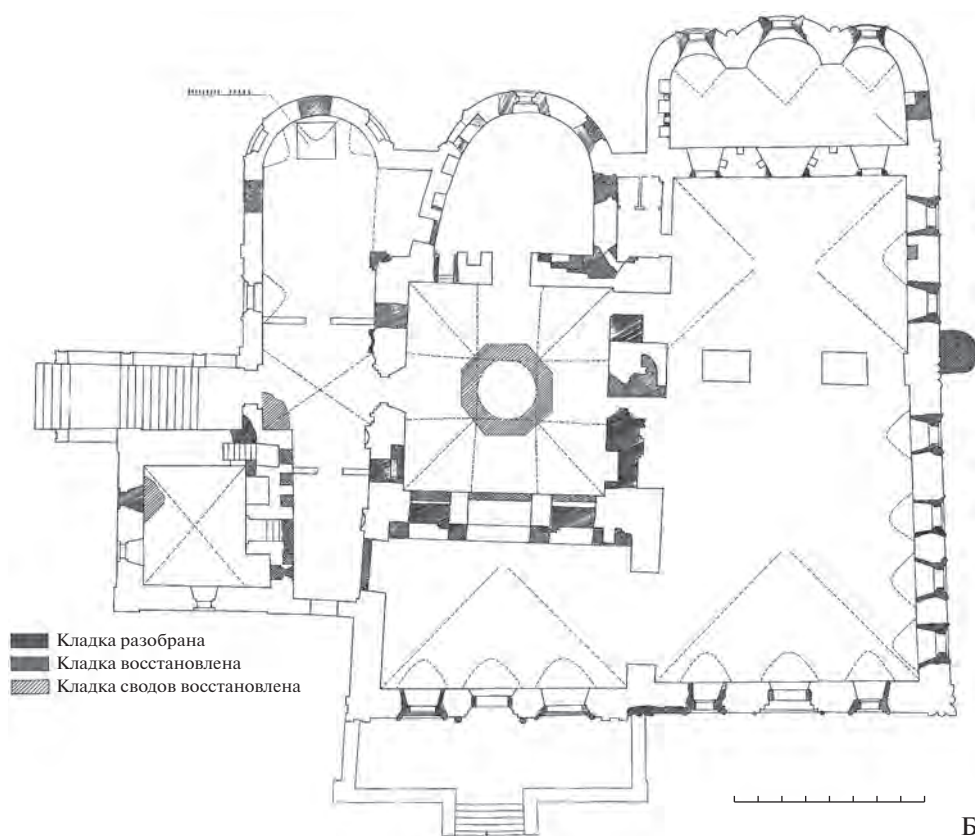

Рис. 3. Окончание

Fig. 3.End

ды, видимо, не существовало. Четверик был, вероятно, перекрыт крещатым сводом, но особенности его конструкции неизвестны.

Действительно ли эта церковь относится к периоду “до 1533 года”? Обратимся к тексту известия о грозе в Заяузье. Он сообщает, что в 7041 году, 23 июня (1533) “возшла туча велика, страшна, с востока зимнаго, молния велиа безпрестани сияа, и гром и вихор..., и за Яузою у церкви святого мученика Никиты прошибе стену, и у Деисуса попали злато, а образов не вредило, и у икон киоты разщепля” (Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 1859. С. 283). Очевидно, что летописец описывает чудо, при котором молния на иконостасе опалила золочение и разбила деревянные киоты, но самих икон не тронула. О пожаре не сказано, видимо, его не было, но о материале постройки это не свидетельствует. Если бы речь шла о *сооружении* церкви, отсутствие сведений о материале указывало бы на деревянную постройку. Однако в аналогичных описаниях летописец иногда сообщает о ее материале, а иногда умалчивает. Так, церковь Бориса и Глеба на Арбате построена каменной в 1527 г., но в описании попадания в нее молнии (24 мая 1533 г.) летописец

не упоминает об этом (Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 1859. С. 272). Нет сведений о материале храма и в статье Новгородского хронографа о попадании молнии в 1641 г. в каменную церковь Успения Богородицы на Козьей бородке (на Торгу) (Тихомиров, 1979. С. 281). В то же время известие 1476 г. о разрушениях в соборе Симонова монастыря сопровождается указанием на материал (Типографская летопись, 1921. С. 195). Сообщение о церкви Никиты Мученика отличается тем, что молния пробила стену, тогда как в других случаях она попадает в главу, пробивает свод барабана или поражает сам барабан. В то же время подробное описание попадания (шаровой?) молнии внутрь собора Симонова монастыря через разрушенный ею барабан сообщает о прободении стены (учитывая время строительства храма — белокаменной): “... и по церкви ходя, много мосту рвало, и стену у предних дверей проразило насквозе ...” (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 1901. С. 168, 169). Видимо, сообщение летописи о попадании молнии в церковь Никиты Мученика не дает ни прямых, ни косвенных указаний на материал постройки.

Рис. 4. А — Остатки отбutoчных рядов архивольтов кокошников на южном фасаде четверика древнего храма. Фото С.С. Подъяпольского, 1958 г. Нег. ЦНРПМ № 11775р. Б — Церковь Никиты Мученика. Западный фасад. Лопатки с плечиками. Кладка около 1595 г. Фото С.С. Подъяпольского.

Fig. 4. А — Remains of the stone rows in rings of corbel arch in the southern facade of the ancient church quadrangle. Photo by S.S. Podyapolsky, 1958. Neg. No. 11775r kept in Central Research Restoration Workshop. Б — Church of St. Nicetas the Martyr. Western facade. Pilaster strips with shoulders. Masonry of around 1595. Photo by S.S. Podyapolsky

На дату строительства храма могут указать скорее материалы сохранившейся до уровня 2.5 м кладки надподклетной части, причем не столько размеры блоков белого камня, сколько маломерный кирпич $4\text{--}4.5 \times 10\text{--}10.5 \times 21\text{--}22$ см. Время использования кирпича такого размера к настоящему времени рисуется все яснее. В историко-архитектурной литературе его ошибочно называли “алевизовским”, и сам факт его применения в постройке позволял отнести ее к концу XV — первой трети XVI в. Первым на несоответствие названия и времени бытования такого кирпича обратил внимание С.С. Подъяпольский (2000). Он напомнил, что кирпич зданий, связанных с деятельностью итальянских мастеров, в том числе и двух Алевизов — Алоизио да Карезано и Алоизио да Мантеньяна (?), был большемерным (Подъяпольский, 2000. С. 58), а все датированные при-

меры использования мелкого кирпича $4.5 \times 11.0 \times 22.4$ см относятся к 1560-м годам (приделы Благовещенского собора 1563—1566, церкви Жен Мироносиц 1565—1566 и Троицы в Полях 1565—1566 гг.). В качестве более раннего примера он привел собор Покрова на Рву, где маломер используется для выкладки мелких деталей. Ранее 1550-х годов его применение неизвестно.

Эти наблюдения можно дополнить. К группе датированных примеров использования “классического” тонкого маломерного кирпича относятся не только церкви 1563—1566 гг., но и церковь Николы Красный звон 1560/61 г. (Давид, 2001. С. 12, с. 31, прим.18). Гипотетически, на основе данных Степенной книги, можно полагать, что церковь Зачатия Анны в Углу (кирпич — $4.2 \times 11 \times 22$ см) построена после ее составления, во второй половине 1560-х годов (Баталов, 2006. С. 57—62).

К 1560-м годам, к периоду, близкому времени строительства приделов Благовещенского собора, относится церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове (Баталов, 1999), в кладке которой наравне с большемерным кирпичом используется маломерный разных вариантов толщины — $4-5 \times 11 \times 21-22$ см.

Что касается нижней границы существования такого маломера, то несколько удлиненный маломерный кирпич ($4.5 \times 11 \times 23.5$ см), встреченный наряду с другим в церкви Илии Пророка на Новгородском подворье 151–1520 г., является, видимо, результатом “случайного” варьирования размеров основного кирпича, из которого он сложен (от $4.5 \times 11 \times 23.5$ до $6.5 \times 12.5 \times 26$ см). Кладка маломерного кирпича является целостным “вкраплением в общую кладку стен” (Арутюнян, 2003. С. 471), что само требует объяснения. Кирпич церкви Священномученика Антипия, датируемый нами между концом 1540-х и концом 1550-х годов, имеет ширину и длину, идентичные с “классическим маломером”, отличаясь только толщиной (5 см). Это находит параллели с кладками в соборе Новодевичьего монастыря на участках, возведенных в конце 1540-х годов ($5.4-5.9 \times 10.7-12.6 \times 22.5-23.2$ см — обмер Ю.П. Мосунова остатков первоначальных приделов). В этом соборе, завершенном в начале 1550-х годов, встречается и более мелкий кирпич (отмечено Е.И. Рузаевой) — $4.5 \times 11.5 \times 22.2$; $4.3-4.8 \times 11.2-11.9 \times 22.2$ см. Также и ремонт после пожара 1547 г. в Большом Великокняжеском дворце происходил с применением кирпича сходной толщины, но более длинного: $4.5-5.5 \times 11.5-12.5 \times 23-24$. В соборе Покрова на Рву в 1555–1559 гг. наряду с другими размерами встречается и маломер $4.5-5 \times 11 \times 22$ см.

Итак, маломерный кирпич толщиной около 5 см начали использовать, видимо, с конца 1540-х–1550-х годов. Таким образом, по размерам кирпича подклет и нижние регистры стен церкви Никиты за Яззой вряд ли относятся к строительству первой трети XVI в., они вписываются в ряд московских построек 1560-х годов.

Не противоречит такой датировке и белокаменная кладка подклета, ее ближайший аналог — бесстолпная церковь Жен Мироносиц 1565/66 г. (Дубынин, 1960). Подклет церкви Зачатия Анны в Углу, как и сам храм до уровня пят крещатого свода, выстроен в технике полубутовой кладки. Белокаменный подклет обнаружен и при разборке церкви Николы в Мясниках (датирована М.А. Ильиным и Л.А. Давидом серединой XVI в., см.: Давид, 2001. С. 13–14), сложенный из грозненского маломера: П.Д. Барановский указывает толщину в 4 см (Протокол ЦГРМ от 15 апреля 1924 г. Л. 36 об.), а Л.А. Давид — $4.5 \times 11.0 \times 22.0$ см. (Ильин, 1955. С. 347, 348; Давид, 2001. С. 13). Но есть и отличие:

своды подклетов этих храмов также сложены из белого камня. Впрочем, у белокаменного подклета трапезной в Алексеевском Зачатьевском монастыре свод был тоже кирпичным ($4.8-5.0 \times 11.0 \times 22.5$ см), а она датируется, по данным археологии, третьей четвертью XVI в. (Беляев, Елкина, 2015. С. 430, 436–440).

Общая композиция храма первого строительного периода характерна для построек середины — второй половины столетия. Церкви Жен Мироносиц, Троицы в Полях, Зачатия Анны в Углу, Благовещения в селе Степановском имеют одну апсиду (как и недатированная церковь Николы Подкопаева, сложенная из “классического маломера”) (рис. 3, б). Необычной следует считать форму апсиды, достаточно вытянутую на восток, с лопатками на уровне подклета. При этом, насколько можно судить по сохранившейся кирпичной кладке, следов продолжения этих лопаток выше подклетной части не обнаружено.

Дополнительные возможности для датировки может дать южный портал, выстроенный из кирпича $4.5 \times 11 \times 22$ см. Это заставляет искать ему параллели среди порталов “грозненского”, а не “годуновского” времени. Тип портала с ортогонально поставленной пилястрой, объединенной с откосами не только композиционно, но и одним принципом расчленения поверхности филенками, хорошо известен по порталам центральной церкви Покрова Богородицы собора Покрова на Рву. К этому типологическому ряду принадлежат порталы собора Покрова Богородицы и церкви Успения Божией Матери в Александровой слободе, построенные в середине — второй половине XVI в.

Еще один сохранившийся структурный элемент фасада храма в Заяузье — двухступчатые лопатки. Они есть у соборов московского Рождественского, киржачского Благовещенского, Симонова монастырей, церкви Антипия у Больших конюшен и храмов из “классического” маломера — недатированной церкви Николы в Мясниках и церкви Троицы в Полях 1565/66 г., т.е. у построек конца 1540-х — середины 1560-х годов. Стоит отметить и фрагменты первоначального пола из маломерного кирпича: подобная выстилка раскрыта в церкви Зачатия Анны в Углу (Давид, 2001. С. 7).

Таким образом, по размерам кирпича, типу портала, форме лопаток на фасадах и другим особенностям церковь в Заяузье, кирпичная на белокаменном подклете, может датироваться в границах грозненского времени, условно концом 1550-х–1560-ми годами.

А вот использование кирпича $6 \times 10.5-11 \times 21-22$ см выше кладки из “классического” маломера выглядит неожиданным. Он практически полностью повторяет размеры последнего, но толщина возрастает до 6 см. При этом меняется и

раствор, и размер блоков камня, более постелистых и узких. Наконец, мастера применили в интерьере частичную облицовку кирпичных стен белым камнем.

Реставраторы связали эти изменения с перестройкой храма в 1595 г. Правда, в это время практически везде используют большемерный кирпич, размеры которого, как и белого камня, якобы утверждены указом царя Феодора Иоанновича при учреждении Приказа каменных дел. Однако никаких документов конца XVI в. об этом не сохранилось, представления о существовании указа о стандартизации материалов базируются исключительно на сочинении конца XVIII в. (Древняя Российская вивлиофика, 1791. С. 322). При этом обмеры деталей и кирпича “годуновских” построек, действительно, указывают на стандартизацию не только размеров кирпича (как правило, большемер 7–8–9 × 14–15–16 × 28.5–30–31 см) и белого камня, но и обломов, вытесанных из них.

Есть два источника, которые можно использовать для подтверждения строительства храма в конце XVI столетия. Так, Пискаревский летописец (1978. С. 200) включает его в список построек времени царствования Феодора Иоанновича: “Во дни благочестиваго и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси по челоубитью боярина Дмитрея Ивановича Годунова поставлен храм каменной на Москве за Язуою: Никита Христов Мученик”. Причина участия боярина Д.И. Годунова в строительстве храма в слободе не ясна. В списке Пискаревского летописца есть и другие связанные с ним постройки, однако текст записей указывает на принадлежность ему этих храмовых зданий и земельных владений (Пискаревский летописец, 1978. С. 200). Аналогично построены и сообщения о строительстве в вотчинах Бориса Годунова (только в одном случае, в записи о строительстве церкви Бориса и Глеба в Борисовом городке, не указана принадлежность вотчины: Пискаревский летописец, 1978. С. 200).

С летописным сообщением о ктиторстве Д.И. Годунова вступает в противоречие второй источник, та самая храмовая надпись на белокаменной доске. Ее первые известные списки находятся в рукописях С.Б. Залесского 1916 г. и М.И. Александровского; на него ссылался М.Г. Рабинович (1949. С. 6, прим. 15). Отличие списков только в написании фамилии ктитора. С.Б. Залесский ее списал как “Вачин”, М.И. Александровский переписал: “Вагин”. Поскольку большую известность приобрел список М.И. Александровского, опубликованный М.Г. Рабиновичем, то ктитором храма Никиты Мученика стал Савва Емельянович Вагин (Гиршберг, 1960. С. 45, № 95; Голикова, 1998. С. 218).

Благодаря содействию Ю.В. Ратомской, место хранения плиты установлено: она находится в собрании ГНИМА. При чтении текста обнаруживается, что ктитором церкви был не Вагин, а Вачин: “... СВЕ(р)ШИЛ ХРА(м) ВЕЛИКАГО Х(с)ВА М-Ч[e]Н[и]КА НИКИТУ МОСКОВСКОЙ ЖИЛЕЦ ГОСТИН-ЫЕ СОТНИ ТОРГОВОВОЙ (!) ЧЕЛОВЕКЪ САВА ОМ-Е(л)ЯНОВА С[ы]НА ВА-ТЧИН”¹. Сомневаться в подлинности плиты у нас нет оснований. Следует признать возможной модель, при которой храм перестраивал, как ктитор, московский гость, а челоубитье подавал Д.И. Годунов. Для нас наиболее важно, что и каменная храмовая летопись и известие Пискаревского летописца сообщают об одном и том же событии — о поставлении, или свершении храма великомученика Никиты. Слова “поставлен” в Пискаревском летописце и “свершил” использовались и в других храмовых летописях в связи с перестройкой или надстройкой уже существующего здания.

Таким образом, перестройка 1595 г. подтверждается, представления же о том, что в конце XVI в. использовали только большемерный кирпич, нужно корректировать.

На возможность этой перестройки указывают и некоторые особенности завершения четверика. С подобным однорядным завершением храм Никиты Мученика вписывается в ряд построек с крещатым сводом, сооруженным в селах Ивана Васильевича и Ивана Ивановича Годуновых (Спас Михнево, Троице-Лобаново и Никитское). Такое покрытие сочеталось с перекрытием крещатым сводом с наклонными сводиками распалубки. В Москве конца XVI в. подобных сооружений с крещатым сводом нет — кроме церкви Никиты Мученика. В городе доминировал другой тип композиции завершения и крещатого свода. На смену трифолию пришли многорядные кокошники, а в распалубках крещатого свода появились ступенчатые сводики, числом от двух до трех (придел Василия Блаженного собора Покрова на Рву, собор Донского монастыря, надвратная церковь Симонова монастыря, церковь Троицы в селе Хорошово и, вероятно, Николы Явленного на Арбате). Поэтому завершение храма и конструкция крещатого свода выглядят архаичными для архитектуры Москвы конца XVI в. Что касается облицовки белым камнем участков кирпичных стен в интерьере, то аналоги им в этот период найти можно. Например, кокошники собора Владычного монастыря облицованы белым камнем. В церкви Рождества в Беседах тимпаны кокошников четверика и больших кокошников восьмерика облицованы белым камнем, архивольты же выполнены из кирпича.

¹ Сердечно благодарю А.А. Турилова за помощь в прочтении надписи.

Можно полагать, что первоначально храм с трех сторон окружала кирпичная галерея, вероятно, двухъярусная. Мы не смогли найти в описаниях зондажей размеры кирпича, из которого сложены западные столбы первого яруса галереи. На опубликованных чертежах они отнесены к тому же периоду, что и подклет самой церкви (Памятники архитектуры, 1989. С. 302, 303). На чертеже 1871 г. северного фасада храма показана сохранившаяся тогда стена северной галереи с широким пилоном на втором ярусе, поверхность которого, как и парапета в арочном пролете, украшена профилированными филёнками (ГНИМА. Р.І 2739/3. Оpubл.: Баталов, 1996. Ил. 24). Можно только догадываться, к какому периоду истории храма принадлежит показанный здесь второй ярус галереи. Нельзя исключить, что эта достаточно насыщенная декорация относится ко времени перестройки храма в конце XVI в., так как вполне соответствует декорации подобных галерей этого времени (церковь Святой Троицы в Вяземах, церковь Бориса и Глеба в Борисовом городке).

Мы не можем точно реконструировать строительную историю храма и выяснить, произошло ли обрушение его сводов и главы, или по каким-то причинам его не достроили в грозненский период. Очень интересен в этом отношении южный портал церкви. Полочка карниза пилястры южного портала была переложена кирпичом конца XVI в., архиволы же портала сохранились от первого периода строительства. Верхняя часть внутренней амбразуры этого портала, как мы видели, подверглась переделкам из кирпича и белого камня, относимых к концу XVI в. Все это говорит не о достройке портала, а о его ремонте. Как правило, порталы возводили в подготовленном проеме, перекрытом аркой (или просто между кладками стен с оставленными штрабами) на последнем этапе строительства, после того, как весь объем был возведен. Также и полы выкладывали на последнем этапе строительства. Ясно, что храм из маломерного кирпича 4—4,5 × 10,5—11 × 21 см был полностью выстроен до своего частичного разрушения и перестройки около 1595 г.

История строительства и перестройки церкви Никиты Мученика на Швивой горке представляет уникальный пример сочетания в одной постройке маломерного кирпича двух типов и двух периодов. Для первого периода строительства его использование закономерно, что подтверждается многочисленными примерами употребления кирпича такого размера в постройках середины — второй половины XVI в. Характерно и сочетание кирпичного четверика самого храма и белокаменного подклета. Это позволяет отказаться от датировки “древнего ядра” церкви временем до 1533 г. и отнести строительство первой каменной церкви к середине — второй половине XVI в. Второй же строительный период, перестройка храма

в первой половине 1590-х годов, дает первый известный нам пример использования утолщенного маломера, еще раз напоминая о том, что сам по себе размер кирпича, без всестороннего анализа иных источников и архитектурных форм, не может определять даты даже московских построек, в размерах кирпича в Москве существует множество девиаций. Сложившийся в конце XVI в. облик храма во многом сохранил композиционные особенности фасадов (рис. 4, б) и некоторые элементы интерьера церкви второй половины столетия, что отводит ему особое место в архитектуре Москвы конца XVI столетия, для которой характерна общность композиционных приемов и профилировки декоративных деталей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский М.И.* Указатель московских церквей. М.: Русская печатня, 1915. 75 с.
- Арутюнян Л.Б.* Исследования храма 1519—1520 гг.: церковь Пророка Илии на Новгородском подворье в Москве // Древнерусское искусство. Русское искусство Позднего Средневековья. XVI век / Отв. ред. А.Л. Баталов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 469—493.
- Баталов А.Л.* Московское каменное зодчество конца XVI в.: Проблемы художественного мышления эпохи. М.: Мейкер, 1996. 433 с.
- Баталов А.Л.* К вопросу о датировке церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в с. Дьяково // Русская художественная культура XV—XVI вв. М.: Гос. ист.-культ. музей-заповедник “Московской Кремль”, 1999 (Материалы и исследования; вып. 11). С. 220—239.
- Баталов А.Л.* К вопросу о происхождении крещатого свода в русской архитектуре XVI века // ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча / Ред. А.Л. Баталов и др. М.: Северный паломник, 2006. С. 47—66.
- Баталов А.Л.* Воскресенский собор Горицкого монастыря — проблемы датировки и интерпретации архитектурных форм // Вестник сектора древнерусского искусства. 2019. № 1. С. 120—132.
- Баталов А.Л.* Храм святителя Николая в селе Черленково в истории храмоостроительства в Волоцком уезде XVI в.: верификация версий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 170—179.
- Баталов А.Л.* Церковь священномученика Антипы Пергамского и ее место в периодизации строительства храмов с крещатым сводом // Вестник сектора древнерусского искусства. 2021. № 1. С. 141—163.
- Беляев Л.А., Елкина И.И.* Открытие каменной трапезной XVI века в Зачатьевском Алексеевском монастыре (Москва) // Образ христианского храма: сб. ст. по древнерус. искусству в честь юбилея А.Л. Баталова / Ред. Л.А. Беляев и др. М.: Арткитчен, 2015. С. 416—449.
- Гириберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3—77.

- Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 524 с.
- Давид Л.А. Из научного наследия Л.А. Давида // Реставрация и исследования памятников культуры. М.: Стройиздат, 2001. С. 5—33.
- Древняя российская вивлиофика. Ч. XX. М.: В тип. Компании типографич., 1791. 3, 442 с.
- Дубынин А.Ф. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г. // Краткие сообщения Института археологии. 1960. Вып. 79. С. 64—79.
- Залесский С.Б. Церковь св. великомученика Никиты, что за Яузою, в Москве. Опыт историко-архитектурной монографии. 1916 // Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 454. Оп. 4. Д. 6. 36 л.
- Ильин М.А. Зодчество первой половины XVI века // История русского искусства. Т. III / Под общ. ред. И.Э. Грабаря. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 333—371.
- Историческое известие о всех церквях столичного города Москвы... М.: Унив. тип., 1796. 2, 220 с.
- Кондратьев И.К. Седая старина Москвы: исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей: соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, общественных зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ, и проч. и проч. с подробным историческим описанием основания Москвы и очерком ее замечательных окрестностей. М.: И.А. Морозов, 1893. IV, 5, 685 с.
- Метрика церкви Св. Великомученика Никиты, что за Яузою // Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 64. Л. 219—224. 1887 г.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М.: Искусство, 1989. 351 с.
- Подъяпольский С.С. О древней церкви Сретенского монастыря в Москве // Российская археология. 2000. № 1. С. 47—62.
- Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: В тип. Э. Праца, 1859. 301, 2 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: 2-я Гос. тип., 1921. 2, IV, 271, 1 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 303, 1 с.
- Пояснительная записка к проектному заданию // Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. Архив. № 8/213. 8 л. 1953 г.
- Протокол ЦГРМ от 15 апреля 1924 года. Сообщение П.Д. Барановского о церкви Николы в Мясниках // ЦГА Москвы. ОХД после 1917 г. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 36—37.
- Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями / Пер. С.Н. Глинка. М.: В тип. Августа Семена, 1824. 2, VIII, 366, 26, 393—402 с., 8 л. ил., 3 л. табл.
- Рабинович М.Г. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1949 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 12). С. 5—43.
- Струков Д. Путеводитель к московской святыне. М.: Тип. А. Семена, 1850. 226 с.
- Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 273—323.
- Яганов А.В. К вопросу о датировке собора Благовещенского Киржачского монастыря // Древнерусское искусство. Русское искусство Позднего Средневековья. XVI век / Отв. ред. А.Л. Баталов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 130—145.
- Яганов А.В. Николо-Пешношский монастырь в XVI веке // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры: к 60-летию Л.А. Беляева / Ред. А.Л. Баталов и др. М.: ИА РАН, 2008. С. 255—270.

CHURCH OF ST. NICETAS THE MARTYR ON SHVIVAYA GORKA: THE HISTORY OF THE SITE BASED ON RESTORATION MATERIALS OF THE 1950s

Andrey L. Batalov^{a, #}

^a State Institute of Art Studies, Moscow, Russia

[#]E-mail: batal-bei@yandex.ru

The article focuses on the construction history of the Moscow Church of St. Nicetas the Martyr in the trans-Yauza area. The author analyzes materials of restoration studies of 1952—1959. On their basis, it is concluded that the nave of the church, including a white stone basement and walls made of undersize bricks, is related to the construction of the second half of the 16th century. For unknown reasons, around 1595 the temple was rebuilt above the level of the portals using uncommon for that time bricks, similar in a stretcher and bed size to the classic undersized ones from the period of Ivan IV, but thicker.

Keywords: undersize brick, pillarless churches, groin vault, white stone, Dmitry Ivanovich Godunov, Moscow.

REFERENCES

- Aleksandrovskiy M.I.*, 1915. Ukazatel' moskovskikh tserkvey [Register of Moscow churches]. Moscow: Russkaya pechatnya. 75 p.
- Arutyunyan L.B.*, 2003. Research in the 1519–1520 temple: the Church of the Prophet Elijah at the Novgorod Yard in Moscow. *Drevnerusskoe iskusstvo. Russkoe iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya. XVI vek [The art of Rus. Russian Art of the Late Middle Ages. 16th century]*. A.L. Batalov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 469–493. (In Russ.)
- Batalov A.L.*, 1996. Moskovskoe kamennoe zodchestvo kontsa XVI v.: Problemy khudozhestvennogo myshleniya epokhi [Moscow stone architecture of late 16th century: Artistic concepts of the period]. Moscow: Meyker. 433 c.
- Batalov A.L.*, 1999. To dating the Church of the Beheading of John the Baptist in the village of Dyakovo. *Russkaya khudozhestvennaya kul'tura XV–XVI vv. [Russian artistic culture of the 15th–16th centuries]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik “Moskovskoy Kreml'”, pp. 220–239. (Materialy i issledovaniya, 11). (In Russ.)
- Batalov A.L.*, 2006. On the origin of the groin vault in Russian architecture of the 16th century. *ΣΟΦΙΑ. Sbornik statey po iskusstvu Vizantii i Drevney Rusi v chest' A.I. Komecha [ΣΟΦΙΑ. Collected articles on the art of Byzantium and Rus to A.I. Komech]*. A.L. Batalov, ed. Moscow: Severnyy palomnik, pp. 47–66. (In Russ.)
- Batalov A.L.*, 2019. The Resurrection Cathedral of the Goritsy Monastery – problems of dating and interpretation of architectural forms. *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva [Bulletin of the Rus Art Department]*, 1, pp. 120–132. (In Russ.)
- Batalov A.L.*, 2020. Church of St. Nicholas in the village of Cherlenkovo in the history of temple building in Volotsk district of the 16th century: Verification of versions. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Rus. Issues of medieval studies]*, 3 (81), pp. 170–179. (In Russ.)
- Batalov A.L.*, 2021. Church of St. Hieromartyr Antipas of Pergamum and its place in the periodization of the construction of churches with a groin vault. *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva [Bulletin of the Rus Art Department]*, 1, pp. 141–163. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Elkina I.I.*, 2015. Discovery of the 16th century stone refectory in the St. Alexius Conception Convent (Moscow). *Obraz khristianskogo khrama: sbornik statey po drevnerusskomu iskusstvu v chest' yubileya A.L. Batalova [The image of a Christian church: Collected articles on Rus art to the anniversary of A.L. Batalov]*. L.A. Belyaev, ed. Moscow: Artkitchen, pp. 416–449. (In Russ.)
- David L.A.*, 2001. From the research heritage of L.A. David. *Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury [Restoration and research of cultural monuments]*. Moscow: Stroyizdat, pp. 5–33. (In Russ.)
- Drevnyaya rossiyskaya vivliofika [Library of Old Rus]*, XX. Moscow: V tipografii Kompanii tipograficheskoy, 1791. 3, 442 p.
- Dubynin A.F.*, 1960. Archaeological excavations in Zaryadye (Moscow) in 1956. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 79, pp. 64–79. (In Russ.)
- Girshberg V.B.*, 1960. Materials for the register of inscriptions on stone slabs in Moscow and Moscow region in the 14th–17th. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 3–77. (In Russ.)
- Golikova N.B.*, 1998. Privilegirovannye kupecheskie korporatsii Rossii XVI – pervoy chetverti XVIII v. [Privileged merchant corporations of Russia in the 16th – first quarter of the 18th century], 1. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 524 p.
- Il'in M.A.*, 1955. Architecture of the first half of the 16th century. *Istoriya russkogo iskusstva [History of Russian art]*, III. I.E. Grabar', ed. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 333–371. (In Russ.)
- Istoricheskoe izvestie o vseh tserkvakh stolichnogo goroda Moskvyy... [Historical review about all the churches of the capital city of Moscow...]*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1796. 2, 220 p.
- Kondrat'ev I.K.*, 1893. Sedaya starina Moskvyy: istoricheskiy obzor i polnyy ukazatel' ee dostopamyatnostey: soborov, monastyrey, tserkvey, sten, dvortsov, pamyatnikov, obshchestvennykh zdaniy, mostov, ploshchadey, ulits, slobod, urochishch, kladbishch, i proch. i proch. s podrobnym istoricheskim opisaniem osnovaniya Moskvyy i ocherkom ee zamechatel'nykh okrestnostey [The gray-haired antiquity of Moscow: a historical overview and a complete index of its sights: cathedrals, monasteries, churches, walls, palaces, monuments, public buildings, bridges, squares, streets, settlements, locations, cemeteries, and so on, with a detailed historical description of the founding of Moscow and an outline of its remarkable environs]. Moscow: I.A. Morozov. IV, 5, 685 p.
- Metrika tserkvi Sv. Velikomuchenika Nikity, chto za Yauzoyu [Metrics of the Church of St. Nicetas the Great Martyr located on the other bank of the Yauza]. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvyy [Central State Archive of the City of Moscow]*, F. 454, Op. 3, D. 64, L. 219–224. 1887.
- Pamyatniki arkhitektury Moskvyy. Zemlyanoy gorod [Architectural monuments of Moscow. Earthen works city]*. Moscow: Iskusstvo, 1989. 351 p.
- Pod'yapol'skiy S.S.*, 2000. Ancient church in Sretenye monastery in Moscow. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 47–62. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]*, 8. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Resurrection list Chronicle]. St. Petersburg: V tipografii E. Pratsa, 1859. 301, 2 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]*, 11. Letopisnyy sbornik, imenue-myy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle collection named the Patriarchal or Nikon's Chronicle]. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1897. 254 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]*, 24. Tipografskaya letopis' [Printing Chronicle]. Petrograd: 2-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1921. 2, IV, 271, 1 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]*, 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy [Postnikov, Piskarev,

- Moscow and Beltsy chroniclers]. Moscow: Nauka, 1978. 303, 1 p.
- Poyasnitel'naya zapiska k proektnomu zadaniyu [Explanatory note to the project design]. *Tsentral'nye nauchno-restavratsionnye proektnye masterskie. Arkhiv [Central Research and Restoration Design Workshops. Archive]*, № 8/213. 8 l. 1953 g.
- Protokol TsGRM ot 15 aprelya 1924 goda. Soobshchenie P.D. Baranovskogo o tserkvi Nikoly v Myasnikakh [Minutes of the Central State Restoration Workshop of April 15, 1924. Report by P.D. Baranovsky on the Church of St. Nicholas in Myasniki]. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvy. Otdel khraneniya dokumentov after 1917 goda [Central State Archive of the City of Moscow. Department of Records Issued after 1917]*, F. R-1, Op. 1, Ed. khr. 7, L. 36–37.
- Putevoditel' v Moskve, izdannyy Sergeem Glinkoyu, soobrazno frantsuzskomu podlinniku g. Lekoenta de Lavo, s nekotorymi peresochinennymi i dopolnennymi stat'yami [Guide to Moscow published by Sergei Glinka after the French original by Mr. le Cointe de Laveau, with some amended and supplemented articles]. S.N. Glinka, transl. Moscow: V tipografii Avgusta Semena, 1824. 2, VIII, 366, 26, 393–402 p., ill., tabl.
- Rabinovich M.G., 1949. 1946–1947 excavations in Moscow at the Yauza estuary. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and research on the archaeology of Moscow]*, II. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 5–43. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 12). (In Russ.)
- Strukov D., 1850. Putevoditel' k moskovskoy svyatye [Guide to the Moscow shrine]. Moscow: Tipografiya A. Semena. 226 p.
- Tikhomirov M.N., 1979. Novgorod chronograph of the 17th century. *Tikhomirov M.N. Russkoe letopisanie [Russian chronicles]*. Moscow: Nauka, pp. 273–323. (In Russ.)
- Yaganov A.V., 2003. To dating the Annunciation Cathedral of the Kirzhach Monastery. *Drevnerusskoe iskusstvo. Russkoe iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya. XVI vek [Art of Rus. Russian art of the Late Middle Ages. 16th century]*. A.L. Batalov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 130–145. (In Russ.)
- Yaganov A.V., 2008. St. Nicholas on Peshnoshka Monastery in the 16th century. *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury: k 60-letiyu L.A. Belyaeva [Moscow State. Issues of archaeology and history of architecture: to the 60th anniversary of L.A. Belyaev]*. A.L. Batalov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 255–270. (In Russ.)
- Zalesskiy S.B., 1916. Tserkov' sv. velikomuchenika Nikity, chto za Yauzoyu, v Moskve. Opyt istoriko-arkhitekturnoy monografii [Church of St. Nicetas the Great Martyr located on the other bank of the Yauza in Moscow. Experience of historical and architectural monograph]. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvy [Central State Archive of the City of Moscow]*, F. 454, Op. 4, D. 6. 36l.

СТОЯНКА ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА В г. СМОЛЕНСК

© 2022 г. И. Н. Ершов^{1, *}, А. Л. Александровский^{2, **}, Н. А. Кренке^{1, ***},
А. В. Панин^{2, ****}, С. Н. Чаукин^{1, *****}, В. А. Чаукина^{1, *****}¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия² Институт географии РАН, Москва, Россия

*E-mail: ershovin@yandex.ru

**E-mail: alexandrovskiy@mail.ru

***E-mail: nkrenke@mail.ru

****E-mail: a.v.panin@yandex.ru

*****E-mail: schaukin@mail.ru

*****E-mail: varyabaskova@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.01.2022 г.

После доработки 14.03.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

В центре Смоленска в 2020 г. при раскопках на месте строящегося здания в погребенной почве под двухметровым культурным слоем эпохи средневековья обнаружен памятник (Смоленская стоянка) эпохи финального палеолита. Площадь раскопа — 480 м². В статье анализируются коллекция кремневых орудий (60 экз.) и дебитаж, а также особенности геоморфологии и почвенного профиля. В составе орудийного комплекса — скребки, резцы и серия черешковых наконечников стрел, особенно важных для культурно-хронологической атрибуции. Горизонт с каменными орудиями находится на высоте 13.5–14 м над меженным уровнем реки и приурочен к первой террасе левого берега р. Днепр, формирование которой относится в поздневалдайской эпохе. На основании анализа комплекса орудий сделан вывод о хронологической и культурной принадлежности коллекции к финальнопалеолитическому времени (культурная общность памятников с черешковыми наконечниками стрел). Значительный разброс мнений исследователей о характеристике признаков таксонов (культуры и культурных традиций) финального палеолита в бассейне Верхнего Днепра и сопредельных территорий (Бромме-Лингби, грэнская, красносельская, верхневолжская, подольская и др.) не позволяет отождествить новую стоянку ни с одним из них. Тем не менее хронологическая позиция памятника определяется достаточно надежно периодом около 10–11.5 тыс. лет назад. Очевидна определенная близость кремневой коллекции Смоленской стоянки с комплексами находок таких памятников, как Аносово I (верховья Днепра) и Ростиславль (р. Ока) на востоке и северо-востоке, Берестеново на западе в Белоруссии.

Ключевые слова: г. Смоленск, финальный палеолит, дриас III, погребенная почва, наконечники стрел типа Аренсбург и Бромме-Лингби, каменная индустрия, естественнонаучные методы.

DOI: 10.31857/S0869606322030059

Была ли обитаема территория Смоленска в древнем каменном веке, до последнего времени оставалось неизвестным. Кости мамонта выявлены неоднократно в районе Рачевки на восточной окраине города (Лявданский, 1927. С. 256). Е.А. Шмидт осторожно предполагал, что памятники палеолита “будут найдены в южных районах” Смоленской области (Шмидт, 1976. С. 7)¹.

¹ На территории области памятники мезолита известны, но не все исследованы в достаточной мере, в основном это сборы с поверхности стоянок. Обзор состояния изученности памятников этой поры дан Е.А. Шмидтом и М.Г. Жилиным (Шмидт, 1976. С. 22–25; Александренков, Жилин, 1982. С. 207).

В 2020 г. Смоленской экспедиции ИА РАН удалось выявить и исследовать на площади 480 м² горизонт с многочисленными находками кремневых изделий финальнопалеолитического облика.

Участок, где велись спасательные раскопки, находился в самом начале Б. Краснофлотской ул. (между д. 1 и 3) в 700 м к западу от Соборной горы (рис. 1–5). В геоморфологическом отношении (рис. 3) это тыловая часть первой надпойменной террасы, протянувшейся полосой шириной 100–120 м вдоль левого берега Днепра на его широтном отрезке между двумя мостами. Поверхность террасы полого наклонена к руслу и имеет отметки 177–178 м Балтийской системы (БС) в

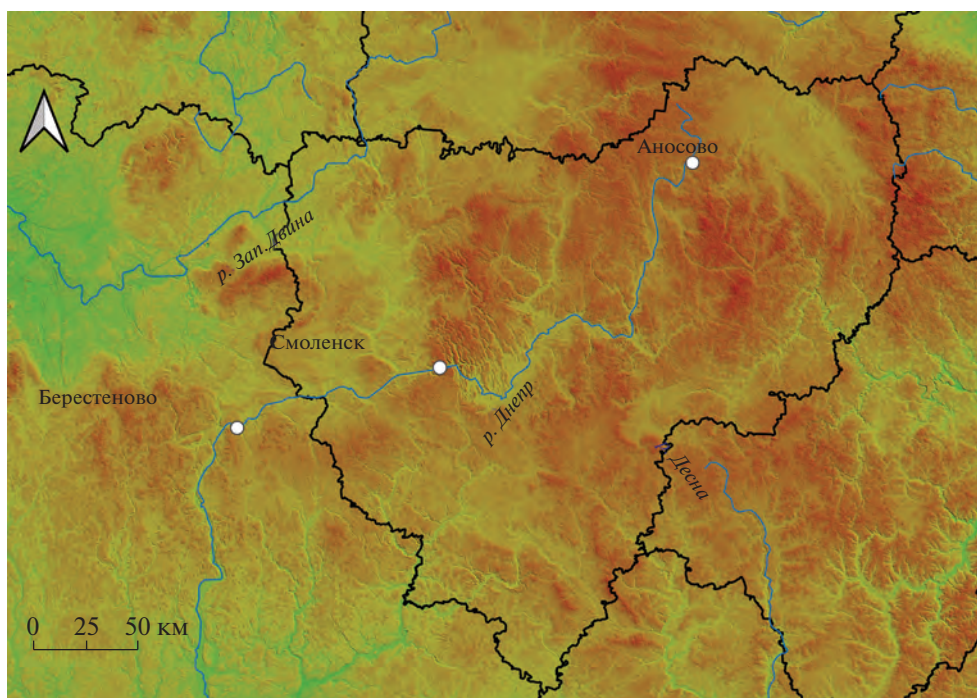

Рис. 1. Карта финальнопалеолитических памятников (Берестеново, Смоленск, Аносово) в верховьях Днепра.

Fig. 1. Map of final Paleolithic sites (Beresteno, Smolensk, Anosovo) in the Upper Dnieper region

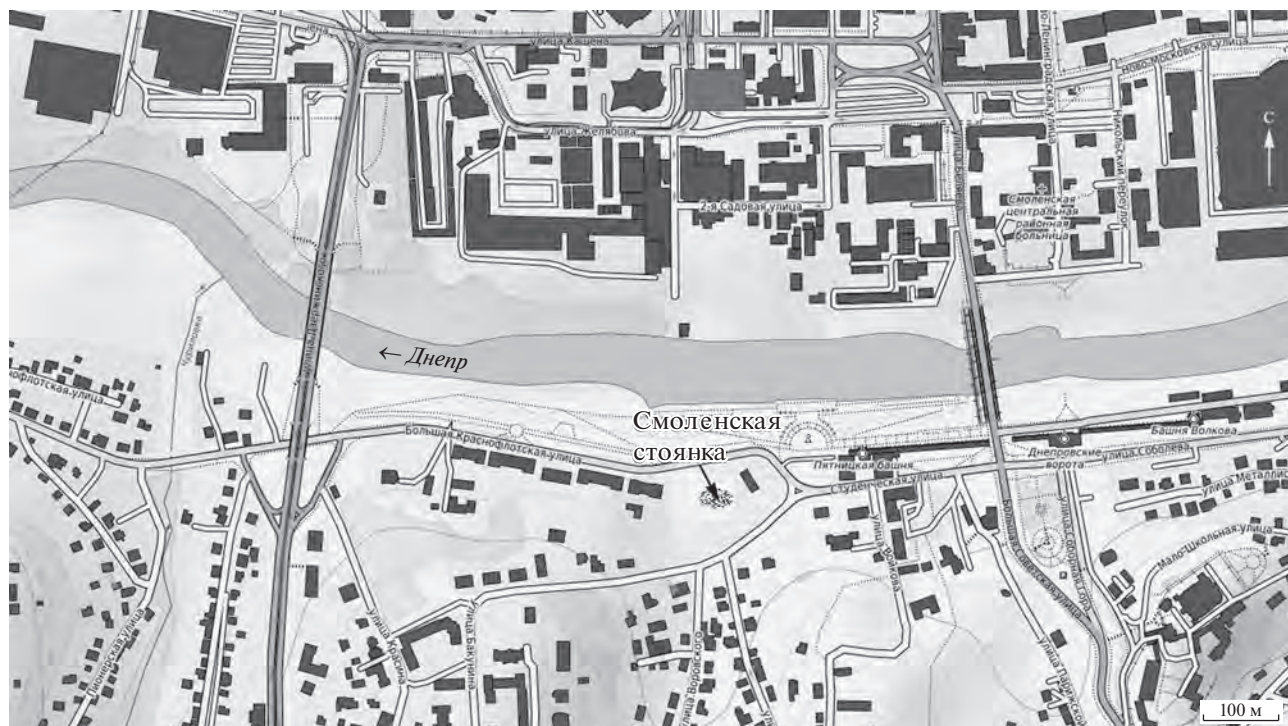

Рис. 2. Смоленская стоянка на плане центра г. Смоленск.

Fig. 2. The Smolensk site on the plan of Smolensk city centre

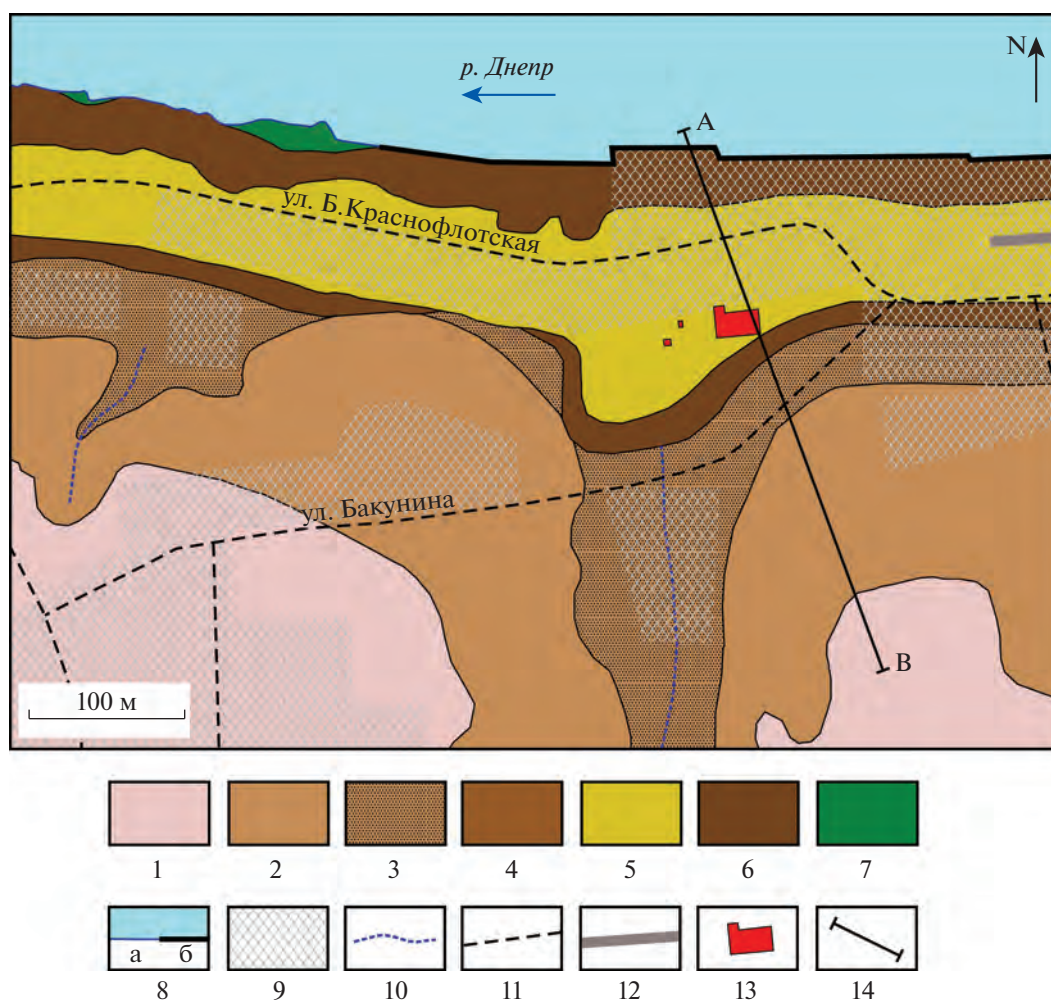

Рис. 3. Геоморфологическая карта левобережья Днепра в черте г. Смоленск в районе устья Пятницкого ручья. Условные обозначения: 1 – вторичная моренная равнина (конец Q2ms); 2 – коренной склон долины Днепра; 3 – склоновые шлейфы конца Q2ms–Q3 с привязанными к ним днищами древних оврагов и балок; 4 – молодая генерация склонов долины, связанная с образованием осташковской террасы (Q3ost); 5 – речная терраса высотой 12–14 м (Q3ost); 6 – уступ осташковской террасы (Q4); 7 – пойма высотой 4–6 м (поздний Q4); 8 – русло Днепра (а – в естественных, б – в забетонированных берегах); 9 – участки значительной антропогенной трансформации рельефа; 10 – тальвеги древних эрозионных форм; 11 – городские улицы; 12 – остатки крепостной стены 1602 г.; 13 – археологические раскопы 2020 г.; 14 – линия разреза А–В (см. рис. 4). Q2 и Q3 – средний и поздний плейстоцен; Q2ms – московская ледниковая эпоха, конец Q2; Q3ost – осташковская ледниковая эпоха, конец Q3; Q4 – голоцен.

Fig. 3. Geomorphological map (the section A–B indicated) of the Dnieper left bank within the city of Smolensk in the Pyatnitsky creek estuary

тыловой части и 174 м в прибровочной, т.е. 12–16 м над средним меженным урезом Днепра, составляющим здесь около 162 м БС. Ввиду значительной антропогенной переработки трудно установить исходную, естественную высоту террасы. С учетом вскрытой мощности культурного слоя над практически ненарушенной полноразвитой почвой (см. ниже), эта высота не превышала 14–14,5 м.

На террасу опирается крутой коренной склон долины, сложенный переслаиванием моренных горизонтов и межморенных водно-ледниковых песков и прорезанный густой сетью древних оврагов (коротких балок). У оврагов отсутствуют

конусы выноса, т.е. они образовались еще до формирования первой террасы и в дальнейшем заметной активности не проявляли. Однако по большинству оврагов до периода урбанизации стекали постоянные водотоки, ныне засыпанные или отведенные в коллекторы. На участке исследования в долину открывается Пятницкий овраг с одноименным ручьем.

Пойма в долине Днепра в центральной части города практически отсутствует, за исключением небольших сегментов шириной 20–30 м и высотой до 5–6 м над рекой. В ряде скважин и раскопов на уровне первой террасы вскрыты большие

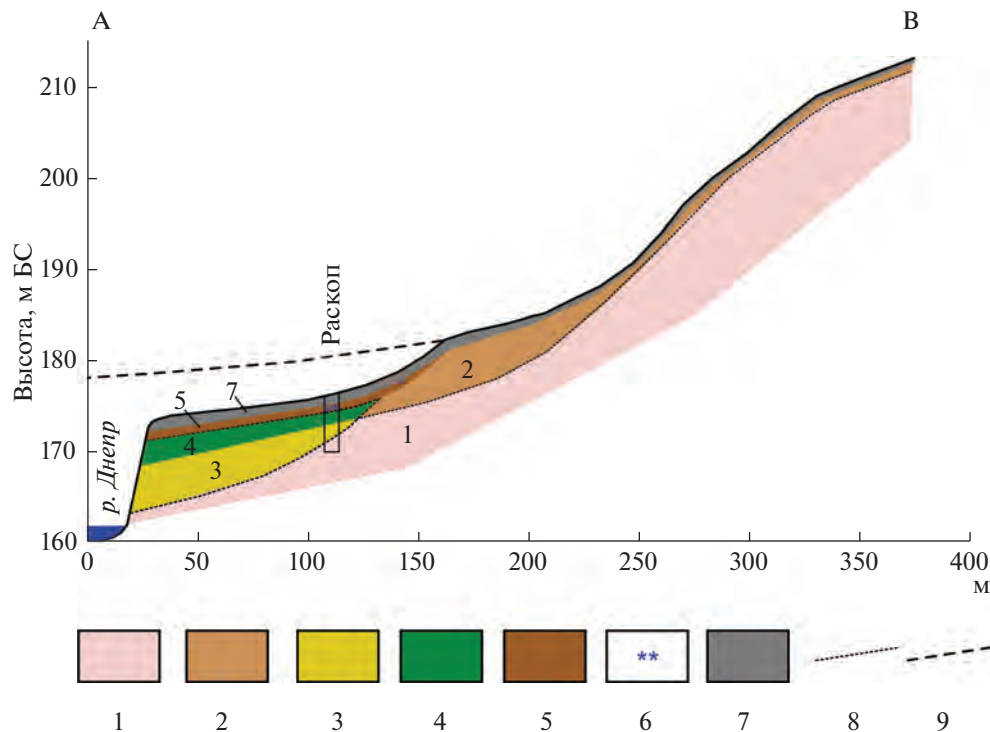

Рис. 4. Геолого-геоморфологический профиль (разрез А–В) через левый борт долины Днепра в районе Смоленской стоянки (расположение см. на рис. 1). Условные обозначения. Отложения: 1 – ледниковые и водно-ледниковые времени московского оледенения конца Q2 (валунные суглинки с линзами глин и песков); 2 – делювиально-солифлюкционные Q3 (суглинки с обломочным материалом); 3 – русловой аллювий Q2ost (валунно-галечники, пески); 4 – озерные/озерно-ледниковые Q2ost (слоистые суглинки); 5 – делювий конца Q2ost (суглинки, переработанные голоценовым почвообразованием). Прочее: 6 – артефакты Смоленской стоянки, залегающие в подзолистом горизонте голоценовой почвы, образованной на слое 5; 7 – культурный слой г. Смоленск (за пределами котлована показан условно); 8 – основные геологические границы (предположительные); 9 – предположительный профиль склона перед образованием ошашковской террасы.

Fig. 4. Geological and geomorphological profile (section A–B) across the left side of the Dnieper valley in the area of the Smolensk site (artifacts are indicated with asterisks)

мощности культурного слоя – до 8 м, не считая поздней подсыпки (Пронин, Соболев, 2020). Геоморфологические признаки существования пойменных “анклавов” внутри первой террасы отсутствуют, поэтому можно предполагать, что эти локализации соответствуют продолжениям склоновых оврагов, которые когда-то пересекали террасу и впоследствии были засыпаны под уровень террасы.

Урез максимального за период наблюдений половодья 1908 г. достигал 11.4 м над “нулем” графика водного поста г. Смоленск (Шкаликов, 2004), или абсолютной отметки около 174 м БС, т.е. первая терраса не затоплялась. Фиксировавшиеся тогда случаи затопления городской застройки могли относиться к понижениям в устьевых участках малых притоков, где вода разливалась также благодаря подпору этих притоков со стороны главной реки.

Породы, слагающие участок, были вскрыты в раскопе и позднее – в выкопанном на его месте строительном котловане (рис. 3–5). Общая высо-

та стенки котлована – 6.3 м, абсолютная отметка бровки – 176.5 м БС, дна карьера – 170.2 м БС. В основании геологического разреза залежали плотные сизовато-серые тяжелые суглинки, насыщенные дресвой и мелким щебнем, – очевидно, морена днепровской стадии московского оледенения (конец среднего плейстоцена). На уровне 0.9 м от дна карьера они сменились красновато-коричневыми горизонтально-слоистыми суглинками без обломков (озерно-ледниковые отложения того же возраста). Выше 1.6 м (171.8 м БС) с резким эрозийным контактом залегал русловой аллювий террасы – полуметровой мощности дресвяно-щебнистая смесь с песчано-гравийным заполнителем (базальный горизонт), сменившаяся вверх по разрезу горизонтально-слоистыми разнозернистыми песками с кровлей на уровне 2.8 м (173 м БС). Русловой аллювий перекрыт алевитистыми суглинками мощностью 1.6 м с тонкой горизонтальной слоистостью и черными прослоями, обогащенными гидротроилитом (в подошве и на уровне 3.15–3.25 м), –

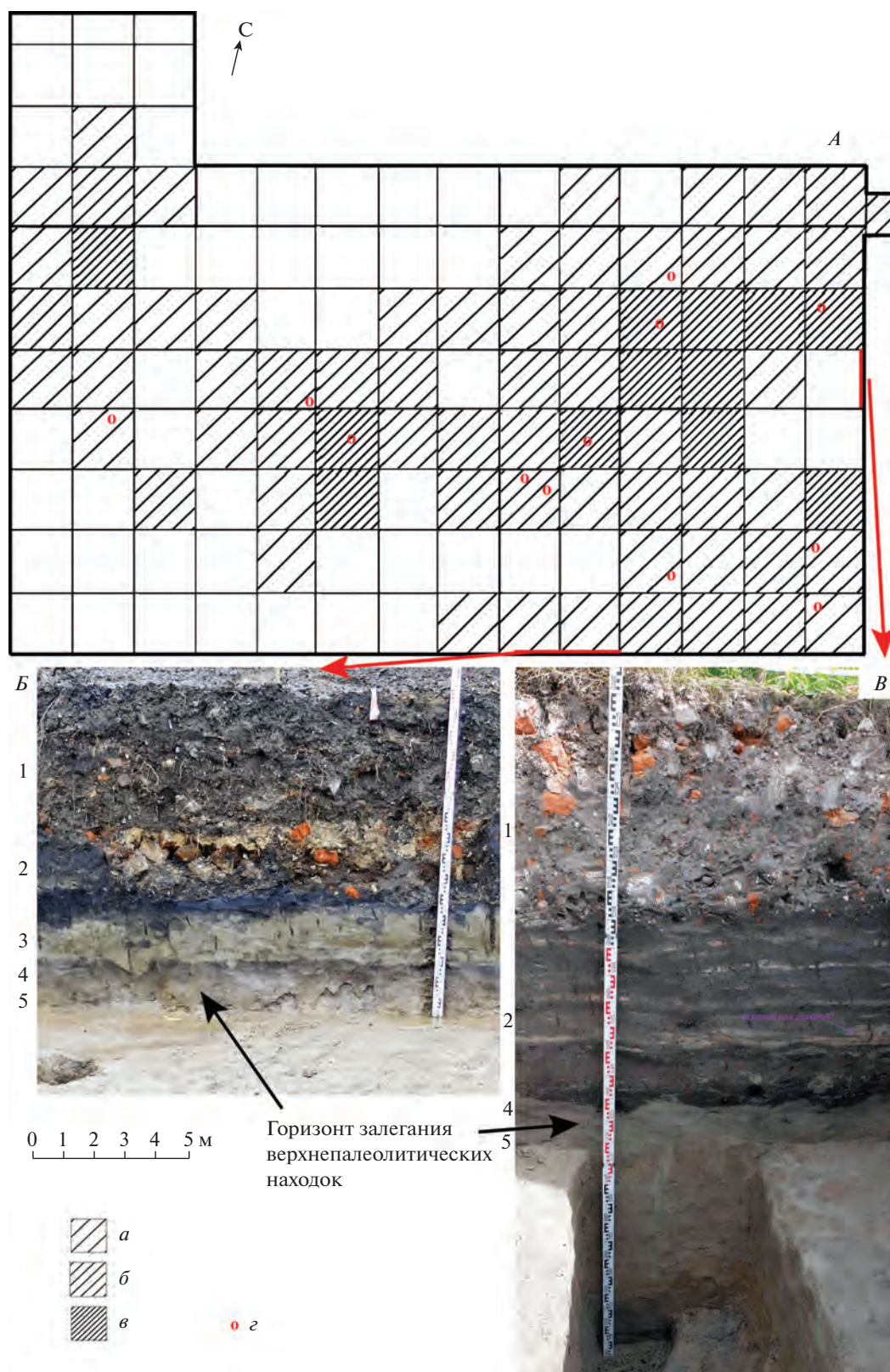

Рис. 5. План раскопа 2020 г. на Б. Краснофлотской улице с указанием распределения палеолитических находок (А); фото стратиграфических разрезов южного (Б) и восточного (В) бортов раскопа. Условные обозначения: а — квадраты, где 1-2 находки; б — 3-5 находок; в — свыше 5 находок; г — горелые камни. На стратиграфическом разрезе цифрами обозначены слои: 1 — субсовременного перекопа; 2 — средневековый городской слой с прослойками аллювия (?); 3 — делювиальный суглинок; 4 — гумусовый горизонт погребенной почвы; 5 — подзолистый горизонт, содержащий палеолитические находки.

Fig. 5. Plan of the 2020 excavation site in Bolshaya Krasnoflotskaya Street, indicating the distribution of Paleolithic finds (A); a photo of stratigraphic sections of the southern (B) and eastern (B) sides of the excavation site

отложениями внутридолинного озерного водоема. В интервале высот 4.4–5.1 м (174.6–175.3 м БС) залегали отложения, похожие на аллювий пойменной фации: в нижней половине — три слоя супеси мощностью по 10 см, в верхней — суглинок, переработанный почвообразованием. Таким образом, весь аллювиальный комплекс террасы располагается в интервале высот 171.8–175.3 м БС, или 10–13.5 м над рекой. Почва погребена под культурным слоем г. Смоленск, в составе которого выделяется субгоризонтальный слой горизонтально-слоистого светло-желтого тонко-мелкого песка, очевидно — делювий с прилегающего склона долины.

В отсутствие прямых датировок террасы, о ее возрасте можно судить по данным геоморфологической корреляции. Вниз по течению дно долины Днепра расширяется, что приводит к снижению высоты как современных, так и древних паводков. Соответственно снижается и первая терраса. В 11–12 км ниже по течению Днепра в районе пос. Гнёздово она имеет высоту 10–12 м. Здесь по ее аллювию опубликованы даты в интервале 10.7–11.7 тыс. лет назад (л.н.) (Panin et al., 2014, 2015). По-видимому, это даты финальной фазы развития террасы, поскольку недавно по ней получена большая серия оптико-люминесцентных дат в интервале от 16 до 23 тыс. лет (А.В. Панин, неопубликованные данные). Таким образом, терраса формировалась в течение поздневалдайской эпохи, или второй морской изотопной стадии (МИС 2), а ее затопление прекратилось на рубеже плейстоцена и голоцена или в самом начале голоцена. Не исключено, что в сужении долины в пределах нынешнего Смоленска это произошло и несколько ранее. Кроме того, в районе Гнёздово под аллювием террасы вскрыты тонкослоистые суглинистые отложения, интерпретированные как осадки ледниково-подпрудного озера и датированные между 21 и 26 тыс. л.н. (Panin et al., 2015).

В основании стратиграфической колонки, вскрытой в раскопе, лежат слоистые суглинисто-песчаные отложения (древний аллювий Днепра?), выше них — покровный суглинок ярко-бурого оттенка, горизонт с характерным полигональным растрескиванием по поверхности зачистки, мощностью 40–50 см. Полигональное растрескивание произошло в период формирования лесной почвы с выраженным подзолистым горизонтом. Толщина гумусного горизонта почвы от 6 до 15 см, подзолистого горизонта — 8–10 см. Это полноголоценовая почва, начало формирования которой относится, вероятно, к раннему голоцену, что подтверждается датой, полученной по уголку в основании гумусового горизонта, — 6740 ± 30 BP (7603 ± 35 calBP) — IGA Nams-9344. Попытка отбора проб из этой почвы на спорово-

пыльцевой анализ, к сожалению, была неудачной, пыльца не сохранилась. Отметка поверхности погребенной почвы в Балтийской системе высот — около 175.5 м.

Находки каменного века приурочены частично к кровле бурого суглинка, но преимущественно к подзолистому горизонту погребенной почвы. Размах колебаний уровней залегания кремней на соседних участках не более 20 см (некоторые кремни найдены в трещинах полигонального растрескивания суглинка). Нередко кремневые артефакты были расположены в толще суглинка наклонно, что говорит, по мнению Г.В. Сеницыной, сделавшей аналогичные наблюдения при исследовании стоянки Вышегора I (рис. 1) в верховьях Днепра, о наличии “криогенного эффекта”, т.е. участия мерзлотных процессов в изменении положения кремней, выдавливании их из грунта (Сеницына и др., 2012. С. 199, 200).

Важно отметить, что гумусовый горизонт погребенной почвы не содержал в себе кремневых артефактов. Погребенная почва хорошо сохранилась на тех участках раскопа, где она была перекрыта толщей светло-бурого делювиального суглинка мощностью 10–15 см, а на остальных участках позже подверглась сильному размыву и представляет собой единую с этим суглинком слоистую толщу. В этом горизонте обнаружены единичные кремневые изделия. Перекопы позднейшего времени также нарушили горизонт залегания кремней, подняв некоторые из них на уровень раннегородских отложений.

Период отложения делювиального бурого суглинка над погребенной почвой точно датировать затруднительно, но, судя по тому, что на поверхности переотложенного суглинка успела сформироваться еще одна почва, подвергавшаяся вплоть до середины X в. распашке, а в толще суглинка были найдены кальцинированные кости из размывавшихся кремаций грунтового могильника периода миграций (дата по углю 1340 ± 30 лет — ГИН-16098), это могло произойти уже в середине I тыс. Выше идут раннегородские отложения конца X — середины XI в. Таким образом, следует сделать вывод о приуроченности кремневых изделий к уровню подзолистого горизонта погребенной полноголоценовой почвы, сформировавшейся, очевидно, позже отложения кремней.

Коллекция кремневых изделий насчитывает 252 экз., из них морфологически выраженные серии орудий (скребки, резцы, наконечники стрел, ножи на пластинах), а также обломки пластин и отщепов с ретушью составляют 60 экз. (24%); есть один целый и несколько обломков сработанных нуклеусов (10 экз.). Обломки пластинок, отщепы и отщепы с частичной меловой или галечной коркой по поверхности, резцовые сколы, ребристые

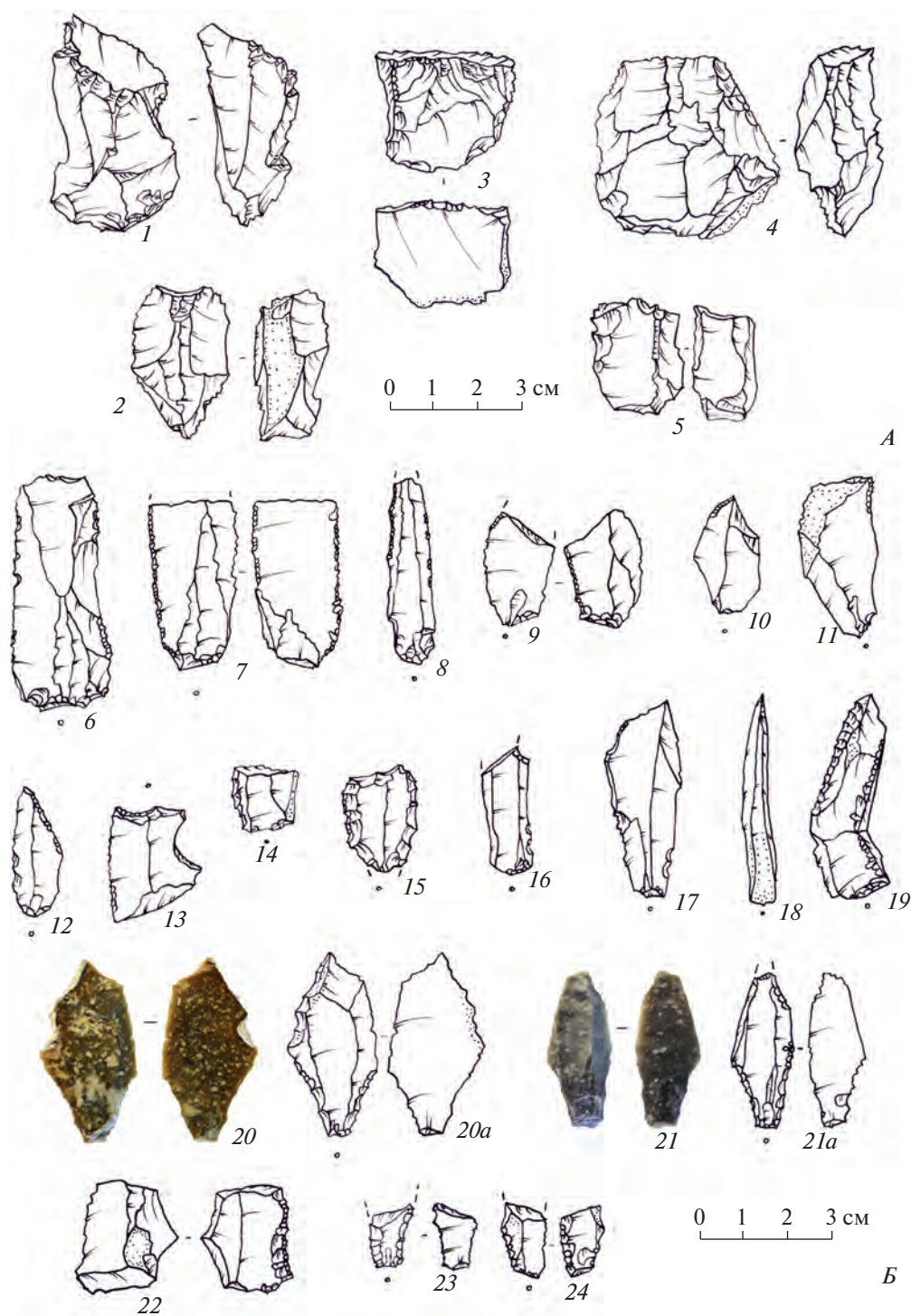

Рис. 6. Кремневый инвентарь Смоленской стоянки. А: 1–5 – нуклеусы и нуклеидные формы; Б: 6–9 – ножи; 10–12, 17, 18 – острия; 14–16, 22 – обломки изделий с крутой ретушью со спинки; 19 – заготовка (?) наконечника; 20, 21 – наконечники стрел; 23, 24 – обломки черешков наконечников стрел. В: 1–20 – скребки; Г: 21–25, 27–37 – резцы; 26 – заготовка резца.

Fig. 6. Flint objects from the Smolensk site (А–Г)

подправочные сколы, чешуйки составляют большинство коллекции, при этом пластин, микропластинок 40 экз., а отщепов, осколков, чешуек

чуть более 130. Обращает на себя внимание высокий процент в составе коллекции изделий с вторичной обработкой (рис. 6).

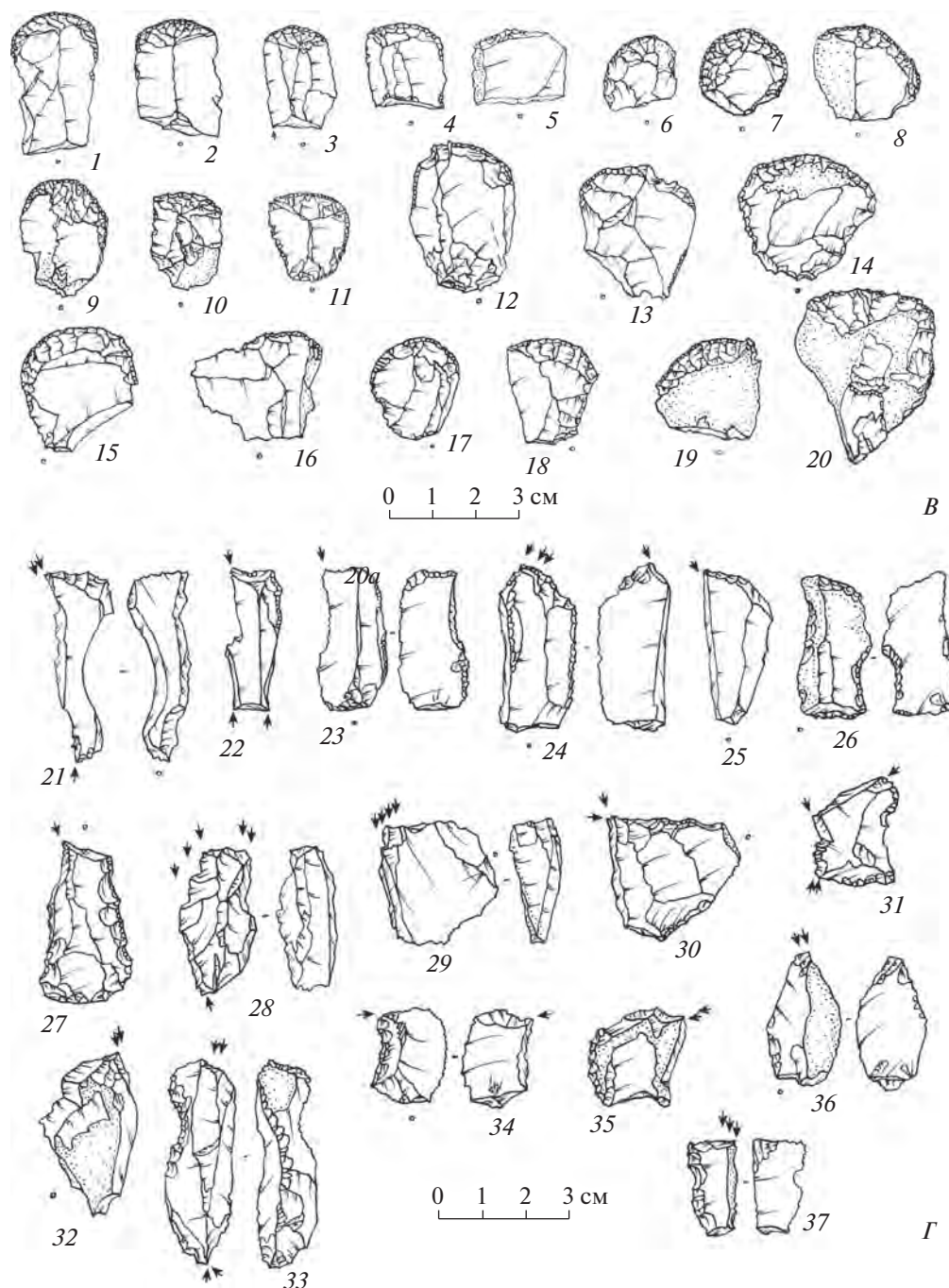

Рис. 6. Окончание

Fig. 6. End

Кремни распределены по раскопу неравномерно — большинство находок сосредоточено в восточной трети и центре участка (рис. 5). Концентрация находок мало связана с позднейшими процессами размыва, однако в северо-западной и юго-западной частях раскопа находок мало, даже учитывая наличие там больших ям от поздних погребов XIX–XX вв.

Наблюдались единичные скопления отдельных категорий находок на небольших участках. Четыре скребка обнаружены практически в одном квадрате (4 м²), а косоплощадочный нуклеус из желтовато-бурого галечного кремня найден с несколькими чешуйками такого же цвета в юго-восточном углу раскопа. Отмеченные наблюдения свидетельствуют, возможно, о “прижизнен-

ном” характере происхождения отмеченных концентраций находок, нежели о действии имевших место впоследствии природных или антропогенных факторов.

О технике расщепления камня на стоянке дают представление нуклеусы, отходы производства (рис. 6, А, 1–5) и анализ ударных площадок изделий. Целый нуклеус клиновидной формы, высотой до 4.5 см, косополадочный, монофронтальный, однополадочный, с подокруглой поладкой; с него снимались пластинки (рис. 6, А, 1). Сработанные ядрища (всего 10 экз.) без выраженных поладок служили, видимо, для получения отщепов.

Судя по характеру ударных бугорков на изделиях и облику негативов снятия на нуклеусах, техника расщепления кремня предполагала в основном использование жесткого минерального отбойника — бугорки выпуклые, сохраняют негатив от слетевшей при ударе чешуйки; нельзя исключать и применения рогового отжимника. Ударные поладки на изделиях перед снятием подрабатывались со спинки, срезая грань между двумя предыдущими снятиями; абразивная подработка фронта скалывания не отмечена. Судя по полному отсутствию в материковом суглинке и в погребенной почве естественной примеси в виде мелкой или иной гальки, находка большой удлиненной гальки (окремнелого кварцита) со скругленными (забитыми) углами, поперечником 8–9 см, а также округлой яйцевидной гальки с выкрошенностью по торцам вряд ли случайна и означает, что это тоже артефакты (наковаленка? отбойник-ретушер?).

Скребки и резцы обычны для финальнопалеолитических и раннемезолитических памятников — скребки, 20 экз. (рис. 6, В, 1–20), в основном концевые на фрагментах пластин, 5 экз. (рис. 6, В, 1–5), или на пластинчатых отщепах; ретушь лезвия полукрутая, у некоторых изделий мелкая ретушь заходит на один край, 7 экз. (рис. 6, В, 8–13, 18, 19). Один концевой-боковой скребок на массивном первичном отщепе с коркой имеет продолжение лезвия и по правому краю (рис. 6, В, 20), у двух других концевых-боковых скребков на плоских отщепах лезвие продолжается частично и по левому краю (рис. 6, В, 14, 15); у еще одного скребка на плоском отщепе с коркой лезвие смещено вправо (рис. 6, В, 16). Подокруглых скребков на отщепах — 1 экз. (рис. 6, В, 7). Особенность некоторых скребков на отщепах в том, что лезвие у них слегка скошено, налево и направо (рис. 6, В, 6, 8, 17, 19). Почти половина изделий сделана на отщепах и фрагментах пластин с коркой (9 экз.).

Среди резцов (16 экз.) наиболее выраженный тип — боковые косоретушные на сломе пластины (рис. 6, Г, 21–25), одно- и многолезвийные (двойные с лезвиями на одном боку) (рис. 6, Г, 21);

тройные (рис. 6, Г, 22). Имеется несколько боковых резцов (рис. 6, Г, 34–37) на сломе пластин и отщепов, есть группа нуклевидных (рис. 6, Г, 27–30, 32). Одно резцовое изделие многолезвийное на ребристой пластине с коркой имеет по левому краю четко оформленную крутой ретушью выемку и плоские резцовые сколы с одного конца и кромку срединного резца с другого конца (рис. 6, Г, 33). Такое же изделие с выемками по краю, крутой ретушью по концам можно интерпретировать как заготовку косоретушного резца (рис. 6, Г, 26). Из 15 орудий этой категории 6 имеют на поверхности участки первичной корки. Мелких резцовых сколов всего 5 экз.

Несколько обломков пластин с ретушью или со следами сработанности по краю определяется в качестве фрагментов ножей (рис. 6, Б, 6–9); есть также обломок микропластинки с ретушированной выемкой (скобель?) (рис. 6, Б, 16). Три пластинчатых отщепа и один резцовый скол с мелкой ретушью конца можно условно интерпретировать как острия (рис. 6, Б, 10–12, 18). Имеются также и фрагменты неопределимых типов изделий с крутой притупляющей ретушью края (рис. 6, Б, 13–15, 19, 22).

Для определения хронологической и культурной позиции коллекции кремневых изделий важны находки двух целых наконечников стрел и двух фрагментов черешков от подобных изделий (рис. 6, Б, 20, 21). Наконечники небольшие (длина около 3.2–4 см, ширина 1.4–2), имеют четко выделенный мелкой крутой ретушью со спинки небольшой узкий черешок; подправка ретушью с брюшка отсутствует. Один сделан на плоском пластинчатом отщепе, черешок обработан крутой ретушью со спинки, а косой естественный левый край острия с коркой подработан несколькими фасетками для спрямления края (рис. 6, Б, 20). Второй наконечник сделан на узкой, но довольно массивной (по соотношению ширины и толщины) пластинке с крутой ретушью узкого черешка с двух сторон со спинки, а острие скошено по правому краю мелкой крутой ретушью; кончик жальца сломан в древности (рис. 6, Б, 21). Один пластинчатый отщеп с редкими фасетками со спинки у основания и по левому краю жальца условно можно определить как заготовку наконечника стрелы (рис. 6, Б, 17). Два обломка черешков наконечников также обработаны крутой ретушью: один со спинки, другой имеет противоположащую ретушь (рис. 6, Б, 23, 24). Предположительно, наконечники коллекции имели довольно стандартные черешки шириной не более 5–7 мм.

Данный тип наконечников позволяет достаточно четко связывать коллекцию стоянки с кругом финальнопалеолитических культур лесной зоны Восточной Европы с наконечниками стрел типа Лингби или Аренсбург, определение

Л.В. Кольцова (1977. С. 51, 52), или “восточный Аренсбург” по определению С.Н. Лисицына (2000). Коллекция Смоленской стоянки имеет крайне скудный набор категорий изделий, что близко к характеристикам коллекций европейских памятников аренсбургского типа (Васильев, 1999. С. 216, Вороненко, 2019).

При сравнении наконечников и коллекции Смоленской стоянки в целом с подобными изделиями территориально близких мезолитических стоянок бассейна р. Катунь разница в технике обработки черешка и перьев наконечников очевидна (ср.: Александренков, Жилин, 1982. С. 209, 211). На мезолитических стоянках находят в основном так называемые постсвидерские наконечники, с плоской обработкой черешка и острия с брюшка одновременно и/или частично.

По происхождению и цветности кремень стоянки двух основных типов — темно-серый (черный) или рябчатый с легким коричневатым оттенком с тонкой меловой коркой; половина находок — из галечного сырья разных оттенков (от светло-серого до ярко-желтого). Есть единичные отщепы из окремнелого кварцита. Можно предполагать местное происхождение сырья, так как на Верхнем Днепре, на Десне и Соже известно много выходов мелового кремня схожего облика, а по берегам рек встречается галечниковый материал. Небольшое количество изделий (12 экз.) побывало в огне. В коллекции стоянки нет микролитов, отсутствуют признаки применения микролезцового скола.

Таким образом, в небольшой коллекции камня стоянки представлен полный цикл обработки материала, характеризующего все стороны жизни обитателей поселения (обработка камня, охота, переработка добычи).

Смоленское Поднепровье вплоть до настоящего времени остается слабо исследованным в отношении памятников финального палеолита и раннего мезолита. Однако работы в этом направлении велись уже в 1920–1930-е годы (Лявданский, 1927; Тарасенко, 1929, 1967; Тарасенко, 1930). К сожалению, богатые коллекции этих разведок практически полностью исчезли в военное время². Впоследствии раскопками и проблемами культурно-хронологической атрибуции памятников финального палеолита Верхнего Поднепровья занимались исследователи из Санкт-Петербурга. Уже в конце 1960-х годов Н.Н. Гурина, по следам разведок А.Н. Лявданского и В.Р. Тарасенко, провела успешные работы в Новодугинском районе. Рядом с бывшей д. Аносово ею вы-

явлен ряд пунктов местонахождений обработанного кремня. Среди них следует выделить стоянку-мастерскую Аносово I, инвентарь которой определен исследовательницей как финальнопалеолитический (Гурина, 1972). Она указала и на ближайшие параллели кремневому инвентарю памятника — со стоянок Белоруссии и Литвы, в частности, стоянки-мастерской Эжяриной на р. Неман [вероятно, имелся в виду объект “Эжяринас, пункты 15 и 16” по Р.К. Римантене (1971. С. 22). — Авторы] (Гурина, 1972. С. 248)³.

Высота залегания стоянки Аносово I над уровнем Днепра такая же, как и в г. Смоленск — 13 м (Гурина, 1972. С. 249, 250). Обращает на себя внимание сходство наконечников стрел Аносово I и Смоленской стоянки (Гурина, 1972. Рис. 3, 1–10). Различие состоит лишь в том, что наконечники Аносова несколько более крупные, достигающие длины в 6 см, но есть и небольшие. Обработка черешка и жальца аносовских наконечников такая же, как и в смоленской коллекции, — со спинки.

В конце 1980–1990-х годах близ Аносово Г.В. Синицыной выявлен еще ряд местонахождений обработанного кремня, среди которых выделяется стоянка Вышегора⁴ I, расположенная чуть ниже пос. Льнозавод (5 км) на правом берегу Днепра. Автор определяет коллекцию стоянки как финальнопалеолитическую и объединяет стоянки Верхнего Поднепровья в Вышегорскую группу. При этом она то соотносит эту группу с кругом культур типа Бромме-Лингби или “технокомплексом бромме” (Синицына, 1996. С. 3–50; 2014. С. 138; Sinitsyna, 2002), то полагает, что коллекция стоянки близка к гренской археологической культуре ввиду того, что данная культура датируется временем чуть более ранним, нежели европейские культуры типа Бромме-Лингби (Синицына, 2015. С. 18; Sinitsyna, 2019).

С.Н. Лисицын при анализе проблем культурно-хронологической атрибуции памятников финального палеолита-раннего мезолита Верхневолжья также указывает на то, что исследователи отмечают тождество северобелорусской красносельской (по Л.Л. Зализняку) и верхневолжской подольской (по Г.В. Синицыной) культур финального палеолита, близких к кругу южнобалтийских памятников типа Бромме-Лингби (Лисицын, 2012). Действительно, некоторые наконечники верхневолжских стоянок и стоянки Вышегора I имеют характерную подработку че-

² В.Р. Тарасенко в последней своей работе на эту тему упомянул, что малая часть коллекции (100 кремней) была после войны возвращена в Смоленск и опубликована им (Тарасенко, 1967. С. 115). Это изделия таких стоянок, как Вышегора I, Глыбня, Волочок (Нахимовское), Кучино и др.

³ Р.К. Римантене предпочитала особую культурно-хронологическую привязку литовской группы памятников, называя их памятниками “прибалтийского мадлена” (Римантене, 1971. С. 26, 27).

⁴ У В.Р. Тарасенко местонахождение обозначено как Вышегор, что нужно полагать более правильным, так как на Смоленщине и в настоящее время есть другие поселения с аналогичным названием “Вышегор” (Тарасенко, 1930).

решка с брюшка, а также сплошь срезанный один край заготовки притупляющей ретушью, что сближает эти изделия с наконечниками гренского типа. Однако наконечники Смоленской стоянки, на наш взгляд, имеют мало общего с изделиями стоянки Вышегора I, но близки к наконечникам стоянки Аносово I.

При поиске аналогий инвентарю Смоленской стоянки со стороны запада, территории Белоруссии и Литвы (в Смоленском течении Днепра ниже Смоленска памятники финального палеолита неизвестны), прежде всего проанализированы работы по финальному палеолиту и мезолиту Белоруссии (Калечиц, 1984; Копытин, 1991).

В.Ф. Копытин полагал, что на территории Белоруссии (“Верхнее Поднепровье”, по его определению) зафиксированы следы лишь двух финальнопалеолитических традиций кремневого инвентаря — свидерской (листовидные наконечники) и гренской (асимметричные наконечники с притупленным краем и/или выемкой с одного бока) (Копытин, 1991. С. 13), полностью отрицая возможное влияние европейских культурных традиций типа Аренсбург или Бромме-Лингби. Наконечники стрел стоянки Боровка, равно как и стоянки Коромка, совершенно не схожи с аносовскими — у них типичная сплошная “срезающая” весь край изделия ретушь (т.е. гренская традиция), тогда как для аносовской коллекции характерна косая срезка острий наконечников. В коллекциях стоянок Смоленщины практически нет и категории комбинированных орудий.

В.П. Ксензов (1997) отнес коллекцию Аносово I к гренской культуре, считая, что данная культура выросла из лингбийских традиций (Ксензов, 1994. С. 9). Близка, по его мнению, к коллекции Аносово I и коллекция ближайшей к Смоленску с запада стоянки Берестеново (пригород Орши), которая характеризуется “массивными черешковыми симметричными и асимметричными наконечниками стрел из пластинчатых отщепов, обработанных крутой ретушью... проколами со смещенным рабочим краем, выемчато-зубчатыми орудиями, скобелями” (Ксензов, 1994. С. 9). Наконечники Аносово I и Смоленской стоянки не столь уж массивны, а зубчато-выемчатые орудия и скобели отнюдь не являются характерными для данной стоянки.

По мнению А.В. Колосова (2013, 2015), в бассейне Сожа на сегодняшний день зафиксировано около 100 местонахождений финального палеолита (Колосов, 2015. С. 14). На некоторых стоянках имеются черешковые наконечники с ретушированным со спинки черешком, но на них есть и подправка с брюшка. Наконечники, по мнению исследователя, “напоминают известный в литературе тип Бромме-Лингби”, что позволяет проводить параллели между коллекциями сожских

стоянок с коллекцией Аносово I (Колосов, 2015. С. 15). В итоге автор приходит к выводу, что в целом материалы стоянок с черешковыми наконечниками стрел Верхнего Поднепровья правильнее всего пока обозначать в рамках понятия “культуры с листовидными и черешковыми наконечниками стрел” (Колосов, 2017. С. 111).

Е.Г. Калечиц проанализировала современные представления о характере и путях проникновения на территорию Беларуси финальнопалеолитических технологических традиций. В результате автор, как и А.В. Колосов, насчитывает сотни коллекций, в которых есть элементы финальнопалеолитических традиций, разделенных ею на пять культурных групп: “гамбургская, лингбийская, волкушанская, свидерская и гренская” (Калечиц, 2013. С. 111). Е.Г. Калечиц полагает, что, не считая гренской, все прочие культуры проявились здесь в результате миграционных процессов. По ее мнению, на востоке Беларуси находки предметов, которые можно было бы связывать с лингбийской традицией, единичны, стоянки неизвестны, большинство находок соотносятся с западом и юго-западом страны. Памятники волкушанской культуры (выделена на территории Польши К. Шимчаком, или “прибалтийский мадлен”, по Р.К. Римантене (1971. С. 26, 27; или аренсбургский тип, по Л.В. Кольцову (1977. С. 51); или “восточный аренсбург”, по С.Н. Лисицыну (2000)), как полагает Е.Г. Калечиц, также в основном расположены в западной части страны и в Литве. В частности, это стоянка Мотоль 17 в бассейне р. Ясельда, имеющая в коллекции характерные черешковые наконечники стрел с обработкой изделий только по спинке (Калечиц, Обуховский, 2004. Табл. V). Нужно учитывать при этом и смешанный характер большинства коллекций, где присутствуют и наконечники с подработкой черешка с брюшка (наконечники традиции Бромме-Лингби?), и наконечники свидерские.

Особняком стоит мнение Л.Л. Зализняка (солидарного с Н.Н. Гуриной), что коллекция Аносово I является собой “протоаренсбургский материал” и датируется поздним дриасом (Зализняк, 1989. С. 15–18). Автор отмечает, что лингбийские и аренсбургские наконечники нередко встречаются в совместном залегании, а раннеаренсбургские наконечники типологически сложно отделить от лингбийских. Памятники типа Песочный Ров на Десне автор относит к “аренсбургской культурной традиции” (Зализняк, 1989. С. 89), которая впоследствии трансформировалась в мезолитическую иеневскую археологическую культуру. В недавней работе он еще раз представил схему продвижения носителей лингбийской традиции на восток, пунктами которой были стоянки Берестеново и Аносово (Зализняк, 2021. Рис. 5).

Исследователь окского палеолита А.В. Трусов считал, что деснинские памятники типа Песочный Ров нужно принимать во внимание при анализе коллекций стоянок финального палеолита бассейнов Оки, Верхнего Днепра и Верхней Волги (Трусов, 2004; Trusov, 2006). Если обратить внимание на состав коллекции кремня такого памятника, как Ростиславль (на Средней Оке), то нельзя не увидеть те характерные особенности коллекции стоянки, выделенные автором работ (Трусов, 2004; Trusov, 2006), которые достаточно близки к параметрам коллекции Смоленской стоянки.

К этим особенностям относятся: 1) техника расщепления кремня (“ситуационный характер” и “недостаточность развития технологии получения пластинчатой заготовки”), когда с одного нуклеуса возможно снятие как пластин, так и отщепов и пластинчатых отщепов, в результате чего большинство орудий сделано на отщепах и большинство отходов производства — отщепы; 2) высокий процент изделий с вторичной обработкой; 3) преобладание ретушных резцов, наличие нуклеидных резцов; 4) преобладание концевых форм скребков, наличие скребков высоких форм на нуклеидных обломках; 5) небольшое количество плохо морфологически выраженных острий; 6) крайне незначительное количество орудий зубчато-выемчатого типа.

Наконечники стоянки Ростиславль имеют, однако, большую близость к наконечникам типа Бромме-Лингби, нежели к аренсбургским, равно, как и наконечники некоторых стоянок Окского бассейна, датируемых исследователями периодом финального палеолита-раннего мезолита, например Ладыжино 3, Гремячее (Кравцов, Луньков, 1994; Кравцов и др., 2003; Трусов, 2011. С. 215–227). Нельзя не учитывать при этом присутствие в коллекциях окских памятников геометрических микролитов и асимметричных наконечников типа косой трапеции.

М.Г. Жилин в серии работ высказал близкое к точке зрения Л.Л. Зализняка мнение о нескольких традициях обработки каменного материала в финальном палеолите лесной полосы Восточной Европы (Жилин, 2004). Исследователь отмечает в Волго-Окском междуречье три финальнопалеолитические традиции: эпиграветт (памятники, близкие к Тимоновке), золоторучьинская и лингбийская, и лишь отчасти свидерская (Жилин, 2004. С. 94–99). При этом автор, анализируя комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 и Подол 3 (Верхневолжье), считает возможным фиксировать на их примере “плавный переход от финального палеолита лингбийской традиции к мезолитической иеневской культуре” (Жилин, 2004. С. 99–102).

С.Н. Лисицын, указывая в целом на сложность проблематики выделения культурных групп в фи-

нальном палеолите-раннем мезолите лесной полосы и их точной датировки (как правило, смешанный кремневый инвентарь на объектах с турбированным культурным горизонтом), обращает большее внимание на экологическую составляющую археологических памятников этой эпохи, имея в виду быструю смену экологических ниш в послеледниковый период (Лисицын, 2012. С. 239; 2017).

Этот подход важен для детально изученных регионов с качественно раскопанными и комплексно проанализированными памятниками, с чем согласны многие исследователи (Сорокин, 2018). Действительно, единственной точкой согласия специалистов в комплексе проблем культурно-хронологической атрибуции редких пока памятников финального палеолита верховьев Днепра, Оки и Волги является тезис о геохронологической позиции этих памятников — молодой дриас (Дриас III) и начало пребореала.

Выводы. Сложность культурно-хронологического определения коллекции Смоленской стоянки имеет свои объективные и субъективные основания. Естественнонаучные данные позволяют лишь приблизительно соотносить новооткрытый памятник с финалом позднеледникового периода. Данные типологического анализа кремневых изделий сильно зависят от субъективных представлений исследователей о сути и содержании постледниковых “технокомплексов” Северной и Центральной Европы и лесной зоны Русской равнины.

Очевидна определенная близость кремневой коллекции Смоленской стоянки с комплексами находок таких памятников, как Аносово I и Ростиславль на востоке и северо-востоке, Берестеново на западе в Белоруссии. На основе проведенного технико-типологического анализа можно соотнести Смоленскую стоянку с широким кругом финальнопалеолитических памятников лесной зоны с черешковыми наконечниками стрел и датировать время бытования стоянки периодом около 10–11,5 тыс. л.н. (горизонт поздний дриас-начало пребореала).

Очевидная сложность проблематики анализа кремневых коллекций (при явном несхождении позиций большинства упомянутых в статье авторов) ставит вопрос о необходимости продолжения работ в направлении расширения круга подобных памятников в Верхнем Поднепровье. Особое внимание в этом плане следует уделить тому богатому информационному заделу, который оставили наши предшественники 1920-х годов.

Геоморфологические изыскания и радиоуглеродное датирование выполнены в рамках темы государственного задания Института географии РАН AAAA-A19-119021990092-1 (FMWS-2019-0008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александренков Э.Г., Жилин М.Г.* Мезолитическая стоянка в Смоленском Поднепровье // Советская археология. 1982. № 1. С. 207–212.
- Васильев С.А.* Финальный палеолит Дании // Stratum plus. 1999. № 1. С. 211–218.
- Вороненко О.В.* Охотничье вооружение в культурах финального палеолита на территории Белорусского Поднепровья // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 255. С. 102–112.
- Гурина Н.Н.* Кремнеобрабатывающая мастерская в верховье р. Днепра // Палеолит и неолит СССР. Т. 7 / Отв. ред. З.А. Абрамова, Н.Д. Праслов. М.; Л.: Наука, 1972 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 185). С. 244–251.
- Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины / Сост. Е.В. Леонова, К.Н. Гаврилов; отв. ред. Х.А. Амиханов. М.: Научный мир, 2004. С. 92–139.
- Зализняк Л.Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наук. думка, 1989. 176 с.
- Зализняк Л.Л.* Фінальний палеоліт Житомирського Полісся // Археологія. 2021. № 3. С. 5–27.
- Калечиц Е.Г.* Первоначальное заселение территории Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1984. 159 с.
- Калечиц Е.Г.* Проблема первоначального заселения территории Беларуси в свете новых данных (финальный палеолит) // Доклады Национальной академии наук Беларуси. 2013. Т. 57, № 3. С. 111–115.
- Калечиц Е.Г., Обуховский В.С.* Этапы заселения Мотольского микрорегиона в каменном и бронзовом веках: по материалам поселения Мотоль-17 // Lietuvos archeologija. Т. 25. Vilnius, 2004. С. 45–78.
- Колосов А.В.* Гренская культура Верхнего Поднепровья в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. История. 2013. № 1. С. 4–11.
- Колосов А.В.* Финальный палеолит и мезолит Посожья. Могилев: Могилевский гос. ун-т им. А.А. Кулешова, 2015. 176 с.
- Колосов А.В.* Проблемы изучения гренской культуры финального палеолита и мезолита Восточной Белоруссии // Каменный век российско-белорусского порубежья. СПб.: МАЭ РАН, 2017 (Замятинский сборник; вып. 5). С. 103–118.
- Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977. 216 с.
- Копытин В.Ф.* Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев, 1991. 86 с.
- Кравцов А.Е., Луньков В.Ю.* Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности // Российская археология. 1994. № 2. С. 112–117.
- Кравцов А.Е., Коннов С.Б., Трусов А.В.* Работы на стоянках Ладыжино 3 и 3 “А” в Калужской области // Археологические открытия 2002 г. М.: ИА РАН, 2003. С. 140–141.
- Ксензов В.П.* Мезолит белорусского Подвинья // Российская археология. 1994. № 3. С. 5–22.
- Ксензов В.П.* Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // Российская археология. 1997. № 1. С. 5–20.
- Лисицын С.Н.* Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 26 с.
- Лисицын С.Н.* Дискуссионные вопросы периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжье // Краткие сообщения Института археологии. 2012. Вып. 227. С. 233–243.
- Лисицын С.Н.* Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе // Stratum plus. 2017. № 1. С. 59–110.
- Лявданский А.Н.* Некоторые данные о каменном веке и о культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. 1927. Т. IV, вып. 3. С. 217–260.
- Пронин Г.Н., Соболев В.Е.* Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. 336 с.
- Римантене Р.К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Минтис, 1971. 203 с.
- Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.: ИИМК РАН, 1996 (Археологические изыскания; вып. 39). 52 с.
- Синицына Г.В.* Формирование и развитие культур финального палеолита на Валдайской возвышенности // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Отв. ред. А.Г. Ситдинов и др. Казань: Отечество, 2014. С. 137–140.
- Синицына Г.В.* О финальном палеолите на Валдайской возвышенности // Тверского археологического сборник. Вып. 10, т. 1. Тверь: Триада, 2015. С. 11–23.
- Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А.* Геоархеологические объекты финального палеолита: Баранова Гора, Подол III/1, Вышегора I на великом водоразделе Волги и Днепра // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири: 100 лет Байкальской научной археологии / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2012 (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры; вып. 1). С. 192–204.
- Сорокин А.Н.* Рец. на ст.: Лисицын С.Н. Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе... (2017) // Российская археология. 2018. № 4. С. 167–174.
- Тарасенко В.Р.* Археолёгічныя абследаванні на Смаленшчыне у 1929 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Акадэмія навук Беларускай ССР. Т. II. Працы археолёгічнай камісіі. Менск, 1930. С. 516–518.
- Тарасенко В.Р.* Отчет о разведках в Смоленской губернии // Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 161.
- Тарасенко В.Р.* Неолитические стоянки верховьев Днепра // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 107–135.

- Трусов А.В. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2004. С. 42–52.
- Трусов А.В. Палеолит бассейна Оки. М.: Репроцентр-М, 2011. 312 с.
- Шкаликов В.А. Основные особенности гидрологического режима р. Днепр и его изменения под влиянием хозяйственной деятельности // Региональные исследования. 2004. № 1 (3). С. 88–95.
- Шмидт Е.А. Археологические памятники Смоленской области. Смоленск: Московский рабочий, 1976. 287 с.
- Panin A.V., Adamiec G., Arslanov K.A., Bronnikova M.A., Filippov V.V., Sheremetskaya E.D., Zaretskaya N.E., Zazovskaya E.P. Absolute chronology of fluvial events in the Upper Dnieper river system and its palaeogeographic implications // *Geochronometria*. 2014. Vol. 41, iss. 3. P. 278–293.
- Panin A., Adamiec G., Filippov V. Fluvial response to proglacial effects and climate in the upper Dnieper valley (Western Russia) during the Late Weichselian and the Holocene // *Quaternaire*. 2015. Vol. 26, no. 1. P. 27–48.
- Sinitzyna G.V. Lyngby Points in Eastern Europe // *Archaeologia Baltica*. Vol. 5. Vilnius, 2002. S. 83–93.
- Sinitzyna G. Colonization of the Valdai Highland in the Final Palaeolithic // *The Final Palaeolithic of Northern Eurasia*. Kiel: Ludwig, 2019 (Schriften des Museums für Archäologie Schloss Gottorf; Bd. 13). P. 363–378.
- Trusov A.V. The Final Palaeolithic site of Rostislavl (preliminary report) // *Archaeologia Baltica*. Vol. 7. Vilnius, 2006. P. 149–159.

THE FINAL PALEOLITHIC SITE OF SMOLENSK

Ivan N. Ershov^{a, #}, Aleksandr L. Aleksandrovskiy^{b, ##}, Nikolay A. Krenke^{a, ###},
Andrey V. Panin^{b, ####}, Sergey N. Chaukin^{a, #####}, and Varvara A. Chaukina^{a, #####}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^b Institute of Geography RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: ershovin@yandex.ru

^{##} E-mail: alexandrovskiy@mail.ru

^{###} E-mail: nkrenke@mail.ru

^{####} E-mail: a.v.panin@yandex.ru

^{#####} E-mail: schaukin@mail.ru

^{#####} E-mail: varyabaskova@yandex.ru

In 2020, a site of the final Paleolithic was found in buried soil under a two-meter medieval cultural layer during excavations at a construction area in the centre of Smolensk. The excavation area is 480 m². The article analyzes the collection of flint tools (60 pieces) and debitage, as well as geomorphology and soil profile features. The tool complex includes scrapers, chisels and a series of tanged arrowheads, which are crucial for cultural and chronological attribution. The horizon with stone tools is located 13.5–14 m above the low water level of the river and is confined to the first terrace of the Dnieper left bank. The formation of the terrace dates back to the late Valdai period. Based on the analysis of the tool complex, the collection was attributed to the final Paleolithic in terms of chronology and culture (the cultural community of sites with tanged arrowheads). A very broad range of researchers' views on the characteristics of taxa traits (cultures and cultural traditions) of the Final Paleolithic in the Upper Dnieper region and adjacent territories (the Bromme-Lyngby, Grensk, Krasnoselye, Upper Volga, Podol and other cultures) does not allow identifying the new site with any of them. Nevertheless, the chronological position of the site is determined quite reliably by a period of about 10–11.5 thousand years ago. It is obvious that there is a certain similarity of the flint collection from the Smolensk site to the complexes of finds from such sites as Anosovo I (upper reaches of the Dnieper) and Rostislavl (the Oka river) in the east and northeast, Berestenovo (Belarus) in the west.

Keywords: Smolensk, Final Paleolithic, Dryas III, buried soil, Ahrensburg and Bromme-Lyngby arrowheads, lithic industry, science methods.

REFERENCES

- Aleksandrenkov E.G., Zhilin M.G., 1982. Mesolithic site in Smolensk area of the Dnieper region. *Sovetskaya arkhéologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 207–212. (In Russ.)
- Gurina N.N., 1972. A flint workshop in the Upper Dnieper region. *Paleolit i neolit SSSR [Paleolithic and Neolithic of the USSR]*, 7. Z.A. Abramova, N.D. Praslov, eds. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 244–251. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 185). (In Russ.)
- Kalechits E.G., 1984. Pervonachal'noe zaselenie territorii Belorussii [Initial settlement of the territory of Belarus]. Minsk: Nauka i tekhnika. 159 p.
- Kalechits E.G., 2013. The issue of initial settlement of the territory of Belarus in the light of new data (the final Paleolithic). *Doklady Natsional'noy akademii nauk Belarusi [Reports of the National Academy of Sciences of Belarus]*, vol. 57, no. 3, pp. 111–115. (In Russ.)

- Kalechits E.G., Obukhovskiy V.S., 2004. Stages of settlement of the Motol microregion in the Stone and Bronze Ages: based on materials from the settlement of Motol-17. *Lietuvos archeologija*, 25. Vilnius, pp. 45–78. (In Russ.)
- KolosoV A.V., 2013. The Grensk culture of the Upper Dnieper in Russian and foreign historiography. *Vestnik Polotskogo gosuniversiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki. Istorija [Herald of Polotsk State University. Series A: Humanities. History]*, 1, pp. 4–11. (In Russ.)
- KolosoV A.V., 2015. Final'nyy paleolit i mezolit Posozh'ya [The final Paleolithic and Mesolithic in the Sozh River region]. Mogilev: Mogilevskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.A. Kuleshova. 176 p.
- KolosoV A.V., 2017. Problems of studying the Grensk culture of the final Paleolithic and Mesolithic in Eastern Belarus. *Kamennyy vek rossiysko-belorusskogo porubezh'ya [The Stone Age of the Russian-Belarusian borderland]*. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 103–118. (Zamyatninskiy sbornik, 5). (In Russ.)
- Kol'tsov L.V., 1977. Final'nyy paleolit i mezolit Yuzhnoy i Vostochnoy Pribaltiki [The final Paleolithic and Mesolithic of the Southern and Eastern Baltics]. Moscow: Nauka. 216 p.
- Kopytin V.F., 1991. Pamyatniki final'nogo paleolita i mezolita Verkhnego Podneprov'ya [Sites of the final Paleolithic and Mesolithic in the Upper Dnieper region]. Mogilev. 86 p.
- Kravtsov A.E., Konnov S.B., Trusov A.V., 2003. Works on the sites of Ladyzhino 3 and 3 "A" in Kaluga Region. *Arkheologicheskie otkrytiya 2002 g. [Archaeological discoveries of 2002]*. Moscow: IA RAN, pp. 140–141. (In Russ.)
- Kravtsov A.E., Lun'kov V.Yu., 1994. New Mesolithic site in the Moskva River basin. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 112–117. (In Russ.)
- Ksenzov V.P., 1994. Mesolithic of the Dvina region in Belarus. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 5–22. (In Russ.)
- Ksenzov V.P., 1997. The Final Paleolithic and Mesolithic of the Dnieper region of Belarus. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 5–20. (In Russ.)
- Lisitsyn S.N., 2000. Final'nyy paleolit i ranniy mezolit Dnepro-Dvinsko-Volzhskego mezhdurech'ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The final Paleolithic and early Mesolithic of the Dnieper-Dvina-Volga interfluvium: an author's abstract of the Doctorate Thesis in History]. St. Petersburg. 26 p.
- Lisitsyn S.N., 2012. Discussion issues of periodization of the terminal Paleolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga basin. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 227, pp. 233–243. (In Russ.)
- Lisitsyn S.N., 2017. An ecological approach to the periodization of the Final Paleolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga basin. *Stratum plus*, 1, pp. 59–110. (In Russ.)
- Lyavdanskii A.N., 1927. Some data on the Stone Age and the culture of the Bronze Age in Smolensk Province. *Nauchnye izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestia of Smolensk State University]*, vol. IV, iss. 3, pp. 217–260. (In Russ.)
- Panin A., Adamiec G., Filippov V., 2015. Fluvial response to proglacial effects and climate in the upper Dnieper valley (Western Russia) during the Late Weichselian and the Holocene. *Quaternaire*, vol. 26, no. 1, pp. 27–48.
- Panin A.V., Adamiec G., Arslanov K.A., Bronnikova M.A., Filippov V.V., Sheremetskaya E.D., Zaretskaya N.E., Zazovskaya E.P., 2014. Absolute chronology of fluvial events in the Upper Dnieper river system and its palaeogeographic implications. *Geochronometria*, vol. 41, iss. 3, pp. 278–293.
- Pronin G.N., Sobol' V.E., 2020. Drevniy Smolensk. Arkheologiya Pyatnitskogo kontsa [Ancient Smolensk. Archaeology of the Pyatnitsky district], 2. Moscow: IA RAN. 336 p.
- Rimantene R.K., 1971. Paleolit i mezolit Litvy [The Paleolithic and Mesolithic of Lithuania]. Vil'nyus: Mintis. 203 p.
- Shkalikov V.A., 2004. The main features of the hydrologic behaviour of the Dnieper River and its changes under the effects of economic activity. *Regional'nye issledovaniya [Regional research]*, 1 (3), pp. 88–95. (In Russ.)
- Shmidt E.A., 1976. Arkheologicheskie pamyatniki Smolenskoy oblasti [Archaeological sites of Smolensk Region]. Smolensk: Moskovskiy rabochiy. 287 p.
- Sinitsyna G., 2019. Colonization of the Valdai Highland in the Final Palaeolithic. *The Final Palaeolithic of Northern Eurasia*. Kiel: Ludwig, pp. 363–378. (Schriften des Museums für Archäologie Schloss Gottorf, 13).
- Sinitsyna G.V., 1996. Issledovanie final'nopaleoliticheskikh pamyatnikov v Tverskoy i Smolenskoy oblastiakh [Research on final Paleolithic sites in Tver and Smolensk Regions]. St. Petersburg: IIMK RAN. 52 p. (Arkheologicheskie izyskaniya, 39).
- Sinitsyna G.V., 2002. Lyngby Points in Eastern Europe. *Archaeologia Baltica*, 5. Vilnius, pp. 83–93.
- Sinitsyna G.V., 2014. The formation and development of final Paleolithic cultures in the Valdai Highland. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Works of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, I. A.G. Sitdikov et al., eds. Kazan': Otechestvo, pp. 137–140. (In Russ.)
- Sinitsyna G.V., 2015. On the final Paleolithic in the Valdai Highland. *Tverskoy arkheologicheskiiy sbornik [Tver collected papers on archaeology]*, iss., 10, vol. 1. Tver': Triada, pp. 11–23. (In Russ.)
- Sinitsyna G.V., Lavrushin Yu.A., Spiridonova E.A., 2012. Geoarchaeological sites of the final Paleolithic: Baranova Gora, Podol III / 1, Vyshegora I in the great watershed of the Volga and Dnieper. *Fenomen geoarkheologicheskoy mnogosloynosti Baykal'skoy Sibiri: 100 let Baykal'skoy nauchnoy arkheologii [Phenomenon of geoarchaeological multilayeredness of Baikal Siberia: 100 years of Baikal academic archaeology]*. G.I. Medvedev, ed. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 192–204. (Evraziya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury, 1). (In Russ.)
- Sorokin A.N., 2018. Review of the article: Lisitsyn S.N. An ecological approach to the periodization of the Final Paleolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga basin ... (2017). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 167–174. (In Russ.)

- Tarasenko V.R., 1930. Archaeological surveys in Smolensk Region in 1929. *Zapiski addzelu gumanitarnykh navuk (Akademiya navuk Belaruskay SSR) [Transactions of the Department of Humanities (Academy of Sciences of the Belarusian SSR)]*, II. Pratsy arkheologichnay komisii [Proceedings of the Archaeological Commission]. Minsk, pp. 516–518. (In Belarusian).
- Tarasenko V.R., 1929. Otchet o razvedkakh v Smolenskoy gubernii [Report on surveys in Smolensk Province]. *Arkhiv Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute for History of Material Culture RAS]*, F. 2, Op. 1, D. 161.
- Tarasenko V.R., 1967. Neolithic sites in the Upper Dnieper region. *Belorusskie drevnosti [Belarusian antiquities]*. Minsk, pp. 107–135. (In Russ.)
- Trusov A.V., 2004. The final Paleolithic site of Rostislavl (preliminary report). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Moscow region: Proceedings of scientific seminar]*. Moscow: IARAN, pp. 42–52. (In Russ.)
- Trusov A.V., 2006. The Final Palaeolithic site of Rostislavl (preliminary report). *Archaeologia Baltica*, 7. Vilnius. P. 149–159.
- Trusov A.V., 2011. Paleolit basseyna Oki [The Paleolithic of the Oka River region]. Moscow: Reprintsentr-M. 312 p.
- Vasil'ev S.A., 1999. The final Paleolithic of Denmark. *Stratum plus*, 1, pp. 211–218. (In Russ.)
- Voronenko O.V., 2019. Hunting Weapons in the Cultures of the Final Palaeolithic in the Belorussian Dnieper Region. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 255. P. 102–112. (In Russ.)
- Zaliznyak L.L., 1989. Okhotniki na severnogo olenya Ukrainского Poles'ya epokhi final'nogo paleolita [Reindeer hunters of the final Paleolithic in the Ukrainian Polesie]. Kiev: Naukova dumka. 176 p.
- Zaliznyak L.L., 2021. The final Paleolithic of Zhytomyr Polesie. *Arkheologiya [Archaeology]*, 3, pp. 5–27. (In Ukrainian).
- Zhilin M.G., 2004. The Mesolithic of the Volga-Oka interfluvium: Some results of research in recent years. *Problemy kamennogo veka Russkoy ravniny [Issues of the Stone Age of the Russian Plain]*. E.V. Leonova, K.N. Gavrilov, comp., Kh.A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 92–139. (In Russ.)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О БОРОВИЦКОМ ХОЛМЕ МОСКВЫ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (по керамическим материалам)

© 2022 г. О. А. Лопатина¹, *, В. Ю. Коваль¹, **

¹ *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

**E-mail: lopatina.olga@gmail.com*

***E-mail: kovaloka@mail.ru*

Поступила в редакцию 29.11.2021 г.

После доработки 30.01.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

В статье публикуются материалы железного века из раскопок 2019–2021 гг. в Верхнем Тайницком саду Московского Кремля. Культурный слой этого времени сильно нарушен, культурно-хронологическую информацию о памятнике дает преимущественно керамика, представляющая собой основную часть находок. Помимо этого в коллекции имеется несколько изделий из глины. Исследование керамики позволило выделить несколько этапов освоения памятника. К самому раннему периоду (IX–VI вв. до н.э.), предшествовавшему дьяковскому времени, относится лишь несколько фрагментов сосудов. Наиболее массово представлены материалы ранней дьяковской археологической культуры V–II вв. до н.э. Заметную часть коллекции составляет керамика познедьяковской культуры, но только ее среднего (II–III вв.) и финального (IV–V вв.) этапов. Материалы раскопок в Верхнем Тайницком саду представляют собой остатки того же поселения, что ранее было открыто шурфами под Архангельским собором.

Ключевые слова: Московский Кремль, дьяковская культура, ранний железный век, керамика, “текстильные” отпечатки, грузики дьякова типа.

DOI: 10.31857/S0869606322030102

В ходе полевых исследований в 2019–2021 гг. на территории Московского Кремля массово выявлены материалы железного века, которые позволяют в значительной степени расширить наши представления о древнейших жителях Боровицкого холма, более подробно обозначить культурную специфику поселения, уточнить его хронологические рамки (рис. 1). Коллекция керамики из этих раскопок по сравнению с уже известными материалами на сегодняшний день наиболее представительная и насчитывает 1351 фрагмент. В их числе материалы познедьяковского времени, которые ранее столь массово не были известны. Кроме этого найдены грузики дьякова типа, глиняные бусины и другие предметы из глины (Макаров и др., 2020). Статья посвящена публикации этих материалов.

До настоящего времени мы располагали скромным корпусом источников по истории поселения железного века на Боровицком холме. Тем не менее внимание исследователей к древнейшим обитателям этой территории всегда было пристальным. Еще в 1947 г. А.В. Арциховский и О.Н. Бадер уверенно высказывались о возможности существования здесь городища дьяковской

археологической культуры. Оба исследователя сходились во мнении, что поселение могло располагаться на стрелке рек Москвы и Неглинной, в самом высоком месте Кремля, топографически типичном для городища (Арциховский, 1947. С. 14; Бадер, 1947. С. 130, 131).

Однако вплоть до середины 60-х годов прошлого века не было каких-либо свидетельств наличия здесь раннего поселения. Масштабные раскопки 1959–1960 гг. в связи со строительством Дворца съездов, давшие многочисленные древнерусские материалы, не выявили никаких следов более раннего времени. Только с середины 1960-х годов с территории Соборной площади начали появляться первые находки керамики железного века, происходившие из шурфов или собранные в ходе наблюдений за строительными работами. Подробный обзор истории исследований и обстоятельств обнаружения этих находок сделан Т.Д. Пановой (2010). Как известно, в шурфах под Архангельским собором впервые в 1969 г. обнаружен культурный слой с типичными для раннего этапа дьяковской культуры находками (керамика с “текстильными” отпечатками, кости животных), которые было предложено датиро-

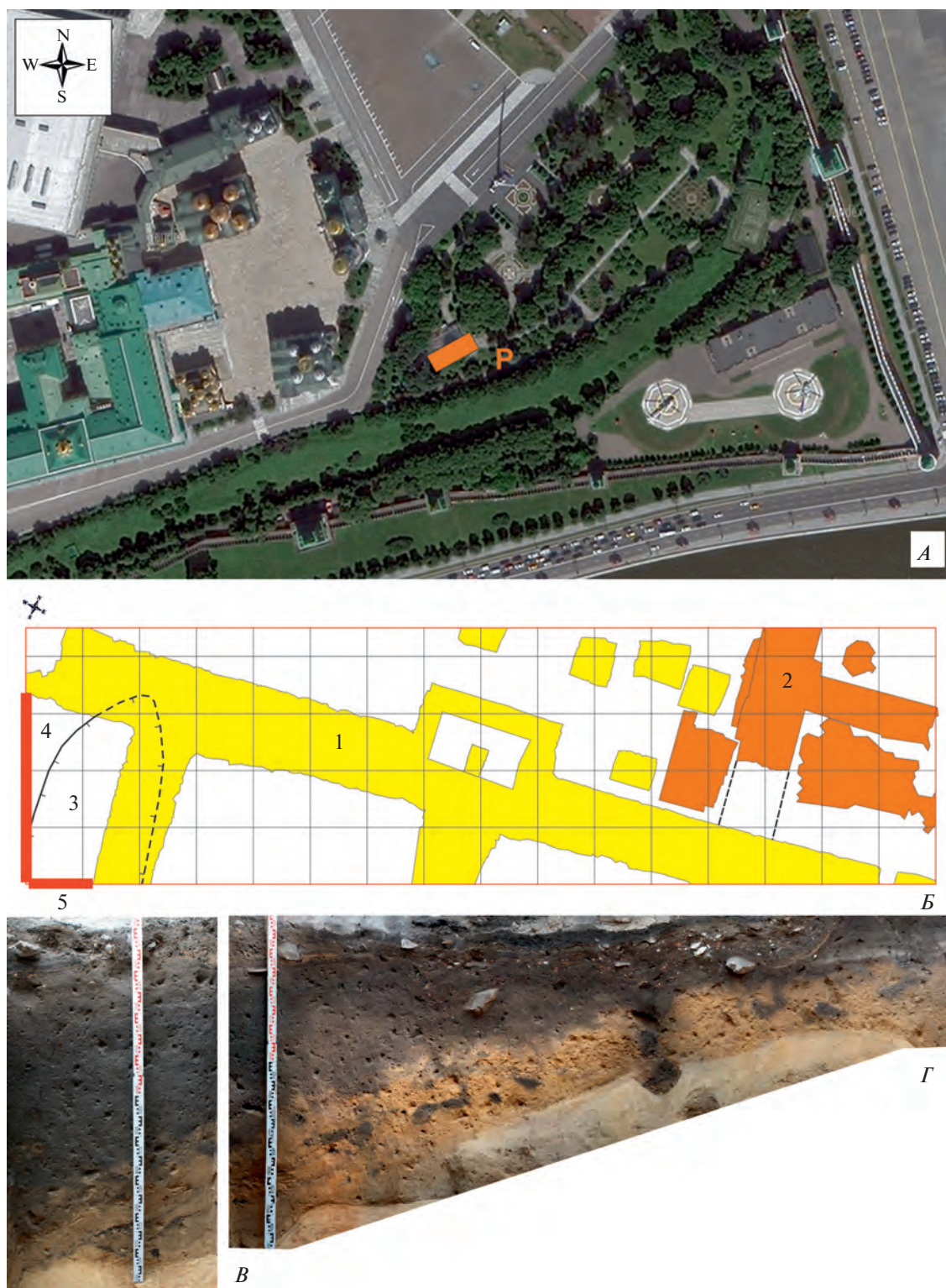

Рис. 1. Раскоп в Большом Кремлевском сквере. *А* — космоснимок юго-восточной части Кремля (*Р* — раскоп); *Б* — схема раскопа: 1 — фундаменты Новых Приказов; 2 — Старые Приказы; 3 — ложбина, заполненная отложениями раннего железного века; 4 — юго-западный профиль; 5 — юго-восточный профиль (3, 4 и 5 относятся к сектору 1); *В* — юго-восточный профиль (нижняя часть); *Г* — юго-западный профиль (нижняя часть).

Fig. 1. An excavation site in the Great Kremlin Garden

вать второй половиной I тыс. до н.э. (Шеляпина, 1973. С. 255). Компактное сосредоточение всех находок в пределах Соборной горы и данные геологических бурений, полученные к тому времени с этой территории, позволили Н.С. Шеляпиной (Владимирской) высказать предположение о существовании дьяковского городища именно здесь, на наиболее высоком месте Боровицкого холма (Владимирская, 1985. С. 7–9).

При повторном вскрытии шурфов под Архангельским собором в 1999 г. Н.А. Кренке и И.А. Бойцовым отобраны образцы для радиоуглеродного и палинологического анализов. Все три полученные радиоуглеродные даты укладывались в интервал IV–III вв. до н.э. В датированном слое найдена и более ранняя керамика с гребенчатым орнаментом. Изучение палинологического спектра дало возможность предположить, что освоение человеком Боровицкого холма и его ближайших окрестностей в IV–III вв. до н.э. происходило более интенсивно по сравнению с Дьяковым городищем (Кренке, 2010. С. 52).

За пределами Соборной площади находки железного века также известны, но они единичны. Таких пунктов три. Первый связан с шурфами 1967 г. снаружи Кремлевской стены севернее Боровицкой башни, откуда происходит несколько фрагментов керамики (Панова, 2010. С. 57). Второй пункт – раскоп 1 на месте демонтированного 14 корпуса в северной части Ивановской площади (Макаров и др., 2017–2018). Здесь в древнем выворотне корневой системы упавшего дерева в 2016 г. найден развал крупного сосуда с так называемыми рябчатыми отпечатками (в том числе на днище) и орнаментом в виде розеток (рис. 2, *А*), относящийся к раннему дьяковскому периоду. Третий пункт – Подол Московского Кремля, где в раскопах 2007 г. (Коваль и др., 2010) найдены 19 фрагментов керамики с гладкой, “текстильной” и подлощенной поверхностью и один грузик дьякова типа. Выраженный культурный слой железного века на этом участке отсутствовал, находки, скорее всего, находились в переотложенном состоянии. Тем не менее материалы позволили допускать возможность существования здесь поселения позднедьяковского времени (Кренке, 2019. С. 122). Происходящий отсюда подлощенный венчик с уступом при переходе к плечу можно отнести к кругу мощинских древностей (рис. 2, *Б*).

В целом с момента первых находок и до раскопок 2019–2021 гг. материалы железного века пополнялись очень незначительно. По данным Т.Д. Пановой, на момент составления Каталога археологической коллекции музея-заповедника “Московский Кремль” в ней насчитывалось всего 68 фрагментов керамики (Панова, 2010. С. 57, 58). Была проведена культурно-хронологическая

атрибуция этой коллекции, выполнен технологический анализ 24 фрагментов от разных сосудов (Лопатина, 2010). Установлено, что материалы, достоверно происходящие с Соборной площади, представлены исключительно керамикой раннего этапа дьяковской культуры. В коллекции имелся только один фрагмент с защитным орнаментом, который можно отнести к начальному этапу позднедьяковской культуры. К сожалению, точное место его находки не известно.

Публикуемые в данной статье материалы происходят из раскопа, который был расположен на западной оконечности Большого Кремлевского сквера (иначе называемого Верхним Тайницким садом) и находился в 40 м к востоку от Архангельского собора, занимая позицию на краю склона, обращенного к р. Москве (рис. 1, *А*). Материалы железного века обнаружены в основном в западной части раскопа, где в ходе раскопок 2019–2021 г. выявлен участок общей площадью не более 16 м² (сектор 1), где сохранился культурный слой железного века (в условной стратиграфической шкале раскопа слой 9). При этом больше половины указанной площади занимала ложбинка глубиной до 2 м (рис. 1, *Б*). Основная ее часть была заполнена слоем 9, верхняя часть засыпана грунтом, содержащим в основном керамику и предметы второй половины XII–XIII в. Ложбина имела ширину не более 3 м (частично она была перекрыта белокаменным фундаментом здания Приказов постройки 1675–1683 гг.) и была вытянута по линии ССЗ–ЮЮВ, с падением уровня дна в направлении склона к р. Москве. Кроме ложбины керамика раннего железного века найдена к северу и востоку от нее, но уже в переотложенном виде, в средневековом слое, вместе с материалами XII–XIII вв.

Слой железного века состоял из прослоек темно-серой супеси с включениями мелких угольков (местами мелких комочков обожженной глины), серой супеси и желтого песка с включениями серой супеси. На поверхности материка фиксировались также прослойки светло-серой супеси с включениями песка и песка с незначительными включениями серой супеси толщиной 5–20 см. Общая мощность слоя железного века на участках горизонтального залегания составляла от 20 до 80 см, в заполнении упомянутой ложбины – до 120 см (рис. 1, *В*, *Г*).

Внутри слоя четкая стратиграфия не прослеживалась – это была в целом однородная темно-серая супесь, турбированная многочисленными перекопами средневековой эпохи. Тем не менее в заполнении ложбины отмечены прослойки переотложенного песка или песка, смешанного со светло-серой супесью с единичными обломками керамики железного века.

Сложность стратиграфического членения этого слоя состояла кроме его морфологической од-

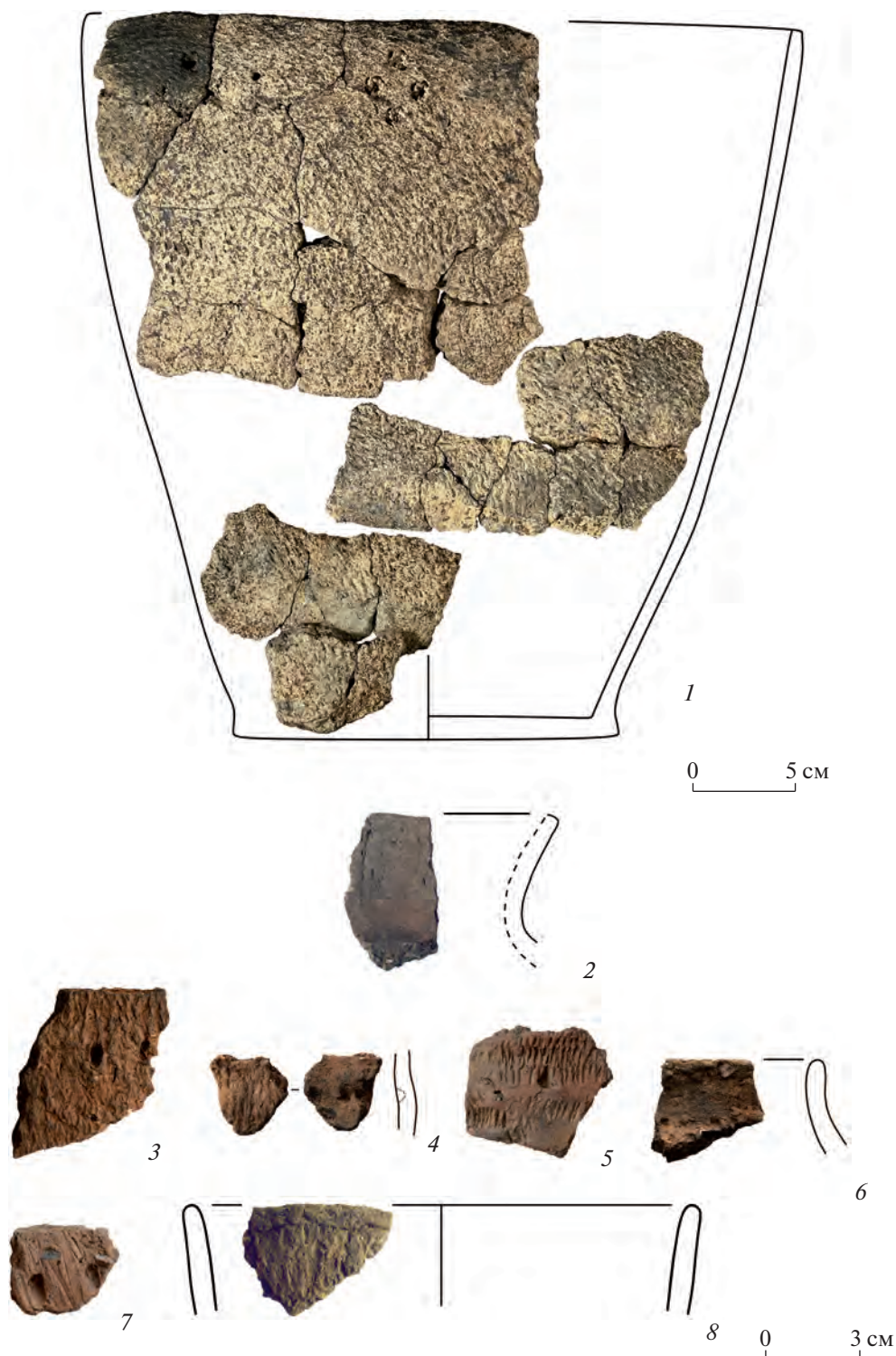

Рис. 2. Находки керамики железного века. 1 — из раскопа на месте демонтированного 14 корпуса; 2 — с Подола Московского Кремля; 3–8 — керамика преддыяковского облика из раскопа в Большом Кремлевском сквере.

Fig. 2. Finds of Iron Age pottery (1–8)

нородности также в том, что он залегал на склоне в ложбину, т.е. под углом наклона в 30–40°, что затрудняло разборку слоя и отбор материала по наклонным условным горизонтам. По этой при-

чине оказалось невозможным разделить обнаруженный слой на ранний и поздний сегменты. Следует особо обратить внимание на то, что слой железного века не отделялся от средневековых

Таблица 1. Основные группы керамики из слоя железного века (слой 9) и из средневековых слоев (слои 5–8), раскоп в Большом Кремлевском сквере**Table 1.** The main groups of pottery from the Iron Age layer (layer 9) and from the medieval layers (layers 5–8), excavation site in the Great Kremlin Garden

Слой/Группа	Гладкая	Гладкая поздняя	Лощеная	Древнерусская	Текстильная														Штрихованная	Всего
					рябчатая								ниточная				стежковая	неопределенная		
					Р	Р1	Р1-1	Р2	Р2-1	Р3	Р3-1	Р3-2	Н	Н1	Н2	Н3				
Слой 5а	3	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	7
Слой 6	23	4	1	—	—	6	4	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	4	—	45
Слой 7	42	3	1	—	1	18	7	1	—	—	5	—	—	1	1	4	1	10	—	95
Слой 8	27	1	—	17	2	23	7	6	—	5	11	—	—	—	2	6	—	10	1	118
Слой 9	518	21	80	68	43	161	55	13	2	15	24	3	4	13	4	5	2	51	4	1086
Всего	613	29	82	85	46	210	73	22	2	20	40	3	4	15	7	15	3	77	5	1351
%	46	8		6						39.5									0.5	100

Всего текстильной 537 фрагментов.

отложений никакой стерильной прослойкой (погребенной почвой). Исходя из этого, можно предположить, что древняя поверхность слоя железного века в данном месте могла быть подрезана в XII в. либо она подвергалась естественной эрозии (склоновым процессам размывания и деформации грунтов). Однако следы такой эрозии также не сохранились на площади раскопа и не прослеживались в его профилях. Вероятно, интенсивность хозяйственного воздействия на поверхность земли (а значит, и на поверхность слоя железного века) была в период появления средневековой Москвы очень велика.

Трудности усугублялись многочисленными перекопами, выходившими из слоев второй половины XII—XIII в. и последующих времен, нарушавшими целостность раннего слоя. Некоторые небольшие по размеру перекопы фиксировались только по позднему керамическому материалу, обнаруживаемому во внешне однородном слое железного века.

Близость Архангельского собора с выявленным там ранее культурным слоем дяковской культуры позволяет полагать, что в раскоп в Большом Кремлевском сквере попала часть того же самого поселения.

При имеющихся сильных нарушениях культурного слоя и дефиците датирующих находок основную культурно-хронологическую информацию о поселении дает керамика. В соответствии со сложившейся практикой обработки дяковских керамических коллекций выделялись группы “текстильной”, штрихованной, гладко-стенной и лощеной керамики, наличие которых

позволяет судить о хронологии памятника (Розенфельдт, 1974. С. 120). Принадлежность гладко-стенной керамики к раннедяковскому или позднедяковскому времени не очевидна за исключением фрагментов со специфической морфологией и составом формовочной массы, что указывает на их поздний характер. К таким относятся фрагменты с уступом при переходе от венчика к плечу, высокие прямые венчики, а также керамика с примесью шамота. Добавление этой примеси не характерно для раннедяковских гончарных традиций, но свойственно для позднедяковских (Кренке, Лопатина, 2008. С. 385; Тавлинцева, 2010). Такая керамика выделена в особую группу (поздняя гладко-стенная) и при подсчетах рассматривалась в совокупности с лощеной.

Статистическое соотношение групп керамики (в %) по материалам всего раскопа (1351 фрагмент) следующее: гладко-стенная — 46, “текстильная” — 39.5, лощеная и поздняя гладко-стенная — 8, древнерусская круговая — 6 (показатель отражает долю древнерусской керамики в слоях 8 и 9 сектора 1), штрихованная — 0.5 (табл. 1).

По материалам сектора 1, где сохранился слой раннего железного века (933 фрагмента), было составлено распределение групп керамики по глубинам (рис. 3). В силу сильной нарушенности культурного слоя оно не несет значимой культурно-хронологической информации, но все же позволяет сделать ряд важных наблюдений. Во-первых, распределение “текстильной” керамики по глубинам не показывает закономерности, обычной для московских городищ дякова типа с ненарушенным слоем, ни на уровне относительно горизонтального залегания слоя (выше —370—

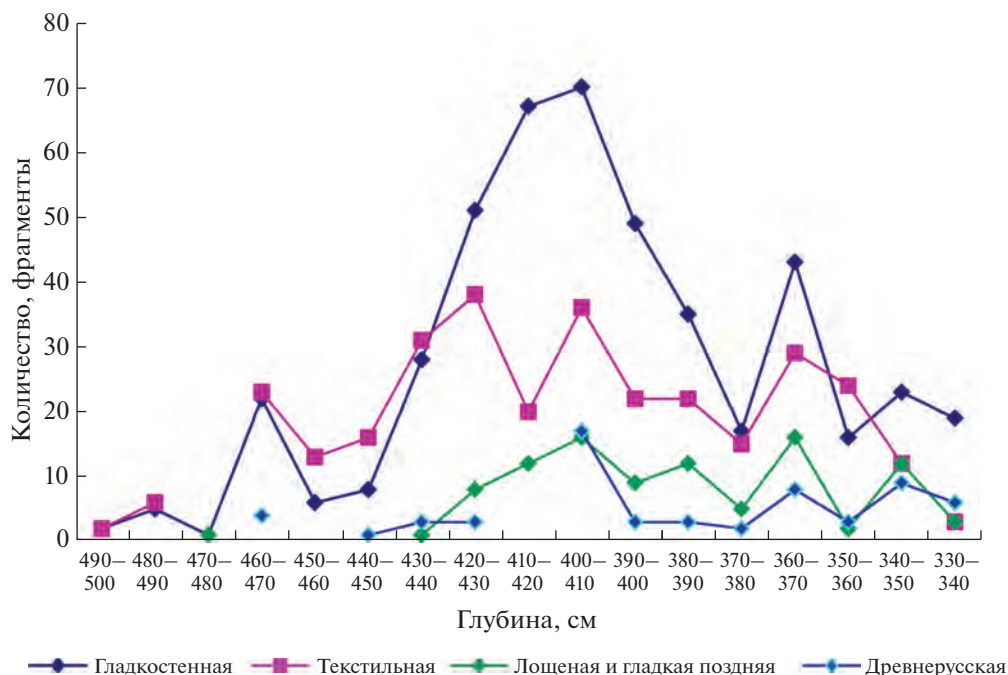

Рис. 3. Распределение групп керамики по глубинам из слоя 9 в секторе 1 раскопа в Большом Кремлевском сквере.

Fig. 3. Distribution of pottery groups by depth from layer 9 in sector 1 of the excavation site in the Great Kremlin Garden

380 см), ни в заполнении ложбины (глубины от –370–380 до –440–500 см). Доля “текстильной” керамики в верхних слоях не уменьшается, она встречается совместно и при этом массово с типичной для позднего дьяковского времени керамикой. Такая картина однозначно указывает на то, что ранний дьяковский слой в значительной степени был перемешан, скорее всего, в процессе засыпки ложбины в XII–XIII вв. Во-вторых, именно из заполнения ложбины происходит максимальное количество керамики (гладкостенной, “текстильной”, лощеной и поздней гладкой). В-третьих, по характеру распределения можно предполагать, что в наименьшей степени была перемешана нижняя часть заполнения ложбины. На отметках от –450–460 до –490–500 см в ложбине залегал однородный темно-серый слой, в котором “текстильная” керамика незначительно, но все же преобладала над гладкостенной. Возможно, отложение тут раннедьяковского слоя связано с его естественным оползанием вниз по склону. Затем он был перекрыт перемешанным грунтом с площадки городища, содержащим как ранние, так и поздние дьяковские материалы.

Несмотря на то что ранние и поздние дьяковские материалы были в значительной степени перемешаны, в пределах слоя 9 на склоне и в нижней части заполнения ложбины в локальных прослойках светло-серой супеси (иногда с примесью желтого песка) отмечена только “текстильная” и гладкостенная керамика при полном отсутствии

лощеной и древнерусской. Скорее всего, это фрагменты неперемешанного раннего дьяковского слоя.

Материал этих прослоек в совокупности с материалом темно-серого слоя нижней части заполнения ложбины допустимо, по нашему мнению, рассматривать условно как самый ранний стратиграфически выделяемый комплекс. В пользу этого говорит и тот факт, что единичные фрагменты наиболее ранней штрихованной керамики зафиксированы только в этих отложениях. Распределение основных групп керамики в условно раннем комплексе представлено в табл. 2.

Связь лощеной керамики с какими-то прослойками, выделяемыми стратиграфически, не прослеживается. В секторе 1 лощеная керамика фиксировалась систематически с отметок –340–350 до –420–430 см. Сильный разброс по глубинам и прослойкам фрагментов одних и тех же сосудов, поддающихся склейке, может указывать на рассыпание материала по склону в процессе засыпки ложбины.

Древнерусская круговая керамика фиксировалась в небольшом количестве практически на всем протяжении слоя 9, единичные находки — вплоть до материка.

При статистической обработке “текстильной” керамики выделялись группы (табл. 1) в соответствии с предложенной ранее систематизацией “текстильных” отпечатков (Лопатина, 2019.

Таблица 2. Соотношение групп керамики в условно раннем стратиграфическом комплексе
Table 2. Correlation of pottery groups in the provisional early stratigraphic complex

Группа	Гладкая	Текстильная	Гладкая поздняя и лощеная	Древнерусская	Штрихованная	Всего
Количество, фрагм.	96	118	2	8	4	228
%	42	52	1	3	2	100

С. 125–140). Среди ниточной и рябчатой керамики выделялись подтипы и виды по морфологии элементов оттисков (Р1 – рябчатые отпечатки узких пропорций, в которых длина значительно превышает ширину, Р2 – широких пропорций (длина ненамного превышает ширину), Р3 – длина примерно равна ширине, Н1 – отпечатки со следами перекручивания нескольких нитей (S-крутка), Н2 – отпечатки одной спряженной нити (Z-крутка), Н3 – ниточные отпечатки, на которых следы кручения неясны; дополнительный цифровой индекс через дефис отражает степень детальности внутри подтипа¹).

Орнаментированных фрагментов в коллекции 98 (табл. 3). Орнамент в большей степени характерен для “текстильной” посуды (63 фрагм.). Чаще всего на ней представлены элементы (в виде розеток, ямок с неровными краями², ямок округлых), расположенные в верхней части сосудов. Реже – гребенчатый, в виде наклонных ямок (тычков), штамп по краю венчика. У отпечатков гребенчатого штампа оттиски зубцов неровные, часто имеют сглаженные контуры, что отличает их от оттисков гребенчатых штампов на керамике из южной части ареала городищ дьякова типа.

Среди гладкостенной керамики орнаментировано 33 фрагмента. В основном украшен край венчика: это насечки, а также всевозможные штампы, в том числе ориентированные вдоль края. Единично на гладкостенной фиксируется орнамент в виде наклонных, округлых, подпрямоугольных ямок, а также гребенчатый и прочерченный.

Ниже дается обзор основных культурно-хронологических групп керамики железного века.

К преддьяковскому этапу отнесено шесть небольших обломков с характерными внешними особенностями (рис. 2, 3–8). Это фрагмент “текстильного” сосуда, с внутренней стороны которого в области плечика нанесены мелкие ямки (рис. 2, 4), которые снаружи образуют слабывы-

пуклые “жемчужины”. Так называемый жемчужный орнамент на “текстильной” керамике хорошо известен на памятниках эпохи финальной бронзы Плещеева озера (Веськово 1), Среднего Поочья (Тюков Городок), датируемых первой половиной I тыс. до н.э. (Фоломеев, 1975. С. 168; Вишневский, 1990. С. 13), и на ряде памятников финальной бронзы и раннего железного века Костромской низины – Ватажка, городище в Костроме и др. (Новиков, 2018).

К преддьяковскому этапу отнесены также образцы керамики со стежковыми отпечатками на поверхности (рис. 2, 5) и с гребенчатым орнаментом (рис. 2, 6). Датированные комплексы с аналогичными материалами отмечены на Чертовом городке (Кренке, 1995) и городище Боршева (Крис и др., 1984).

Обломок керамики с тычковым орнаментом и штриховкой в виде тонких и неравномерных по толщине следов бороздчатого заглаживания (рис. 2, 7) имеет сходство с керамикой второй группы Климентовской стоянки, которую Б.А. Фоломеев датировал концом II – первой половиной I тыс. до н.э. (Фоломеев и др., 1988. С. 178–183). С керамикой климентовского типа сходен и фрагмент с ниточными (Н3) отпечатками, орнаментированный наклонными ямками (тычками) (рис. 2, 3).

Помимо этого в коллекции имеются еще три мелких штрихованных обломка, у которых штриховка представлена сравнительно широкими бороздками. Нельзя исключать их ранний характер.

Керамика с перечисленными морфологическими признаками вписывается в рамки выделяемого Н.А. Кренке преддьяковского периода или начального железного века IX–VI вв. до н.э. (Кренке, 2019. С. 38–40). Фрагментированность и единичность этих находок, а также нахождение их вне стратиграфического контекста позволяют лишь в предположительной форме допускать существование поселения на Боровицком холме в это время.

К раннему этапу дьяковской культуры V–II вв. до н.э. отнесена “текстильная” и гладкостенная керамика с характерной формой венчиков (рис. 4). Из-за сильной измельченности о форме сосудов можно судить только в самых общих чертах. Венчики принадлежали сосудам со следую-

¹ Например, вид Р1-1 обозначает отпечатки, нанесенные инструментом из еловой шишки с частично удаленными чешуями.

² Ямки с неровными краями представляют собой оттиски, которые имеют определенное внешнее сходство как с наклонными ямками (тычками), так и с орнаментом в виде розеток.

Таблица 3. Виды орнамента на керамике железного века, раскоп в Большом Кремлевском сквере
Table 3. Types of ornamentation on Iron Age pottery, excavation site in the Great Kremlin Garden

Вид орнамента/Поверхность	Гладкая	Текстильная	Штрихованная	Гладкая поздняя	Всего
Ямки с неровным краем	2	11	—	—	13
Розетки	—	17	—	—	17
Ямки округлые	2	13	—	—	15
Дно с текстильными отпечатками	—	9	—	—	9
Штамп по краю венчика	—	1	—	4	5
Ямки наклонные	4	3	1	—	8
Ямки в виде угла	—	3	—	—	3
Ямки дуговидные	—	1	—	—	1
Прочерченный	1	1	—	—	2
Гребенчатый	2	2	1	—	5
Гребенчатый в сочетании с ямками в виде угла	—	1	—	—	1
Продольные вдавления по краю венчика	2	—	—	2	4
Ямки подпрямоугольные	1	—	—	—	1
Поперечные насечки по краю венчика	4	—	—	9	13
Жемчужный	—	1	—	—	1
Всего	18	63	2	15	98

Примечание: цифры означают количество фрагментов.

щими характеристиками: 1) верхняя часть лишена профилировки, 2) достаточно короткая прямая шея и слегка выделенное плечо, 3) край загнут внутрь, 4) слегка отогнутый наружу край венчика (редко).

Для комплекса этого времени, скорее всего, была более характерна “текстильная”, а не гладкостенная керамика. Такой вывод не очевиден из приведенных общих подсчетов (табл. 1) и объясняется нарушениями слоя, но следует из других наблюдений. Так, данные о соотношении групп керамики условно раннего комплекса (табл. 2) показывают незначительное, но все же преобладание “текстильной” керамики (52%) над гладкостенной (42%). Кроме того, из всех возможных для графической фиксации 22 венчиков ранне-дьяковского времени имелось только 4 с гладкой поверхностью. Такая картина преобладания “текстильной” керамики над гладкостенной вполне сопоставима с ближайшими к Боровицкому холму дьяковскими городищами: Дьяково городище (слой В) — 80.4% (Кренке, 2011. С. 120, 122), Сетуньское — 69% (Розенфельдт, 1974. С. 121), Мамоново — 73% (Данилова, 1976. С. 58).

Морфология “текстильных” отпечатков на керамике кремлевского поселения имеет опреде-

ленную специфику. Здесь доля рябчатых отпечатков составляет 78%, а ниточных — 8, что отличается от памятников низовьев Москвы-реки и Среднего Поочья³. Например, на городище Настасьино это соотношение соответственно 50 и 44% (Лопатина, 2019. Прил. 2. Табл. 16). Преобладание рябчатых оттисков над ниточными ранее было отмечено К.А. Смирновым для городищ Верхнего Поволжья и рассматривалось им как характерная черта этого региона (Смирнов, 1991). А.С. Сыроватко полагает, что это явление имеет хронологические особенности (Сыроватко, 2009. С. 123). Однако для кремлевского поселения пока нет данных, чтобы проверить это предположение.

Среди всех рябчатых отпечатков (416 фрагм.) на керамике кремлевского поселения основную часть составляют рябчатые подтипа Р1 (39%), заметно присутствие елово-шишечных оттисков вида Р1-1 (14%) и отпечатков подтипа Р3 (12%). Доля последних весьма ощутима по сравнению с памятниками низовьев Москвы-реки и Среднего Поочья, где такие оттиски единичны.

³ Пока сравнительный материал имеется только для нескольких памятников низовьев Москвы-реки (городище Настасьино) и Средней Оки (Мутенковское, Старшее Каширское).

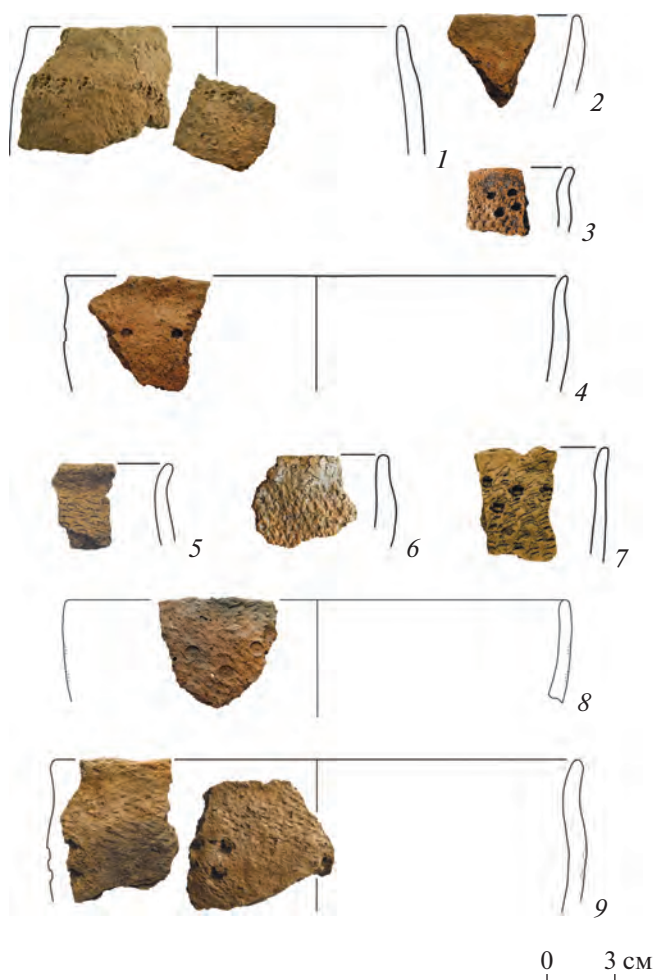

Рис. 4. Керамика раннего этапа дьяковской культуры из раскопа в Большом Кремлевском сквере (1–9).

Fig. 4. Pottery of the early stage of the Dyakovo culture from the excavation site in the Great Kremlin Garden (1–9)

На поверхности девяти днищ отмечены “текстильные” отпечатки, в основном с обеих сторон, реже только с одной. Все оттиски относятся к подтипу рябчатых (P1). Такая картина не противоречит высказанному ранее предположению, что традиция декорирования днищ “текстильными” отпечатками связана с нанесением именно рябчатых оттисков (Лопатина, 2019. С. 138).

В целом описанный керамический комплекс чрезвычайно схож с материалами, происходящими из шурфов под Архангельским собором. Там также существенно преобладают рябчатые отпечатки над ниточными, при этом наиболее массовые — рябчатые отпечатки узких пропорций (P1) (Лопатина, 2010. С. 69). О близком сходстве говорит и сравнение результатов технологического анализа керамики⁴.

⁴ Материалы готовятся к публикации.

К позднедьяковской культуре отнесена лощеная керамика⁵, а также гладкостенная с характерной профилировкой верхних частей сосудов. Несмотря на то что материал этого времени сильно измельчен, удалось восстановить значительную часть профиля нескольких сосудов этого времени.

Морфологические особенности. Рассматриваемый комплекс представлен сосудами как мисковидной, так и горшковидной формы. Среди мисковидных имеются лощеные. Об особенностях поверхности горшковидных сосудов сказать что-либо сложно, так как принадлежность венчиков к горшкам или мискам не всегда очевидна.

Большая часть сосудов как лощеных, так и гладкостенных, имеет высокий прямой, часто в виде раструба, или слегка дуговидный венчик и относительно крутой переход от венчика к плечу. У некоторых сосудов этот переход оформлен сравнительно плавно (рис. 5, 3; 6, 1, 4, 5), у некоторых — через уступ (рис. 5, 4; 6, 2, 3). От остальных мисковидных сосудов несколько отличается приземистая миска — наличием выпуклого тулова и короткого прямого венчика (рис. 5, 2).

В коллекции имеется также керамика с более плавным S-видным переходом от венчика к плечу (рис. 5, 1). У некоторых сосудов при отсутствии резкого перехода к плечу максимальное расширение профиля расположено сравнительно низко (рис. 5, 5). Стилистически такая керамика отличается от описанной выше группы.

К позднедьяковскому времени отнесен единственный “текстильный” венчик (рис. 5, 6), обладающий специфическими признаками: высокий, прямой, отогнутый наружу, на внутренней поверхности заметна небольшая зона сильно деформированных и плохо различимых “текстильных” (H1) отпечатков. Особенности морфологии позволяют отнести его к кругу традиций изготовления поздней профилированной “текстильной” керамики (Лопатина, Тавлинцева, 2017).

Орнамент на поздней керамике в основном располагался по краю венчиков. Это косые поперечные насечки, более редки продольные оттиски, похожие на отпечатки ногтя, а также отпечатки небольших штампов. На лощеной посуде орнамент отсутствует.

Датировка по керамике. Прежде всего отметим, что в коллекции отсутствуют фрагменты сосудов, которые можно было бы по морфологическим признакам с уверенностью отнести к начальному этапу позднедьяковской культуры, который датируется по данным Н.А. Кренке I в. до н.э. — I в. н.э. (Кренке, 2019. С. 70). Ногтевой орнамент, более всего характерный для этого вре-

⁵ Некоторые обломки могут быть отнесены к лощеным лишь условно, они несут очень тусклое или неравномерное лощение.

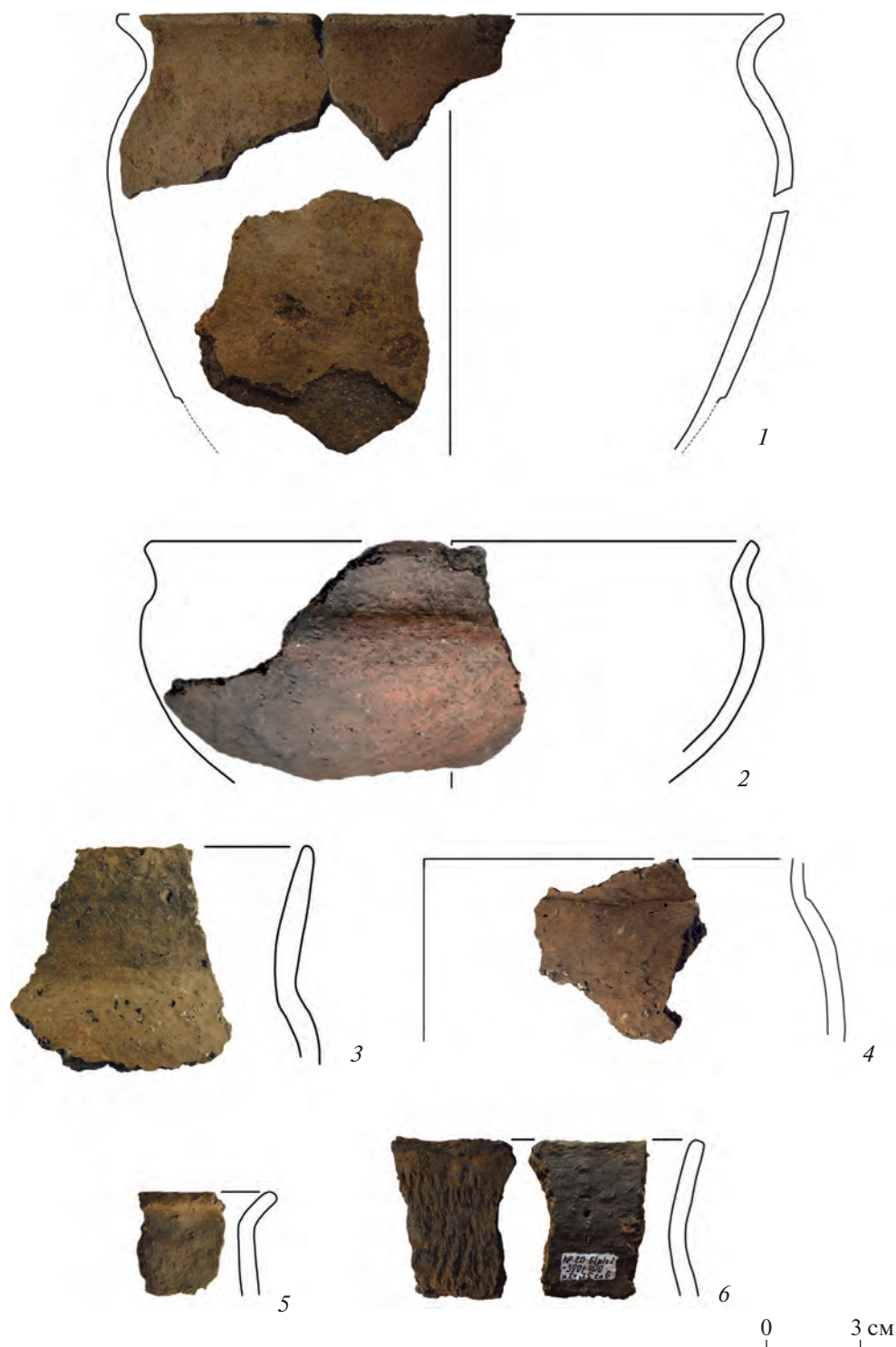

Рис. 5. Керамика позднедьяковской культуры из раскопа в Большом Кремлевском сквере (1–6).

Fig. 5. Pottery of the late Dyakovo culture from the excavation site in the Great Kremlin Garden (1–6)

мени, полностью отсутствует в материалах раскопа, что несколько необычно. На памятниках Москворечья (в частности, судя по материалам Дьякова городища) такой орнамент имел распро-

странение на большом отрезке времени, включая средний и финальный этапы позднедьяковской культуры. Единственным возможным указанием на существование поселения во время начального

этапа позднедьяковской культуры может быть профилированный “текстильный” венчик (рис. 5, 6). Однако такое предположение вряд ли возможно, поскольку датировка керамики этого круга рубежом эр — III—IV вв. н.э. (Лопатина, Тавлинцева, 2017. С. 356) шире, чем датировка начального этапа позднедьяковской культуры. По этой причине мнение Н.С. Шеляпиной о существовании поселения дякова типа на Боровицком холме и в первых веках н.э. (Шеляпина, 1973. С. 260) пока не находит убедительных доказательств.

К среднему этапу позднедьяковской культуры, который датируется II—III вв. н.э. (Кренке, 2011. С. 144, 145), можно отнести несколько сосудов со сравнительно плавным переходом от венчика к плечу (рис. 5, 1, 5; 6, 5). Аналогии им имеются в материалах среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2019. С. 314. Рис. 29, 138, 140). При этом нельзя не отметить, что сходные формы встречаются и в более позднее мощинское время (Воронцов, 2013. С. 36, 37. Рис. 39, 1).

Так называемая керамика с уступом, найденная на кремлевском поселении, связана с распространением в Москворечье древностей мощинского круга на финальном этапе позднедьяковской культуры. Этот процесс, по данным Н.А. Кренке, происходил в IV—V вв. н.э. (Кренке, 2019. С. 80). Аналогичные кремлевским формы характерны для слоя пожара V в. н.э. на городище Ростиславль (Тавлинцева, 2010. С. 26. Рис. 2, 4, 7). Также они известны в материалах верхнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011. С. 515. Рис. 217, 222, 224). Скорее всего, к финальному этапу можно отнести и керамику с такими специфическими поздними видами орнамента, как продольные узкие вдавления по краю венчика и орнаментация края венчика мелкими штампами. На Троицком городище такая орнаментация зафиксирована исключительно на керамике из верхнего горизонта верхнего слоя (Розенфельдт, 1971. С. 78). В целом материалы финального этапа позднедьяковской культуры кремлевского поселения представлены более массово по сравнению с материалами среднего этапа.

Находки. Все артефакты железного века происходят из слоя 9. Это три целых и один обломок грузика дякова типа, коническая глиняная бусина, фрагмент пряслица, мелкие обломки толстостенного массивного тигля. Эти предметы имеют широкую датировку.

Целые грузики, по типологии К.А. Смирнова, относятся к типу 1 (Смирнов, 1971. С. 72). Поверхность первого (рис. 6, 6) покрыта “текстильными” отпечатками, что совершенно не характерно для грузиков и зафиксировано впервые. Типологически отпечатки относятся к группе

рябчатых (РЗ), однако по особенностям своей морфологии они не тождественны отпечаткам той же группы на керамике. Размер отверстия — 0.4–0.5 мм; у основания канала имеются тонкие бороздки, возможно, следы потертостей от нитей. Диаметр основания грузика — 5.1 см, высота — 4.3.

Второй грузик имеет на боковой поверхности прочерченный по сырой глине знак в виде линзо-подобной фигуры “с хвостами” (рис. 6, 9). Знак наносили небольшими отрезками, стараясь придать округлость линиям, образующим линзу. Прослеживается симметричность изображения, при этом противолежащие линии не соединяются друг с другом, образуя просвет, что не дает трактовать знак как ромб с крючками, как можно было бы предположить. Аналогичных изображений среди дяковских древностей найти не удалось. Основание грузика слегка вогнуто, имеет диаметр 5.6 см, высоту 2.8, диаметр канала 0.04–0.05.

Третий грузик заметно меньших размеров — диаметр основания — 3.4 см, высота — 1.8, диаметр отверстия — 0.6 (рис. 6, 7). Основание слегка выпуклое, орнаментировано линиями в виде крестообразно расходящихся от отверстия лучей.

По данным Н.А. Кренке, грузики дякова типа, в частности типа 1, имеют чрезвычайно широкий временной диапазон бытования, они существовали как в ранне-, так и в позднедьяковское время. Вместе с тем их размеры были подвержены хронологическим изменениям, а именно ранние грузики в основном крупнее поздних. Для оценки размеров грузиков Н.А. Кренке использовал показатель значения суммы высоты изделия и диаметра его основания (Кренке, 2011. С. 76–78). Для кремлевских грузиков это значение составляет соответственно 9.4, 8.4 и 5.2 см. По аналогии с параметрами грузиков Дьякова городища первые два изделия можно отнести к ранней дяковской культуре (“текстильный” грузик только подтверждает это), а третий небольшого размера — к позднедьяковской.

Конические глиняные бусины (рис. 6, 8) повсеместно известны среди дяковских древностей, датировка их весьма широка. На Дьяковом городище они были найдены как в нижнем слое, так и в верхнем (Кренке, 2011. Рис. 97. Рис. 147).

Обломок пряслица слишком мал, чтобы судить о его форме и размерах. Можно лишь отметить наличие четко выделенного основания и относительно широкого отверстия — 1.4 см. Для раннего периода дяковской культуры пряслица с широким отверстием совершенно не характерны, поэтому этот образец следует относить к среднему или финальному этапу позднедьяковской культуры.

К числу находок дяковского времени принадлежат и обломки массивного тигля с толстыми стенками и следами расплава на поверхности.

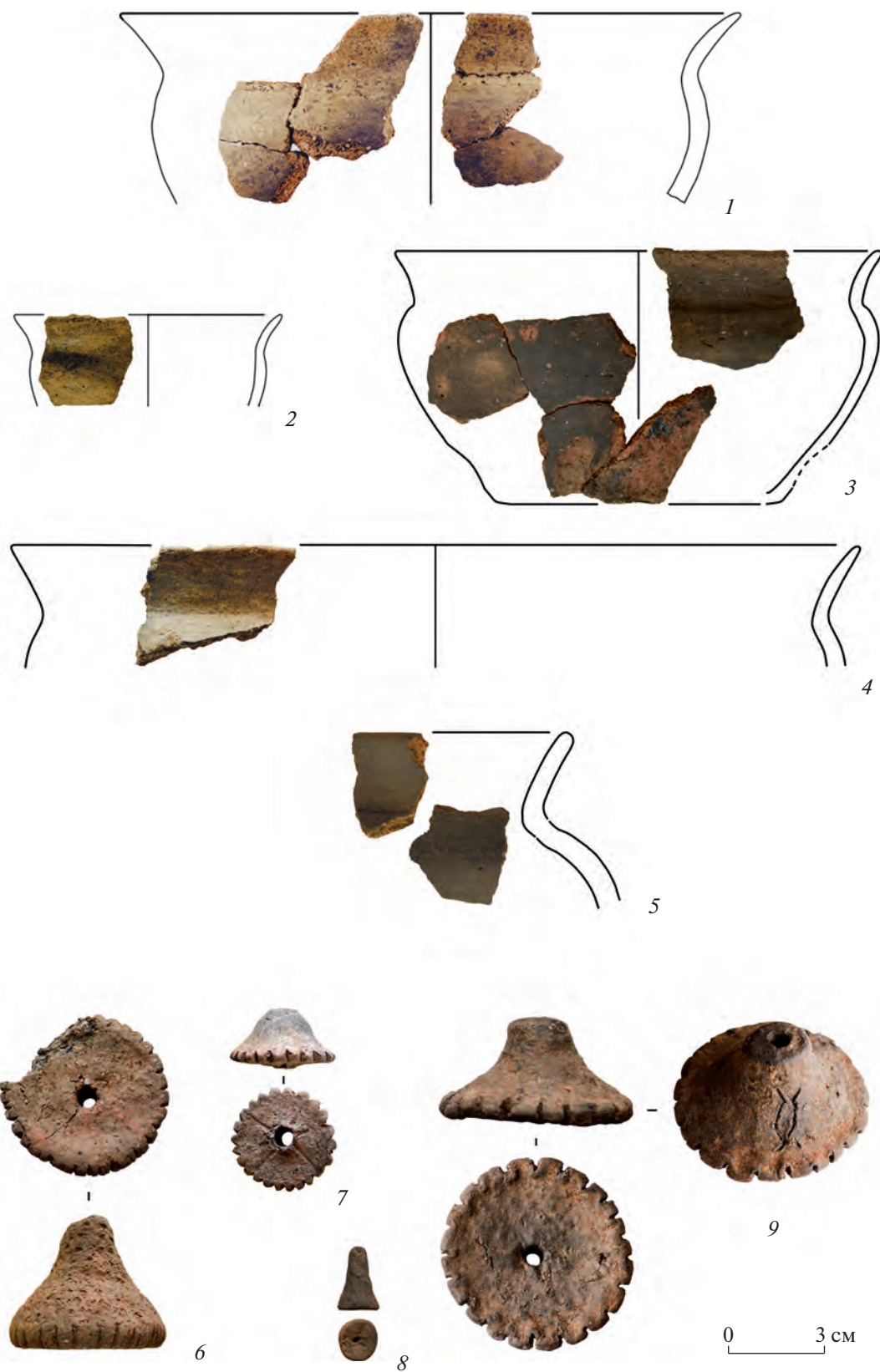

Рис. 6. Лощеная керамика позднедыяковской культуры из раскопа в Большом Кремлевском сквере (1–5). Изделия из глины (6–9).

Fig. 6. Burnished pottery of the late Dyakovo culture from the excavation site in the Great Kremlin Garden (1–5). Clay objects (6–9)

Форму изделия установить невозможно, однако состав формовочной массы с большой концентрацией грубой растительной органики, скорее всего отходов молотбы, дает основание предполагать, что это обломки массивного ложковидного тигля. Такие изделия с ручкой без втулки на городищах дьякова типа — частая находка; они бытовали очень длительное время с середины I тыс. до н.э. до третьей четверти I тыс. н.э. (Тавлинцева, Лопатина, 2009. С. 456–460).

Таким образом, новые материалы из раскопок в 2019–2021 гг. в Большом Кремлевском сквере позволили сделать следующие выводы. Культурный слой, выявленный в раскопе 2019–2021 гг., содержал материалы того же поселения ранней дьяковской культуры, что было выявлено на Соборной горе при шурфовках под Архангельским собором. Однако если раньше материалы позднедьяковского времени с этого поселения не были известны, то теперь их наличие показало, что это многослойный памятник — скорее всего городище, с длительной историей существования.

До сих пор не было возможности по результатам полноценных археологических раскопок проследить границы этого поселения. Затронутый раскопом восточный край площадки городища мог быть образован балкой, прорезавшей коренной склон долины Москвы-реки. Сама эта балка еще не изучена, ложбина же, попавшая в раскоп и сохранившая значительный объем перетолженного слоя железного века, слишком мала, она лишь рассекала край коренного склона холма, обращенного к реке.

Исследование керамической коллекции из раскопа в Большом сквере позволяет выделить несколько периодов освоения Боровицкого холма в железном веке. К самому раннему, так называемому преддьяковскому времени, относятся единичные обломки сосудов с жемчужным и гребенчатым орнаментом, а также редкие фрагменты керамики типа Климентовской стоянки, которые имеют ниточную поверхность и орнаментированы наклонными вдавлениями (тычками). Малочисленность подобных находок, неясный стратиграфический контекст их залегания позволяют лишь предполагать возможность существования поселения в это время.

Наиболее интенсивно территория Боровицкого холма осваивалась в раннедьяковский период (V–II вв. до н.э.). Керамика этого времени найдена не только на территории Соборной площади, но и за ее пределами, что говорит об активном освоении округа городища. Гончарные традиции населения раннедьяковского времени здесь были тесно связаны с обычаем декорирования поверхности сосудов так называемыми текстильными, в основном рябчатыми, отпечатками. Как и на бли-

жайших раннедьяковских городищах (Дьяково, Мамоново, Сетуньское), на кремлевском поселении “текстильная” керамика составляла заметное большинство. При этом морфологические особенности “текстильных” отпечатков близки к материалам Верхнего Поволжья, но отличаются от Нижнего Москворечья и Среднего Поочья.

Отсутствие среди находок городища керамики с ногтевыми отпечатками в совокупности с отсутствием характерных форм посуды не дает оснований для выделения на этом памятнике начального этапа позднедьяковской культуры. Поздний комплекс представлен в основном материалами финального этапа позднедьяковской культуры IV–V вв. н.э., более массовыми по сравнению с артефактами среднего этапа II–III вв. Иными словами, следующий пик жизненной активности на поселении связан с распространением влияния мощинской культуры в Москворечье.

Таким образом, городище железного века на Соборной горе существовало, вероятно, с перерывами, длительный период времени — с первой половины I тыс. до н.э. и приблизительно до IV–V вв. н.э. Судя по всему, уже в раннем железном веке вся территория Боровицкого холма активно осваивалась человеком.

Исследование проведено в рамках выполнения госзадания по теме “Древности Московского Кремля: комплексное археологическое исследование Чудова монастыря и древнейших культурных напластований в восточной части кремлевского холма” (AAAA-A16-116101950014-7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В. Основные вопросы археологии Москвы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1 / Ред. А.В. Арциховский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 7). С. 7–22.
- Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1 / Ред. А.В. Арциховский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 7). С. 88–167.
- Вишневский В.И. Селище раннежелезного века Веськово 1 на Плещеевом озере // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново, 1990. С. 11–14.
- Владимирская Н.С. Археологическое изучение северной части Соборной площади Московского Кремля // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования / Отв. ред. Э.С. Смирнова. М.: Наука, 1985. С. 7–16.

- Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2013. 173 с.
- Данилова О.М. Керамика Мамонова городища: дипломная работа [Рукопись] / Московский гос. ун-т, ист. фак., каф. археологии. М., 1976.
- Коваль В.Ю., Панова Т.Д., Осипов Д.О., Энговатова А.В., Беляев Л.А., Кренке Н.А., Олейников О.М. Раскопки в Тайницком саду Московского Кремля // Археологические открытия 2007 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 135–136.
- Кренке Н.А. Чертов городок – селище железного века в окрестностях Коломенского // Российская археология. 1995. № 3. С. 165–178.
- Кренке Н.А. Артефакты бронзового и раннего железного веков на территории Боровицкого холма и его окрестностей // Памятники материальной культуры IV тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.: каталог. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник “Московский Кремль”, 2010. С. 47–54.
- Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья. М.: ИА РАН, Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.
- Кренке Н.А., Лопатина О.А. Городище Боровский курган // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–393.
- Крис Х.И., Чернай И.Л., Данильченко В.П. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова и др. М.: Наука, 1984. С. 130–137.
- Лопатина О.А. Керамика поселения дьяковского времени на Боровицком холме Москвы // Памятники материальной культуры IV тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.: каталог. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник “Московский Кремль”, 2010. С. 68–76, 80–100.
- Лопатина О.А. Керамика Москворецких и Окских памятников дьяковской культуры как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук [Рукопись]. М., 2019 // Архив Института археологии РАН. Р-2. № 2872, 2873.
- Лопатина О.А., Тавлицева Е.Ю. Поздняя профилированная “текстильная” керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке / Отв. ред. Л.А. Беляев, М.И. Гоняный. Смоленск: Свиток, 2017. С. 345–361.
- Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Энговатова А.В., Васильева Е.Е., Панченко К.И., Модин Р.Н., Курмановский В.С., Майоров Д.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Московском Кремле в связи с демонтажем корпуса № 14 в 2017–2018 гг. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 55573–55575.
- Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Модин Р.Н., Курмановский В.С., Кузина И.Н., Панченко К.И. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 2020 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 68121–68125.
- Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2018. № 2. С. 12–28.
- Панова Т.Д. О поселении железного века на Боровицком холме Москвы. История исследования // Памятники материальной культуры IV тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.: каталог. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник “Московский Кремль”, 2010. С. 55–58.
- Розенфельдт И.Г. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье (Троицкое городище) / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 184). С. 6–79.
- Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 97–197.
- Смирнов К.А. К вопросу о систематизации грузиков “дьякова типа” с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье (Троицкое городище) / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 184). С. 80–98.
- Смирнов К.А. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий / Ред. В.В. Седов и др. Тверь, 1991. С. 12–22.
- Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuk, 2009. 351 с.
- Тавлицева Е.Ю. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тыс. н.э. // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. С. 24–33.
- Тавлицева Е.Ю., Лопатина О.А. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 455–476.
- Фоломеев Б.А. Тюков городок // Советская археология. 1975. № 1. С. 154–170.
- Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гуман М.А. Климентовская стоянка // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: Гос. ист. музей, 1988 (Труды Гос. ист. музея; вып. 68). С. 168–191.
- Шеляпина Н.С. Поселение железного века на Боровицком холме Московского Кремля // Советская археология. 1973. № 1. С. 254–260.

NEW DATA ON THE BOROVITSKY HILL IN THE MOSCOW KREMLIN IN THE IRON AGE (pottery evidence)

Olga A. Lopatina^{a, #} and Vladimir Yu. Koval^{a, ##}

^a Institute of Archaeology RAS, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[#] E-mail: lopatina.olga@gmail.com

^{##} E-mail: kovaloka@mail.ru

The article publishes materials of the Iron Age from the excavations of 2019–2021 in the Upper Tainitsky Garden of the Moscow Kremlin. The cultural layer of that time is severely disturbed. Cultural and chronological information about the site is provided mainly by pottery comprising most of the finds. In addition, the collection includes several items made of clay. The study of pottery made it possible to identify several stages in the development of the site. Only a few fragments of vessels belong to the earliest (9th–6th centuries BC) Pre-Dyakovian period. The materials of the early Dyakovo archaeological culture of the 5th–2nd centuries BC are represented most massively. A significant part of the collection consists of the pottery attributed to the Late Dyakovo culture, however, only of its middle (2nd–3rd centuries AD) and final (4th–5th centuries AD) stages. The materials from excavations in the Upper Tainitsky Garden are the remains of the same settlement that had been uncovered by means of test pits under the Archangel Cathedral.

Keywords: the Moscow Kremlin, the Dyakovo culture, the Early Iron Age, pottery, textile imprints, Dyakovo type weights.

REFERENCES

- Artsikhovskiy A.V., 1947. The main issues of archaeology of Moscow. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and research on the archaeology of Moscow], 1. A.V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 7–22. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 7). (In Russ.)
- Bader O.N., 1947. Materials for the archaeological map of Moscow and its vicinity. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and research on the archaeology of Moscow], 1. A.V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 88–167. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 7). (In Russ.)
- Danilova O.M., 1976. Keramika Mamonova gorodishcha: diplomnaya rabota (Rukopis') [Pottery of the Mamonovo fortified settlement: Graduation paper (Manuscript)]. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, istoricheskiy fakul'tet, kafedra arkheologii. Moscow.
- Folomeev B.A., 1975. Tyukov gorodok. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1, pp. 154–170. (In Russ.)
- Folomeev B.A., Aleksandrovskiy A.L., Glasko M.P., Guman M.A., 1988. The Klimentovskoye site. *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoy arkheologii* [The legacy of V.A. Gorodtsov and issues of modern archaeology]. S.V. Studzitskaya, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 168–191. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 68). (In Russ.)
- Koval V.Yu., Panova T.D., Osipov D.O., Engovatova A.V., Belyaev L.A., Krenke N.A., Oleynikov O.M., 2010. Excavations in the Tainitsky Garden of the Moscow Kremlin. *Arkheologicheskie otkrytiya 2007 goda* [Archaeological discoveries of 2007]. N.V. Lopatin, ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 135–136. (In Russ.)
- Krenke N.A., 1995. "Chertov gorodok", an Iron Age site near Kolomenskoye. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 165–178. (In Russ.)
- Krenke N.A., 2010. Artifacts of the Bronze and Early Iron Ages from the territory of Borovitsky Hill and its environs. *Pamyatniki material'noy kul'tury IV tys. do n.e. – pervoy poloviny I tys. n.e.: katalog* [Monuments of material culture of the 4th millennium BC – first half of the 1st millennium AD: Catalogue]. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Kreml'", pp. 47–54. (In Russ.)
- Krenke N.A., 2011. D'yakovo gorodishche. Kul'tura naseleeniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [The Dyakovo fortified settlement. The culture of the Moskva River basin population in the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: IA RAN. 548 p.
- Krenke N.A., 2019. Drevnosti basseyna Moskvy-reki ot neolita do Srednevekov'ya [Antiquities of the Moskva River region from the Neolithic to the Middle Ages]. Moscow: IA RAN, Smolensk: Svitok. 392 p.
- Krenke N.A., Lopatina O.A., 2008. The fortified settlement of Borovsky Kurgan. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar* [Archaeology of the Moscow region: Proceedings of scientific seminar], 4. Moscow: IA RAN, pp. 367–393. (In Russ.)
- Kris Kh.I., Chernay I.L., Danil'chenko V.P., 1984. On the early period of Dyakovo fortified settlements. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian period]. A.I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka, pp. 130–137. (In Russ.)
- Lopatina O.A., 2010. Ceramics from the Dyakovo period settlement on Borovitsky Hill in Moscow. *Pamyatniki material'noy kul'tury IV tys. do n.e. – pervoy poloviny I tys. n.e.: katalog* [Monuments of material culture of the 4th millennium BC – first half of the 1st millennium AD: Catalogue]. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Kreml'", pp. 68–76, 80–100. (In Russ.)
- Lopatina O.A., 2019. Keramika Moskvoretiskikh i Okskikh pamyatnikov d'yakovskoy kul'tury kak istoricheskiy istochnik: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk

- (Rukopis') [Pottery from the Dyakovo culture sites of the Moskva and Oka regions as a historical source: The Doctoral Thesis in History (Manuscript)]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-2, № 2872, 2873.
- Lopatina O.A., Tavlintseva E.Yu., 2017. Late profiled pottery with textile imprints of the Rostislavl fortified settlement. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N.A. Krenke [De mare ad mare. Archaeology and history: Collected articles to the 60th anniversary of N.A. Krenke]*, L.A. Belyaev, M.I. Gonyanyy, eds. Smolensk: Svitok, pp. 345–361. (In Russ.)
- Makarov N.A., Koval V.Yu., Engovatova A.V., Vasil'eva E.E., Panchenko K.I., Modin R.N., Kurmanovskiy V.S., Mayorov D.Yu. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Moskovskom Kremlе v svyazi s demontazhem korpusa № 14 v 2017–2018 gg. [Report on archaeological research in the Moscow Kremlin with regard to the dismantling of building № 14 in 2017–2018]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 55573–55575.
- Makarov N.A., Koval V.Yu., Modin R.N., Kurmanovskiy V.S., Kuzina I.N., Panchenko K.I. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Moskovskom Kremlе v 2020 g. [Report on archaeological works in the Moscow Kremlin in 2020]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 68121–68125.
- Novikov A.V., 2018. Settlements with comb-cord and cord pottery of the early Iron Age in Kostroma area of the Volga region. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 2, pp. 12–28. (In Russ.)
- Panova T.D., 2010. On the Iron Age settlement on Borovitsky Hill in Moscow. History of the study. *Pamyatniki material'noy kul'tury IV tys. do n.e. — pervoy poloviny I tys. n.e.: katalog [Monuments of material culture of the 4th millennium BC — first half of the 1st millennium AD: Catalogue]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Kreml", pp. 55–58. (In Russ.)
- Rozenfel'dt I.G., 1971. Pottery of the Troitskoye fortified settlement. *Drevnee poselenie v Podmoskov'e (Troitskoe gorodishche) [Ancient settlement in Moscow Region (the Troitskoye fortified settlement)]*. Yu.A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 6–79. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 184). (In Russ.)
- Rozenfel'dt I.G., 1974. Pottery of the Dyakovo culture. *D'yakovskaya kul'tura [The Dyakovo culture]*. Yu.A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 97–197. (In Russ.)
- Shelyapina N.S., 1973. The Iron Age settlement on Borovitsky Hill of the Moscow Kremlin. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 254–260. (In Russ.)
- Smirnov K.A., 1971. To the systematization of Dyakovo-type weights from the Troitskoye fortified settlement. *Drevnee poselenie v Podmoskov'e (Troitskoe gorodishche) [Ancient settlement in Moscow Region (the Troitskoye fortified settlement)]*. Yu.A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 80–98. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 184). (In Russ.)
- Smirnov K.A., 1991. Two areas of the emergence of pottery with textile imprints. *Keramika rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya Verkhnevolzh'ya i sosednikh territoriy [Pottery of the Early Iron Age and the Middle Ages from the Upper Volga region and adjacent territories]*. V.V. Sedov, ed. Tver', pp. 12–22. (In Russ.)
- Syrovatko A.S., 2009. Yugo-vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov d'yakovskoy kul'tury [The South-East of Moscow region in the Iron Age: to the characteristics of the Dyakovo culture local variants]. Moscow: CheBuk. 351 p.
- Tavlintseva E.Yu., 2010. The Rostislavl fortified settlement — burnt horizon of the middle of the 1st millennium AD. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Moscow region: Proceedings of scientific seminar]*, 6. Moscow: IA RAN, pp. 24–33. (In Russ.)
- Tavlintseva E.Yu., Lopatina O.A., 2009. Crucibles and foundry molds of the Rostislavl fortified settlement. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Moscow region: Proceedings of scientific seminar]*, 5. Moscow: IA RAN, pp. 455–476. (In Russ.)
- Vishnevskiy V.I., 1990. The Early Iron Age settlement of Veskovo 1 on Lake Pleshchevo. *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya [Archaeological sites of the Volga-Klyazma interfluvium]*, 4. Ivanovo, pp. 11–14. (In Russ.)
- Vladimirskaia N.S., 1985. Archaeological studies of the northern part of the Cathedral Square in the Moscow Kremlin. *Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremlya [The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Materials and research]*. Materialy i issledovaniya. E.S. Smirnova, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–16. (In Russ.)
- Vorontsov A.M., 2013. Kul'turno-khronologicheskie gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural and chronological horizons of sites of the 2nd–5th centuries in the Oka-Don watershed]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole". 173 p.

РАННИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2019 г.)

© 2022 г. А. А. Труфанов¹, *, Ю. П. Зайцев², **

¹ Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

² Историко-археологический музей-заповедник “Неаполь Скифский”, Симферополь, Россия

*E-mail: trufanov.a67@mail.ru

**E-mail: skilur46@mail.ru

Поступила в редакцию 07.02.2022 г.

После доработки 07.02.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

Проведенные в 2019 г. раскопки позднескифского Усть-Альминского некрополя, расположенного в Юго-Западном Крыму, привели к открытию нескольких погребальных сооружений, относящихся к раннему этапу его функционирования. Среди них грунтовые склепы 1191, 1220 и 1225 с погребениями, сопровождавшимися разнообразными вещами: посудой, фибулами, пряжками, браслетами, бусами и т.д. Анализ этих находок позволяет датировать захоронения, совершенные в склепах 1191 и 1220, в пределах второй половины/конца II – I в. до н.э., а функционирование склепа 1225 с двумя погребальными камерами относить к I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, позднескифская культура, Усть-Альминский некрополь, склепы, фибулы, пряжки, бусы.

DOI: 10.31857/S0869606322030163

Усть-Альминский некрополь расположен в юго-западной части Крымского полуострова, на левом возвышенном берегу р. Альма у места ее впадения в Черное море (рис. 1, врезка). В непосредственной близости, к северо-востоку от некрополя находится связанное с ним Усть-Альминское позднескифское городище, возникшее “не ранее второй пол. II в. до н.э., а точнее – на рубеже II/I в. до н.э.” и прекратившее существование в III в. н.э. (Высотская, 1994. С. 12, 145).

Некрополь был открыт в 1964 г., а его систематические раскопки начались в 1968 г. и продолжаются поныне. К настоящему времени здесь открыто и изучено более 1300 погребальных сооружений (грунтовых склепов и могил) с останками умерших людей и несколько десятков конских захоронений. Большинство выявленных объектов относится к концу II в. до н.э. – первой пол. III в. н.э., но открыто и несколько более поздних погребений, относящихся к эпохе Великого переселения народов.

Полевые исследования памятника продолжают, и точные его границы пока не определены. Имеющиеся данные позволяют предварительно определить площадь некрополя в пределах 30000–35000 м², что дает возможность говорить о нем как об одном из самых крупных грунтовых позднескифских могильников Крыма.

Раскопки Усть-Альминского некрополя в 2019 г. проводились совместной экспедицией Института археологии Крыма РАН и Историко-археологического музея-заповедника “Неаполь Скифский”. В результате этих работ в юго-восточной части некрополя была исследована территория площадью около 600 м², изучено 84 погребальных сооружения (73 могилы и 11 грунтовых склепов), а также 7 конских могил. Проведенные исследования дали новую информацию, дополняющую и уточняющую сформировавшиеся прежде представления о памятнике.

Важным событием стало обнаружение нескольких объектов, относящихся к раннему, малоизученному периоду функционирования могильника (вторая пол./конец II в. до н.э. – первая пол. I в. н.э.).

Склеп 1191 (рис. 1, 2) Т-образной планировки состоял из входной ямы размерами 3.45 × 1.40 м и почти овальной погребальной камеры размерами 2.38 × 2.95 м, примыкавшей к ней с северо-запада. Дно камеры располагалось на глубине 3.29 м от уровня современной поверхности, на 0.59 м ниже дна входной ямы.

Заполнение входной ямы состояло из переотложенной материковой глины и мелких обломков песчаника. Дно имело выраженный уклон в сторону камеры, у входа устроена небольшая го-

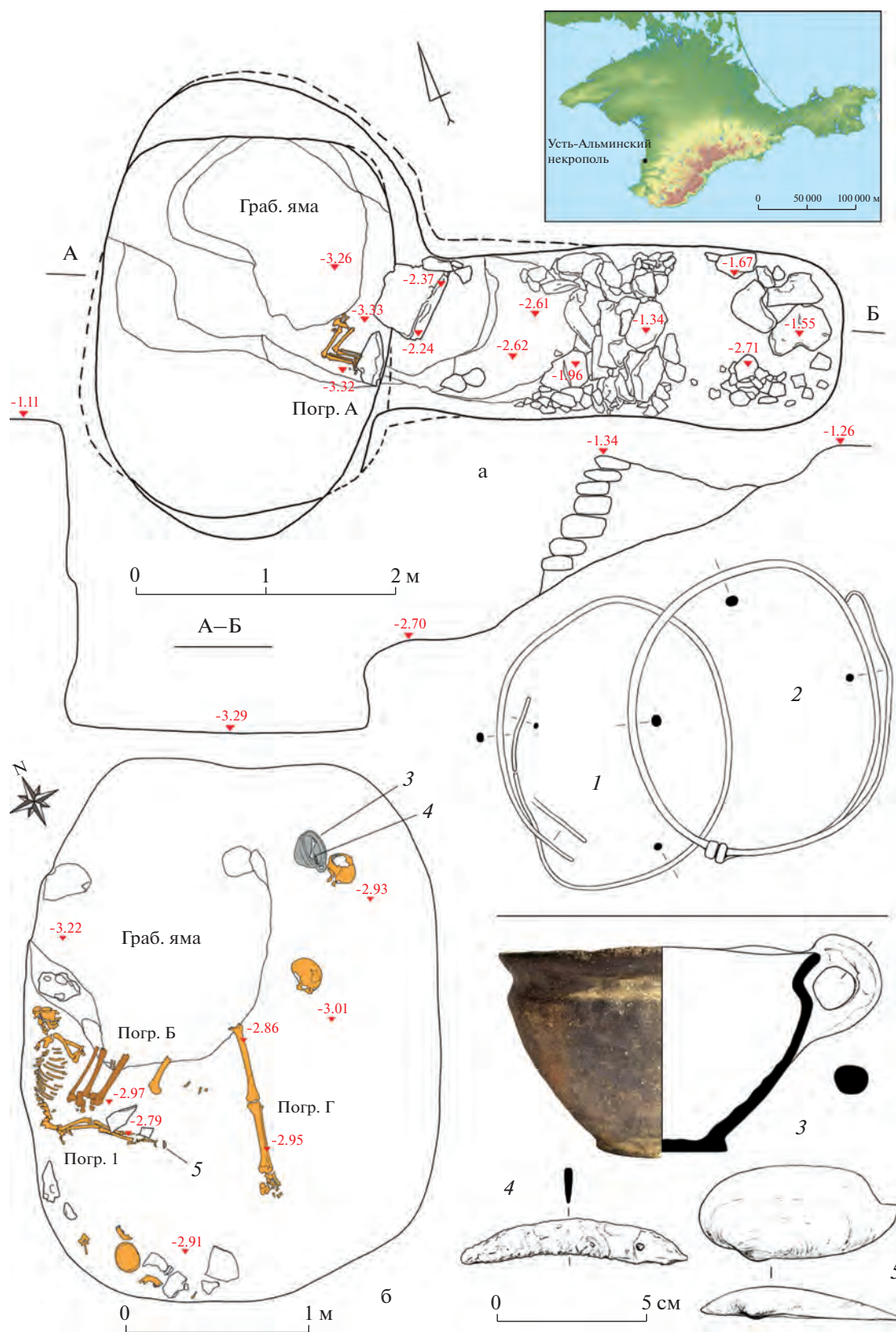

Рис. 1. Местоположение Усть-Альминского некрополя (на врезке). Склеп 1191. План склепа с остатками погребения верхнего яруса, разрез (а), находки (1, 2 – браслеты); план погребений 2 яруса (б), находки (3 – лепной сосуд, 4 – нож, 5 – створка раковины).

Fig. 1. Location of the Ust-Alma necropolis. Crypt 1191. A plan of the crypt with the remains of the burial of the upper tier, cross-section (a) and finds (1, 2); a plan with the remains of the burial of the 2nd tier (б) and finds (3–5)

ризонгальная площадка. На позднем этапе использования склепа общая длина входной ямы была сокращена, уровень ее дна повышен, половина пространства преграждена кладкой из плитчатого песчаника на грязевом растворе. Под подошвой кладки прослежено первоначальное заполнение входной ямы из плотной материковой глины мощностью до 1 м. На первом этапе использования склепа входное отверстие закрывали крупной каменной плитой, позднее доступ в камеру осуществлялся в обход основной плиты, через небольшой лаз, перегородженный еще одной, уже небольшой каменной плитой.

Склеп был ограблен в конце прошлого века. Грабители прокопали западную часть входной ямы и обрушенный свод камеры, а затем ее заполнение до дна в центре и у дальней стенки. В склепе выявлены останки не менее 8 человек и захоронения собаки. Часть погребений оказалась разрушенной грабительским перекопом, но, судя по сохранившимся *in situ* останкам, кости некоторых захоронений были смещены со своего первоначального расположения уже в древности.

Склеп 1220 (рис. 3, 4) Т-образной планировки. Его входная яма размерами 2.66 × 1.37 м с северо-западной стороны завершается камерой овальной формы размерами 1.48 × 2.36 м. Дно камеры расположено на глубине 3.05 м от уровня современной поверхности, на 0.82 м ниже дна ямы. Заполнение входной ямы состояло из переотложенной материковой глины с примесью галечника. В торцовой юго-восточной стенке ямы устроены две широкие ступени для спуска, дно до входного отверстия почти горизонтально. Вход в камеру заложен крупной плитой песчаника, укрепленной с внешней стороны мелкими камнями, свод камеры обрушился в древности. В склепе выявлены останки 9 человек, расположение которых позволило разделить их на три условных яруса. Почти все погребения сохранились в неповрежденном виде.

Склеп 1225 (рис. 5—8) представлял собой погребальное сооружение с одной входной ямой размерами 2.93 × 1.40 м и двумя погребальными камерами, одна из которых (основная) расположена к северо-западу по оси ямы, а вторая (боковая) вырублена в боковой юго-западной стенке перпендикулярно этой оси.

Торцовая юго-восточная стенка входной ямы оформлена в виде крутого наклонного спуска, переходящего в пологое дно, понижающееся по направлению к основной камере. Большая часть входной ямы была заполнена крупным и мелким камнем с примесью материковой глины, верхняя часть ее заполнения представляла собой переотложенную стерильную материковую глину. Вход-

ные отверстия обеих камер закрывали массивные каменные плиты, своды оказались обрушенными в древности.

Основная камера размерами 1.93 × 2.38 м очертаниями напоминает овал, но с выраженными углами у прямой юго-восточной стенки. Ее дно расположено на глубине 3.55 м от уровня современной поверхности, на 0.71 м ниже дна входной ямы. Для спуска в камеру под входным отверстием имелаь небольшая ступень. Всего в основной камере выявлены останки не менее 6 человек. Кости ранних захоронений находились на дне в перемешанном виде, лишь отдельные длинные кости рук и ног лежали в анатомическом порядке. Поверх этого горизонта располагались костяки двух последующих захоронений.

Вторая, боковая камера отличалась большими размерами (2.72 × 2.92 м) и выраженными углами, придающими ей форму неправильного четырехугольника. Ее дно находилось на глубине 3.32 м от уровня современной поверхности, на 0.92 м ниже дна ямы у входного отверстия. В юго-западной стене была устроена неглубокая ниша, предназначенная для совершения первых захоронений.

В боковой камере обнаружены останки не менее 23 погребений, условно разделенных на 6 ярусов. Большинство погребений сохранилось в неповрежденном состоянии, но целостность как минимум двух из них, относящихся к нижнему ярусу, оказалась нарушенной при совершении последующих захоронений, а их кости были смещены к стенкам.

В обеих камерах склепа 1225 под костяками обнаружены плоские камни средних размеров, которые служили для выравнивания и фиксации гробов и колод, следы которых прослежены в виде полос и пятен органического тлена.

В упомянутых грунтовых склепах обнаружено множество находок. Наиболее многочисленными из них являются бусы, выполненные из полихромного и монокромного стекла, гагата и сердолика, в меньшем количестве присутствуют бусы из так называемого египетского фаянса. Изделия из янтаря являются относительно редкими. В склепе 1191 (погребение 3) найдена всего одна бусина из этого материала, а в склепе 1220 их нет вообще. Зато в самом позднем погребении 1, совершенном в основной камере склепа 1225, они представлены 26 экземплярами, еще 2 янтарные бусины, вероятно, относящиеся к этому же набору, найдены при разборке костяков.

В качестве украшений использовались бронзовые проволочные серьги (рис. 3, 3, 4; 7, 7, 14), бронзовый, железный и серебряный перстни (рис. 6, 15; 7, 11, 16, 22), а также браслеты из бронзовой проволоки с завязанными или заходящими один за другой концами (рис. 1, 1, 2; 3, 1, 2; 4, 3, 4;

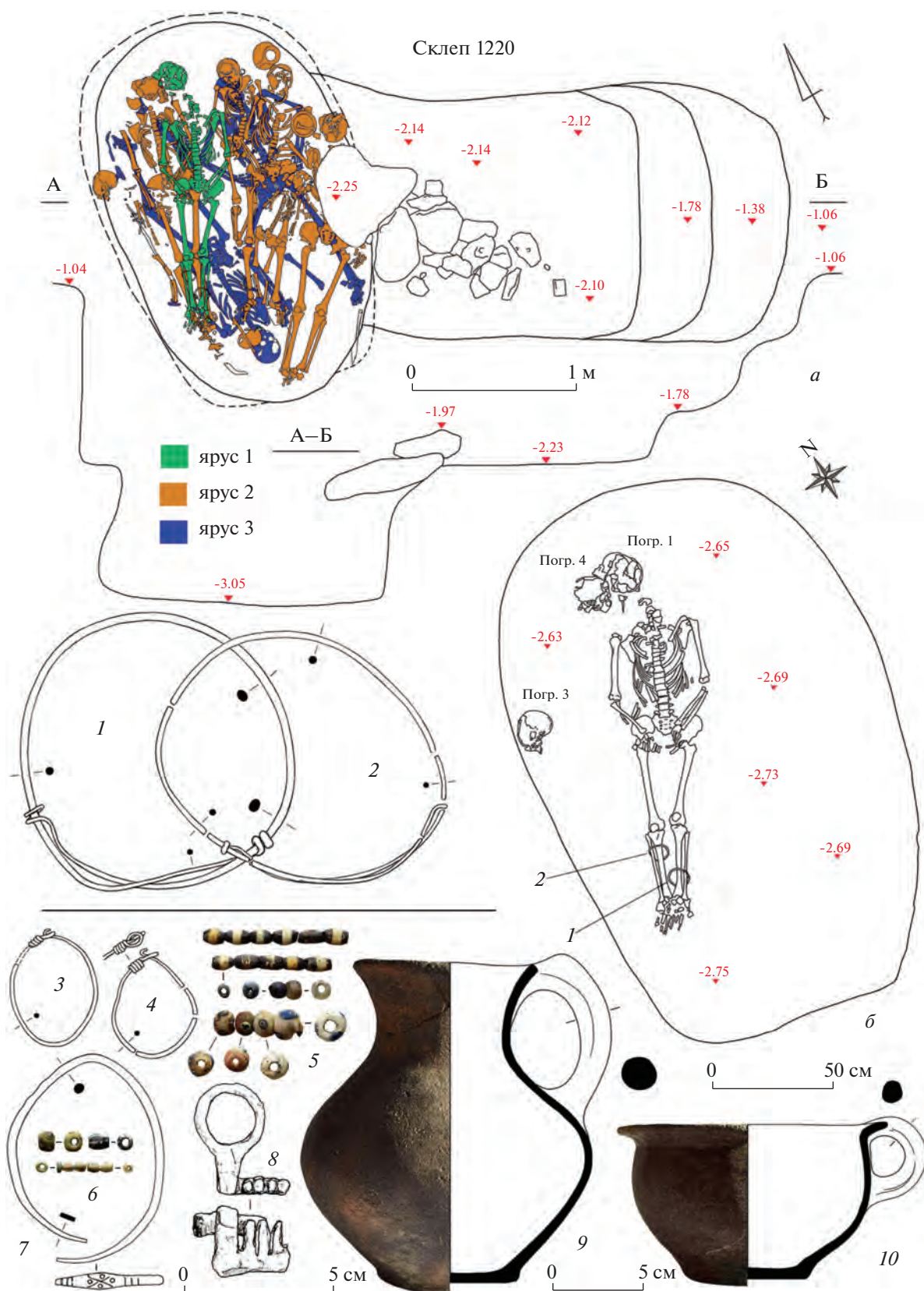

Рис. 3. Склеп 1220. План и разрез склепа (а), план погребения верхнего яруса (б), находки (1, 2 — браслеты); находки из погребений среднего яруса (3, 4 — серьги, 5, 6 — бусы, 7 — браслет, 8 — ключ, 9, 10 — лепные сосуды). Условные обозначения: а — ярус 1, б — ярус 2, в — ярус 3.

Fig. 3. Crypt 1220. Plan, cross-section of the crypt (a), plan of the burial of the upper tier (б), finds

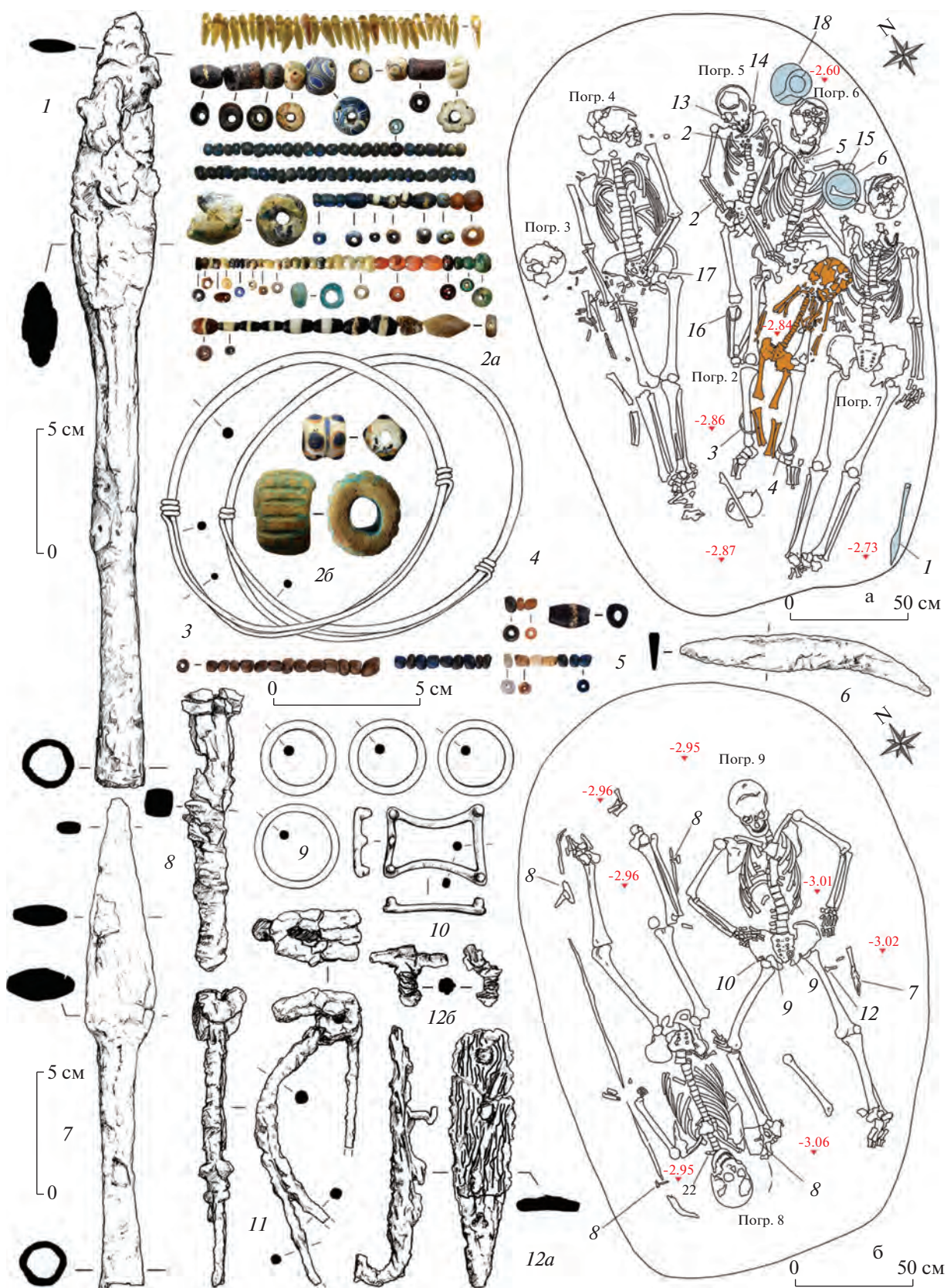

Рис. 4. Склеп 1220. Планы погребений среднего и нижнего ярусов (а, б), находки: 1, 7 — наконечники копий, 2, 5 — бусы, 3, 4 — браслеты, 6 — нож, 8 — гвозди, 9 — кольца, 10 — пряжка, 11 — фибула, 12 — крюк.

Fig. 4. Crypt 1220. Plans of burials of the middle and lower tiers (a, б), finds

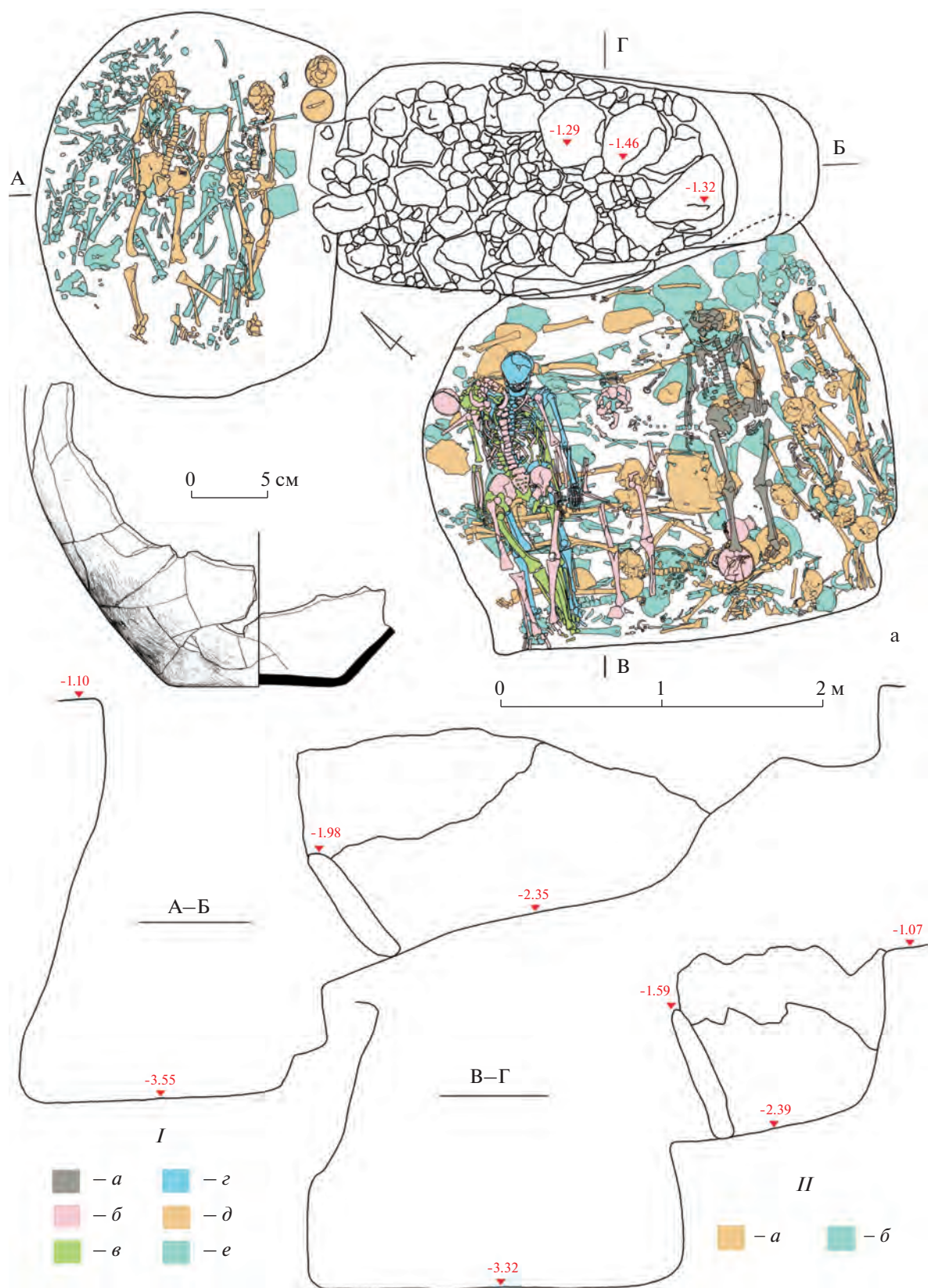

Рис. 5. Склеп 1225 с двумя погребальными камерами. План и разрезы склепа (а), фрагментированная нижняя часть лепного сосуда из боковой камеры (I). Условные обозначения: I – боковая камера: а – 1 ярус, б – 2 ярус, в – 3 ярус, г – 4 ярус, д – 5 ярус, е – 6 ярус; II – основная камера: а – 1 ярус, б – 2 ярус.

Fig. 5. Crypt 1225 with two burial chambers. Plan and sections of the crypt (a), fragmented lower part of a hand-made vessel from the side chamber (I)

Рис. 6. Склеп 1225, основная камера. Планы погребений верхнего и нижнего ярусов (а, б), находки: 1–3 – сосуды, 4 – шило, 5, 20 – фрагменты предметов, 6 – пряжка, 7, 10, 18 – бусы, 8, 17 – ножи, 9, 23 – отщепы, 11, 12 – вставки, 13, 21 – фрагменты венков, 14 – фибула, 15 – перстень, 16 – подвески, 19 – оселок, 22 – астрагал.

Fig. 6. Crypt 1225, main chamber. Plans of burials of the upper and lower tiers, finds

Fig. 6. Crypt 1225, main chamber. Plans of burials of the upper and lower tiers, finds

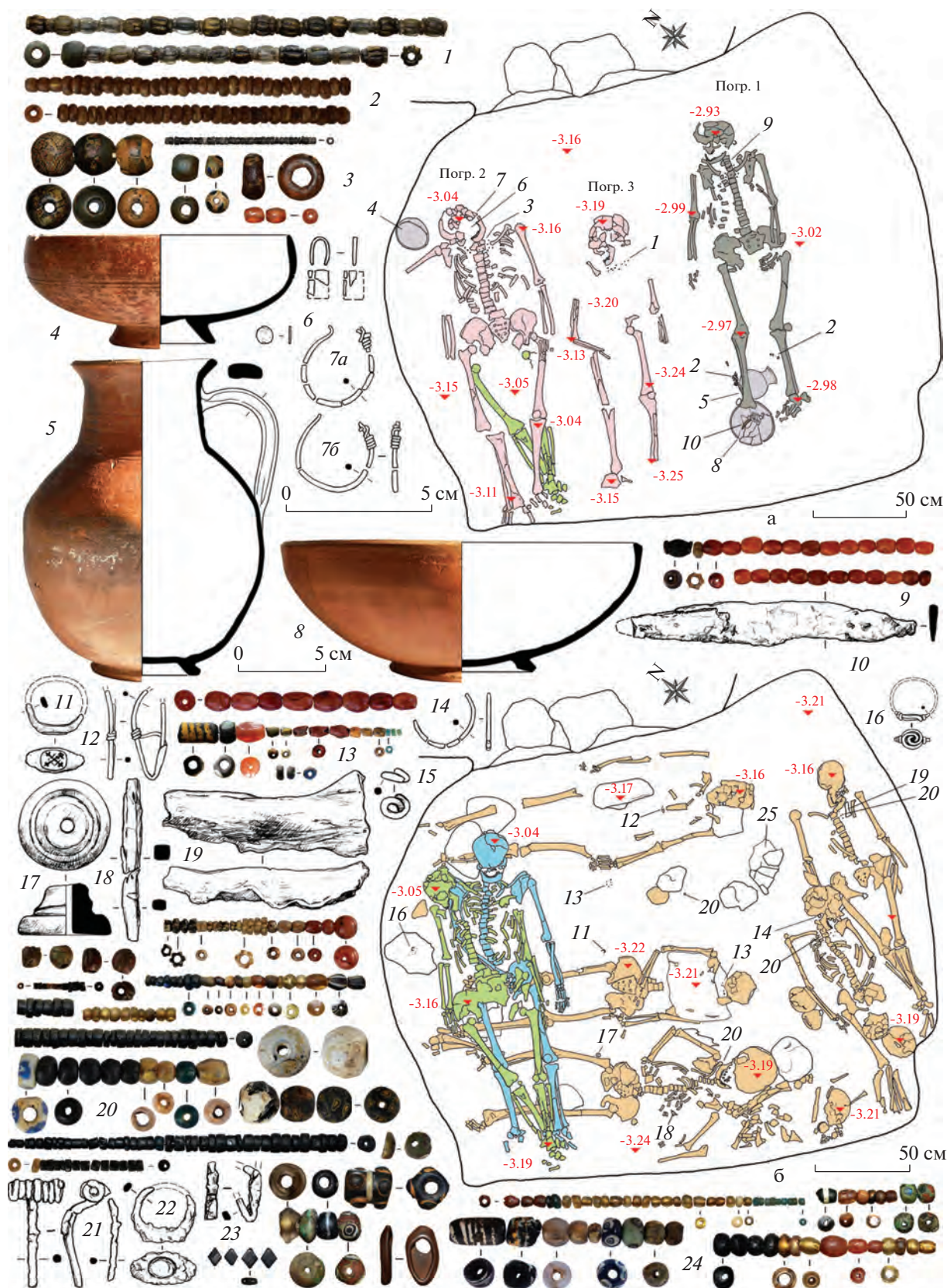

Рис. 7. Склеп 1225, боковая камера. Планы погребений верхних и средних ярусов (а, б), находки: 1–3, 9, 13, 20, 24 – бусы, 4, 5, 8 – сосуды, 6 – подвеска, 7, 14 – серьги, 10 – нож, 11, 16, 22 – перстни, 12, 21 – фибулы, 15 – пронизь, 17 – пряслице, 18 – шило, 19 – предмет, 23 – фрагмент фибулы.

Fig. 7. Crypt 1225, side chamber. Plans of burials of the upper and middle tiers (a, b), finds

Рис. 8. Склеп 1225, боковая камера. План погребений нижнего яруса (а), находки: 1 – пряжка, 2 – свинцовый предмет, 3 – гвоздь, 4 – кольцо, 5, 12, 13 – браслеты, 6, 7, 11, 15–17, 21 – бусы, 8 – пронизь с бусиной, 9, 19 – фибулы, 10 – оселок, 14 – пряжка, 18 – кольцо с бусиной, 20 – фрагменты предметов, 22 – отщепы.

Fig. 8. Crypt 1225, side chamber. Plan of burials of the lower tier (a), finds

8, 5, 13), носившиеся как на запястьях, так и на шиколотках. Детали костюма представлены пряжками (рис. 4, 10; 6, 6; 8, 1, 20д) и фибулами (рис. 2, 5, 6; 4, 11; 6, 14, 20; 7, 12, 21, 23; 8, 9, 19, 20в, з).

В ряде захоронений встречены вещи, характерные для позднескифских погребений Крыма II—I вв. до н.э. и представляющие устойчивый набор элементов мужской поясной гарнитуры (Зайцев, 2011. С. 587–591). В их числе железный пластинчатый наконечник (рис. 2, 12), портупейные крюки (рис. 2, 11; 4, 12), соединительные кольца (рис. 4, 9), рамчатая пряжка (рис. 4, 10) и пряжка в виде кольца с выступом (рис. 8, 20д).

Пластинчатые предметы треугольной формы из согнутых металлических пластин, подобные железному изделию из склепа 1191 (рис. 2, 12), считали наконечниками ремней (Сымонович, 1983. С. 95) или пояса (Дашевская, 2014. С. 30, 31), наконечниками кожаных ножен (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 182; Зайцев, 2011. С. 585, 591. Рис. 2, 34–36) или допускали их использование в тех и в других целях (Пуздровский, 2007. С. 72). Они известны среди находок из Неапольского (Сымонович, 1983. Табл. XXXVIII, 37–41), Битакского (Пуздровский, 2007. Рис. 32, 4; 34, 17; 36, 4, 8, 9), Дмитровского (Зайцев, Мордвинцева, 2003. Рис. 5, 1–5) и Капак-Ташского (Пуздровский, 2007. Рис. 52, 2, 3) могильников, из варварских святилищ у перевалов Гурзуфское Седло (Новиченкова, 2015. Рис. 98, 13) и Туар-Алан (Гаврилов, Труфанов, 2014. Рис. 24; 25). Такие же изделия, обнаруженные в некрополе Беляуса, выявлены в комплексах, один из которых отнесен в публикации ко II в. до н.э., а остальные датированы второй пол. и последней четв. II в. до н.э., а также концом II – первой пол. I в. до н.э. (Дашевская, 2014. С. 27, 30, 32, 33, 36, 37, 42. Табл. 50, 37; 62, 12; 69, 18; 74, 16, 17; 82, 4; 86, 18; 90, 9; 99, 11, 12). Высказано предположение о том, что рассматриваемые наконечники использовались варварским населением Крыма именно в середине II – первой пол. I в. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 182).

Найденные в склепах портупейные крюки изготовлены из железа, но имеют различную форму. Один из них, происходящий из склепа 1191 (рис. 2, 11), представляет собой слабоизогнутый железный стержень, один из концов которого загнут в виде крюка, а другой расплюснен, с внутренней стороны имеется Т-образный выступ. Аналогичные экземпляры известны в числе находок из некрополя Неаполя скифского (Сымонович, 1983. Табл. XVII, 1), Битакского могильника (Зайцев, Мордвинцева, 2003. Рис. 5, 9) и святилища Туар-Алан (Гаврилов, Труфанов, 2014. Рис. 21, 4, 9).

Второй крюк, найденный в склепе 1220/9 (рис. 4, 12), тоже изготовлен из железа, но отличается оригинальной конструкцией. Судя по характерным отпечаткам древесины, это было комбинированное изделие, состоявшее из пластинчатого крюка, закрепленного на деревянном стержне посредством двух стержней-заклепок (рис. 4, 12а). Найденный рядом Т-образный железный элемент (рис. 4, 12б) крепился к дереву отдельно в соответствующем месте. Близкие по форме пластинчатые крюки датировались концом II – I в. до н.э. (Михлин, 1980. С. 202) или II – рубежом II–I вв. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003. С. 149). Согласно уточненным данным, подобные изделия характерны для варварских захоронений Крыма середины II – первой пол. I в. до н.э., в более позднее время встречаются редко, а их форма упрощается (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 182).

К числу элементов поясного набора относится бронзовая пряжка в виде четырехугольной рамки с вогнутыми продольными сторонами и полусферическими выступами на углах, обнаруженная в склепе 1220/9 (рис. 4, 10). Известные пряжки этого типа имеют Г-образный выступ в виде стилизованной птичьей головы, у рассматриваемого же изделия на его месте имеется лишь небольшая выпуклость, вследствие чего можно предположить, что он обломан, а место слома заглажено. Такие пряжки выявлены в некрополе Беляуса в погребениях (могилы 1, 29, 39), отнесенных в публикации к последней четв. II в. до н.э. и к концу II – I в. до н.э. (Дашевская, 2014. С. 14, 27. Табл. 8, 12; 50, 27; 69, 10), в Восточном некрополе Неаполя скифского (Сымонович, 1983. Табл. XXXIX, 27) и в кургане у городища Кермен-Кыр (Пуздровский, 2007. Рис. 50, 5). Похожая пряжка происходит из Битакского могильника (Пуздровский, 2007. Рис. 36, 7). Показательны сочетание этой пряжки в одном наборе с четырьмя бронзовыми кольцами (рис. 4, 9) и их очевидные европейские аналогии (Зайцев, 2011. С. 588, 589, 591).

В склепе 1225 найден фрагмент железной пряжки в виде кольца с заостренным стержневидным выступом (рис. 8, 20д). Такие пряжки, происходящие из погребений, датирующихся в границах II–I вв. до н.э., найдены при исследовании многих крымских памятников (Неаполь, Битак, Кермен-Кыр, Капак-Таш, Беляус и пр.) (Сымонович, 1983. Табл. XXXIX, 1–3, 5, 10, 15, 19, 24, 25; Пуздровский, 2007. Рис. 37, 4, 19; 38, 10; 51, 8, 9; 52, 10; 55, 12–14; Зайцев, 2011. С. 589, 590. Рис. 2, 43, 45).

В обеих камерах склепа 1225 найдены пряжки трехчастной конструкции, вытеснившие из употребления монолитные изделия. Одна из них, представленная бронзовым изделием с подково-

видной рамкой и подвижным язычком (рис. 8, 1), найдена среди остатков захоронений нижнего яруса в боковой камере. Высказано предположение о том, что появление таких пряжек у варварского населения Крыма относится к рубежу II/I вв. до н.э., а их распространение приходится на первую пол. I в. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003. С. 148; 2004. С. 182. Рис. 8, 29–31). Мнение о более позднем начале попадания подобных пряжек в крымские захоронения (“во второй половине или в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э.”) (Труфанов, 2004а. С. 168) было подвергнуто критике (Масякин, 2007. С. 130). Аналогичные изделия выявлены в погребениях мавзолея Неаполя скифского, отнесенных к первой пол. I в. до н.э. (Зайцев, 1995. С. 209, 213, 215; 1997. С. 165) и в одном из склепов Неапольского могильника, датированном автором публикации I в. до н.э. (Сымонович, 1983. С. 46). Подобные находки известны среди материалов исследования Тавельских курганов (Труфанов, 2004б. Рис. 2, 25–27) и некрополя Капак-Таш (Пуздровский, 2007. Рис. 52, 11), обнаружены в святилищах Гурзуфское Седло (Новиченкова, 2015. С. 60. Рис. 98, 5, 6) и Туар-Алан (Гаврилов, Труфанов, 2014. Рис. 29, 6–8). Пряжки этой формы уже встречались в Усть-Альминском некрополе. Погребения из склепа 390, сопровождавшиеся подобными изделиями, были отнесены к концу II и к первой пол. I в. до н.э. (Зайцев, 1997. Рис. 2, 9; 3, 10, 14). Вместе с тем некоторые находки происходят из комплексов (Высотская, 1994. Табл. 10, 26; 30, 26), хронологическая позиция которых более поздняя, что позволяет допускать длительное бытование подобных изделий.

Еще одна бронзовая пряжка такой же трехчастной конструкции, отличающаяся, однако, несколько иной формой, обнаружена среди вещей предпоследнего погребения, совершенного в основной камере склепа 1225. Это изделие с вытянутой рамкой, сужающейся в средней части, и столь же длинным язычком (рис. 6, б).

Следует упомянуть еще об одной находке. Это двухчастное железное изделие с круглой рамкой и подвижным язычком, сохранившееся в виде фрагментов и могущее являться как круглорамчатой пряжкой, так и застежкой-сюльгамой (рис. 8, 14).

Значимыми для выяснения датировки погребальных сооружений являются обнаруженные в них фибулы. Наиболее ранние застежки Усть-Альминского некрополя, выявленные в прежние годы, представлены фибулами среднелатенской схемы, что в полной мере относится и к находкам 2019 г.

Железная фибула с треугольной бронзовой ножкой (рис. 2, б) может быть соотнесена с застежками, узкая датировка которых определена как “вторая пол. 2 в. до н.э.” (Зайцев, Мордвин-

цева, 2004. С. 181, 182), а широкая — в границах “второй половины или последней четверти II — I в. до н.э.” (группа 2, серия IV) (Кропотов, 2010. С. 57, 58). В частности, к концу II в. до н.э. было отнесено погребение с такой фибулой из Беляусского могильника (Михлин, 1980. С. 202). Отличия усть-альминской фибулы от формально близких застежек в том, что она состоит из двух частей, выполненных из разных металлов, причем трудно определить — является ли это результатом починки, или же изделие изначально задумывалось как биметаллическое. Кроме того, треугольная ножка данной фибулы имеет продольное ребро жесткости, тогда как у других застежек ножки обычно гладкие.

К другому типу изделий относятся бронзовые проволочные фибулы с завязанной ножкой и с четырехвитковой пружиной, найденные в обеих камерах склепа 1225 (рис. 6, 14; 8, 9, 19). В предыдущие годы подобные фибулы уже были встречены в нескольких захоронениях Усть-Альминского некрополя (Высотская, 1994. Табл. 1, 20; Зайцев, 1997. Рис. 2, 2). Замечено, что такие застежки, называемые изделиями “беляусского” варианта (Михлин, 1980. С. 200, 201. Рис. 4, 4–9), получили преимущественное распространение в Северо-Западном Крыму при почти полном их отсутствии в предгорной части полуострова. Комплексы Беляусского могильника с такими фибулами в свое время датировались первой пол. I в. до н.э. и “в пределах I в. до н.э.” (Михлин, 1980. С. 201). Впоследствии среди подобных фибул было предложено различать еще и изделия особого “кара-тобинского” варианта с датировкой в пределах второй пол. I в. до н.э. (Внуков, Лагутин, 2001. С. 117. Рис. 2, 17), но принципы этого выделения остались не указанными. Тем не менее в монографии А.Е. Пуздровского приведены авторские датировки отдельно для каждого из вариантов: “вторая — третья четв. I в. до н.э.” для “беляусского”, “середина I в. до н.э. — рубеж эр” для “кара-тобинского” (Пуздровский, 2007. С. 81). В типологии фибул сарматской эпохи, разработанной В.В. Кропотовым, все застежки рассматриваемой конструкции и формы отнесены к одному “беляусскому” варианту (группа 2, серия II, вариант 2), а их общая датировка определена в рамках второй пол. I в. до н.э. (Кропотов, 2010. С. 48, 50. Рис. 21, 7–10). С другой стороны, было высказано предположение и о более ранней дате их бытования: в частности, о том, что погребение 5 (Кара-Тобе) с такой фибулой “относится ко второй пол. 2 — рубежу 2–1 вв. до н.э.” (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 181).

Фибула с многовитковой пружиной из боковой камеры склепа 1225 (рис. 7, 21) сохранилась в виде фрагментов, вследствие чего отнесение ее к какому-либо конкретному типу затруднено. Можно лишь предположить, что и она, скорее

всего, являлась изделием среднелатенской схемы. Судя по формальным признакам, фрагментами фибул являются еще несколько железных обломков, обнаруженных в склепах 1191 и 1225 (рис. 2, 5; 6, 20; 7, 23; 8, 20в, з), но идентификация большинства из них так же не однозначна.

Заслуживает внимания находка бронзовой лучковой подвязной фибулы (рис. 7, 12) в боковой камере склепа 1225. Пружина изделия утрачена, ножка без расширения. Появление лучковых фибул многие исследователи, следуя разработкам А.К. Амброза (1966. С. 48), относили к первой пол. I в. н.э., но постепенно наметилась тенденция к тому, чтобы связывать начало их производства с более ранним периодом. В частности, отмечалось, что даты лучковых фибул Беляусского могильника “не противоречат общепринятым (преимущественно первая половина I в. н.э., но возможен и конец I в. до н.э.)” (Михлин, 1980. С. 205).

Альтернативная гипотеза относит возникновение застёжек этой конструкции к еще более раннему времени. Дату раннего варианта лучковых фибул в сарматских погребениях было предложено определять “в рамках I в. до н.э. — начала I в. н.э.” (Скрипкин, 2003. С. 133). Согласно другой гипотезе, фибулы подвязной конструкции появились в Северном Причерноморье “во второй половине — последней четверти II в. до н.э.” (Зайцев, Мордвинцева, 2003. С. 152), в варварских же захоронениях Крыма они появляются в первой пол. I в. до н.э., в небольшом количестве встречаются в погребениях второй пол. I в. до н.э. — рубежа/начала I в. н.э. и массово распространяются в первой пол. I в. н.э. (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 182. Рис. 7, 12–14).

А.Е. Пуздровский отнес появление ранних лучковых фибул ко второй пол. I в. до н.э. (Пуздровский, 2007. С. 83). Схожая датировка предложена и в монографии о фибулах сарматской эпохи, в которой появление ранних лучковых застёжек (вариант 1) отнесено ко второй пол. или к концу I в. до н.э. (Кропотов, 2010. С. 72).

Посуды в рассматриваемых склепах встречено немного. Она представлена лепными и гончарными изделиями. При этом следует отметить различие наборов посуды в раскопанных погребальных сооружениях: в склепах 1191 и 1220 присутствовали исключительно лепные сосуды, а в обеих камерах склепа 1225 находилась только гончарная, в том числе краснолаковая керамика.

Лепные сосуды представлены светильником (рис. 2, 17), кувшином (рис. 3, 9) и двумя однотипными одноручными сосудами открытого типа (рис. 1, 3; 3, 10).

В 2019 г. лепные сосуды открытого типа с отогнутым венчиком и кольцевидной ручкой были выявлены в склепах 1191 (рис. 1, 3) и 1220 (рис. 3,

10), а также в подбойной могиле 1248 (Труфанов и др., 2020. Рис. 4, 4). Подобные сосуды находили в захоронениях Усть-Альминского некрополя и раньше (Зайцев, 1997. Рис. 4, 1; Пуздровский, 2007. Рис. 57, 2), причем в тех из них, что относятся к раннему периоду его функционирования. Такие изделия (“мисковидные” ковши типа 1) В.В. Власов отнес к числу оригинальных позднескифских форм, не представленных “в лепной керамике соседних синхронных памятников и культур”, не известных “у скифов на стадии кочевания”, а появившихся “у них в период оседлости” (Власов, 1997. С. 264, 294. Табл. VII, 9), т.е. на стадии формирования позднескифской культуры. Аналогичные сосуды встречены в захоронениях конца II — I в. до н.э. и конца I в. до н.э. — первой пол. I в. н.э. Беляусского некрополя (Дашевская, 2014. С. 18, 40, 74. Табл. 10, 10; 23, 7; 95, 7), в позднескифском погребении в подкурганной гробнице у с. Крыловка (Сакский район) (Колтухов, 2012. С. 57. Рис. 36, 2), в Булганакском городище (Храпунов, 1991. Рис. 21, 6; Власов, 1997. Табл. VII, 9).

Гончарные сосуды из склепа 1225 представлены чашками полусферической и округло-конической формы с плавно загнутым венчиком (рис. 6, 1; 7, 4, 8), полусферической чашкой с отогнутым наружу венчиком (рис. 6, 2) и двумя одноручными кувшинами — узкогорлым с воронковидным венчиком (рис. 6, 3) и широкогорлым с плавно отогнутым венчиком (рис. 7, 5). Три чашки (рис. 6, 1, 2; 7, 4) с внутренней и частично с внешней стороны покрыты относительно плотным красным лаком, у одной чашки (рис. 7, 8) и широкогорлого кувшина (рис. 7, 5) покрытие выражено слабо и больше напоминает обмазку, а у узкогорлого кувшина (рис. 6, 3) вообще не прослеживается.

С учетом материалов раскопок прежних лет можно заключить, что краснолаковые и гончарные сосуды, выявленные в ранних захоронениях Усть-Альминского могильника, не отличаются особым многообразием. В основном это полусферические и округло-конические чашки (подобные сосудам, найденным в склепе 1225), тарелки с загнутым венчиком и кувшины нескольких форм. В синхронных варварских захоронениях северо-западной прибрежной части полуострова привозной керамики и больше и формы ее разнообразнее.

Еще одной категорией находок, представленной в Усть-Альминском некрополе, являются предметы вооружения. Среди них два десятка наконечников копий, происходящих из мужских захоронений первых веков н.э. (Труфанов, 2016. С. 47–68. Рис. 1, 1–20). При этом до недавнего времени, несмотря на множество изученных по-

гребальных сооружений, на территории памятника не было выявлено захоронений с наконечниками, датируемых ранее середины I в. н.э. Новые раскопки привели к открытию таких объектов: наконечники копий обнаружены в погребениях 7 и 9 склепа 1220 (рис. 4, 1, 7).

Характерной особенностью погребального обряда варварского населения Крыма II—I вв. до н.э. является использование при совершении захоронений многочисленных мелких кремневых отщепов. Раскопками 2019 г. скопления таких отщепов выявлены в склепе 1191 (рис. 2, 8, 16) и в обеих камерах склепа 1225 (рис. 6, 9, 23; 8, 22б), причем в боковой камере наряду с кремнем использовались мелкие обломки кварцита (рис. 8, 22а). Особые условия сохранности древесины в некоторых склепах Усть-Альминского некрополя позволили установить, что такие кремневые изделия в массовом количестве применялись в конструкции молотилок, которые, в свою очередь, вторично использовались в качестве днищ саркофагов (Зайцев, Хелльштрём, Хохмут, 2010).

Помимо того, в исследованных склепах найдены астрагалы с просверленными в них отверстиями (рис. 2, 2; 6, 22), железные ножи (рис. 1, 4; 2, 3; 4, 6; 6, 8, 17; 7, 10) и шилья (рис. 6, 4; 7, 18), оселки из песчаника (рис. 6, 19; 8, 10) и пряслища — лепное (рис. 2, 4) и изготовленное из обточенной ножки гончарного сероглиняного сосуда с остатками покрытия черного цвета (рис. 7, 17). Рядом с некоторыми погребениями выявлена кость животного, что указывает на помещение в могилу ритуальной мясной пищи. Необычным для Усть-Альминского некрополя является захоронение собаки, обнаруженное в склепе 1191 (рис. 1, б).

На основании проанализированных вещевых находок можно прийти к выводу об использовании склепов 1191 и 1220 во второй пол. (или в конце) II — I вв. до н.э., т.е. относить эти объекты к наиболее раннему периоду функционирования Усть-Альминского некрополя. В сравнении с ними склеп 1225 занимает несколько более позднюю хронологическую позицию: широкая датировка использования его погребальных камер определяется в рамках I в. до н.э. — первой пол. I в. н.э. При этом логично предположить, что сначала была устроена и начала использоваться основная камера. Однако утверждать, что боковая камера возникла лишь после консервации первой, нет оснований. Возможно, в течение некоторого времени обе они использовались попеременно. Но расположение камней забутовки входной ямы вроде бы указывает на то, что последнее захоронение было совершено в боковой камере.

Как уже отмечалось, наборы посуды в рассмотренных погребальных сооружениях различные, что, возможно, имеет хронологическое значение: если в склепах 1191 и 1220 присутствовали исключительно лепные сосуды, то в обеих камерах склепа 1225 найдена только гончарная, в том числе краснолаковая керамика. Еще одной хронологически значимой находкой является лучковая подвязная фибула, обнаруженная в боковой камере склепа 1225. В обеих камерах этого же склепа, кроме того, найдены бронзовые ведерковидные подвески (рис. 6, 16; 7, 6), подобные которым отсутствуют в исследованных склепах 1191 и 1220. Комплексы с аналогичными подвесками из Беляусского некрополя О.Д. Дашевская датировала не ранее конца I в. до н.э., отнесла большинство из них к началу I в. н.э. (Дашевская, 2014. С. 19, 44, 46, 53, 73. Табл. 26, 2; 198, 19; 112, 3, 4; 130, 4; 151, 1). Можно также отметить фрагменты погребальных венков (?) из золотой фольги в основной камере склепа 1225 при отсутствии подобных находок в склепах 1191 и 1220.

Основываясь на первых результатах исследований Усть-Альминского некрополя, Т.Н. Высотская утверждала, что “в момент возникновения могильника в I в. до н.э. господствующими и, может быть, в какой-то период единственными погребальными сооружениями, были склепы подквадратной формы”, причем “дромосы склепов [...] всегда были забиты камнями” (Высотская, 1994. С. 140, 144). Однако теперь установлено, что во II—I вв. до н.э. здесь сооружались склепы не только с прямоугольными, но и с овальными камерами, подобными тем, что известны в Северо-Западном Крыму. Из трех же рассмотренных склепов, исследованных в 2019 г., плотная каменная забутовка имела только во входной яме склепа 1225 (рис. 5, а), в яме склепа 1191 она была нарушена на позднем этапе использования данного погребального сооружения (рис. 5, б), а заполнение ямы склепа 1220 состояло из перемешанного с галькой грунта без каменных обломков (рис. 3, а).

Исследование территории, прилегающей к склепу 1225, показало, что рядом с его входной ямой находилось 5 могил с конскими захоронениями. Животные были погребены с подогнутыми ногами и лежащими на ступеньках головами, а их морды обращены к входной яме склепа. Захоронения коней в непосредственной близости от склепов неоднократно отмечены на территории Усть-Альминского некрополя, но прежде речь шла только о склепах второй пол. I — первой пол. II в. н.э. Теперь же можно утверждать, что этот обряд существовал здесь и в предшествующее время.

Раскопки 2019 г. повысили степень изученности Усть-Альминского некрополя, позволили уточнить его топографию и скорректировать некоторые из сложившихся ранее представлений о погребальном обряде населения, оставившего данный памятник. Вместе с тем они обозначили перспективу будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. — IV в. н.э.). М.: Наука, 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1-30). 112 с., 28 л. ил.
- Власов В.В.* Лепная керамика позднескифского Булганского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1997. С. 204—303.
- Внуков С.Ю., Лагутин А.Б.* Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И.И. Гушина, Д.В. Журавлев. М.: Гос. ист. музей, 2001 (Труды Гос. ист. музея; вып. 118). С. 96—121.
- Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. 208 с.
- Гаврилов А.В., Труфанов А.А.* Святилище Туар-Алан II в. до н.э. — первой половины I в. н.э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 73—152.
- Дашевская О.Д.* Некрополь Беляуса. Симферополь: Феникс, 2014. 284 с.
- Зайцев Ю.П.* Хронология Неаполя скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье, 1995. С. 67—90.
- Зайцев Ю.П.* Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1997. С. 156—166.
- Зайцев Ю.П.* “Позднескифский” костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III—I вв. до н.э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 22—25 ноября 2011 г.) / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 584—592.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеллинистического периода // Российская археология. 2003. № 2. С. 135—154.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. — 1 в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 174—204.
- Зайцев Ю.П., Хелльштрём К., Хохмут М.* Фрагменты молотилок из Усть-Альминского позднескифского некрополя в Крыму // Российская археология. 2010. № 2. С. 78—88.
- Колтухов С.Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII—IV вв. до н.э. (погребальные памятники). Донецк: Донбасс, 2012 (Археологический альманах; № 37). 268 с.: ил.
- Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Масякин В.В.* Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 125—138.
- Михлин Б.Ю.* Фибулы Беляусского могильника // Советская археология. 1980. № 3. С. 194—213.
- Новиченкова Н.Г.* Горный Крым: II в. до н.э. — II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Оріанда, 2015. 216 с.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Скрипкин А.С.* О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье // Российская археология. 2003. № 2. С. 128—134.
- Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 172 с.
- Труфанов А.А.* Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. 2004а. № 3. С. 160—170.
- Труфанов А.А.* Дополнения к опубликованным материалам гробниц в “Тавельских” курганах 1897 г. // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца) / Ред.-сост. С.Г. Колтухов, С.Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский. Симферополь: Изд-во Крымского науч. центра, 2004б. С. 135—138.
- Труфанов А.А.* Наконечники копий из Усть-Альминского некрополя // История и археология Крыма. Вып. IV. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 47—68.
- Труфанов А.А., Зайцев Ю.П., Медведев Г.В., Соломоненко А.Е., Шкрибляк И.И.* Исследования Усть-Альминского некрополя в 2019 году // История и археология Крыма. Вып. XIII. Симферополь: Колорит, 2020. С. 393—400.
- Храпунов И.Н.* Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981—1989 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. II. Симферополь: Таврия, 1991. С. 3—34, 183—234.

EARLY BURIAL COMPLEXES OF THE UST-ALMA NECROPOLIS (Based on the 2019 research)

Aleksandr A. Trufanov^{a, #} and Yuri P. Zaytsev^{b, ##}

^a Institute of Crimean Archaeology RAS, Simferopol, Russia

^b "Scythian Neapolis" Historical and Archaeological Museum-Reserve, Simferopol, Russia

[#] E-mail: trufanov.a67@mail.ru

^{##} E-mail: skilur46@mail.ru

Excavations conducted in 2019 at the late Scythian Ust-Alma necropolis located in the South-Western Crimea resulted in the discovery of several burial structures dating back to the early stage of its functioning. Among them are soil crypts 1191, 1220 and 1225 with burials accompanied by various things: ware, brooches, buckles, bracelets, beads, etc. An analysis of these finds makes it possible to date the burials made in crypts 1191 and 1220 within the second half/end of the 2nd – 1st century BC, while the functioning of crypt 1225 with two burial chambers can be attributed to the 1st century BC – the first half of the 1st century AD.

Keywords: South-Western Crimea, the late Scythian culture, the Ust-Alma necropolis, crypts, brooches, buckles, beads.

REFERENCES

- Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [Fibulae of the south of the USSR's European part (2nd century BC – 4th century AD)]. Moscow: Nauka. 112 p., ill. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-30).
- Dashevskaya O.D., 2014. Nekropol' Belyausa [The necropolis of Belyaus]. Simferopol': Feniks. 284 p.
- Gavrilov A.V., Trufanov A.A., 2014. The Tuar-Alan II sanctuary of the 2nd century BC – the first half of the 1st century AD in South-Eastern Crimea. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, I. Simferopol': Biznes-Inform, pp. 73–152. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., 1991. The Late Scythian fortified settlement of Bulganak (based on excavations in 1981–1989). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the archaeology, history and ethnography of Taurica]*, II. Simferopol': Tavriya, pp. 3–34, 183–234. (In Russ.)
- Koltukhov S.G., 2012. Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n.e. (pogrebal'nye pamyatniki) [Scythians of the North-Western Crimea in the 7th–4th centuries BC (burial sites)]. Donetsk: Donbass. 268 p., ill. (Arkheologicheskii al'manakh, 37).
- Kropotov V.V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of the Sarmatian period]. Kiev: ADEF-Ukraina. 384 p.
- Masyakin V.V., 2007. Roman fibulae and details of a belt set from the Zavetnoye necropolis. *Drevnyaya Tavrika [Ancient Taurica]*. Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 125–138. (In Russ.)
- Mikhlin B.Yu., 1980. Fibulae of the Belyaus burial ground. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 3, pp. 194–213. (In Russ.)
- Novichenkova N.G., 2015. Gornyy Krym: II v. do n.e. – II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo [The Mountainous Crimea: 2nd century BC – 2nd century AD. Based on the materials from the excavations at the sanctuary near the Gurzuf Saddle pass]. Simferopol': N. Orianda. 216 p.
- Puzdrovskiy A.E., 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD. Burial sites]. Simferopol': Biznes-Inform. 480 p.
- Skipkin A.S., 2003. Concerning the new variant of arc fibulae from the Sarmatian burials in the Volga and the Don interfluve. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 128–134. (In Russ.)
- Symonovich E.A., 1983. Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya skifskogo) [Population of the capital of the late Scythian kingdom (based on materials from the Eastern necropolis of Scythian Neapolis)]. Kiev: Naukova dumka. 172 p.
- Trufanov A.A., Zaytsev Yu.P., Medvedev G.V., Solomonenko A.E., Shkriblyak I.I., 2020. Research in the Ust-Alma necropolis in 2019. *Istoriya i arkheologiya Kryma [The history and archaeology of the Crimea]*, XIII. Simferopol': Kolorit, pp. 393–400. (In Russ.)
- Trufanov A.A., 2004a. Early Roman provincial buckles in the north Pontic zone. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 160–170. (In Russ.)
- Trufanov A.A., 2004b. Additions to the published materials from the graves in the "Tavel" burial mounds of 1897. *U Ponta Evksinskogo (pamyati P.N. Shul'tsa) [At Pontus Euxinus (in memory of P.N. Shults)]*. S.G. Koltukhov, S.B. Lantsov, A.E. Puzdrovskiy, comp. Simferopol': Izdatel'stvo Krymskogo nauchnogo tsentra, pp. 135–138. (In Russ.)
- Trufanov A.A., 2016. Spearheads from the Ust-Alma necropolis. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, IV. Simferopol': Nasledie tysyacheletiy, pp. 47–68. (In Russ.)
- Vlasov V.V., 1997. Hand-made pottery of the late Scythian fortified settlement of Bulganak. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik [Bakhchisarai historical and archaeological collection of papers]*, I. Simferopol': Tavriya, pp. 204–303. (In Russ.)
- Vnukov S.Yu., Lagutin A.B., 2001. Earthen crypts of the Late Scythian Kara-Tobe cemetery in the North-Western Crimea. *Pozdnie skify Kryma [Late Scythians of the*

- Crimea*]. I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev, eds. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 96–121. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 118). (In Russ.)
- Vysotskaya T.N., 1994. Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' [The Ust-Alma fortified settlement and necropolis]. Kiev: Kievskaya akademiya evrobiznesa. 208 p.
- Zaytsev Yu.P., 1995. Chronology of Scythian Neapolis. *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma [Antiquities of the steppe Black Sea littoral and the Crimea]*, V. Zaporozh'e, pp. 67–90. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 1997. Crypt No. 390 of the Ust-Alma late Scythian necropolis. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik [Bakhchisarai historical and archaeological collection of papers]*, I. Simferopol': Tavriya, pp. 156–166. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 2011. "Late Scythian" costume as an ethnic indicator (the case of belt set elements of the 3rd–1st centuries BC). *Bosporskiy fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty: materialy nauchnoy konferentsii [The Bosphorus Phenomenon. Population, languages, contacts: Proceedings of the Scientific conference]*. M. Yu. Vakhtina, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 584–592. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., Khell'shtrem K., Khokhmut M., 2010. Fragments of threshing sledges from the Late Scythian necropolis of Ust-Alma in the Crimea. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 78–88. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2003. The fibulae with bindings in the barbarian burials of North Pontic in the late Hellenic period. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 135–154. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2004. Barbarian burials in the Crimea of the 2nd century BC – 1st century AD. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noy khronologii [Sarmatian cultures of Eurasia: issues of regional chronology]*. Krasnodar, pp. 174–204. (In Russ.)

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ СО СЛЕДАМИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ

© 2022 г. Н. Н. Серегин^{1, *}, М. А. Демин^{2, **}, С. С. Матренин^{1, ***}, С. С. Тур^{1, ****}

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

² Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

*E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

**E-mail: mademin52@mail.ru

***E-mail: matrenins@mail.ru

****E-mail: tursvellana@mail.ru

Поступила в редакцию 14.01.2022 г.

После доработки 22.02.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

В статье представлены результаты изучения погребения человека со следами насильственной смерти, раскопанного на некрополе эпохи Великого переселения народов Карбан-I. Данный памятник, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, исследовался экспедицией Алтайского государственного педагогического университета в 1989–1990 гг. Анализ зафиксированных признаков обрядовой практики позволил установить, что захоронение совершено носителями карбанской погребальной традиции, составлявшими одну из многочисленных групп населения булан-кобинской археологической культуры. Изучение морфологических характеристик обнаруженных предметов инвентаря и их сопоставление с известными материалами Алтая и сопредельных территорий стало основанием для определения датировки объекта в рамках II – первой половины III в. н.э. Количество и характер зафиксированных травм однозначно свидетельствуют о том, что мужчина из анализируемого погребения, не являвшийся профессиональным воином, стал жертвой насилия с использованием оружия. Имеющиеся данные позволяют предварительно предположить, что противником убитого стал представитель культурно чужеродного населения.

Ключевые слова: Алтай, эпоха Великого переселения народов, погребение, скелетная травма, оружие, хронология.

DOI: 10.31857/S086960632203014X

Эпоха Великого переселения народов характеризуется повышением интенсивности межличностных конфликтов с использованием предметов вооружения. Отдельные аспекты такого взаимодействия у скотоводов Алтая в последние годы рассматривались на материалах раскопок погребальных комплексов булан-кобинской культуры. Прямым подтверждением фактов насилия с применением оружия дальнего и ближнего боя являются травмы на костях умерших людей без следов заживления (рубленные, резаные, колотые раны, следы декапитации и скальпирования) (Тур, Матренин, 2016; Тур, Матренин, Соенов, 2018). О повышенном уровне социальной напряженности в регионе свидетельствует также довольно большое количество прижизненных травм черепа (Тур, 2019. С. 148, 152–156).

Изучение документированных свидетельств летальных и прижизненных травм требует комплексного анализа с участием широкого круга

специалистов. Получаемые при таком подходе результаты будут иметь большое значение для понимания специфики историко-культурных условий существования отдельных популяций булан-кобинского социума и осуществления объективных этносоциальных реконструкций по материалам археологических памятников. При этом важным является расширение круга привлекаемых источников, в том числе посредством введения в научный оборот и разноплановой интерпретации неопубликованных данных. В настоящей статье представлен опыт исследования захоронения мужчины со следами насильственной смерти из некрополя Карбан-I эпохи Великого переселения народов.

Характеристика источников. Погребально-поминальный комплекс Карбан-I расположен в Чемальском р-не Республики Алтай, на левом берегу р. Катунь, в 1.7 км к северо-западу от с. Куюс (рис. 1). В составе этого разновременного памят-

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Карбан-I.

Fig. 1. The location of the burial and memorial complex of Karban-I

ника, открытого М.Т. Абулганеевым, археологической экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина в 1989–1990 гг. вскрыто более двадцати погребальных сооружений булан-кобинской культуры (Серегин, Демин, Матренин, 2021б). Среди исследованных объектов, которые пока еще слабо введены в научный оборот, раскопан курган № 14, содержащий непо потревоженное захоронение молодого мужчины.

Курган № 14 локализован в северо-восточной части раскопа и являлся крайним с юго-запада в ряду, состоявшем из объектов № 11, 13, 14, 27. В результате зачистки конструкции, практически не выделявшейся до исследований, выявлено каменное надмогильное сооружение овальной формы размером 2.7×1.8 м, ориентированное длинной осью с северо-запада на юго-восток. Контур насыпи был выложен крупными плоскими плитами и валунами, образующими крепиду (рис. 2, 1).

К рассматриваемому объекту был пристроен курган № 13, содержащий захоронение ребенка в каменном ящике, без сопроводительного инвентаря (Серегин, Демин, Матренин, 2021а. С. 36).

Следует подчеркнуть, что в отличие от многих объектов булан-кобинской культуры, исследованных на некрополе Карбан-I, курган № 14 почти не имел внутри кольцевой выкладки каменной забутовки: только небольшой участок в южном секторе оказался заложен речными валунами; по остальной площади сразу после удаления слоя песка обнаружены плиты перекрытия. Под ними находился каменный ящик прямоугольной в плане формы размерами 1.9×0.45 м, ориентированный продольной осью по линии северо-запад — юго-восток. Плиты, образывавшие длинные стенки ящика, в его южной половине опускались ко дну могилы покато. В результате ширина юго-восточного торца данного сооружения на уровне дна составляла около 0.3 м, а его форма по дну становилась трапецевидной.

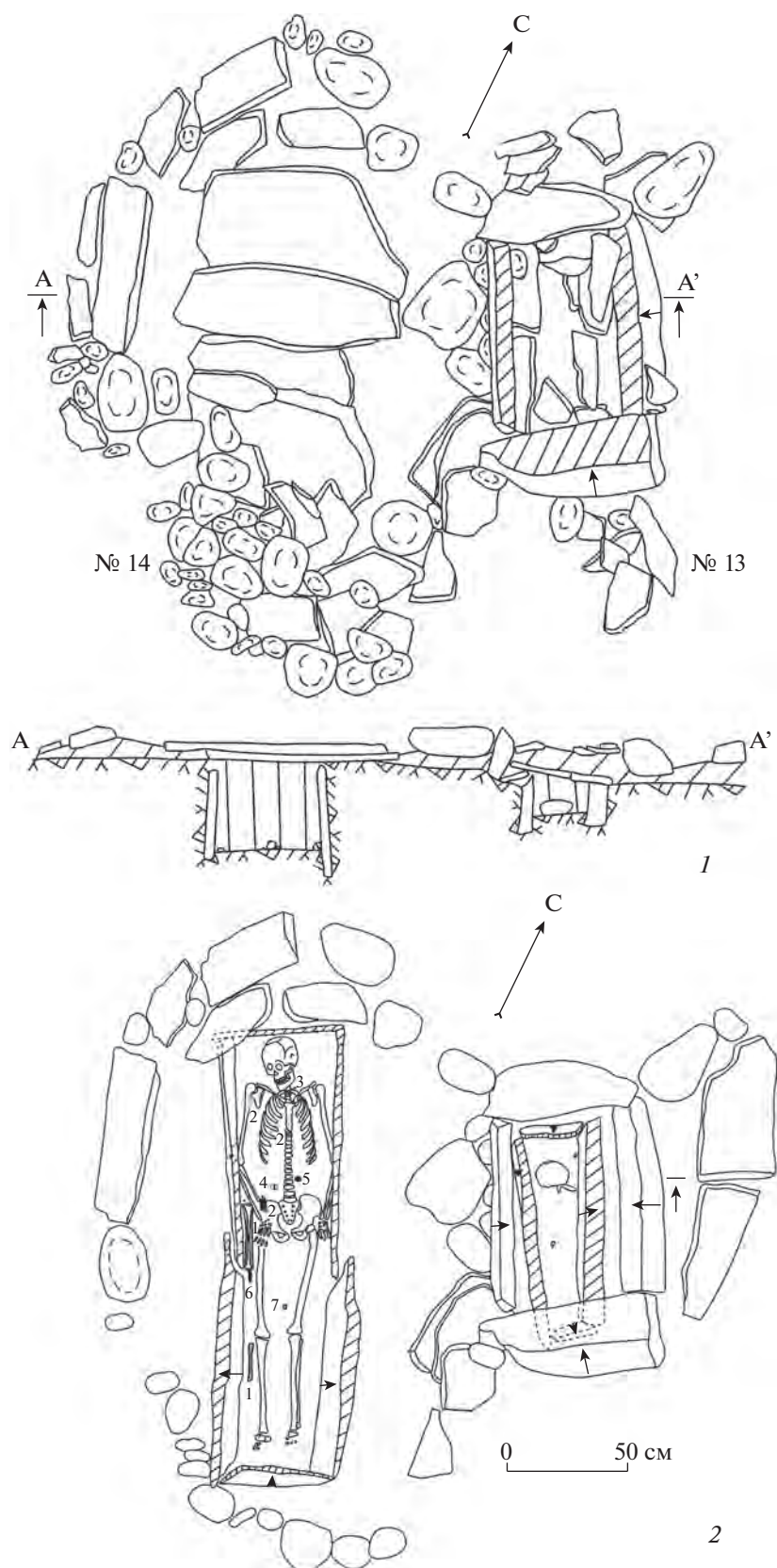

Рис. 2. План наземного сооружения, разрез могил (1) и план погребений (2) курганов № 14 и 13 некрополя Карбан-I. Предметы в погребении кургана № 14: 1 — роговые накладки на лук; 2 — костяные (роговые) наконечники стрел; 3 — бусина; 4 — железная поясная пряжка; 5 — железное кольцо ("блок"); 6 — железные шило и нож; 7 — рыбий позвонок.
Fig. 2. Plans of the ground structure (1) and plans of the graves (2) of burial mounds No. 14 and 13 from the Karban-I necropolis

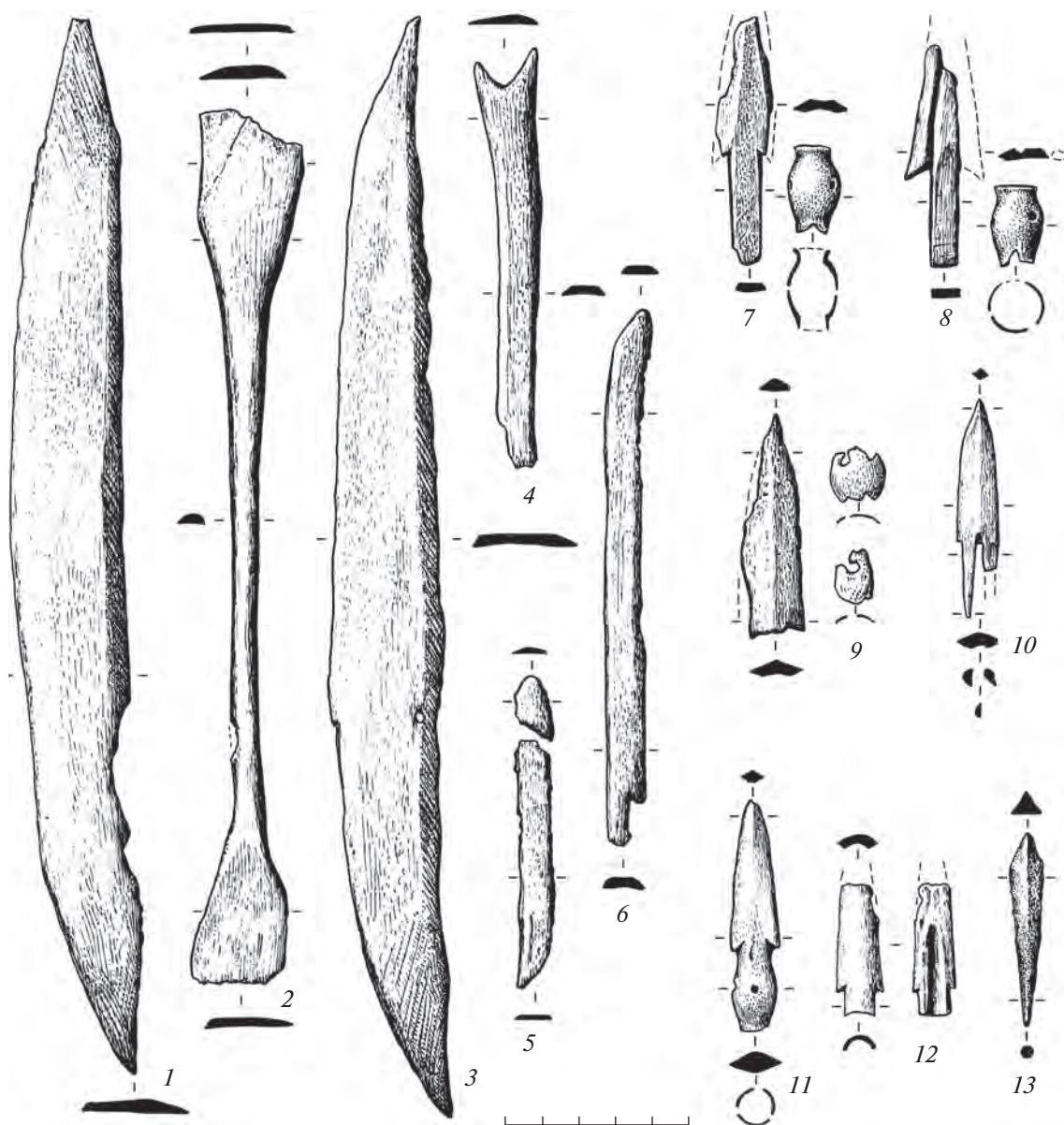

Рис. 3. Накладки на лук и наконечники стрел из погребения кургана № 14 некрополя Карбан-I: 1–12 – кость, рог; 13 – железо.

Fig. 3. Appliqué for bows and arrowheads from burial mound No. 14 of the Karban-I necropolis

На дне могилы, имеющей глубину 0.4 м от уровня древнего горизонта, расчищен скелет мужчины 30–40 лет в анатомическом порядке (рис. 2, 2). Умерший лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на северо-запад. Череп человека был повернут вправо, лицевой частью обращен на юго-запад. Руки, немного согнутые в локтях и чуть разведенные в стороны, уложены вдоль туловища.

В погребении зафиксирован довольно разнообразный сопроводительный инвентарь. На умершего человека сверху был положен составной лук, от которого сохранились роговые накладки: две сре-

динные боковые (рис. 3, 1, 3) и двояная тыльная (рис. 3, 2, 4), обнаруженные у правого крыла таза, и обломки концевых боковых (рис. 3, 5, 6) на нижнее плечо кибити – у правой голени.

На правом предплечье, над крылом таза погребенного, лежали три костяных (роговых) черешковых наконечника стрел, снабженных отдельно изготовленными “свистунками” (рис. 3, 7–9). Один костяной (роговой) наконечник с зажимным способом крепления (рис. 3, 10) выявлен среди ребер внутри грудной клетки. Втульчатый экземпляр со свистунком (рис. 3, 11) лежал под правой плечевой костью (плашмя острием к но-

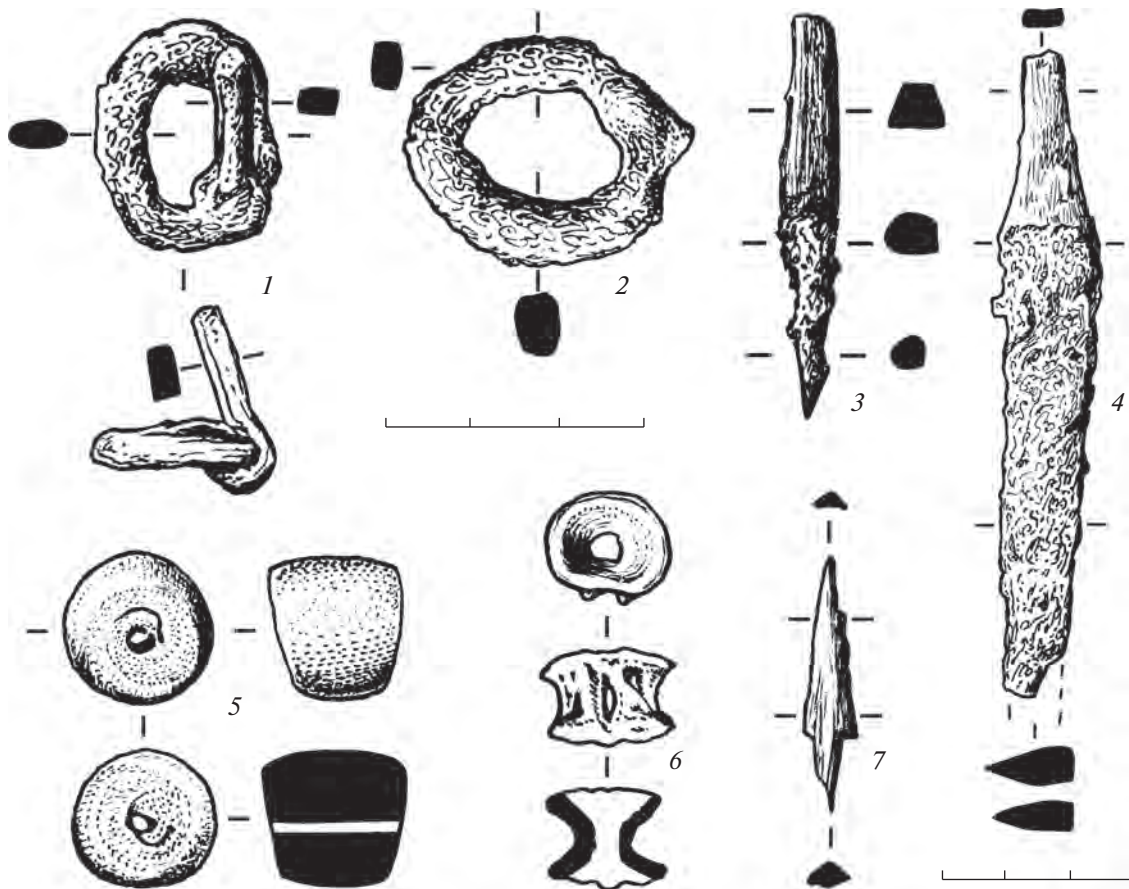

Рис. 4. Элементы костюма, украшения и орудия труда из погребения кургана № 14 некрополя Карбан-I: 1–4 – железо; 5 – камень; 6, 7 – кость.

Fig. 4. Elements of costume, adornments and tools from burial mound No. 14 of the Karban-I necropolis

гам), а наконечник с цельной цилиндрической втулкой (рис. 3, 12) оказался зажатым острием вверх между грудными позвонками.

В области пояса умершего человека встречены овальная железная пряжка с подвижным язычком (рис. 4, 1), лежавшая справа от позвоночника, и железный кольцевой “блок” (рис. 4, 2). У правого бедра под накладками на лук зафиксированы железные шило (рис. 4, 3) и нож (рис. 4, 4). Под нижней челюстью мужчины обнаружена крупная бузина белого цвета (рис. 4, 5). Между ног погребенного, ближе к коленям, находился лежавший на ребре рыбий позвонок, просверленный по центру (рис. 4, 6). В его отверстие было вставлено костяное острие длиной чуть менее 3 см (рис. 4, 7).

Самая неожиданная находка была сделана в процессе разборки скелета – внутри черепа обнаружен железный наконечник стрелы (рис. 3, 13).

Анализ материалов. Зафиксированные особенности обряда захоронения (расположение в ряду тесно сгруппированных насыпей; небольшое наземное сооружение с овальной крепидой из крупных камней по внешнему контуру; неглубокая

могильная яма с отвесными стенками; каменный ящик трапециевидной формы из тонких плит с перекрытием, одиночная ингумация; ориентировка умершего головой в северо-западный сектор горизонта; положение человека вытянуто на спине) свидетельствуют о принадлежности данного объекта к памятникам булан-кобинской культуры, существовавшей на Алтае в течение последней четв. I тыс. до н.э. – первой пол. I тыс. н.э. (Соенов, 2003. С. 46–53; Тишкин, 2007. С. 158–184; Серегин, Матренин, 2016. С. 134–147, 187–190).

Обнаруженный с умершим человеком набор предметов включал непосредственно сопроводительный инвентарь, а также вещи, являвшиеся орудиями его убийства. Морфологический анализ изделий и их сопоставление с известными материалами из других некрополей Алтая II в. до н.э. – V в. н.э., а также синхронных памятников Центральной и Северной Азии позволяют установить время сооружения объекта.

Составной лук представлен неполным, вероятно, сломанным изделием со срединными и

нижними концевыми роговыми накладками. Расположение данных деталей указывает на то, что лук был уложен на умершего человека, вдоль его правой стороны. Срединные боковые накладки выполнены из длинных (29.6–30.7 см) и широких (3–3.2 см) пластин с сегментовидным абрисом (рис. 3, 1, 3). По своему оформлению они обнаруживают сходство с экземплярами из памятников хунну Монголии и Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э., а также из комплексов Тувы конца I в. до н.э. – начала III в. н.э. (Коновалов, 1976. Табл. III–V; Цэвэндорж, 1985. Рис. 12, 2; 14, 10; 16, 1; 30, 8, 10; Худяков, 1986. Рис. 3, 1–7; Николаев, 2001. С. 81, 82. Табл. 77, 1; 94, 2; 95, 1, 2; 114, 3; 118, 10; 120, 6; и др.). При исследовании некрополей булан-кобинской культуры Алтая такие накладки обнаружены в погребениях, датирующихся преимущественно в рамках II в. до н.э. – I в. н.э. и реже – II – первой пол. IV вв. н.э. (Мамадаков, 1990. Рис. 80, 81; Худяков, 1997. Рис. 1, 3, 4, 12; Соенов, Эбель, 1992. Рис. 22; и др.). Срединная тыльная накладка была двусоставной. Основная пластина имела веслообразную форму, среднюю длину (24.6 см) и широкие (2.6–2.8 см) лопатковидные окончания (рис. 3, 2). Судя по известным материалам, она является местной формой изделий, появившейся на Алтае в сяньбийское время. Редкие аналогии ей зафиксированы в булан-кобинских комплексах III–IV вв. н.э. (Соенов, Эбель, 1998. Рис. 15, 5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 41). В центральной части данная накладка была усилена дополнительной пластиной длиной около 12 см и шириной от 1.1 до 1.6 см (рис. 3, 4). Концевые боковые накладки (рис. 3, 5, 6) сильно фрагментированы и не подлежат хронологической атрибуции.

Костяные (роговые) наконечники стрел, входившие в состав погребального инвентаря, включают три экземпляра, компактно лежавшие остриями вверх на правом предплечье мужчины. Все они имеют черешковый насад, многогранное в поперечном сечении перо с вытянуто-треугольной абрисом и вогнутыми плечиками-шипами, а кроме того отдельно изготовленный костяной свистунок бочонковидной формы (рис. 3, 7–9; 5, 1–3). Такие изделия у населения булан-кобинской культуры Алтая являлись производными от аналогичных по форме ромбовидных наконечников, широко известных в сяньбийское время (II – первая пол. IV в. н.э.) и крайне редко встречающихся в жузжанский период (вторая пол. IV – первая пол. V в. н.э.) (Мамадаков, 1990. Рис. 15, 6; 25, 6; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 120. Табл. 35, 9, 15; Матренин, Серегин, 2019. С. 105, 109). В отношении отдельно изготовленных костяных свистунков можно предположить, что данная деталь была заимствована от боевых стрел с железными наконечниками, либо это являлось попыткой упрощения технологии производства

костяных (роговых) наконечников с цельной втулкой-свистунком.

Остальные три костяных (роговых) наконечника зафиксированы *in situ* в контексте, который позволяет сделать вывод о том, что они находились в теле умершего человека (рис. 5).

Между грудными позвонками острием вверх был зажат наконечник с линзовидным (дуговидным) пером треугольной формы, имеющий втулчатый выступающий насад цилиндрической формы (рис. 3, 12; 5, B, 4). Близкие по оформлению изделия обнаружены в погребениях сяньби Восточного Забайкалья конца I – начала III в. н.э. (Яремчук, 2005. Рис. 76, 7, 8). В известных археологических материалах булан-кобинской культуры в качестве наиболее похожих можно упомянуть ромбовидные и многогранные экземпляры с треугольным и пятиугольным пером из некрополей конца III – IV в. н.э. (Мамадаков, 1990. Рис. 16, 6; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 121. Табл. 34, 2). Конструктивно близкие наконечники, но с трехгранным пером зафиксированы в комплексах II в. до н.э. – I в. н.э. и второй пол. IV – начала V в. н.э. (Худяков, 1997. Рис. 1, 6; Серегин и др., 2020. С. 92. Рис. 2, 7).

Из правой половины грудной клетки погребенного извлечен зажимной наконечник, имеющий многогранное пятиугольное перо с покатыми плечиками (рис. 3, 10; 5, B, 5). На Алтае изделия с “расщепленным” насадом являлись показательным “этнографическим” элементом охотничьего инвентаря скотоводов Алтая в III–V вв. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 125; Матренин, Серегин, 2019. С. 110, 111; Серегин и др., 2020. С. 95). Экземпляр из могильника Карбан-I отличается достаточно редким вариантом сечения пера, что, вероятно, обусловлено его изготовлением из трубчатой кости. В типологическом отношении он совпадает с часто встречающимися в комплексах булан-кобинской культуры ромбовидными наконечниками, которые обычно имеют прямые плечики (Мамадаков, 1990. Рис. 33, 9, 10; 38, 8; 45, 6, 7; 51, 6; Соенов, Эбель, 1992. Рис. 28, 1; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 122).

Под правой плечевой костью умершего человека лежал костяной (роговой) наконечник стрелы с ромбовидным пером треугольной формы, имеющий вогнутые плечики и выступающую цельную втулку-свистунок бочонковидной формы (рис. 3, 11; 5, B, 6). У населения Алтая период активного применения похожих по конструкции изделий приходился на вторую четв. I тыс. н.э., что, по-видимому, отражает влияние костерезных традиций одной из групп северных сяньби (Матренин, Серегин, 2019. С. 109). Карбанский экземпляр свидетельствует о том, что “булан-кобинцы” могли использовать такие изделия уже в

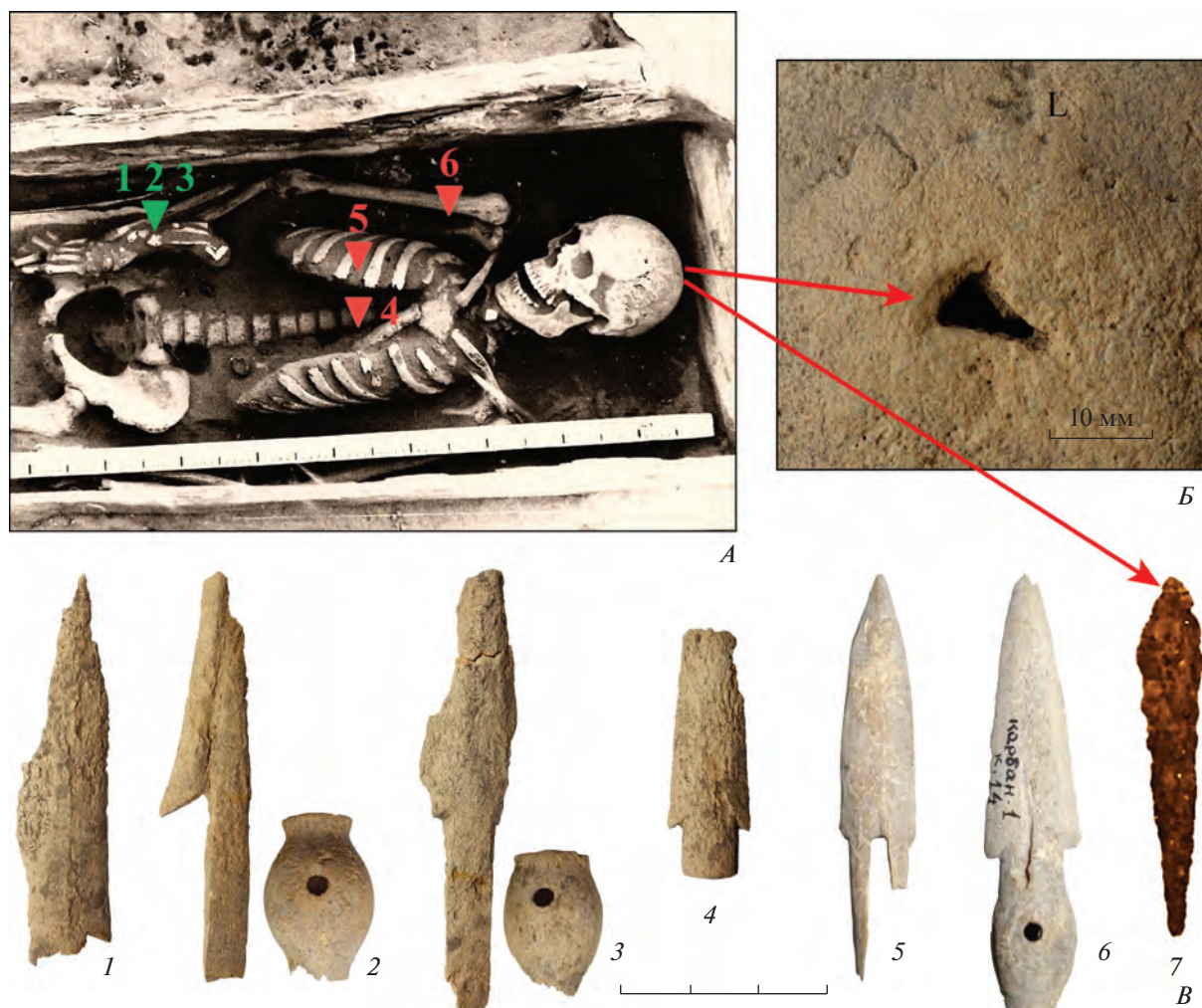

Рис. 5. Расположение наконечников стрел (1–7) в погребении кургана № 14 некрополя Карбан-I (А), травма черепа без следов заживления (Б), наконечники (В): 1–6 – кость, рог; 7 – железо.

Fig. 5. The location of arrowheads (1–7) in burial mound No. 14 of the Karban-I necropolis (A), a skull injury with no signs of healing (B), arrowheads (B)

первой пол. III в. н.э., вероятно, ближе к середине столетия. Показательно, что в известных нам коллекциях булан-кобинской культуры Алтая наконечники с цельной втулкой-свистунком имеют иное сочетание формы поперечного сечения и абриса поражающей части (трехгранный с треугольным и листовидным пером, ромбовидные пятиугольные и ярусные, круглые граненые с ромбовидным, пятиугольным и килевидным пером).

Железный наконечник стрелы обнаружен внутри черепа человека. Данный экземпляр имеет черешковый насад и трехгранное в сечении перо асимметрично-ромбической формы без упора (рис. 3, 13; 5, В, 7). Данное изделие относится к числу бронебойных. В Центральной Азии трехгранные наконечники известны уже у хунну в I в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков, 1986. С. 31. Рис. 6, 1).

Предметы с таким сечением пера интенсивно использовались населением Средней Азии с III в. н.э. (Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 84. Рис. 6, 7–10; 13–24; Левина, 1996. Рис. 92, 20, 23, 45; Литвинский, 2001. С. 107–110). Важно подчеркнуть, что данный экземпляр не имеет аналогий в известном нам воинском арсенале носителей булан-кобинской культуры и, возможно, связан с чужеродным для Алтая населением.

Элементы пояса в анализируемом предметном комплексе весьма немногочисленны. Поясная пряжка представлена железным экземпляром с подвижным язычком, закрепленным на основании рамки овальной формы (рис. 4, 1). Похожее изделия являлись наиболее распространенной модификацией ремennых застёжек у кочевников булан-кобинской культуры в саяно-бирюкский и жузжанский периоды (Матренин, 2017. С. 30, 31, 43;

Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 72, 76). “Блок” в виде железного сомкнутого кольца (рис. 4, 2) крепился к ремню, вероятно, с помощью подвижной кожаной петли. Данный предмет характерен для снаряжения скотоводов Алтая во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017. С. 94, 95; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 94, 96).

Комплекс орудий труда из погребения кургана № 14 включал нож и шило. Последнее из обозначенных изделий было сделано из заостренного железного стержня длиной 4,7 см с многогранной рабочей частью (рис. 4, 3). Аналогии данному изделию зафиксированы на Алтае в погребениях II – первой пол. V в. н.э. (Соенов, Константинова, 2015. Рис. 4; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. Табл. 38, 4, 6, 7; и др.). Железный нож имеет короткий (7,5 см) треугольный в сечении клинок со слегка выгнутой спинкой и прямой черенок для рукояти (рис. 4, 4). Подобные предметы представляли собой массовую категорию в орудийном комплексе населения булан-кобинской культуры саянбийского и жужанского периодов (Мамадаков, 1990. Рис. 85, 12–15; Соенов, Константинова, 2015. С. 20–21. Рис. 5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 126. Табл. 36, 37; и др.).

Основным украшением костюма умершего человека выступала крупная белая бусина, использовавшаяся в качестве подвески на шею (рис. 4, 5). Изделие размерами 1,7 × 1,3–1,7 см имеет круглое поперечное и эллипсовидное (симметрично усеченное) продольное сечение. Подобные декоративные предметы наиболее широко использовались населением Алтая во II – первой пол. IV в. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019. С. 42, 43). Вероятно, к украшениям относились также рыбий позвонок со вставленным в центральное сквозное отверстие костяным острием (рис. 4, 6, 7). В материалах булан-кобинской культуры это пока единственный известный нам случай присутствия такого предмета в составе погребального инвентаря. Находки позвонков крупных рыб, использовавшихся в качестве подвесок или бус, зафиксированы в поселенческих комплексах майминской культуры Северного Алтая (Трифанова, Соенов, 2019. Рис. 25, 8, 14). Данные свидетельства также известны в материалах единичной культуры Верхнего Приобья (Грязнов, 1956. Табл. XXXVIII, 12).

Сохранившиеся антропологические материалы позволяют сделать ряд заключений о форме и характере повреждений головы и посткраниального скелета. На черепе мужчины зафиксирован дырчатый перелом без признаков заживления (рис. 5, А, Б). Перелом локализуется в верхней части затылочной кости, примерно на 20 мм ниже *lambda* – точки соединения затылочной и теменных костей. Отверстие имеет форму треугольника, одна сторона которого равняется 7 мм, две

другие – 10 мм. Наиболее вероятной причиной данного перелома, по-видимому, являлся удар наконечником стрелы с поперечным сечением подтреугольной формы и длиной стороны 7–7,2 мм. Вытянутая форма отверстия, а также соотношение его внешних и внутренних краев показывают, что наконечник вошел в кость наклонно, под острым углом к поверхности. Очевидно, стрелявший находился сзади и справа от жертвы. Расположение костяного (рогового) наконечника стрелы, застрявшего между грудными позвонками, однозначно свидетельствует о том, что он вонзился в тело мужчины сзади. Два других костяных (роговых) наконечника (один в правой пол. грудной клетки, другой под правой рукой), вероятно, тоже поразили его со спины.

Гибель мужчины, которую подтверждает наличие дырчатого перелома свода черепа без следов заживления, очевидно, произошла в результате конфликта с использованием наступательного оружия дальнего боя и охотничьего инвентаря.

Обсуждение результатов. Захоронение мужчины из кургана № 14 некрополя Карбан-I по сочетанию характеристик наземной конструкции и признаков зафиксированного ритуала захоронения относится к карбанской погребальной традиции. Ее носители составляли одну из многочисленных групп полиэтнического населения булан-кобинской культуры Алтая, проживавшего в регионе на протяжении последней четв. I тыс. до н.э. – первой пол. I тыс. н.э. (Серегин, Матренин, 2016. С. 159, 160). Судя по имеющимся материалам, в этносоциальной стратификации кочевников региона “карбанцы” занимали, за редким исключением, невысокое положение (Серегин, Матренин, 2020. С. 125, 128).

Предметный комплекс из захоронения оказался достаточно информативным для определения времени сооружения объекта в рамках саянбийского периода. Наиболее вероятной представляется датировка погребения в границах II – первой пол. III вв. н.э. Обнаруженный сопроводительный инвентарь указывает на то, что умерший мужчина при жизни относился к полноправному рядовому населению. Судя по имеющимся результатам социальной интерпретации археологических комплексов булан-кобинской культуры Алтая, покойный имел средний индивидуальный статус в вертикальной стратификации общества кочевников (Серегин, Матренин, 2020. С. 107–112). В мирной жизни он был скотоводом и охотником, обладавшим невысоким уровнем материального благосостояния, а в военное время – легковооруженным “ополченцем”.

Зафиксированные на черепе и костях посткраниального скелета травмы без следов заживления у мужчины, похороненного в кургане № 14, однозначно свидетельствуют о том, что он был убит из

лука несколькими стрелами (одной в голову, тремя в туловище), оснащенными железным и костяными (роговыми) наконечниками.

Опыт антропологических исследований показывает, что данные по скелетному травматизму являются индикатором вовлеченности социума в конфликты разного рода, от межличностных до межгрупповых. В качестве важного показателя уровня насилия рассматриваются относительное количество и характер преднамеренных повреждений черепа, нанесенных с использованием оружия и других предметов (Ражев, 2013. С. 65; Тур, Матренин, Соенов, 2018. С. 134–138; Тур, 2019. С. 149–156).

В ходе изучения обобщенной серии погребений Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. установлено, что относительная частота травм головы, сопутствующих смерти носителей булан-кобинской культуры, составляла среди мужчин 13.3% (Тур, Матренин, Соенов, 2018. С. 134, 135). Значительный уровень посмертного травматизма с использованием предметов вооружения отражает высокий уровень милитаризации кочевников, обусловленный проникновением в регион разных групп населения вследствие его включения в состав владений центрально-азиатских империй хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.), сяньби (II – первая пол. III в. н.э.), жужаней (вторая пол. IV – V в. н.э.). Наиболее ожесточенным был период второй пол. III – IV в. н.э., когда в связи с распадом державы сяньби и обострением междоусобной борьбы за власть отдельные коллективы “булан-кобинцев” могли быть вовлечены в вооруженные конфликты с культурно/этнически чужеродным населением. В суммарной выборке учтенных травм черепа без следов заживления по всей популяции (43 наблюдения) идентифицировано 17 (32.5%) дырчатых переломов, большинство из которых получены в результате удара наконечника стрелы (Тур, Матренин, Соенов, 2018. С. 136). При этом почти всегда наконечники были удалены из черепа. В качестве исключения можно назвать случай обнаружения костяного (рогового) наконечника стрелы в глазнице мужчины с вдавленным переломом черепа и отсеченным предплечьем, документированный в процессе раскопок на некрополе Степушка (курган № 15) в Центральном Алтае (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 33. Рис. 83, 84).

Обратим внимание на то, что по своим морфологическим характеристикам костяные (роговые) наконечники из погребения кургана № 14, ставшие орудиями убийства, отличались от черешковых изделий, входивших в состав сопроводительного инвентаря. Данные предметы не имеют аналогий и в других захоронениях, раскопанных на некрополе Карбан-I. Железный бронебойный наконечник стрелы, обнаруженный внутри чере-

па умершего человека, вовсе пока уникален для археологических комплексов булан-кобинской культуры Алтая, что косвенно указывает на его происхождение из другого региона.

Использование костяных (роговых) наконечников стрел для поражения живой силы противника представляло собой довольно редкое явление в эпоху Великого переселения народов. За пределами Алтая такие свидетельства наиболее широко зафиксированы в Туве, где, судя по археологическим материалам III–IV вв. н.э., данные наконечники применялись противниками носителей кокэльской и чаатинской культур (Алексеев, Гохман, 1970. С. 248; Кызласов, 1979. С. 161; Садыков, 2018. С. 84–86).

Захоронение мужчины из кургана № 14 в могильнике Карбан-I совершено носителями карбанской традиции обрядовой практики булан-кобинской культуры, составлявшими одну из наиболее многочисленных групп населения Северного Алтая. Проведенный сравнительный анализ обнаруженного предметного комплекса является основанием для определения хронологии данного объекта в рамках II – первой пол. III вв. н.э. Качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря свидетельствует о том, что данный индивид относился к рядовым скотоводам и охотникам со средним социальным статусом.

Сделанные заключения о количестве и характере травм однозначно свидетельствуют, что мужчина из анализируемого погребения, не являвшийся профессиональным воином, стал жертвой вооруженного насилия. При этом в остальных исследованных на памятнике Карбан-I объектах булан-кобинской культуры, включая несколько воинских захоронений, факты боевого и бытового травматизма не выявлены. Имеющиеся материалы пока недостаточны для уверенного заключения о том, кто был противником убитого человека: член иной локальной группы “булан-кобинцев”, проникший из другого района Алтая, либо представитель культурно чужеродного населения. Вместе с тем отсутствие аналогий обнаруженному железному наконечнику стрелы в известных археологических материалах обозначенного региона позволяет предварительно склониться к последнему из вариантов.

Представленные материалы дополняют сделанные ранее наблюдения о сложных процессах взаимодействия различных групп населения на Алтае и свидетельствуют о вовлеченности отдельных коллективов “булан-кобинцев” в конфликты с использованием оружия. Дальнейший комплексный анализ имеющихся данных, а также расширение круга источников за счет осуществления точечных раскопок позволят детализировать многие аспекты истории региона в эпоху Великого переселения народов.

Анализ и культурно-хронологическая интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РНФ (проект № 20-78-10037). Обработка материалов раскопок некрополя Карбан-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л.: Наука, 1970. С. 239–297.
- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 48). 162 с., 30 л. ил.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
- Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 207 с.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. 528 с.
- Мамадаков Ю.Т.* Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- Матренин С.С.* Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во Сибирского отд. РАН, 2017. 142 с.
- Матренин С.С., Серегин Н.Н.* Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа древности и средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2019. № 3. С. 104–113.
- Николаев Н.Н.* Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.
- Ражев Д.И.* Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура, интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 56–68.
- Садыков Т.Р.* Костяные наконечники стрел первой половины I первой половины I тысячелетия нашей эры в Туве // Записки института истории материальной культуры. № 18. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 80–88.
- Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С.* Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая саянбийского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Народы и религии Евразии. 2021a. Т. 26, № 4. С. 32–45.
- Серегин Н.Н., Демин Д.А., Матренин С.С.* Объекты саянбийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2021b. Т. 26, № 2. С. 81–91.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. 272 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2020. 268 с.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.* Костяные (роговые) наконечники стрел населения Алтая жужанского времени (по материалам археологического комплекса Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 29, № 1. С. 88–99.
- Соенов В.И.* Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2003. 160 с.
- Соенов В.И., Константинова Е.А.* Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2015. 248 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. пед. ин-т, 1992. 116 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 1998. С. 113–135.
- Тишкин А.А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. 356 с.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Алтай в саянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. 368 с.
- Трифанова С.В., Соенов В.И.* Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2019. 160 с.
- Тур С.С.* Прижизненные травмы черепа у скотоводов Горного Алтая скифского и гунно-сарматского времени (V в. до н.э. – V в. н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 2. С. 148–157.
- Тур С.С., Матренин С.С.* Скелетные травмы у кочевников Горного Алтая саянбийско-жужанского времени // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. С. 63–66.
- Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И.* Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 4. С. 132–139.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 1997. С. 28–37.

Цзвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–87.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

BURIAL OF THE MIGRATION PERIOD WITH TRACES OF VIOLENT DEATH FROM NORTHERN ALTAI

Nikolay N. Seregin^{a, #}, Mikhail A. Demin^{b, ##}, Sergey S. Matrenin^{a, ###}, Svetlana S. Tur^{a, ####}

^a Altai State University, Barnaul, Russia

^b Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

[#] E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

^{##} E-mail: mademin52@mail.ru

^{###} E-mail: matrenins@mail.ru

^{####} E-mail: tursvetlana@mail.ru

The article presents the results of studying a burial of a person with traces of violent death excavated at the Migration period necropolis of Karban-I. This site located in Chermal District of the Altai Republic was studied by the expedition of Altai State Pedagogical University in 1989–1990. An analysis of the recorded signs of ritual practice made it possible to establish that the burial was made by the bearers of the Karban burial tradition constituting one of the numerous population groups of the Bulan-Koba archaeological culture. The research on the morphological characteristics of the unearthed grave goods and their comparison with the known materials of Altai and adjacent territories became the basis for dating the object within the 2nd – first half of the 3rd centuries AD. The number and nature of the recorded injuries unequivocally indicate that the man from the burial under analysis was not a professional soldier but became a victim of violence involving the use of weapons. The available data allow for tentative assumption that the opponent of the murdered person was a representative of a culturally alien population.

Keywords: Altai, the Migration period, burial, skeletal trauma, weapons, chronology.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Gokhman I.I., 1970. Paleoanthropological materials of the Hunnic-Sarmatian period from the Kokel burial ground. *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition], III. *Materialy po arkheologii i antropologii mogil'nika Kokel'* [Materials on the archaeology and anthropology of the Kokel burial ground]. Leningrad: Nauka, pp. 239–297. (In Russ.)
- Gryaznov M.P., 1956. Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob based on excavations near the village of Bolshaya Rechka]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 162 p., ill. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 48).
- Khudyakov Yu.S., 1986. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Weaponry of medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. 268 p.
- Khudyakov Yu.S., 1997. Weaponry of nomads of the Gorny Altai in the Hun period (based on materials from the excavations of the Ust-Edigan burial ground). *Izvestiya laboratorii arkheologii* [Proceedings of the Laboratory of Archaeology], 2. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 28–37. (In Russ.)
- Konovalov P.B., 1976. Khunnu v Zabaykal'e (pogrebal'nye pamyatniki) [Xiongnu in Transbaikalia (burial sites)]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 221 p.
- Kozhombardiev I.K., Khudyakov Yu.S., 1987. Arms complex of the Kenkol warrior. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Warcraft of the ancient population of Northern Asia]. V.E. Medvedev, Yu.S. Khudyakov, eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 75–106. (In Russ.)
- Kyzlasov L.R., 1979. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 207 p.
- Levina L.M., 1996. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. [Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.
- Litvinskiy B.A., 2001. Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyy Tadzhikistan) [The temple of Oxus in Bactria (Southern Tajikistan)], 2. Baktriyskoye vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste [Bactrian weapons in the ancient Oriental and Greek context]. Moscow: Vostochnaya literatura. 528 p.
- Mamadakov Yu.T., 1990. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The culture of the Central Altai population in the first half of the 1st mil-

- lennium AD: Doctoral Thesis in History]. Novosibirsk. 317 p.
- Matrenin S.S., 2017. Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Equipment of Altai nomads (2nd century BC – 5th century AD)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 142 p.
- Matrenin S.S., Seregin N.N., 2019. Bone (horn) arrowheads of Altai nomads at the turn of antiquity and the Middle Ages. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkhologiiya* [Altai State University journal. Historical sciences and archaeology], 3, pp. 104–113. (In Russ.)
- Nikolaev N.N., 2001. Kul'tura naseleniya Tuvy 1-y pol. I tys. n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The culture of the population of Tuva in the first half of the 1st millennium AD: Doctoral Thesis in History]. St. Petersburg. 262 p.
- Razhev D.I., 2013. Skull injuries among medieval population of Western Siberia: distribution, structure, interpretation. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnology], 2 (21), pp. 56–68. (In Russ.)
- Sadykov T.R., 2018. Bone arrowheads of the first half of the 1st millennium AD in Tuva. *Zapiski instituta istorii material'noy kul'tury* [Proceedings of the Institute for the History of Material Culture], 18. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 80–88. (In Russ.)
- Seregin N.N., Demin D.A., Matrenin S.S., 2021b. Objects of the Xianbei period in the Karban-I complex (Northern Altai). *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia], vol. 26, no. 2, pp. 81–91. (In Russ.)
- Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., 2021a. General and special characteristics of children's funeral rites among the Northern Altai population of the Xianbei period (based on the materials of the Karban-I complex). *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia], vol. 26, no. 4, pp. 32–45. (In Russ.)
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2016. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. [The funeral rite of the Altai nomads in the 2nd century BC – 11th century AD]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 272 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020. Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkhologicheskikh kompleksov [Social history of the Altai population in the age of nomadic empires (2nd century BC – 14th century AD): based on the materials of archaeological complexes]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 268 p.
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2020. Bone (horn) arrowheads of the Altai population of the Rouran period (based on the materials from the Choburak-I archaeological complex). *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], vol. 29, no. 1, pp. 88–99. (In Russ.)
- Soenov V.I., 2003. Arkheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoy epokhi (opisanie, sistematika, analiz) [Archaeological sites of Gorny Altai of the Hunnic-Sarmatian period (description, systematics, analysis)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1992. Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni [Mounds of the Hunnic-Sarmatian period on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 116 p.
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1998. Research at the Kurayka burial ground. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkhologii* [Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology], 3. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 113–135. (In Russ.)
- Soenov V.I., Konstantinova E.A., 2015. Remeslennyye proizvodstva naseleniya Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Craft industries of the Altai population (2nd century BC – 5th century AD)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 248 p.
- Tishkin A.A., 2007. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya [Designing periodization and cultural-chronological charts: historical experience and the modern concept of studying the ancient and medieval peoples of Altai]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 356 p.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Xianbei-Rouran period (based on materials from the Stepushka site)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 368 p.
- Trifanova S.V., Soenov V.I., 2019. Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni [Ornaments of the Altai population of the Hunnic-Sarmatian period]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.
- Tsevdorzh D., 1985. New data on Xiongnu archaeology (based on excavations in 1972–1977). *Drevnie kul'tury Mongolii* [Ancient cultures of Mongolia]. R.S. Vasil'evskiy, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 51–87. (In Russ.)
- Tur S.S., 2019. Intravital skull injuries in pastoralists of Gorny Altai of the Scythian and Hunnic-Sarmatian periods (5th century BC – 5th century AD). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], vol. 47, no. 2, pp. 148–157. (In Russ.)
- Tur S.S., Matrenin S.S., 2016. Skeletal injuries in the nomads of Gorny Altai of the Xianbei-Rouran period. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 63–66. (In Russ.)
- Tur S.S., Matrenin S.S., Soenov V.I., 2018. Armed violence among pastoralists of Gorny Altai in the Hunnic-Sarmatian period. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], vol. 46, no. 4, pp. 132–139. (In Russ.)
- Yaremchuk O.A., 2005. Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biyskoy epokhi stepnoy Daurii: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Zorgol-I burial ground – a Xiongnu-Xianbei site of the steppe Dauria: Doctoral Thesis in History]. Chita. 296 p.

К 80-ЛЕТИЮ ВИТАЛИЯ ЕГОРОВИЧА МЕДВЕДЕВА

© 2022 г. А. П. Деревянко¹, В. И. Молодин^{1, *}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

*E-mail: molodin@sbras.nsc.ru

Поступила в редакцию 31.05.2022 г.

После доработки 31.05.2022 г.

Принята к публикации 14.06.2022 г.

DOI: 10.31857/S0869606322030047

Исполнилось 80 лет Виталию Егоровичу Медведеву, известному в России и за ее рубежами археологу и историку, доктору исторических наук, заслуженному деятелю науки РФ, заведующему сектором неолита Института археологии и этнографии СО РАН. Его творческий путь неразрывно связан с историей Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН). В 1966 г., еще студентом гуманитарного факультета Новосибирского госуниверситета, он был принят на работу в только что созданный Институт, где и начал заниматься археологией.

В.Е. Медведев — яркая и во многом знаковая личность в отечественной науке. Его фундаментальные исследования посвящены чрезвычайно широкому спектру вопросов — от финала палеолита и начального неолита до позднего Средневековья и этнографической современности. Им

проведены масштабные изыскания проблем разнообразной тематической направленности, охватывающие обширные регионы Северной, Восточной и Центральной Азии. Вклад Виталия Егоровича в отечественную и мировую историческую науку, основанный на разработанных им исследовательских концепциях и положениях, на важнейших открытиях, оценивается как несомненно выдающийся.

Жизнь В.Е. Медведева, особенно в раннем возрасте, складывалась нелегко. Родившемуся в ноябре 1941 г. в тяжелейшее для нашего Отечества время, когда фашисты стояли у стен Москвы, маленькому Виталию чудом удалось выжить в сложнейших условиях сибирской глубинки в многодетной семье, глава которой, отец, был в рядах Красной армии с самого начала войны, а на плечи матери легла тяжелейшая ноша по воспитанию детей, работа для нужд фронта. Мечта

стать археологом у Виталия Егоровича зародилась в школьные годы и, несмотря на колоссальные трудности, он воплотил ее в жизнь. Заметная роль в становлении В.Е. Медведева как исследователя связана с именем академика А.П. Окладникова, с которым он познакомился еще при поступлении в университет, позже их тесное сотрудничество продлится вплоть до ухода из жизни этого выдающегося ученого.

Первое время работы Виталия Егоровича были связаны преимущественно с эпохой чжурчжэньского Средневековья. Легендарные чжурчжэни, ставшие олицетворением культурного расцвета, политической, экономической и военной мощи тунгусоязычного этноса, ранее изучались преимущественно на основании письменных источников. Значительным пробелом в этой области оставалась неизученность северных территорий этноса в бассейне Амура. На первом этапе своих исследований В.Е. Медведев с возглавляемым им десятки лет археологическим отрядом почти полностью сосредоточился на раскопках погребальных памятников — грунтовых и курганных могильников: Надеждинского, Болоньского, Дубовского, Молчанихинского, Корсаковского, Ольского, Вензельского, Петропавловского и др. Исследование сотен захоронений конца I — начала II тыс. с многочисленным, разнообразным, ярким инвентарем, среди которого нередко подлинными шедеврами прикладного искусства, позволили ему реконструировать погребальные обряды, религиозные представления, проникновение буддизма на Амур, показать материальную основу и духовный мир чжурчжэней и их соплеменников, обитавших не только в российском Приамурье и Приморье, но и в Маньчжурии (КНР). В ряду основных результатов его научных изысканий — впервые доказанная историческая закономерность и последовательность в достижении чжурчжэнями, создателями государства Цзинь (Золотое), значительных высот в различных сферах жизни. Огромный материал получен Виталием Егоровичем также при изучении группы городищ (Джаринского, Хорского и др.), а также поселений и храмов (Усть-Тунгусское, Гася, Сакачи-Алян, Борисовка). Его основополагающего значения исследования, позволяющие понять процессы историко-культурного развития средневекового населения огромного региона, опубликованы в семи фундаментальных монографиях: “Культура амурских чжурчжэней. Конец X—XI в.” (1977); “Средневековые памятники острова Уссурийского” (1982); “Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха)” (1986); “Корсаковский могильник: хронология и материалы” (1991); “Курганы Приамурья” (1998); “Бохайская кумирня в Приморье” (на русском и корейском языках; 1998); “Древние и средневековые городища Приамурья” (в соавторстве с А.П. Забияко и Н.Н. Зай-

цевым; 2021). В последние десятилетия В.Е. Медведев основное внимание уделяет изучению южно-дальневосточного неолита, прежде всего, феноменально эффектных нижнеамурских рыболовецких культур с их огромными жилищами-полуземлянками (особенно на о. Сучу) и уникальными культовыми центрами с ярчайшими культово-обрядовыми реалиями, не уступающими своим содержанием ископаемым образцам японского дзёмона и китайского земледельческого неолита, включая культуру яншао. Раскопки его с коллегами на всемирно известном сейчас поселении Гася в слое осиповской культуры, относимой прежде к мезолиту, позволили найти остатки древнейшей керамической посуды возрастом свыше 13 тыс. лет. Эти и другие соответствующие источники легли в основу концепции удревления начального этапа евразийского континентального неолита на 5—6 тысячелетий, что отражено в ряде работ: “К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре” (Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований...; 1995); “Исследование поселения Гася: предварительные результаты” (в соавторстве с А.П. Деревянко; 1993; 1994; 1995); “Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы” (коллектив авторов; 2005).

Много места в изысканиях юбиляра уделено вопросам первобытного искусства. Открыв почти за полвека большое количество уникальных предметов пластики, работая постоянно с амурскими петроглифами, он предложил новую, детально обоснованную, авторскую интерпретацию скульптурных и наскальных образов в неолитическом искусстве Дальнего Востока. В искусстве средневековых обитателей Приамурья им определены элементы как местных высокохудожественных традиций, так и проявления скифо-сибирского звериного стиля и искусства гуннской эпохи, привнесенные сюда мигрантами из Центральной Азии и Южной Сибири.

Высокой оценки научной общественности заслужили результаты исследований на российском Дальнем Востоке памятников каменного века и раннего металла, проводившихся Российско-корейской совместной археологической экспедицией в 2000—2006 гг., результаты которой опубликованы в 16 томах. В.Е. Медведев был ее организатором и постоянным участником, соавтором и редактором изданий на русском и корейском языках. “За неустанный и ответственное выполнение своих обязанностей, большой вклад в развитие общества путем сохранения культурного наследия” президентом Республики Корея он был первым из иностранцев награжден “знаком отличия” и грамотой.

Весомый вклад ученый внес в подготовку и написание многих разделов академического издания «История Сибири», которое его родной институт готовил на протяжении последних лет. Второй том его вышел в 2019 г., Виталию Егоровичу принадлежат главы, посвященные Средневековью, раннему железному веку и периоду неолита юга Дальнего Востока. Разделы написаны исследователем во многом на основе разработанных им концепций и полученных уникальных научных материалов.

Виталия Егоровича хорошо знают в научном сообществе как талантливое педагога. Под его руководством прошли полевую археологическую практику, приобрели начальные навыки исследовательского труда сотни студентов-историков Сибири и Дальнего Востока. Он активно занимается подготовкой научных кадров, в разных городах трудятся его бывшие студенты, дипломники, аспиранты, соискатели — ныне кандидаты и доктор наук. Его научно-педагогическая деятель-

ность в НГУ, как и прежде, востребована. К слову сказать, он первым из его выпускников защитил кандидатскую и докторскую диссертации по археологии. За период полевых археологических работ В.Е. Медведевым было организовано и осуществлено 123 стационарных раскопочных экспедиции. Он — автор и соавтор более 400 научных и научно-популярных работ, в том числе 23 монографических (13 из них индивидуальные), десятки его исследований напечатаны за рубежом. Под его научной редакцией опубликованы многие издания, он член редколлегии ряда научных журналов. Его труд отмечен многими государственными и ведомственными наградами.

Поздравляя с юбилеем Виталия Егоровича, которому свойственны уважительное отношение к своим учителям и коллегам, доброжелательность и обязательность, желаем ему крепкого здоровья, новых творческих достижений и плодотворных идей. Благополучия и счастья — ему, его родным и близким.

К 75-ЛЕТИЮ ВИКТОРА СТЕПАНОВИЧА СОЛОВЬЕВА

© 2022 г. Коллектив кафедры истории и историко-культурного наследия ЕГУ им. И.А. Бунина*

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия

**E-mail: 478042316789@mail.ru*

Поступила в редакцию 09.03.2022 г.

После доработки 09.03.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

DOI: 10.31857/S0869606322030084

12 августа 2021 г. Виктору Степановичу Соловьеву, доктору исторических наук, профессору кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина исполнилось 75 лет.

Виктор Степанович широко известен в России, Средней Азии, Европе как разносторонний ученый, специализирующийся, главным образом, по истории и археологии раннесредневекового Тохаристана.

Виктор Степанович родился в кишлаке Кизилмазар на юге Таджикистана. В начале 1950-х годов вместе с семьей переехал в поселок им. С.М. Кирова, расположенный в северной части Вахшской долины. После окончания школы устроился землекопом на археологические раскопки городища Аджинатеп, которыми руководили Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль. После нескольких сезонов работ на Аджинатепе Виктор Степанович был

принят на должность лаборанта в сектор археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, где проработал с 1965 по 1992 г.

Именно в это время происходит становление Виктора Степановича как археолога под чутким руководством Б.А. Литвинского. Работая в должности лаборанта, Виктор Степанович активно участвует в археологических исследованиях поселений Таджикистана. Среди них такие значимые памятники, как Аджинатеп, Тигровая Балка, Кафиркала, Калаи Кафирниган и многие другие.

В начале 1990-х годов Виктор Степанович вместе со своей семьей вынужден был переехать в Россию в связи со сложной обстановкой внутри Таджикистана. Оказавшись в Ельце, был принят на кафедру историко-культурного наследия пединститута. Затем достаточно продолжительное

время являлся заведующим кафедрой всеобщей истории ЕГУ им. И.А. Бунина.

В самом конце XX в. состоялось возвращение в Тохаристан. Однако обстановка в Таджикистане была еще далеко не стабильной. В связи с этим Виктор Степанович принимает решение о совместных работах с заведующим отделом в Институте искусствознания АН Узбекистана Э.В. Ртвеладзе на юге Узбекистана. В первые два десятилетия XXI в. основное внимание было сконцентрировано на раскопках городищ Шуробкурбан и Дабилькурбан.

По материалам археологических исследований в Средней Азии, Виктором Степановичем

опубликовано более 250 научных трудов в России, странах Средней Азии и Европе. На их страницах исследуются различные стороны жизни населения раннесредневекового Тохаристана. Так, например, в издательстве ЕГУ им. И.А. Бунина вышло несколько выпусков Материалов Тохаристанской археологической экспедиции, которые, в частности, посвящены результатам работ на Шуробкурбане и Дабилькурбане.

Коллектив кафедры истории и историко-культурного наследия ЕГУ им. И.А. Бунина поздравляет Виктора Степановича с юбилеем и желает ему крепкого здоровья, новых творческих свершений.

К 60-ЛЕТИЮ Д. О. ОСИПОВА

© 2022 г. А. А. Завойкин^{1, *}, В. Ю. Коваль^{1, **}, Д. С. Коробов^{1, ***}, А. Н. Медведь^{1, ****}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: bospor@inbox.ru

**E-mail: kovaloka@mail.ru

***E-mail: dkorobov@mail.ru

****E-mail: man1153@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2022 г.

После доработки 01.02.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

DOI: 10.31857/S0869606322030199

7 сентября 2022 г. Дмитрий Олегович отмечает свой юбилей, и это достаточный повод для того, чтобы попытаться осмыслить пройденный им путь. Нам, его друзьям и коллегам, тоже полезно оценить вклад этого неординарного исследователя в российскую археологию. Сегодня Дмитрий Олегович известен как крупнейший в России специалист в области изучения средневекового кожевенного и обувного производства, знания которого востребованы на всей территории страны от Новгорода до Хабаровска. Он пользуется заслуженным авторитетом среди коллег, причем не только за свой профессионализм в избранном направлении исследований, но и за неизменно качественную работу в поле, а главное — за честность и открытость в общении и выражении сво-

его мнения, как относительно событий в общественной жизни, так и частной жизни. За это прямотолковие ему приходилось нередко платить высокую цену, но он никогда не изменял своим принципам и всегда откровенно говорил то, что думает о своих коллегах или об их работе, о своих руководителях, о нашем обществе, при этом стараясь придерживаться не эмоций, а строгой объективности. Качество редкое в наше время.

Дмитрий Олегович относится к той категории везучих людей, которым посчастливилось найти свое призвание уже в молодости. Еще школьником он заинтересовался полевой археологией и оказался в составе кружка во Дворце пионеров на Ленинских горах, в группе, руководимой Борисом Георгиевичем Петерсом, замечательным

археологом (пионером подводной археологии в России), обладавшим настоящим педагогическим талантом. Б.Г. Петерс стал первым учителем Дмитрия Олеговича, и именно в его экспедициях в Восточном Крыму он получил те знания и умения, тот заряд энергии познания, которые впоследствии определили его жизненный путь. Здесь он оказался в дружной компании таких же московских школьников, “заболевших” археологией, многие из которых сейчас стали маститыми учеными и — его друзьями.

К сожалению, Дмитрию Олеговичу не удалось после школы поступить в МГУ и пойти в археологию по проторенной тропе — через кафедру археологии. Вместо этого пришлось отслужить в Советской Армии и лишь затем, поступив в городской педагогический институт, получить квалификацию историка. Азбуку нашей профессии Дмитрий Олегович проходил в отделе археологии Музея истории Москвы (ныне Музейное объединение “Музей Москвы”) под руководством А.Г. Векслера, откуда в 1988 г. вместе со своим руководителем перешел в новообразованный Центр археологических исследований Управления государственного контроля памятников истории и культуры г. Москвы (ныне Москомнаследие). На новом месте работы на протяжении 12 лет Д.О. Осипов возглавлял наиболее важные раскопочные объекты, в том числе раскопы на Манежной площади и на Гостином дворе, где им был найден самый большой в Москве (и всех городах Руси) клад серебряных изделий и монет XVII в. — 2 кувшина с 10 сосудами и более чем 95 000 монет. На бесчисленных раскопах и объектах археологических наблюдений Москвы зародился его интерес к изучению археологической кожи. Несмотря на то что руководство археологической службы Москвы не проявляло никакого интереса к научной обработке богатейших материалов, добытых в тяжелых условиях работы на стройплощадках, благодаря исключительному упорству и преданности науке, Д.О. Осипов очень скоро стал признанным специалистом в избранной им области исследований. В те же годы были написаны первые статьи о сапожном и кожевенном производстве Москвы, собран и осмыслен огромный по объему и информационному потенциалу материал.

Однако работа в чиновничьей (а по большей части — коммерческой) структуре, где научные исследования не поощрялись и рассматривались как некое “чужество”, все более тяготила. Поэтому в 2000 г. Дмитрий Олегович перешел на работу в Музей археологии Москвы (структурное подразделение Музея Москвы), где у него появилась возможность обработать и систематизировать собранные материалы по кожевенному производству. При этом Д.О. Осипов принимал активное участие в популяризации своих исследований — он стал куратором выставки “След в истории”,

имевшей большой успех у москвичей. В те же годы юбиляру удалось сделать то, что не получилось в юности — прийти в МГУ, но уже не студентом, а аспирантом, учеником профессора Е.А. Рыбиной. Под ее руководством на кафедре археологии была подготовлена и успешно защищена в 2003 г. кандидатская диссертация “Кожаная обувь XII—XVIII вв. из раскопок в Москве”. Получение нового научного статуса позволило ему в 2004 г. перейти на работу в Институт археологии РАН в отдел охранной археологии (сегодня — отдел сохранения археологического наследия).

Специфика работы отдела, в котором оказался Д.О. Осипов, такова, что ему сразу же пришлось заняться организацией масштабных раскопок. Самыми важными из них стали исследования на месте Успенского собора в центре Ярославля, проводившиеся под руководством А.В. Энговатовой. В ходе этих исследований, организованных на самом высоком методическом уровне, удалось не только найти остатки соборов XIII и XVII вв., но и обнаружить первое в Ярославле коллективное захоронение жертв разгрома города монголами зимой 1238 г. И, хотя в ходе этих (и многих других) работ был получен бесценный методический опыт, времени на работу по собственной научной теме стало не хватать. Несмотря на это, будучи круглогодично занят организационной и полевой работой, Дмитрий Олегович сумел в кратчайшие сроки не только подготовить к публикации свою диссертацию, но и существенно расширить ее рамки. В 2006 г. вышла из печати его первая капитальная монография “Обувь московской земли XII—XVIII вв. Материалы охранных археологических исследований”, ставшая заметным событием в научной жизни Института. О значении этой работы для российской археологии говорят два факта: в компендиуме знаний об археологии Древней Руси, коллективной монографии “Древняя Русь. Быт и культура” (М.: Наука, 1997), изделиям из кожи Е.А. Рыбиной были посвящены всего две страницы, а первая монография по кожевенному делу русского города (Твери) была издана А.В. Курбатовым всего двумя годами раньше (“Кожевенное производство Твери XIII—XV вв.” Тверь, 2004), причем временной охват этого интереснейшего исследования был все же значительно уже.

Занимаясь обработкой объемных коллекций кожаных изделий, Дмитрий Олегович никогда не прекращал полевой работы, ежегодно участвуя в Ростиславльской экспедиции Института археологии РАН, где исполнял обязанности начальника одного из самых крупных раскопок. Сотрудничество с экспедицией он продолжает и по сей день.

Одной из важнейших черт работ Д.О. Осипова стала попытка (очень успешная!) изучения кожевенного и сапожного производств, артефактов,

связанных с этими производствами, в контексте древнерусской культуры. Место сапожников и кожевников среди других ремесленников русских городов, связь сапожного производства с физической антропологией, с социальными явлениями, историей быта Древней Руси — эти сюжеты стали характерной чертой исследований Д.О. Осипова, всегда старавшегося рассмотреть даже отдельные артефакты через призму истории нашей страны.

В 2006 г. у Дмитрия Олеговича появилась возможность перейти на работу в отдел археологии музеев Московского Кремля, где, как казалось, можно было спокойно заняться дальнейшим развитием темы своего исследования. Но уйти от крупных раскопок не удалось и там: в том же году им были начаты раскопки в Тайницком саду, организованные коммерческой фирмой. Он старался проводить эти исследования на должном методическом уровне, однако это оказалось несовместимо с требованиями фирмы, главной заботой которой было отнюдь не научное изучение древностей Кремля, а извлечение максимальной прибыли из проекта. Осознав это, Д.О. Осипов приложил все возможные усилия для того, чтобы начатые им раскопки были продолжены Институтом археологии РАН. И его старания не пропали даром — уже весной 2007 г. объект был передан Институту (разумеется, заслуга в этом принадлежит не одному юбиляру) и блестяще завершены. Это событие имело для Д.О. Осипова и другое последствие: контракт с ним не был продлен, и в 2011 г. он перешел на работу в Государственный Исторический музей. Тем не менее за время работы в музеях Кремля Дмитрию Олеговичу удалось обработать обширные коллекции из новгородских раскопок, легшие в основу докторской диссертации “Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование)” успешно защищенной в МГУ в 2012 г. За годы работы в ГИМ география исследований Д.О. Осипова существенно расширилась: в нее включены теперь и широкие пространства Сибири. Не забыты, однако, и центральные районы

России: обработаны материалы из новейших раскопок Института археологии в Московском Кремле, а также интереснейшие коллекции из Костромского Поволжья, Смоленска и других центров.

Безусловно, сегодня Д.О. Осипов — один из ведущих археологов России, специалист международного уровня. Но было бы несправедливо не отметить и другие таланты юбиляра. Прежде всего, он известен как исполнитель авторской песни, причем не только во многих археологических экспедициях, но и в кругу именитых профессионалов этого направления искусства. К сожалению, скромность не позволяет ему исполнять собственные произведения (а они имеются), но его прочтения песен известнейших мастеров (С. Никитина, В. Капгера, И. Кузьмина и других) отличаются оригинальностью и пользуются неизменным успехом в любой аудитории. Впрочем, юбиляр не просто исполнитель авторской песни, он настоящий поклонник гитары, умеющий не только играть на ней, но и улучшать инструмент, прекрасно разбирающийся в тонкостях технологического гитарного производства.

Дмитрий Олегович — великолепный педагог (если применять это понятие к археологической молодежи), человек, для которого в полной мере применимо имя “душа компании”. Не занимая официальных командных должностей, он неизбежно становится авторитетным лидером любого коллектива, поскольку обладает рядом замечательных качеств: принципиальностью и категоричностью суждений в сочетании с бесконечной доброжелательностью, твердостью характера и веселым нравом. Именно по этой причине он имеет большое число друзей и почитателей его разнообразных талантов во всех частях России.

Поздравляя юбиляра, хочется пожелать Дмитрию Олеговичу крепкого здоровья, неистощимой энергии, творческого вдохновения, новых научных достижений и увлекательных проектов. И разумеется, здоровья и процветания всей его семье.

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ ГУЛЯЕВ (1938–2022)

© 2022 г. С. А. Володин^{1, *}, Д. С. Коробов^{1, **}, А. А. Шевченко^{1, ***},
Л. А. Беляев^{1, ****}, Н. А. Макаров^{1, *****}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: volodinsaimon@gmail.com

**E-mail: dkorobov@mail.ru

***E-mail: she.shevchenko@yandex.ru

****E-mail: labeliaev@bk.ru

*****E-mail: nmakarov10@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.05.2022 г.

После доработки 31.05.2022 г.

Принята к публикации 14.06.2022 г.

DOI: 10.31857/S0869606322030187

20 марта 2022 г. ушел из жизни Валерий Иванович Гуляев — доктор исторических наук, человек многогранных дарований, широко известный специалист в области скифологии и мезоамериканской археологии, талантливый популяризатор археологических знаний.

Творческий путь Валерия Ивановича, уже получавший освещение на страницах журнала “Российская археология” (Мунчаев, 2008), выглядит чрезвычайно насыщенным и разнообразным. Валерий Иванович родился в Москве 9 января 1938 г. Поступив в 1955 г. на исторический факультет МГУ, он избрал своей специализацией скифскую археологию. Первый опыт полевых исследований

он получил в Скифской степной экспедиции Б.Н. Гракова близ г. Никополя, куда приехал вместе с А.И. Шкурко и А.М. Хазановым. После окончания кафедры археологии в 1960 г., когда Валерий Иванович поступил на работу в Институт археологии АН СССР, началась его экспедиционная деятельность на Среднем Дону, в Воронежской скифской лесостепной экспедиции ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова. Это было как первая любовь: привязанность к ярким древностям скифов ученый сохранит до самой кончины, хотя работать с ними постоянно не получится.

В начале 1960-х годов произошел серьезный поворот в научной жизни Валерия Ивановича. Советской науке потребовались специалисты по Латинской Америке, и он вместе с другим тогдашним аспирантом Института археологии, Владимиром Александровичем Башиловым, получил для работы над диссертацией тему, совершенно незнакомую большинству советских археологов тех лет. Это были древние цивилизации Центральной и Южной Америки. Руководил аспирантами известнейший антрополог Г.Ф. Дебец. Как любил вспоминать Валерий Иванович, он “разделил” между соискателями всю изучаемую территорию пополам, и Валерий Иванович стал заниматься археологией Мезоамерики, а В.А. Башилову “досталась” южная часть Нового Света. Пришлось изучить не только английский, но и испанский язык, которыми Владимир Иванович владел в совершенстве. Он обладал неиссякаемой энергией, легко заводил друзей среди коллег: на Американском континенте о нем долго помнили, и даже спустя десятилетия, в 1990-х годах, его рекомендация открывала двери крупней-

ших музеев и вузов (таких как музей Пибоди в Гарвардском университете).

В 1966 г. В.И. Гуляев в стенах Института археологии защищает кандидатскую диссертацию “Древнейшие цивилизации Мезоамерики”. Валерий Иванович посвятил несколько десятилетий изучению узловых проблем становления и развития городской цивилизации древних майя. По этой теме им была успешно защищена докторская диссертация (1978 г.), написан ряд крупных монографий и статей. Особую значимость имели яркие телевизионные передачи и научно-популярные труды Валерия Ивановича об истории и археологии Нового Света. Они нашли многочисленных заинтересованных зрителей и читателей, он легко говорил и быстро писал. “Древнейшие цивилизации Мезоамерики” (М.: Наука, 1972. 278 с.), “Города-государства майя” (М.: Наука, 1979. 304 с.), “Под личиной ацтекского бога. Испанское завоевание Америки” (М.: Таус, ИА РАН, 2006. 312 с.), “Древние цивилизации Америки” (М.: Вече, 2008. 448 с.), “История мезоамериканской археологии” (М.: ИА РАН, 2010. 316 с.), “Викинги открывают Америку” (М.: ИА РАН, 2015. 292 с.) — вот далеко не полный перечень научных и научно-популярных книг по мезоамериканской истории и археологии, вышедших из-под его пера.

Помимо мезоамериканской археологии Валерий Иванович принимал самое активное участие в полевых работах Иракской экспедиции ИА АН СССР под руководством Рауфа Магомедовича Мунчаева. Валерий Иванович провел пятнадцать сезонов на Ближнем Востоке, с 1970 по 1985 г., в основном на раскопках знаменитого поселения халафской культуры Северной Месопотамии Ярм-Тепе II. Участие в изучении первых городов-государств давало пищу для размышления об общих процессах становления древних цивилизаций. Валерий Иванович становится автором ряда книг, посвященных ближневосточной тематике (“Шумер. Вавилон. Ассирия. 5000 лет истории”. М.: Алетея, 2004. 440 с.; “В стране первых цивилизаций: Ирак”. М.: Таус, ИА РАН, 2006. 280 с.; “Тайны древних городов. Ближний Восток и Мезоамерика”. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 344 с.), а также подлинным историографом советских раскопок в Месопотамии (Мунчаев Р.М., Гуляев В.И., Бадер Н.О. “Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 гг.”. М: Таус, 2013. 243 с.).

С конца 1980-х годов научная судьба Валерия Ивановича вновь круто меняется. Он возвращается к истокам своей археологической деятельности — к скифской археологии. С историей и археологией скифов была связана значительная часть его научного творчества, начиная с дипломной работы, написанной под руководством выда-

ющегося скифолога Бориса Николаевича Гракова, и заканчивая собственными крупными монографиями и многочисленными статьями. Возглавляя более тридцати лет Потуданскую, а впоследствии Донскую экспедиции Института археологии РАН, Валерий Иванович совершил ряд блестящих археологических открытий, исследовав выдающиеся комплексы лесостепных скифских древностей. Именно благодаря ему в настоящее время лесостепной (донской) вариант скифской археологической культуры по праву считается наиболее полно изученным на территории нашей страны, а имя В.И. Гуляева занимает почетное место в списке археологов, трудившихся на территории Черноземья (Пряхин, 2000). Скифской археологии посвящены практически все значимые труды последнего десятилетия научной работы Валерия Ивановича: “Расцвет и падение великого царства”. М.: Новый Акрополь, Алетея, 2006. 400 с.; “На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов)”. М.: ИА РАН, 2010. 344 с.; “Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание”. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.; “Культ медведя у населения Восточной Европы в скифскую эпоху”. М.: ИА РАН, 2020. 248 с. В их числе фундаментальный труд “Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (старые проблемы — новые решения)”. М.: ИА РАН, 2019. 656 с., ставший самым современным синтезом наших знаний о скифах, накопленных за полтора столетия их изучения. Незадолго до своей кончины он успел закончить работу над очередной книгой, посвященной ярким среднедонским материалам, написанную в соавторстве с А.А. Шевченко (“Сокровища скифских курганов Среднего Дона”, М.: ИА РАН, в печати).

Большой заслугой Валерия Ивановича перед наукой можно считать неизменное стремление к оперативной и качественной публикации материалов раскопок. Результаты работ Донской экспедиции 1990-х — начала 2000-х годов изданы в трехтомной серии “Трудов Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН” (М.: ИА РАН, 2001, 2004, 2009), редактором и вдохновителем которой выступил Валерий Иванович. Итоги дальнейших работ были отражены в книге “Новые курганные могильники скифского времени на Среднем Дону: Горки-I и Девица-V” (М.: ИА РАН, 2017. 156 с.) (совместно с А.А. Шевченко). В планах исследователя было издание материалов раскопок последних лет, также в виде очередной книги.

Валерий Иванович обладал удивительным даром поисковика, которому открывались яркие и ценные скифские древности. В 1997 г. Донской экспедицией было исследовано единственное известное в Подонье не ограбленное погребение скифского времени с богатыми золотыми укра-

шениями. Этим открытием Валерий Иванович гордился и дорожил (см. публикацию в “Российской археологии”, № 4, 1998 г.). Совсем недавно было обнаружено удивительное женское погребение с золотым головным убором (см. публикацию в “Российской археологии”, № 4, 2020 г.). В прошлом году сделана еще одна уникальная находка: серебряная накладка, покрытая изображениями антропоморфных и зооморфных существ в скифском зверином стиле. Предварительная публикация этого шедевра скифского искусства была передана в редакцию журнала “Российская археология” Валерием Ивановичем буквально за две недели до кончины и представлена на страницах текущего номера.

Придя в 1960 г. в Институт археологии АН СССР, Валерий Иванович провел в его стенах более 60 лет, отдавая много сил и времени научно-организационной работе. Долгие годы он возглавлял отдел теории и методики, сделав его одним из ведущих научных подразделений нашего института. Под его руководством прошло множество конференций, на которых обсуждались значимые проблемы современной археологии — применение методов палеосоциологии к поселенческим и погребальным памятникам, изучение

культов предков, вождей и правителей в погребальном обряде, роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ, предпосылки и особенности сложения цивилизации и государственности и многие другие. Организационная деятельность Валерия Ивановича не ограничивалась рамками отдела — с 1993 по 2000 г. он трудился на посту главного редактора журнала “Российская археология”, а с 1990 по 2002 г., в самое тяжелое время для постсоветской науки, был заместителем директора ИА РАН по научной части.

Он был прекрасным руководителем, расположенным к ученикам, отзывчивым и в то же время требовательным, искренне заинтересованным в работе коллег и всегда готовым содействовать им, активно поддержать исследования тем или иным способом. Казалось, что его творческий энтузиазм и жизненная энергия неиссякаемы, что его мощный голос и озорной свист не умолкнут никогда.

До своего последнего дня Валерий Иванович Гуляев отдавал все силы науке, трудясь во благо отечественной археологии. С его кончиной она понесла тяжелую утрату.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ 0110154 от 4 февраля 1993 г., выдано Министерством печати и информации Российской Федерации

Подписано к печати 19.08.2022 г.	Формат 60 × 88 ¹ / ₈	Усл. печ. л. 25.42	Уч.-изд. л. 26.0
Тираж 21 экз.	Зак. 5471	Бесплатно	

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по госконтракту № 4У-ЭА-131-21 ООО «Тематическая редакция»,
125252, г. Москва, ул. Зорге, д. 19, этаж 3, помещ. VI, комн. 44
Отпечатано в типографии «Book Jet» (ИП Коняхин А.В.),
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, 18, тел. (4912) 466-151

16+